

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

XVIII

Этимология

Главный редактор А. М. Молдован

МОСКВА
2018

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18. Этимология. —
М., 2018. — 274 с.
ISSN 2311–150X

Издание основано в 2013 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунон, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

А. Ф. Журавлев, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Л. В. Куркина, доктор филол. наук (Москва, Россия) (ответственный секретарь);
Д. И. Эдельман, доктор филол. наук (Москва, Россия);
М. Н. Белова, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. М. Сергеева, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–57258

©Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018

©Авторы, 2018

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

XVIII

Etymology

Editor-in-Chief Alexander M. Moldovan

MOSCOW

2018

Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2018, No. 18. Etymology. — M., 2018. — 274 p.
ISSN 2311–150X

The Journal was founded in 2013

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, PhD., (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS, (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nettet, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany);
Alexey D. Shmelev, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Anatolij F. Zhuravlev, D.Sc. (Moscow, Russia);
Liubov V. Kurkina, D.Sc. (Moscow, Russia);
Dzhoi I. Edelman, D.Sc. (Moscow, Russia);
Maria N. Belova, PhD (Moscow, Russia);
Olga M. Sergeeva, PhD (Moscow, Russia).

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision
of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate III № ФС 77–57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2018
© by Authors, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- Н. Е. Ананьева
Производные континуанты от корней **mil-*, **l'ub-*, **lask-*, **kox-*
в русском и польском языках (субstantивы, обозначающие понятие 'любовь') 11
- М. Н. Белова
'Перевалы' с приставками *пре-* и *про-* в болгарской и македонской топонимике
и географической терминологии. 23
- К. Л. Борисов, А. К. Шапошников
Русско-санскритские этимологические этюды 33
- Ж. Ж. Варбот
Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям VIII . . . 73
- И. А. Горбушина
Торить 'прокладывать дорогу' и *торить* 'учить' — омонимия или полисемия? 80
- Т. В. Горячева
К этимологии некоторых русских диалектизмов 85
- П. Дембовяк, Б. Островский, Я. Ванякова
Этимология в «Большом словаре польского языка польской АН» 95
- Л. П. Дронова
Еще раз о формировании понятия «вред» в славянских языках 107
- Л. Кралик
О некоторых словацких названиях ледяных образований
(*cencúl* 'ледяная сосулька' и т. п.) 119
- Л. В. Куркина
К реконструкции этимологического гнезда с основой **telp-* 131
- К. Лешбер
Сложные этимологии и макролингвистическая перспектива — слав. *borъ* 'pinus, сосна'
и слав. *šuma* 'лес' (Научное сообщение) 143
- Ш. Погвизд
Этимология и семантическое развитие западнославянской лексемы **katъ* 156
- М. Рачева
Праславянские глаголы **dъrxati* и **dъrsati* и их продолжения
в болгарском и других славянских языках. 166
- М. Н. Саенко
Славянские существительные на *-bъ* и их связь с **-i*-склонением 176
- О. М. Сергеева
О праслав. **pakovъžь* (дополнение к 40-му выпуску Этимологического словаря
славянских языков). 188
- В. Б. Силина
О. Н. Трубочёв о древнейших видовых формах глагола в славянских языках
(по материалам «Этимологического словаря славянских языков») 192
- М. В. Турилова
Способность чувственно взаимодействовать с внешним миром как характеристика
умственного и психического состояния человека по данным славянских языков 197

М. Якубович	
Принципы семантической реконструкции в исследовании праславянской лексики	214
Е. И. Якушкина	
Лексические способы выражения значения ‘праздник’ в сербских и хорватских говорах	226

Критико-библиографический отдел

Т. В. Горячева, О. М. Сергеева	
Рец.: Добродомов, Игорь Георгиевич. Избранные труды по этимологии и лексикологии. —	
М.: МПГУ, 2015. — 460 с. — ISBN 978–5-4263–0284–6	234
Л. Димитрова-Годорова	
Рец.: Христина Дейкова. Этимология и лингвистическая контактология (румынские глагольные заимствования в одном болгарском говоре). Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016, 208 с.	245
А. К. Шапошников	
Рец.: Журавлев А. Ф. Эволюции смыслов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 472 с.	
ISBN 978-5-9907947-5-7.	252

CONTENTS

Articles

N. E. Ananyeva (Moscow). Derivatives from the roots *mil-, *l'ub-, *lask-, *koch- in Russian and Polish (Nouns which designate the concept 'love')	11
M. N. Belova (Moscow). 'Mountain passes' with prefixes <i>pre-</i> and <i>pro-</i> in Bulgarian and Macedonian placenames and geographic terminology	23
K.L. Borisov (London), A. K. Shaposhnikov (Moscow). Russian-Sanskrit etymological sketches.	33
Zh. Zh. Varbot (Moscow). Russian dialectal additions to Proto-Slavic reconstructions and etymologies VIII	73
I. A. Gorbushina (Moscow). <i>Торить</i> 'to pave the way' и <i>торить</i> 'to teach' – homonymy or polysemy?	80
T. V. Goryacheva (Moscow). Contribution to etymology of several Russian dialectal words	85
P. Dębowiak, B. Ostrowski, J. Waniakowa (Cracow). Etymology in the <i>Polish Academy of Sciences Great Dictionary of Polish</i>	95
L.P. Dronova (Tomsk). Further exploration of the formation of the concept 'harm' in Slavic languages.	107
L. Králik (Bratislava). On some Slovak names of ice formations (<i>ceňul'</i> 'icicle' etc.)	119
L.V. Kurkina (Moscow). Reconstructing the * <i>telp-</i> word family	131
K. Leschber (Berlin). Difficult etymologies and macrolinguistics – Slav. * <i>borъ</i> 'pinus' and Slavic * <i>šuma</i> 'silva' (Scientific communication).	143
Sz. Pogwizd (Cracow). Etymology and semantic development of the West Slavic * <i>katъ</i>	156
M. Racheva (Sofia). On the Common Slavic verbs * <i>dьrxati</i> and * <i>dьrsati</i> and their extensions in Bulgarian and other Slavic languages.	166
M. N. Sayenko (Moscow). Slavic nouns ending in <i>-bjъ</i> and their relation to *- <i>i</i> -declension	176
O. M. Sergeeva (Moscow). On Proto-Slavic * <i>pakověžъ</i> (an addition to ESSJa 40).	188
V. B. Silina (Moscow). O.N. Trubachev on the earliest aspectual forms of the Slavic verb (based on the Etymological Dictionary of the Slavic Languages)	192
M. V. Turilova (Moscow). The ability of sensory interaction with the outside world as a feature of human mental and psychic state: Estimation according to Slavic languages.	197
M. Jakubowicz (Warsaw). Principles of semantic reconstruction in the reconstruction of Proto-Slavic vocabulary	214
Ye. I. Yakushkina (Moscow). Lexemes meaning 'holiday' in Serbian and Croatian dialects	226

Reviews

- T. V. Goryacheva, O. M. Sergeeva
Dobrodomov, Igor Georgievich. Izbrannye trudy po etimologii i leksikologii [Selected Works on Etymology and Lexicology]. – Moscow: MPGU, 2015. – 460 p. – ISBN 978-5-4263-0284-66. 234
- L. Dimitrova-Todorova
Khristina Deikova. Etymology and linguistic contactology (Romanian verbal borrowings in one Bulgarian dialect) Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016, 208 p. . . 245
- A. K. Shaposhnikov
Zhuravlev A. F. Evolyutsii smyslov [Evolutions of Meanings]. Moscow: YaSK Publ., 2016. 472 p. ISBN 978-5-9907947-5-7. 252

СТАТЬИ Articles

Н. Е. Ананьева

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
ananeva.46@mail.ru*

ПРОИЗВОДНЫЕ КОНТИНУАНТЫ ОТ КОРНЕЙ *MIL-, *L'UB-, *LASK-, *KOH- В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ (СУБСТАНТИВЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПОНЯТИЕ 'ЛЮБОВЬ')

В статье сопоставляются субстантивные континуанты корней *mil-, *l'ub-, *lask- и *koh-, обозначающие чувство любви и родственные ему чувства в русском и польском языках (лексемы *любовь*, диал. *люба*, *милость*, *ласка*, *miłość*, *zamilowanie*, *umilowanie*, *lubość*, *laska*, *kochanie*), исследуется изменение семантики некоторых лексем (др.-польск. *lubiezny* / *lubieżny* 'любезный' → соврем. *lubieżny* — *lubieżność* 'похотливый, сладострастный' → 'похоть, чувственность'). Выявляются причины отсутствия в польском языке словообразовательного типа на *-любие*.

Ключевые слова: семантика, понятие 'любовь', сопоставительный анализ, существительное, русский, польский, древнепольский, диалектный.

Производные от общеславянских корней *mil- (родственен *mirь, имел исходное значение 'дружба, дружественный, любовный союз' [ЭССЯ 1993, 19:47]), *l'ub- (≤ и.-евр. *leubh- 'любить, желать'), *lask- (≤ и.-евр. *las- 'желать, быть жаждущим') и ограниченного северной Славией *koh- (генетически соотносимого с *kosnōti 'провести рукой' [ЭССЯ 1983, 10:111] и представленного в западнославянских языках, под влиянием польского в белорусском и украинском идиомах, а также в ряде русских говоров), являются, в частности, компонентами концепта или концептуального поля 'любовь' (ср. такие доминантные лексемы этого лексико-семантического поля, как польск. *miłość*, русск. *любовь*, чешск. *láska*, польск. *kochanie* и др.). Данный концепт неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Так, на материале паремий русского и испанского языков он был исследован С. Г. Воркачевым [Воркачев 1995]. На материале польского языка понятие 'любовь', репрезентируемое субстантивом *miłość* и глаголом *kochać*, с применением теории фреймов анализирует М. Гломбска [Głomska 2012]. Истории изменения значений в словах, обозначающих 'любовь' в чешском, словацком и польском языках, посвящена статья И. Рейзека [Rejzek 2012].

В статье мы ограничиваемся анализом только субстантивных компонентов концепта ‘любовь’, номинирующих производными от вышеуказанных четырех корней, это чувство и близкие к нему чувства и свойства (благосклонность, доброжелательность, любезность, расположение, милость), а также генетически связанных с этими корнями названий других свойств (ср. *lubieżność* ‘сладострастие, чувственность’). Данный концепт составляют также глагольные номинации состояния / проявления любви и близких к нему чувств (*любить, kochać*, устар. *miłować, ласкать(ся), miłować*, др.-польск. *lubować, миловаться*, диал. *любивать* и мн. др.), субстантивные и адъективные названия субъекта и объекта (актантов ситуации) подобных чувств (*kochany, kochanek*, др.-польск. *oblubieniec* ‘жених’ — ср. совр. *Józef Oblubieniec* ‘Иосиф Обручник’, *любимый, любовник, возлюбленный, любитель*, диал. *любимка* ‘любимица’, *милый, miłośnik*, устар. *lubownik*, диал. *любимушка* и мн.др.), мелиоративные наречные определители действия / состояния с корнями **lub-*, **mil-*, **lask-* (*любо, любо-дорого*, диал. *любо* ‘смешно’, ‘нарядно’, ‘с удовольствием’, ‘красиво’, ‘приятно’ и др., диал. *любимо* ‘хорошо’, диал. *любка* ‘хорошо’, ‘много’, *мило, łaskawie, ласково* и мн. др.). При этом (в частности, в диалектном русском языке) субстантивы, обозначающие субъекта действия, могут иметь пациентивный суффикс, а называющие объект действия — агентивный. Ср.: *любитель* в архангельских говорах представляет собой не только *poimen agentis* (‘любитель’), но и *poimen pasientis* — ‘любимец’, ‘тот, кого любят’: (*Кот любитель евный, на коленях* [Картотека арх.])¹, а *любимчик* (со страдательным суффиксом *-им*), помимо специальных значений, о которых мы скажем ниже, обозначает субъекта действия — ‘любитель, не профессионал’ (*Таки любимцики теперь только охотятся* [Картотека арх.]).

В сферу полного анализа концепта ‘любовь’ должны также входить составляющие ономастического пространства, содержащие компоненты *люб-* и *мил-* (ср. славянские биномы типа *Людмила, Vogumił* и под., фамилии вроде *Любомирский, Lubaś*, топонимы типа *Lublin, Люблино* и даже «говорящие» номинации персонажей — ср. извлеченный Л. А. Трахтенбергом из журнала Н. И. Новикова «Трутень» онимизированный апеллатив *Влюбчив* [Трахтенберг 2017:77]). Обращает на себя внимание также частое наличие в обоих сопоставляемых языках корней **lub-* и **mil-* в номинациях растений (польск. литер. *lubaszka* — тернослива, тернослив, *lubczyk* — *зоря, любисток*, русск. диал. *любим* — многолетнее травяное растение семейства орхидных, *любима* и *любимка* — липучка репейчатая [Словарь р.г. Приамурья 1983]), *любовка* — название полевого растения [Картотека арх.])

В «Варшавском словаре», кроме вышеуказанных *lubaszka* и *lubczyk*, приводится целый ряд ботанических номинаций с корнем *lub-*, в том числе диалектных (даны в квадратных скобках) и вышедших из употребления древнепольских (со знаком †): *lubieszczyk, lubiśnik, lubszczek, lubszczyk, †lupieszczek, lubystek, lubystka, lubystoczok, lubis, lubist, lubistek, [libek], [libiuszczek], lubezna, †lubezenka, [lubka], lubotka* и др. [Sł. Warsz. II].

¹ Примеры, приведенные в источниках в фонетической транскрипции, здесь даются в орфографической записи.

Ср. употребление номинации растения *lubieszczek* в древнепольском тексте — «Разговоре магистра Поликарпа со смертью»: *Darmo poszywacz lubyeszczka / Yuszczysgothowana deszczka* [Vrt. 1969: 204]. Данное концептуальное поле, как и другие лексико-семантические поля, исторически изменчиво, и не только вследствие утраты одних слов и возникновения других. Изменяются семантика и оттенки значений ряда стабильно сохраняющихся в том или ином идиоме лексем. Например, у А. С. Пушкина слово *любовник* имело не только то значение, в котором мы его употребляем сейчас, но и значение 'любитель'. Ср.: *Где ты, ленивец мой? / Любовник наслажденья!* («Послание к Галичу») [Пушкин 1949: 33]. Изменение семантики польск. *lubieźny* мы проанализируем ниже.

В производных континуантах с указанными корнями возможно как расширение первоначального значения, так и его сужение, специализация. Например, в русских адъективах и адвербативах с корнями *люб-* (*любый / любой*, диал. *любливый*, диал. *любковатый*, *любо*, диал. *любко*, диал. *любимо*) на базе значения 'то (тот), что (которого) любят, то, что нравится' сформировалось обшемелиоративное значение 'хорошо, хороший' и более частные 'приятно, приятный', 'красиво, красивый': *любо посмотреть* 'приятно', *ведь любо* — *сидишь в избе* 'хорошо', *у нас там любо жить* 'хорошо', *Митька любый был мужик* 'красивый', *мне внуки любее детей* 'сравнит. степень — лучше', *у меня сто раз любяя твоего в хате* 'лучше, красивее', *не любко ей* 'нехорошо', *как-то любимо отнеслась женщина* 'хорошо, по-доброму' [Картотека арх.].

О близости значений корней *мил-*, *люб-*, *лask-* ('хорошо, красиво') свидетельствуют редупликации типа русских диалектных *любо-мил*, *любо-ласкаво* (ср. лите- р. *любо-дорого*). Ср.: *любо-ласкаво вы их встречаете, хорошо-то угощаете; Раньше нарядаются девоцки любо-мил* [Картотека арх.]. И даже сочетание наречия с существительным *любо-милость* 'хорошо, красиво': *то ли дело платье, так любо-милость смотреть* [там же].

На базе значения 'хорошо' в диал. *любо*, *любко* могли сформироваться более узкие значения: 'много' (*любко*), 'нарядно' (*любо*). Примером специализации значения является номинация в архангельских говорах внебрачного ребенка — *любимчик* ('плод любви'), вытеснившая более раннее образование *сколотыш / сколотный*: *Нынче сколотным не зовут, любимчиком зовут* [Картотека арх.].

В этих же говорах функционирует еще одна номинация незаконнорожденного ребенка с корнем *люб-* — адъективный композит *любоделанный* (ср. *Любодейчищ* м. жировой, прогульный, безбрачно-рожденный. [Даль² II: 283]).

Второе специализировавшееся значение лексемы *любимчик* в архангельских говорах — 'сладкоежка, лакомка'.

Анализируя существительные с вышеуказанными четырьмя корнями, номинирующие любовь и близкие к ней чувства и состояния, мы реализуем следующие 2 основные задачи: 1) выявление различий в семантике и функционировании этих лексем в современном русском и польском языках (в первую очередь, в их литературных вариантах, но также с привлечением некоторых примеров из диалектного языка и в отдельных случаях с историческим комментарием); 2) приведение

функционально-семантических и переводных эквивалентов для той или иной лексемы, содержащей один из вышеуказанных корней в одном из сопоставляемых языков при отсутствии формального аналога в другом.

Ю.Д. Апресян дает такое толкование значения слова *любовь*: «Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) = «Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или каузировать Y-у добро» [Апресян 1995:107]. Субстантивная номинация этого чувства в русском языке представлена лексемой *любовь*. В русских диалектах это значение отмечается также в субстантивированном феминативе, образованном от прилагательного **l'ibъ*: *любá* (ср. *Не по любе если идет, сразу отказывается, поп не венчает* [Словарь р.г. Сибири 2001: 242]. То же значение зафиксировано, например, в олонецких говорах [ЭССЯ 15: 167] и в архангельских говорах (*любá* и *люба*: *По любé пошла // А так по любе выходили* [Картотека арх.]). При этом в архангельских говорах, в частности, наряду с лексемой *люба* фиксируется и совпадающая с литературным языком номинация *любовь* (ср. словосочетания *вести любовь* ‘крутить любовь’, *быть в любви* ‘быть любовником’ — *Знакомый был, не то что в любви, так; по любви // (не) в любовь* ‘(не) по любви’ — *Всё жила не в любовь* [Картотека арх.]). Любопытно, что диалектоносители различают понятия «сухая любовь» (любовь без половых отношений) и «мокрая любовь» (любовь с половыми отношениями): *Суха-то любовь всех лучше. А мокра любовь никуда не годится* [Картотека арх.]. Предложно-падежные словосочетания «в любви» и «за любовь» специализировались в этих говорах в адвербиальном значении ‘охотно, с радостью, с удовольствием’: *В любви-то носила то платье; Сыроежка та не опасна, да за любовь берем; Тако пальто красиво было, ево за любовь носила* [Картотека арх.].

Как всякому абстрактному существительному, субстантиву *любовь* не свойственно употребление во множественном числе. Однако такое употребление встречается в языке художественной литературе (ср. род. мн. *любовей* и *любвей* у В. Маяковского: *Где бульвар / вздыхал / весною томной, / не таких / любовей / лития, — огнегубые / вздыхают топкой домны, / рассыпаясь звездами литья. — «Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского» [Маяковский 1961, I:128]; *Пока выкипячивают, рифмами пилюкая, из любвей и соловьев какое-то варево...* — «Облако в штанах» [Маяковский 1961, II:18]). У того же поэта представлены отсутствующие в нормативном русском языке аугментатив *любовища* и деминутив *любёночек* при плюративе *любята*: *Я хочу, чтоб сверхставками спéца / получало / любовищу сердце. — «Бруклинский мост» [Маяковский 1961, I:243]; *Будет любовь или нет? / Какая — / большая или крошечная? / Откуда большая у тела такого: / должно быть, маленький, / смиренный любёночек* — «Облако в штанах» [Маяковский 1961, II:10]; — *это сквозь жизнь я тащу / миллионы огромных чистых любовей / и миллион миллионов маленьких грязных любят.* — там же [Маяковский 1961, II:36]. Но в еще большей степени, чем В. Маяковский, экспериментирует со словами с корнем *люб-* В. Хлебников — автор симфонии «Любь», в которой наряду с узуальными словами с этим корнем**

приводятся в неизмеримо большем объеме по сравнению с общелитературными лексемами авторские новообразования различной частеречной принадлежности, включая и отмеченные у Маяковского (*любёнок, люблица*). Приведем только один абзац из этой симфонии, целиком состоящей из нанизываемых друг на друга образований с корнем *люб-*:

Любочеств любрак, любровник любнеющий с прилюбленелым любилом, любень любилень любящей, любязь олюби любков, в любню любух любекой влюбчий занедолюбил любимое безлюбье любоя любей любежников, любнел, в олюбенелые нелюби любезя.

В польском языке доминантной субстантивной лексемой концепта ‘amor’ является слово с корнем *mil-* (*miłość*). Известная польскому языку субстантивная лексема с корнем *lub-* и с тем же суффиксом *-ość* (*lubość*) в современном литературном языке квалифицируется как устаревшая и имеющая значения ‘удовольствие, наслаждение, пристрастие’ (ср. сохранившееся клише *z lubością* ‘с удовольствием, с наслаждением’). В древнепольском языке наряду с основными значениями, представленными и в новую эпоху (‘пристрастие, наслаждение, склонность к чему-л., похоть’) отмечалось в качестве периферийного значение ‘любовь (к чему-л.)’: ср. *Każdego swoja lubość, swoja żądza pędzi* у Шимона Шимоновица — 16 в. [Reczek 1968: 187]. Это значение сохранилось в диалектном польском языке (*Documata sobie wierności i lubości na zówse*) [Sł. Warsz. II: 770]. Формальный русский аналог *любость* известен диалектам в значениях ‘восхищение, приятное удивление’, ‘хорошие дружеские отношения’ [ЭССЯ 1988, 15: 179].

Деминутив от польск. *miłość* — *miłostka* специализирован в значении ‘флирт, небольшой роман, интрижка’. Также известно польскому устаревшее *miłowanie* ‘любовь’, соотносящееся с вытесненным из литературного языка более новым *kochać* глаголом *miłować*. Зато префиксальные образования *zamiłowanie* (*do czegoś, w czymś*) ‘любовь к чему-л.; увлечение чем-л., влечение к чему-л.’ и *umiłowanie* (*czegoś*) ‘любовь к чему-л., приверженность чему-л.’ являются актуальными лексемами современного литературного польского языка. Ср. *zamiłowanie do pracy* — любовь к труду; *mieć zamiłowanie do czegoś* — любить что-л., увлекаться чем-л.; *robić coś z zamiłowaniem* — делать что-л. с любовью / с увлечением; *robić coś z umiłowania* — заниматься чем-л. по внутреннему влечению (по призванию); *umiłowanie ojczyzny* — любовь к родине, *umiłowanie prawdy* — приверженность к истине, правдолюбие, *umiłowanie wolności* — любовь к свободе, свободолюбие (в современном польском литературном языке представлен глагол *umiłować* ‘полюбить’ при отсутствии глагола *zamiłować*).

В обоих сопоставляемых языках слово *милость* — *miłość* в сочетании с предшествующим ему местоименным определением *wasza-wasza* употреблялось в функции вежливого обращения, как правило, к вышестоящему, титулованному лицу: *Wasza милость, wasza miłości*. В польском языке, подобно русской форме «*вашество*» (ср. в «Смерти чиновника» А. П. Чехова: так Червяков обращается к генералу), в которой «превосходительство» сократилось до «ство», вокатив лексемы *miłości* обычно предстает в сокращенном виде *mości* или *mość*

(ср. *mości panie* ‘милостивый государь, сударь’, *mości pani* ‘милостивая государыня, сударыня’; (*Wasza, Jego, Ich*) *Królewska mość* (ваше, его, их) королевское величество, *Jego Królewska (Cesarska) mość* — его королевское (императорское) величество; *jego książęca mość* — его величество князь. От *mość pan* и *mości pani* были образованы сокращенные формы фамильярного обращения *mospan* и *mospani*, а также уст. шутл. *mościć* величать кого-л. *mości pan*. Сегмент *mość* вошел также в состав лексем *jejmość* (1. шутл. какая-то женщина, 2. уст. ее милость, госпожа) и *jegomość* 1. какой-то человек, мужчина; (ср. *jakiś starszy jegomość* — какой-то пожилой мужчина); 2. уст. его милость; господин, хозяин (*król mość* — его королевская милость); 3 разг. уст. ксёндз. Функционировали в польском языке также производные от *jegomość* и *jejmość*: прилагательное *jegomościny* (устар.): ср. *jegomościny syn* — сын Вашей милости; субстантив *jejmościanka* устар. ‘барышня’.

Хотя мы не рассматриваем в данной статье глагольные компоненты концептуального поля ‘любовь’, необходимо отметить, что благодаря тому, что в современном русском языке доминантные субстантивы и доминантные глагольные лексемы, обозначающие чувство любви и проявление (нахождение в состоянии) этого чувства, имеют один и тот же корень *люб-* (*любовь*, диал. *люба*, *любить*, диал. *любливать* (*ся*), *любиться* ‘любить друг друга’, *любляться* и разнообразные префиксальные глаголы с корнем *люб-* и т. д.), а в польском языке доминантной субстантивной лексеме *miłość* соответствуют в современном языке глаголы с иными корнями (более новым *koch-* и древним *lub-*), причем между *lubić* и *kochać* существуют семантические различия (на которых мы подробнее остановимся в последующих публикациях), производные континуанты с корнем **lub-* в современном русском языке обладают большей лексической мощностью по сравнению с польским, которую усиливают словотворческие эксперименты Хлебникова и Маяковского. Хотя в отдельных фрагментах лексической системы могут быть представлены польские образования с корнем *lub-*, отсутствующие в русском языке. Так, в компьютерной лексике русскому англицизму *лайк* (англ. *like* ‘нравиться’) и производному от него англо-русскому гибриду *лайкнуть* соответствуют переводные польские *polubienie* и *polubić*.

Отглагольное существительное *kochanie*, являющееся герундиальной формой от *kochać*, употребляется также часто в функции обращения, номинируя объект любви или выражаемого благосклонного чувства говорящего по отношению к адресату. При этом на русский это обращение переводится как мелиоративами с корнями *lub-* и *mił-* (*любимый*, *милый*), так и прилагательным *дорогой* (*ая*). Корень *koch-* противопоставляется русск. *люб-* и в производном от прилагательного *kochliwy* существительном *kochliwość* «влюбчивость», номинирующем уже не чувство, а свойство человека. Русск. формальный аналог польск. *miłość* *милость* имеет иное, хотя и соотносящееся с ‘каузацией Y-у добра’ (по Апресяну) значение: ‘доброе отношение; дар; доверие, расположение’ («*Милость* к падшим призывал» Пушкин, оказать *милость* и т. д.). Отсюда производные — *помиловать*, *помилование*, *смиловаться*, *умилостивить* и т. д.

В современном польском литературном языке русск. *милость* соответствует лексема *laska* — ещё один субстантивный репрезентант понятия ‘любовь’ в славянских языках (ср. совр. чешск. *láska*, др.-польск. *laska* ‘любовь’ — *Dawam się też winna ze trzech cnot boskich: wiary, nadzieje i laski* — источник XVI в. [Reczek 1968:191]). Соответственно, русск. юр. *помилование*, *помиловать* аналогами являются польск. *ulaskawienie* или *laska, ulaskawić*. (Ср. *быть в милости* у кого-л. — *być w laskach*, *удостоиться милости* — *dostać laski*, *снискать чью-л. милость* // *расположение* — *zaskarbić sobie czyjąś laskę*; *из милости* — *z laski*). Естественно, что правила лексической сочетаемости требуют в ряде случаев при переводе с польского на русский замены слова «милость» синонимичными лексемами (*wkraść się w czyjeś laski* — *вкрасться в доверие* к кому-л.). Лексема *laska* в определенных словосочетаниях в русском могут соответствовать лексема *любезность* (т. е. с корнем *l'ub) и *одолжение* (*zrobić laskę* — *сделать одолжение, оказать любезность*). А русский перевод пословицы *Laska pańska na pstrym koniu jeździ* «воскрешает» старое значение ‘любовь’ для лексемы *laska*: *Барская любовь изменчива*. Аналогом ряда производных от русск. *милость* слов в польском могут быть представлены лексема, не соотносящиеся с корнями-«репрезентантами» любви (ср. *милостыня* — польск. *jałmużna*, из чешского *almužna*, являющегося, в свою очередь, германизмом — *Almosen*). Однако в качестве диалектного в «Варшавском словаре» указывается слово *laska* в значении ‘просьба, выклянчивание, нищенство’ и приводится словосочетание *chodzić po łasce*, т. е. собирать подаяние, милостыню [Sł. Warsz. II].

Русск. *ласка* толкуется словарями как 1. Проявление нежности, любви (*Согреть душу лаской. Материнская ласка. Расточать ласку.*); 2. Добрые, приятельские отношения, обращение (*Спасибо за вашу ласку. Лаской от него можно добиться всего.*) [Ушаков 2001, 1:604]. При этом *ласка* может включать в себя и физический контакт с объектом ласки (*любовные ласки, ласкать ребенка*). В диалектном русском языке отмечаются суффиксальные образования со значением ‘ласка’: *ласкотá, ласкотка* (ср. *А женицине ведь что надо — ласкоту* — Колосовский р-н Омской обл.; *Страхом и ласкоткой к нему подходили, но унять не могли* — Кижинчинский р-н Республ. Бурятия. *Ласкоткой он ее и взял. На ласкотку он был мастер.* — Баргузинский р-н Республ. Бурятия; — *С детьми если ласкоткой, то ещё лучше.* — Кабанский р-н Республ. Бурятия [Словарь р.г. Сибири 2001:198]).

Любопытно, что в польском формальном аналоге русск.диал. *ласкотка* — плуративе *laskotki* специализировалось значение определенного физического контакта — ‘щекотка’ (ср. *laskotać* — щекотать). Русск. *ласка* соответствуют в литературном польском языке лексема, не являющиеся производными от анализируемых четырех корней (*pieszczota* — например, материнская ласка — *pieszczota macierzyńska; życzliwość, serdeczność* ‘доброе, приветливое отношение’). В обоих литературных языках функционируют субстантивы на *-ość*, мотивируемые прилагательными (соответственно, русск. *ласковый* -> *ласковость* и польск. *laskawy* -> *laskawość*). Они довольно близки по значениям ‘доброжелательность, благожелательность, благосклонность’, но в русск. *ласковость* выделяется оттенок

‘проявление нежности, ласковое отношение, старание вызвать лаской ответную ласку’ (*ласковостью добился всего*).

Обращает на себя внимание различие в семантике производных от адъективов существительных русск. *любезность* и польск. *lubieżność* в современных литературных языках. Если русск. *любезность* (мотивированное прилагательным *любезный* ‘приятный, внушающий любовь, симпатию’, устар. в обращении ‘дорогой, милый’) означает свойство ‘быть приятным, милым, учтивым’ и т. д., то польск. *lubieżność*, мотивированное прилагательным *lubieżny* ‘чувственный, сладострастный’, обозначает это свойство (‘чувственность’, ‘сладострастность’, ‘похоть’). Это значение в польском возникло вследствие специализации значения ‘желать’, содержащегося в и.-евр. **leubh-* ‘любить, желать’, а именно ‘желать полового контакта’. В древнепольском языке прилаг. *lubieżny* (употребляемое наряду с *lubieźny*) имело то же значение, что в современном литературном русском языке, означало ‘милый, приятный, добрый’ (ср. *lubieżny gościnin wszystkim* Р. Пуł [Reczek 1968:187]). В древнепольских текстах определения *lubieżny*, *lubieżna* относятся к Иисусу и Деве Марии, что является показателем их мелиоративного значения: например, об Иисусе: *w bakaniu groźny, w wspomnaniu łaskawy, lubieżny, miły i wesoly* (*Żywot Pana Jezusa Krysta Baltazara Opecia*. Wyd. Hallera i Wietora z r. 1522 [Vrt. 1969: 233]); О Деве Марии: *Oczy były cudne a yasne, na ueszerzenie lubieźne, myernego ueszerzenia łaskauego, pokornego* (*Kazania Jana z Szamotuł Paterka* — н. XVI в. [Vrt. 1969: 144]). Употребление в одном ряду прилагательных с корнями *lask-*, *lub-* и *mił-* — дополнительное свидетельство их семантической близости. Функционировало также существительное *lubieź* в значении ‘очарование, привлекательность, прелесть’. Русск. *любезность* представляет собой также семантический конденсат (универб) сочетаний со значением ‘нечто любезное’ (*любезность* = любезная фраза, *любезность* = любезная услуга, одолжение и т. п.).

Остановимся еще на некоторых субстантивных композитах с корнями **mił-* и **lub-*. Если номинация *miłosierdzie* — *miłosierdzie* (лат. *misericordia*) присутствует в обоих языках, то русским образованиям на *-любие*, в которых первая часть обозначает объект чувства ‘любви’, а вторая само это чувство (*вольнлюбие*, *самолюбие*, *свободолубие*, *миролюбие*, *корыстолубие*, *сребролюбие*, *властолубие* и мн. др.), в польском соответствуют словосочетания с существительным *miłość* (любовь) или с синонимичными ему словами (*żądza* ‘сильное желание, жажда’ и др.) и номинацией объекта либо в виде определения к этому субстантиву (ср. *miłość własna* — *самолюбие*), либо в качестве предложно-падежной или беспредложной конструкции, управляемой этим существительным (*miłość do wolności* // *umiłowanie wolności* — *вольнлюбие*, *свободолубие*, *umiłowanie pokoju* — *миролюбие*, *zamiłowanie do pracy* — *трудолюбие*, *umiłowanie prawdy* — *правдолубие*, *żądza władzy* — *властолубие*, *żądza zysku* — *корыстолубие*).

Наконец, вообще в польском может быть представлена иная лексема (*pożądliwość*, *lubieżność* — *сластолубие*, *chciwość* — *сребролюбие*, *wyrachowanie*, *interesowność*, *chciwość* — *корыстолубие*, *pracowitość* — *трудолюбие*, *zgodliwość*, *łagodność*, *pokojuowość* — *миролюбие*). Естественно, что производные от номинаций указанных

свойств прилагательные и существительные с семантикой ‘обладатель / носитель данного свойства’ также различаются в польском и русском языках (*вольнoлюбивый / свободoлюбивый* — *miłujący wolność*, *мирoлюбивый* — *miłujący pokój*, *властoлюбивый* — *żądny władzy*; *мирoлюбец* — *miłośnik pokoju*, *кинoлюбитель* — *miłośnik filmu*, *filmowiec-amator*, *книголюб* — интернационализм *bibliofil*, *однолюб* — *stały w uczuciach*, т. е. ‘постоянный в чувствах’ — описательная конструкция и т. д.). Если в польском представлена одна (уникальная) лексема на *-lub* (*samolub* ‘себялюбец, себялюб’, являющаяся мотивирующей для номинации свойства — *samolubstwo* ‘себялюбие’, т. е. направление деривации противоположно деривационному процессу типа *мирoлюбие, вольнoлюбие* → *мирoлюбец, вольнoлюбивый*), то в русском языке субстантивы на *-люб* относятся к продуктивным словообразовательным моделям. (Ср., например, зафиксированное нами в речи радиоведущего *пиволюб* ‘любитель пива’).

Рассмотренное различие объясняется тем, что слова на *-любие* возникли в русском под воздействием старославянского, в котором, в свою очередь, они образовались как кальки с греческого (ср. стсл. *нищэлюбие* — *φιλοπτωχία* ‘любовь к бедным’, *страннолюбје* — *φιλοξενία* ‘гостеприимство’ [Старославянский словарь: 384, 628]). История польского языка, как известно, связана не с греческим, а с латинским влиянием.

Таким образом, мы видим, что с учетом данных языка более древнего периода и диалектного языка субстантивная репрезентативная база понятия ‘любовь’ в обоих сопоставляемых языках расширяется (ср. др.-польск. и диал. *laska* ‘любовь’, др.-польск. *lubość* ‘любовь’, устар. польск. *miłowanie* ‘любовь’, диал. *люба* ‘любовь’).

Общеизвестная закономерность возможной дифференциации на синхронном уровне того, что совпадало на более раннем этапе развития сопоставляемых генетически родственных языков, экземплифицирована изменением семантических отношений между русск. *любезный* → *любезность* и польск. *lubieżny* → *lubieżność* (специализацией значения ‘чувственный, сладострастный, похотливый’ в польском прилагательном и ‘похоть, сладострастие, чувственность’ в производном от него существительном). Различия в языковых структурах могут быть обусловлены различиями в истории формирования сопоставляемых языков (отсутствие в польском языке композитов типа *свободолюбие*). Доминантная субстантивная лексема, обозначающая понятие ‘любовь’, может ослаблять свою «любовную» семантику и обозначать родственные любви, но не идентичные ей чувства (‘радость’, ‘удовольствие’, ‘охота’ — ср. словосочетания *носить* (одежду) в *любви* // за *любовь* в архангельских говорах).

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Воркачев С. Г. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки 1995, № 3. С. 56–66.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том II. И-О. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Картотека арх. — Картотека Словаря архангельских говоров.

Маяковский В. Стихотворения и поэмы в двух томах. Том первый. Стихотворения. Том второй. Поэмы. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961.

Пушкин А. С. Сочинения. Редакция текста и комментарии М. А. Цявловского и С. М. Петрова. М.: ОГИЗ, 1949.

Словарь р. г. Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.

Словарь р. г. Сибири — Словарь русских говоров Сибири. Том 2. К-Н. Под ред. д-ра филологических наук, проф. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 2001.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Трахтенберг Л. А. Поэтика портрета и парадигматическая композиция в журнале Н. И. Новикова «Трутень» // Логический анализ языка. Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке. Отв. ред. член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова. 2-е издание. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 68–82.

Толковый словарь русского языка. Под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, члена-корреспондента Академии Наук СССР. Том 1. М.: Мир книги, 2001.

ЭССЯ 1983 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 10. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1983.

ЭССЯ 1998 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 15. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачёва, М.: Наука, 1998.

ЭССЯ 1993 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 19. Под редакцией академика РАН О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1993.

Głabska M. Rama interpretacyjna pojęcia ‘miłość’ w polszczyźnie // Odkrywanie znaczeń w języku. Redakcja naukowa A. Mikołajczuk i K. Waszakowa. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2012. S. 105–123.

Reczek S. Podręczny słownik dawnej polszczyzny. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

Rejzek J. Wyrazy oznaczające miłość w języku czeskim, polskim i innych językach słowiańskich (Przekład skróconej wersji artykułu) // Odkrywanie znaczeń w języku. Redakcja naukowa A. Mikołajczuk i K. Waszakowa. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2012. S. 286–289.

Сл. Warsz. II — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Словник языка польского. Выдание фотоофсетовое. Том други. Н-М. Państwowy Instytut Wydawniczy. Poznań, 1952. [Warszawa, 1902].

Vrt. — Vrtel-Wierczyński S. Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543. Warszawa, 1969.

N. E. Ananyeva

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

ananeva.46@mail.ru

**DERIVATIVES FROM THE ROOTS *MIL- *L'UB-, *LASK-, *KOX-
IN RUSSIAN AND POLISH
(NOUNS WHICH DESIGNATE THE CONCEPT 'LOVE')**

This article is the confrontative analysis of the nouns which are derived from the Protoslavonic roots *mil-, *l'ub-, *lask-, and *kox- in Russian and Polish, both in their literary and dialectal forms. All these nouns belong to the lexical field 'love'.

Key words: semantic, concept 'love', confrontative analysis, noun, Russian, Polish, old Polish, dialect.

References

Apresyan Yu.D. *Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected Works. Lexical semantics]. 2nd edition, revised and augmented. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., Vostochnaya literatura Publ. RAS, 1995.

Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Russian Language]. Volume 2. I-O. Moscow: State Foreign and National Dictionaries Publishing House, 1955.

ESSJa 1983 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 10. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1983.

ESSJa 1993 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 19. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1993.

ESSJa 1998 — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issue 15. Edited by Corresponding Member of of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev. Moscow: Nauka Publ., 1998.

Głąbska M. Rama interpretacyjna pojęcia 'miłość' w polszczyźnie [Interpretive frame of the concept 'love' in Polish]. *Odkrywanie znaczeń w języku* [Discovery of Meanings in Language]. Edited by A. Mikołajczuk and K. Waszakowa. Publication of the University of Warsaw. Warszawa, 2012. P. 105–123.

Kartoteka arkh. — *Kartoteka Słowary arkhangel'skikh govorov* [The card file for the Dictionary of Arkhangelsk Dialects].

Mayakovskii V. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verse and Poems] in two volumes. Volume 1. Verse. Volume 2. Poems. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1961.

Pushkin A. S. *Sochineniya* [Works]. Edited and commented by M. A. Tsyavlovsky and S. M. Petrov. OGIZ Publ. Moscow, 1949.

Reczek S. *Podręczny słownik dawnej polszczyzny* [A Concise Dictionary of Old Polish]. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1968.

Rejzek J. Wyrazy oznaczające miłość w języku czeskim, polskim i innych językach słowiańskich (Przekład skróconej wersji artykułu) [Expression of the meaning 'love' in Czech, Polish and other Slavic Languages]. *Odkrywanie znaczeń w języku* [Discovery of Meanings in Language]. Edited by A. Mikołajczuk and K. Waszakowa. Publication of the University of Warsaw. Warszawa, 2012. P. 286–289.

Sł. Warsz. II — Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. *Słownik języka polskiego*. Photo-offset edition. Volume 2. H-M. National Publishing Institute. Poznań, 1952. [Warszawa, 1902].

Slovar' r. g. Priamur'ya — *Slovar' russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian Subdialects of the Amur Region]. Nauka Publ., Moscow, 1983.

Slovar' r. g. Sibiri — *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Volume 2. K-N. Edited by Prof. A. I. Fedorov. Novosibirsk: Nauka Publ., 2001.

Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [Old Church Slavonic Dictionary (based on the 10th-11th century manuscripts)]. Edited by R. M. Tseitlin, R. Vecherka and E. Blagova. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1994.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Interpretative Dictionary of the Russian Language]. Edited by Prof. D. N. Ushakov, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR. Volume 1. Moscow, Mir knigi Publ., 2001.

Trakhtenberg L. A. Poetika portreta i paradigmaticeskaya kompozitsiya v zhurnale N. I. Novikova «Truten'» [The Poetics of Portrait and the Paradigmatic Composition in N. I. Novikov's *Truten'*] // *Logicheskii analiz yazyka. Chelovek v inter'ere. Vnutrennyaya i vneshnyaya zhizn' cheloveka v yazyke* [Logical Analysis of Language. Human in the Interior: Internal and External Life of Human in Language]. Editor in charge N. D. Arutyunova, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR. 2nd edition. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017. P. 68–82.

Vorkachev S. G. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika kontsepta lyubvi v russkoi i ispanskoi paremiologii [Ethnic-cultural peculiarities of the concept of love in Russian and Spanish paroemiology]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki* [Scholarly Communications of Higher School. Philological Sciences] 1995, No.3. P. 56–66.

Vrt. — Vrtel-Wierczyński S. *Wybór tekstów staropolskich. Czasy najdawniejsze do r. 1543* [A Selection of Old Polish Texts. The Earliest Times before 1543]. Warszawa, 1969.

М. Н. Белова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

МГУ имени М. В. Ломоносова
madam-mn.belova@yandex.ru

‘ПЕРЕВАЛЫ’ С ПРИСТАВКАМИ ПРЕ- И ПРО- В БОЛГАРСКОЙ И МАКЕДОНСКОЙ ТОПОНИМИКЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ*

В работе рассматриваются географические термины, а также собственно топонимы, представляющие собой или включающие в себя производные с префиксами *пре-* и *про-*, образованные от различных славянских корней и обладающие сходной семантикой ‘перевал’ хотя бы в одном из своих значений. Рассматриваются как более, так и менее устойчивые семантические модели, определяемые в первую очередь значением корневой морфемы, описываются производные как от основ, обладающих сходными значениями ‘перемещения в пространстве’, так и более редкие слова этой группы, для которых значение ‘перевал’ является явно метафорическим и более поздним.

Ключевые слова: семантика, географическая терминология, топонимика, южнославянские языки.

В болгарских и македонских говорах представлено множество наименований горных перевалов и проходов с приставкой *пре-* (прасл. **per-*), а также с приставкой *про-* (прасл. **pro-*). Большинство из них фиксируются топонимикой в качестве самостоятельных названий местностей и населённых пунктов или в составе сложных топонимов и представляют интерес с точки зрения семантики производящей основы.

Наиболее широко представлены в топонимике, относящейся к разным регионам болгаро-македонского ареала, производные с обеими приставками от корня *-ход-*. Значение ‘перевал, переход через горы’ является мотивирующим лишь для части топонимов, сами же географические наименования, послужившие источником для соответствующих топонимов, являются многозначными: *преод* ‘переход через реку’, ‘дорога через перевал’, топ. *Преод* ‘переход через реку’, ‘село’, *Преодо*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471.

(Видоески. Геогр. термин., 120), *Преот* 'место, где переходят через реку, долину' (Иванова. Топон. Брегалница 513), *пр'аут* 'брод' (Бояджиев. Дедеагачко БД V, 236), *Преодо* 'нивы и проход', 'проход через холмы', 'дорога через долину', 'переход через горы', 'место для перехода' (Иванова. Топон. Брегалница 513), *Пре(x)ода* 'нивы', 'дорога, которая связывает два холма' (от *пре(x)од* 'пътека през седловина') (Михайлова. Михайловградско, 159), *Преод* м. диал. 'место между нивами для прогона скота' (мак. струм.) (мак. пореч.) (Григорян, 176). То же наблюдается у суффиксальных производных, *преодиите* 'место, где переходят через холм, реку и др.', 'место на реке, наиболее удобное для перехода, брод', топ. *Преодиите* (Видоески. Геогр. термин., 120), *Преодиите*, *Преодициче* (Пјанка. Охр.-Пресп. 428), *Преодје* 'перевал в горах' (Иванова. Топон. Брегалница 513). Производные с приставкой *про-* представлены меньше: *Проход (проот)* м.р. 'проход, место между горами, по которому можно пройти через что-либо' (= мак. лит.) РСБКЕ, БТР, Геров, РМІ, диал. (смол.) авт., (род) БДV, 203 (Григорян Словарь геогр. терм. болг. и макед. яз., 176) и *Проадйалиите* с. диал. (мак.-тетов.) МІ 1959, 105 (Григорян, 176). Представленный материал позволяет выделить несколько основных частных значений слов, восходящих к основе **perxodъ*, а также его морфологического варианта **perxoda* и производных с суф. *-išče, -je*, зафиксированных в ономастике: 'место, где переходят через горы, перевал', 'переход через реку, брод', реже 'проход между нивами, часто служащий для прогона скота', т. е. в основе всех перечисленных значений лежит 'пересечение некоего препятствия, возникающего на пути'.

Производные, восходящие к иному глаголу движения — с корнем *-вод-*, представлены следующими топонимами в болгаро-македонском ареале: топ. *Превод* 'село' (восходящее к *превод* 'место в горах, удобное для перехода, перевал') (Видоески И. Геогр. термин., 118), *Превод* 'село в Светиниколско' (Иванова. Топон. Брегалница 511). Более многозначным оказывается макед. топоним, образованный от прич. *преведен, -а, -о*, — *Преведена* 'открытая местность ниже вершины', 'место, где вода переливается из одного кювета в другой', 'проход, перевал между Джеми тепе и Огражден(ом)' — (Иванова. Топон. Брегалница 511), во всех случаях основной семей является 'переход через/за некую границу'.

Следующая группа наименований с префиксом *пре-* восходит к общеслав. корню *-lěz-/laz-*, также в данном случае обозначающему перемещение: *прелез* 'переход через нивы, луг', 'место, где можно перейти через горы, перевал', *прелес* 'переход через нивы' (Видоески. Геогр. термин., 119), *Прелез* (Юнузлар) 'село в Болгарии с 1878 г.' (Мичев, Коледаров 220); *прелаз* 'место на реке, где можно ее пересечь, мель', 'переход через нивы', 'переход в горах', топ. *Прелаз* (Видоески. Геогр. термин., 119), *Прелаз* 'чаще тропинки через нивы' (Иванова. Топон. Брегалница 512). Сюда же примыкают производные с приставкой *про-*: *Пролез* 'път през Бърдото за Вин' от *пролез* 'место для перехода через изгородь, гряды и др.' (Михайлова. Михайловградско 160), *Пролез* (Гий орман) 'село в Болгарии 1878–1913 и с 1940 г.', *Пролаз* (Дервент) 'село в Болгарии с 1878 г.', а также суффиксальное производное *Пролазница* 'с. в Болгарии с 1878 г.' (Мичев, Коледаров 222). Для перечисленных географических терминов выделяются те же три

основных значения, что и для производных с корнем *-ход-*, а именно 'перевал', 'брод', 'проход между полями'.

Широко представлены в болгарской и македонской топонимике производные с корнем *-сек-*: *пресек*, *-ци* 'переход' топ. *Пресеци* 'впадина между двумя холмами' (Видоески. Геогр. Термин. 120), *пресека* ж.р. 'место в горах, пригодное для перехода; седловина, перевал; распутье', топ. *Пресека* (ок. 30 топонимов), *Пресека*, *Прибсиака*, *Мпрёсаков* (Видоески. Геогр. Термин. 120), *пресечка* ж.р. 'переход, пересеченное место', топ. *Пресечка* (Видоески. Геогр. Термин. 121), *пресечник*, *-ци* 'перевал', топ. *Пресечник*, *Пресечник* (Видоески. Геогр. термин. 121), *Пресяк* (Боаз кесен) 'село в Болгарии с 1878' (Мичев, Коледаров 221), *Пресяка* (*Присека*) 'село в Болгарии с 1878 г.' (Мичев, Коледаров 221). Как видно, абсолютное большинство топонимов этой группы относятся именно к горным перевалам или удобным проходам на пересечённой местности.

Ряд геогр. наименований, связанных с основами перемещения, движения и содержащих приставку *пре-*, обозначают 'брод' и не развивают значения 'перевал', ср. *премин* 'место на реке для перехода' (Видоески. Геогр. термин. 119), *прегас* 'переход на реке, брод' (Видоески. Геогр. Термин. 118). То же касается производного с корнем *-скок-*: *прескокалишите* ср. р. 'переход через реку' (Видоески. Геогр. Термин. 121), однако другое производное от этого же корня встречается в обоих перечисленных значениях: *прескакало* 'место на реке, где есть камни и где по камням можно перейти реку', 'переход, перевал' топ. *Прескакалото*, *Прескакалата* (Видоески. Геогр. Термин. 121).

Последние производные представляют интерес тем, что являются более новыми и прозрачными образованиями, семантически тождественными широко представленному в болгарской и македонской топонимике наследнику праславянской основы **solrǫ* и префиксального варианта **persolrǫ*, которые в свою очередь связаны с глагольной основой **selpati* 'скакать, прыгать' (БЕР V, 670–671). Данная основа представлена в говорах следующими фонетическими и морфологическими вариантами, а также суффиксальными производными: *пресоп* м.р. 'перевал', *пресопи* мн.ч., топ. *Пресоп*, *Пресопта*, *Пресопката*; *преслопка* ж.р. 'перевал' топ. *Преслопката* 'холмистая местность'; *преслоп* м.р. 'перевал' РМЈ, стсл. **прѣслопъ**, топ. *Преслоп*, *Преслопи*, *Преслопје*, *Преслопъ*; *преслапка* ж.р. 'перевал', топ. *Песлапка*; *преслап* м.р. 'низкая гряда между двумя горами; перевал' РМЈ *прѣслап* 'седловина, переход', *преслап*, *преслап* 'переход, низкая местность в горах', топ. *Преслап* 'низкая горная цепь', *Преслапите*, *Преслапче*, *Преслопина*, *Преслапишите*, *Преслапишите*; *пресап* м.р. 'место, подходящее для перехода через горы', топ. *Пресап*, *Пресапта*, *Пресапо*; *преслабина* ж.р. 'перевал, переход' (Видоески. Геогр. Термин. 121); *Преслап*, от *преслап* 'седловина, перевал', см. а) при прил. в ж.р. *Гостуица преслап*, *Гр(ъ)блина преслап*, *Драгина преслап*, *Калейна преслап*, *Кордина преслап*, *Кьосина преслап*, *Мацина преслап*, *Павлова преслап*, *Цоцина преслап*, *Цр(ъ)ганова преслап*, б) при прил. в м.р. *Демян преслап*, *Драгин преслап*; *Преслапа*, *Преслапите*, *Преслапо*, *Преслапта* — с арт. от *преслап*, воспринятое как сущ. ж.р. (Михайлова. Михайловградско 159); *Преслап*, *Преслок*, *Преслоп* 'перевал'; *Преслапна* 'перевал'

(Пжанка. Топономастиката на охр.-пресп. Базен 429), *пресълт* 'низкое место, седловина' (Гъльбов. Софийско // БД II, 100), вероятно, сюда же следует отнести также фонетический вариант с заменой конечной согл. *преслок*, *-ци* м.р. 'перевал' топ. *Преслок/Пресека* 'проход через горы' Буково (Видоески. Геогр. термин. 121). Как видно, в современных говорах исконная семантика, связанная с 'перепрыгиванием' через препятствие полностью вытеснена значением 'раздела, границы', а отсюда 'место, подходящее для перехода через горы' и далее 'низина, седловина'. О таком сдвиге говорят и иные представленные в говорах значения: *пряслп* 'водораздел' (Тетевенско), *преслап* 'преграда в хамбар' (Брьложица, Софийско).

В качестве обозначения места, где можно пересечь горный массив, в болгаро-македонской топонимике могут быть использованы слова, восходящие к прасл. **perděľь*, а также некоторые более сложные суффиксальные производные, ср. *предел* 'область, край, пейзаж', 'место между двумя котловинами, граница', 'место на реке, где она делится на два рукава', топ. *Предел* 'место перевала' (Видоески. Геогр. термин. 118), *Предел*, возвышение с лугами, от *предел* 'область, край' в говоре, а также *Големи предел* (Михайлова. Михайловградско, 158, 143), *Предел* — (Мичев, Коледаров 220), *предела* ж.р. 'часть реки, которая ответвляется, а потом опять вливается в главную реку', *придела* (с редукцией) 'узкое место между двумя холмами' (Видоески. Геогр. термин. 118); *пределник*, *-ци* м.р. 'долина, разделяющая две возвышенности, два холма', топ. *Пределник* 'долина между двумя холмами' Разловци (Дел) (Видоески. Геогр. термин. 118). Два основных значения этих геогр. терминов: 'проход или долина между двумя возвышенностями', 'отделяющееся от основного русло реки', в основе обоих сема 'делить', следовательно, значение 'проход через горы' развивается у данной группы слов вторично.

Весьма частотным наименованием местности являются слова, восходящие к прасл. **pervаль* и иные его производные, ср. многочисленный материал, собранный Григоряном в «Словаре географических терминов болгарского и македонского языков»: *превал* (*прива*) м.р. 1. перевал (горный) (= мак. лит.) РСБКЕ, БТР, Геров, РМІ, с пометой геогр., диал. (севл.) и др., *превала* ж.р. диал. (род., мак.-разл.), *превалец* м.диал. (= мак. лит.) РМІ с пометой «геогр.» (кюст.) авт. (мак.-пореч.), (мак.-кач.), *прявал* м. диал. (габр.), *превалец* м.р. ум.диал. Геров, *превалче* с.ум.диал. Геров; 2. *превалка* ж.диал. 'небольшая седловина' (мак.); 3. *прявала* ж.диал. (Григорян, 168–169). Другие лексикографические источники подтверждают основное значения данного географического термина и производных топонимов: *превал* м.р. 'наиболее низкое место в горах, где есть проход (дорога)'; 'перевал', 'проход между двумя холмами', 'место в горах, по которому проходит дорога' (Видоески. Геогр. термин. 117); *превалец*, *-ци* м.р. 'перевал', *превалец* (Раздол), *превалац* (Лука), *превалац*, *превалец* (Берово), топ. *Превалец* (часто встречается в топонимии) (Видоески. Геогр. термин. 117), *Превала* [Преваль] = *Големия екинлик* 'холм с нивами, через который проходит шоссе. Там водораздел между востоком и западом' — чл.ф. от *превал* 'место в горах, через которое идёт дорога на другую сторону'. Частое МИ (Димитрова-Годорова. Местн. имена в Поповско, 533), *Превала* (*Преваль*) 'высокий холм', в говоре обозначает 'высокая местность,

по которой проходит дорога', также в Севлиево (Ковачев: 18) (Ангелова-Атанасова Топоним. в Горнооряхов. 350), *Превала*, село, тур. *Пиривала* 1576, *Биревала* 1666, *Prevala* (атлас на Wit от 1690). Произв.: *превалец*, мн. *превалци*, *превалка*, прил. *превалски* — С арт. от диал. *превал* 'место в горах, где можно перебраться, перейти на другую сторону, часто в МИ', ср. сербохорв. МИ *Превале*, *Превалац*, словен. *Prevalje*. См. также *Голема*, *Мала Превала* (Михайлова. Михайловградско 97, 136), *Превала* с. в Болгарии с 1878 г. (Мичев, Коледаров, 220); *Превал* 'седловина в горах', *Преол*, *Превалец* 'перевал', *Превалче* 'перевал' (Пјанка. Топономастиката на охр.-пресп. Базен 428); *Превалец* 'проход между горами' — от *превалец* 'низкое место между двумя холмами, горными цепями, где можно их пересечь, перейти на другую сторону; перевал, переход'; *превали* (ср. *Преслап*, *Пресека*, *Превод*, *Премката*, *Седло*, *Валките*, *Валоз*), *Превалецо* 1. 'перевал через горы между Смојмирово и Берово' 2. 'пастбище, по которому можно перейти через высокие холмы' 3. 'дорога, ведущая немного вверх' (Иванова. Топон. Брегалница 510), *Превалец* 'проход между холмами', 'место в горах', *Превалецо* 'подходящее место для перехода', *Превалката* 'переход' от *превалка* 'перевал' (Иванова. Топон. Брегалница 510). Реже встречаются случаи расширения значения (*превалка* ж.р. 'перевал, просека', топ. *Превалката* 'место, по которому можно пройти' (Видоески. Геогр. термин. 118) и явно вторичные производные значения термина: *Превал* — 'пологая местность, сейчас занятая нивами' (Дуриданов. Ломско 43); *Превалец* 'пастбище в горах' (Иванова. Топон. Брегалница 510).

Сходным с точки зрения семантики производящей глагольной основы является редкий топоним *Преклопи*, которое в источнике мотивируется глаголом *преклопува* ('место, што се преклопува, склопува; преслап') (Иванова Топон. Брегалница, 512), т. е. в основе мотивации лежит именно значение 'перегибания, перевала (через вершину, хребет)'. Бесприставочная основа этого глагола может быть восстановлена из болгарских и македонских приставочных производных с первичным значением 'ударять чем-то, закрывать что-то с шумом' (БЕР 2, 469), в болгаро-македонском ареале данная глагольная основа с приставкой *пре-* обозначает 'закрывать, захлопывать', а также 'сгибать пополам' (Макед.-русс. 491), еще более близкими оказываются западнославянские первичные глаголы чеш. *klopiti* 'переворачивать, наклонять, склонять' и словц. *klopit'* 'наклонять, сгибать' (Slovník slovenského jazyka 2011, 609).

В болгаро-македонском ареале представлены географические наименования, а также производные от них топонимы с приставкой *пре-*, восходящие к прасл. корню **тък-* (ср., например, **тъкнѣти* (se) 'двигать(ся), приводить в движение'): *Премката* 'природный разлом в горах', 'углубление с пастбищем и лесом между двумя возвышенностями' — от *премка* 'место между двумя вершинами для перехода, перевал'; *Премките* 'место для перехода', 'хребет с перевалами', *Премките* 'хребет с углублениями', 'ровное место между двумя горами (холмами, хребтами)' (Иванова Топон. Брегалница, 513); *премка* ж.р. 'переход, перевал; углубление между двумя возвышенностями' топ. *Премка* 'село', 'местность', *Премката* Разлог (Попов) 'место между двумя хребтами', 'хребет', *Премките* 'первал'

Дибоката Премка (Видоески. Геогр. термин. 120). В болгарских говорах широко представлен вариант географического наименования от того же корня с приставкой *про-*: *промка* с рядом сходных значений с общей семьей 'узкий проход, труднопроходимое место', часто (но не всегда) относящееся к горному рельефу и горным проходам, ср. 'тесный проход между вершинами, скалами, в густом лесу', 'проход в оgrade', 'узкое место для прохода сквозь ограду' (РРОДД, 407), 'тесное место между скалами, служащее для прохода' (Севлиево), 'дыра или узкий проход, в который можно протиснуться «за промъкване»' (Казанлъшко), 'дорожка сквозь ограду или сквозь скалы' (Софийско) и под. (см. БЕР V, 760); *промка* 'узкий проход между горами, скалами, в густом лесу' известен в Севлиево (БД V, 35; БД IV, 220, Григорян, 176) Данный геогр. термин также послужил основой для образования ряда топонимов: *Промката (Промкътъ)* 'дорога через лес' (в говоре 'узкая тропинка, тропинка, которая протискивается («се промъква») через густой лес' и *Промката* близ Лъкатник, связывается со значением 'узкий выход из скалистого места', т. е. место, через которое можно протиснуться («да се промъкнеш»). (Ангелова-Атанасова. Топоним. в Горнооряхов. 355); *Промка* в Пирдопско (Заимов. Пирдопско, 143); *Промката* 'холмы с виноградниками' — от *промка* 'узкий проход для скота' в говоре (Михайлова. Михайловградско, 160).

Слабо представлено в исследуемом ареале наименование с прасл. корнем **-met-*: *Промет* 'гористая местность с валами от населённых пунктов', может быть, из **промет* 'место, по которому переходят, перебираются; перевал' (Иванова Топон. Брегарница, 521).

Среди географических терминов исследуемого ареала представлен ряд образований с приставками *пре-* и *про-* от корня *-лук-*. Именно к этому корню (ср. слав. *луч*) возводят авторы БЕР вслед за Ст. Младеновым слова *пролук* и *пролука* (*пролука*) с рядом связанных общей семьей 'узкий просвет' значений: 'место между двумя хребтами, где легко пройти', 'трещина, просвет, узкое место в горах, ущелье', 'узкая щель между досками', 'неприкрытая дверь' (Геров 4, 305); 'естественный туннель в скале', 'естественный проход сквозь густой непроходимый лес' (Григорян 175–176); 'маленькое пространство в густом лесу или между облаками, в которое могут проникать солнечные лучи', сюда же *пролка* 'место, через которое попадают на огороженную территорию' (смолянско), *пролок* 'разлом между двумя скалами или хребтами' (Кумановско) (БЕР 5, 759). Производные с приставкой *пре-* представлены в македонских говорах, ср. *прелука* ж.р. 'маленькая яма', 'впадина в горах, наиболее удобная для прохождения, место между двумя холмами, наиболее удобное для перехода', 'переход'; *прелука* ж.р. более низкая сторона гор, наиболее удобная для их пересечения' (Видоески. Геогр. термин. 119; Григорян 176).

Очень сходным кругом значений, несмотря на иную семантическую мотивацию, обладают производные с приставками *пре-* и *про-* от корня *-лом-*: *пролом* 'ущелье, проход между скал, образованный рекой' (БТР); *пролумка* 'впадина в горах, удобная для прохождения' (мак.-струм.) (Григорян 175); *прелом* м.р. 'перевал'

(Видоески. Геогр. термин. 119); *предумка* ж.р. 'проход через нивы (поля)' (Видоески. Геогр. термин. 119). Этот геогр. термин фиксируется и в болгарской топонимике: *Прелом* (Долни бивол, Василево) (Мичев, Коледаров, 220).

Явно вторичное происхождение имеет географический термин *прекоп* 'перекопанное, выкопанное место', 'узкое место между хребтами, тоннель', ср. стсл. *прѣкопѣ* 'яма, дыра', образовавший топоним *Прекоп* 'узкое место между двумя скалистыми вершинами' (Иванова Топон. Брегалница 512). Корень *-коп-* в данном случае имеет значение 'бить, пробивать, прокалывать' (ср. сербохорв. диал. *копати* 'долбить', 'пробивать, дырять', 'бить землю (ногой, копытом)', словен. *korati* 'долбить', 'наносить удар, ранить' и пр. [ЭССЯ 11, 18–19], т. е. значение, легшее в основу топонима, — 'пробитое место, разлом'. Другой омонимичный топоним связан со значением 'копать (землю)': *Прекоп* 'пастбище, пересечённое рвами', 'место, которое перекапывали, когда болел скот' (Иванова. Топон. Брегалница, 512).

Наиболее яркий случай семантического переноса представляет географический термин, восходящий к прасл. **pervojь*, связанный с глаголом **perviti* (БЕР V, 628). Здесь мы имеем дело с метафорическим переносом: 'лента, бинт, ремень, повязка' > 'горный проход', ср. *превој*, *-ои* м.р. 'низкое место в горах, наиболее подходящее для перехода, перевал', 'седловина', топ. *Превој* 'вершина' (Кон. II. 427; Видоески. Геогр. термин. 118); *Превој* 'вершина', *Превол* 'горный перевал', *Преол* (Пјанка. Топономастиката на охр.-пресп. базен 428); *преој* м.р. (от *превој*) 'проход, переход на реке или между двумя вершинами', топ. *Преој* 'переправа через реку' (Видоески. Геогр. термин. 120).

Исследованный материал показал широкое распространение в болгаро-македонской диалектной зоне производных географических терминов и топонимов с приставками *пре-* и *про-*: используя толковые и диалектные словари, исследования по топонимике и диалектологические материалы, удалось выявить шестнадцать подобных образований, не считая их словообразовательных вариантов. Приставки в описанной группе имеют ясную семантику 'прохода, пересечения *через* или *сквозь* горный массив, гористую или пересечённую местность', производящие же глагольные основы, как показал материал, могут иметь различные значения, наиболее частотны из которых 1) значения разного характера движения, перемещения в пространстве¹, а также 2) значение 'колоть, бить, раскалывать'. Производные от других упомянутых корней явно приобретают значение 'перевал' вторично посредством метафорического переноса, при этом семантика 'пересечения, перехода' в производном слове поддерживается значением префиксов.

¹ Преобладание производных от корней именно со значением передвижения неудивительно и соотносится с общей славянской (и шире индоевропейской) тенденцией обозначения дорог [Коломиец: 95 и далее]. О семантической мотивации наименований дорог в целом в славянских языках см. [Куркина].

Литература

Ангелова-Атанасова Топоним. Горнооряхов. — *Ангелова-Атанасова М.* — Топонимията на Горнооряховско (Проблеми на устойчивостта на функциониращата топонимична система), Велико Търново: Бендида, 1996 .

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2017.

Бояджиев. Дедегачко БД V — *Бояджиев Т.* Из лексиката на с. Дервент, Дедегачко // БД V, София: Издателство на Българската академия на науките, 1970.

БТР — *Андрейчин Л. и др.* Български тълковен речник. София, 1955.

Видоески. Геогр. термин. — *Б. Видоески* Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1999.

Григорян — *Григорян Э. А.* Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков, Ереван: Айастан, 1975.

Гълъбов. Софийско // БД II — *Гълъбов Л.* Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД II, София: Издателство Болгарской академии наук, 1965.

Димитрова-Годорова. Местн.имена в Поповско — *Димитрова-Годорова Л.* Местните имена в Поповско, София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2006.

Заимов. Пирдопско — *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско. София, 1959

Иванова. Топоним. Брегалница — *Иванова О.* Речник на топонимите во областа по сливот на Брегалница, Скопје, 1996.

Коломиец — *В. Т. Коломиец.* Названия дорог в индоевропейских языках // Этимология 1984. М.: Наука, 1986.

Кон. — Речник на македонскиот јазик. Ред. Б. Конески. Т. 1–3. Скопје: Универзитетска печатница, 1961–1965.

Куркина — *Куркина Л. В.* Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропок в славянских языках // Этимология 1968, М.: Наука, 1971.

Михайлова. Михайловградско — *Михайлова Д.* Местните имена в Михайловградско. София, 1984.

Мичев, Коледаров — *Мичев Н., Коледаров П.* Речник на селищата и селищните имена в България 1878–1989. София, 1989.

Пјанка. Охр.-Пресп. — *Пјанка В.* Топономастиката на Охридско-преспанскиот базен, Скопје: Универзитетска печатница, 1970.

РРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век, София: Издателство на българската академия на науките, 1974.

Slovník slovenského jazyka 2011 — Slovník slovenského jazyka. Bratislava: VEDA, 2011.

M. N. Belova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

madam-mn.belova@yandex.ru

'MOUNTAIN PASSES' WITH PREFIXES *PRE-* AND *PRO-* IN BULGARIAN AND MACEDONIAN PLACENAMES AND GEOGRAPHIC TERMINOLOGY

The paper observes some geographic terms, as well as actual toponyms that represent or include derivatives with the prefixes *pre-* and *pro-*, formed from different Slavic roots and possessing a similar semantics 'mountain pass' in at least one of their meanings. Both more and less stable semantic models are considered, determined primarily by the meaning of the root morpheme, the derivatives are described both from the bases possessing similar meaning of 'displacement in space', and the rarer words of this group for which the meaning 'pass' is clearly metaphorical and more recent.

Key words: semantics, geographical terminology, toponymy, South Slavic languages.

References

Angelova-Atanasova M. *Toponimiyata na Gornooryakhovsko (Problemi na ustoichivostta na funktsionirashchata toponimichna sisema)* [Toponymy of Gorna Oryahovitsa (Problems of sustainability of functioning toponymic system)]. Veliko Tarnovo: Bendida, 1996.

Andreichin L. etc. *Bylgarski talkoven rechnik* [Bulgarian vocabulary]. Sofia, 1955.

Balgarski etimologichen rechnik [Bulgarian etymological dictionary]. Vol. I–VIII-, Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., Proff. M. Drinov Publ., 1971–2017–.

Boyadzhiev T. *Iz leksikata na s. Dervent, Dedeagachko // BD V* [From the vocabulary of the village of Dervent, Dedagachko // BD V]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1970.

Dimitrova-Todorova L. *Mestnite imena v Popovsko* [Local names in Popovo, Sofia]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., Proff. M. Drinov Publ., 2006.

Galabov L. *Govorat na s. Dobroslavtsi, Sofiisko // BD II* [Speech of the village of Dobroslavtsi, Sofia]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1965.

Grigoryan E. A. *Slovar' mestnykh geograficheskikh terminov bolgarskogo i makedonskogo yazykov* [Dictionary of local geographical terms of the Bulgarian and Macedonian languages]. Erevan: Aiastan Publ., 1975.

Ivanova O. *Rechnik na toponimite vo oblata po slivot na Bregalnitsa* [Dictionary of toponyms in the area of the Bregalnica basin]. Skopje, 1996.

Kolomiets V. T. *Nazvaniya dorog v indoevropskikh yazykakh* [Names of roads in Indo-European languages]. *Etimologiya 1984* [Etymology 1984]. Moscow: Nauka Publ., 1986.

Kurkina L. V. *Iz nablyudenii nad nekotorymi nazvaniyami dorog i tropok v slavyanskikh yazykakh* [From observations on some names of roads and trails in Slavic languages]. *Etimologiya 1968* [Etymology 1968], Moscow: Nauka Publ., 1971.

Michev N., Koledarov P. *Rechnik na selishchata i selishchnite imena v Bylgariya 1878–1989* [Dictionary of settlements and settlement names in Bulgaria 1878–1989]. Sofia, 1989.

Mikhailova D. *Mestnite imena v Mikhailovgradsko* [Local names in Mihaylovgrad]. Sofia, 1984.

Pjanka V. *Toponomastikata na Okhridsko-prespanskiot bazen* [Placename onomastics of the Ohrid-Prespa Basin]. Skopje: Univerzitetska pechatnitsa Publ., 1970.

Rechnik na makedonskiot jazik [Dictionary of the Macedonian Language]. Ed. B. Koneski. Vol. 1–3. Skopje: University Publishing, 1961–1965.

Rechnik na redki, ostareli i dialektni dumi v literaturata ni ot XIX i XX vek [Dictionary of Rare, Outdated and Dialectical Words in our 19th and 20th Centuries Literature]. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1974.

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of the Slovak language]. Bratislava: VEDA Publ., 2011.

Vidoeski B. *Geografskata terminologija vo dijalektite na makedonskiot jazik* [Geographical terminology in the dialects of the Macedonian language]. Skopje, 1999.

Zaimov I. *Mestnite imena v Pirdopsko* [The local names in Pirdop]. Sofia, 1959.

К. Л. Борисов
(Великобритания, Лондон)
А. К. Шапошников
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

РУССКО-САНСКРИТСКИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

В статье сообщаются некоторые небезыңтересные для русской этимологии результаты совместного лексикографического проекта К. Л. Борисова и А. К. Шапошникова [Русско-санскритский сравнительный словарь]. В процессе составления словаря, соавторы обнаружили много новых случаев санскритско-русских изоглосс, пропущенных или не получивших должного освещения компаративистами прошлого. Выявлены общие словообразовательные модели. Уточнены или пересмотрены этимологии некоторых русск. и санскр. слов. В некоторых случаях удалось реконструировать семантическую историю слов, наметить первичные значения и проследить эволюцию семантики. Эти этимологические этюды охватывают часть праславянского словника от *S* до *Ž*.

Ключевые слова: сопоставление, изоглосса, архетип, реконструкт, этимон, семантика, словообразование, алломорф, омофон, этимология.

Идея создания электронного и печатного сравнительно-сопоставительного словаря русского и санскрита была изначально выдвинута лондонским санскритологом К. Л. Борисовым как профессиональное научное предложение на актуальный общественный спрос [Борисов 2015]. В ноябре 2015 г. был согласован договор о коллективной работе по подготовке к изданию полного «Русско-санскритского сравнительного словаря». Работа ведётся с помощью специально созданной компьютерной программы, объединяющей в себе электронную базу данных и удобный интерфейс с возможностью удалённого доступа через интернет для ввода данных. На данный момент основной корпус словаря превышает 1370 словарных статей разного рейтинга.

Уникальной особенностью системы является встроенный модуль автоматической компоновки и форматирования словарных статей с использованием системы вёрстки XeTeX, которая позволяет не только отображать всевозможные шрифты (гражданский кириллический, деванагари, ижица, греческий и т. п.), сложную

диакритику и унифицированную транслитерацию, но и создавать уже готовый к печати макет словаря в формате pdf.

Шаблон словарной статьи настроен на доказательность лексических сопоставлений (соответствий), как известных в этимологической и компаративистской литературе последние двести лет, так и обнаруженных недавно, в т. ч. оригинальных авторских. Словарные статьи передают историко-диалектную вариативность русской и санскритской лексики, излагают данные исторической словообразовательной морфологии и этимологии, делают очевидным не просто внешнее сходство русских и санскритских слов, но и их гомогенность, единое происхождение.

В процессе составления словаря, соавторы обнаружили много новых случаев санскритско-русских изоглосс, пропущенных или не получивших должного освещения компаративистами прошлого. Выявлены общие словообразовательные модели — древнее наследие того языкового состояния, когда раннепраславянский и индоиранский праязыки сосуществовали в рамках одного языкового ареала в ситуации языкового союза [Шапошников 2016]. В некоторых случаях удалось реконструировать семантическую историю слов, наметить первичные значения и проследить эволюцию семантики. Уточнены или пересмотрены этимологии некоторых русск. и санскр. слов. Следующие этимологические этюды охватывают часть праславянского словника от *S* до *Ž*.

Русск. *сѣно* (праслав. **sěno*) ~ др.-инд. *śayana-* или санскр. *śyāna*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. сущ. *сѣно* ‘трава вообще; сено, корм для скота’, прилаг. *сѣньныи*, *сѣньи* ‘сенной’; *сѣно* отм. в словарях с 1704 г., *сѣнной сарай* — с 1762 г., *сенной* — с 1771 г.; влр. *сено* дополняется блр. *сена* и млр. *сіно* тж. (констатируем корневой “ять”). Этимология не ясна [Etym. sl. stslav. 13: 805], но согласно бытующему мнению выводится из праслав. **sěno*, закономерно возводимого к и.-е. **koi-(ə)no-* ‘трава’ (Pokorny 610). Следует при этом заметить, что главным источником реконструированного и.-е. этимона некогда послужила др.-греч. глосса *κοινῶ*, приведённая в словаре трудных и неясных слов Исихия (Гесихия) Александрийского (ок. V в. н. э.) и толкуемая им как *χόρτος*. Трудность заключается в том, что др.-греч. *χόρτος* имеет два значения 1) ‘закрытое пространство, скотный двор, пастбище’ и 2) ‘корм для скота, трава, сено’. При этом по мнению некоторых комментаторов словаря [Latte 1953], *κοινῶ* никоим образом не связано с травой, а является формой прилаг. *κοινός* ‘общий, совместный, общественный’, и толкование *χόρτος* следует понимать именно в первом значении ‘пастбище’. Таким образом, *κοινῶ* следует переводить как ‘общее (общинное) пастбище’ о чём недвусмысленно говорит также и помета Исихия *δημόσια* ‘общее, публичного пользования’ [Hesychius 1867: 892]. Эта неопределённость ставит под сомнение и.-е. архетип **koi-əno-* и является препятствием для однозначного отождествления его с праслав. **sěno*, если только не связать его с корнем **kei-* / **koi-* ‘лежать’ [Pokorny 539–540] и допустить возможность семантического развития **koi-əno-* ‘то, на чем можно покоиться > трава > сено’ только в балтославянском [см. напр. Rakeys 2002, Шапошников 2010: II, 315]. Следует отметить, что были

попытки иного объяснения **sěno* как производного от праслав. глаг. *sěko* (**sěno* < **sěkno*) (Мельничук 1968).

Др.-инд. сущ. *śayana-*, *śayanam* ‘a bed, couch, sleeping-place; the act of lying down or sleeping, rest, repose, sleep’ производно от глаг. *śī-*, *śéte*, *śayate*, *-ti* ‘to lie, lie down, rest’ с широко употребительным адъективным суф. *-na-* (ср. причастие наст. времени *śayāna* м. ср., *śayānā* ж.) и возводится к и.-е. **kei-* / **koi-* ‘лежать’ [Pokorny 539–540]. Др.-инд. материал косвенно поддерживает объяснение праслав. **sěno* через и.-е. **koi-* ‘лежать’, но не даёт однозначного решения.

Русск. *сякать* (праслав. **sękati*) ~ вед. *siñcayati*, *secayati*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. приставочные глаг. *иссакаати*, *пресакишти*, *посакишти*, *осакишти*, *иссакишти*, *высакишти* [СЛРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып.]. В литературном языке закрепились глаг. *сякнуть* и *иссякать*, *иссякнуть* [Евгеньева IV, 328]. Русск. устар. *сякнуть* и обл. *сякать* дополняются млр. *сякати* ‘фыркать, сморкаться’. Вост.-слав. примеры дополняются лит. *sėkti*, *senkù* ‘опускаться’, лтш. *sīkt*, *sīkstu*, *sīku* ‘засыхать’. Восходит к праслав. **sękati*, **sękajetъ* / **sękoti*, **sęknetъ*, глаг. многократного (*-ati*) и однократного (*-oti*) вида от рефлекса и.-е. глаг. корня **sengw-*: **senkw-* ‘to sink; засыхать’, практически тождественного прагерм. глаг. **sinkwan*, интенсивная огласовка **sakk-*, сохранённому в англ. *sink* ‘опускаться, оседать; топить; рыть’ и швед. *sacka* ‘to sink’ [Pokorny 906; Watkins IER 75; Etym. sl. Stslav. 4: 246; 13: 813].

Вед. глаг. формы 3 л. ед. ч. *siñcayati*, *secayati* ‘выливать, спускать, выделять, проливать, пропитывать или лить во что-л. или на что-л.; брызгать мелкими каплями’ — каузативы глаг. *sic-*, *siñcāti* (вед. также *sécate*), продолжающие и.-е. глаг. корень **senkw-* (с и без назальной инфиксации). Едва ли оправдана реконструкция и.-е. **sek-* и попытка связать её с др.-инд. *saścasi* ‘иссякаешь’ (RV VIII, 51: Vāl. 3), как это сделано в словаре Дерксена [Derksen 450]. Значения др.-инд. *sic-*, *siñc-* и слав. **sek-* связаны именно с жидкостью и её истечением, что может говорить о том, что значение ‘высыхать’, традиционно реконструируемое для и.-е. глаг. корня **sengw-*: **senkw-*, на самом деле вторично: ‘вытекать, истощаться’ > ‘терять влагу’ > ‘высыхать’. К. Л. Борисов (вслед за В. Махеком) допускает возможность этимологической связи глаг. *иссякать* с сущ. *сок*, отмечая при этом трудности объяснения звуковых соответствий и переходов.

Русск. диал. *сочить* (праслав. **sočiti*, **sočĩть*) ~ вед. *sácate*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *сочити*, *сочѣ* ‘искать разыскивать’, ‘вести тязбу’, *сочѣба* ‘донос’, а также приставочные производные *насочити*, *осочити*, *отсочити*. В САР V, кол. 666 отм. глаг. *сочу*, *сочіишь*, *сочіть* ‘ловлю’. Влр. диал. *сочить* ‘искать, отыскивать кого-, чего-л.’ (пск., твер., нижегор., горьк., краснодар., курган., тюмен., тобол., сиб., иркут.), ‘выслеживать, искать по следам (зверя)’ (брян., смол., курск., перм., тюмен., тобол., Даль), ‘ловить, хватать (вора, зверя)’ (СА 1822: простонар., Даль), ‘бить (рыбу)’ (сев.-двин., твер.), ‘говорить колкости кому-л., укорять, упрекать’ (Абхазия), ‘просить, канючить, выманивать что-л.

обманом' (Даль) [СРНГ 40: 93]. Влр *sočítъ* дополняется блр. *сачыць* 'следить, присматривать за кем-, чем-л.' и млр. *sočítu* 'подкарауливать'. Восходит к праслав. **sočiti*, глаг. на *-iti* от сущ. **sokъ* 'преследование / преследователь, подглядывание / соглядатай, обвинение / обвинитель', восходящего к и.-е. **sekw-*, **sokw-* 'следовать, преследовать, видеть; показывать, направлять' [Pokorny 896; Etym. sl. stslav. 9: 530–531; 14: 854]. Ср. этимологию русск. *сокол*.

Вед. глаг. *sac-*, *sácate*, *-ti* 'принадлежать, быть присоединенным или верным чему-л.', 'служить, следовать, искать, преследовать, отдавать предпочтение, помогать' также продолжает и.-е. архетип **sekw-*, **sokw-*. Значения 'принадлежать, быть соединённым или знакомым с чем-л.; иметь что-л., иметь отношение; наслаждаться и т. п.' вероятно вызваны частичной контаминацией с глаг. *sañj-* (*saj-*), *sajati* 'липнуть, прикреплять' и вторичным семантическим развитием. Ср. семантическую эволюцию лит. *sakýti*, *sakaĩ* и лтш. *sacīt*, *saku* 'говорить, сказать'; лат. *sequor*, *secutus sum*, *sequi* 'идти вслед, следовать; провожать, следовать; преследовать и т. д.', *sequester*, *secundus*, *secus*, *socius*; возможно и прагерм. глаг. **sehwan*, гот. *saihan* 'to perceive, see; видеть' [Watkins IER 74].

Русск. *cop* (праслав. **sorъ*) ~ санскр. (*apa*)*skara* 'нечистоты'

В русск. словесности XVI–XVII вв. изв. *засоръ* 'мусор, отходы'; сущ. *соръ* отг. в словарях с 1704 г. В русск. диал. зафиксировано 7 гетерогенных омофонов *cop* и 3 омофона *copa* в разн. знач., включая и данный случай [СРНГ 40: 10–12]. Наиболее убедительна этимология из праслав. **sorъ* < **sčår-* < раннепраслав. **skaras* < и.-е. **sk-ōr*, **sk-n-*, основы активного и инактивного класса [Pokorny 947, 1031; Watkins IER 78], регулярного производного с перегласовкой корня и окончанием *-ъ* от глаг. **sbrati*, **sbrq* < **sčr-* 'испражняться' (ср. **vorъ* — **vbrati*), восходящего к и.-е. **[s]kř-* : **[s]ker-* : *[s]kor-* : **[s]kōr-* 'испражняться; excrement, dung'.

Др.-инд. *apaskara-* (**apa-* + **skara-*) 'нечистоты, отбросы' (с незаконным отражением *sk*) дополняется авест. *sairya-* < **sčarya-* < **skarijas* 'грязь' и восходит к и.-е. **[s]kř-* : **[s]ker-* : *[s]kor-* : **[s]kōr-* 'испражняться' [Pokorny 947, 1031; Watkins IER 78]. Близкородственные слова: хетт. *šakar* 'грязь'; др.-греч. σκῶρ, σκατός 'кал, нечистоты'; др.-исл. *skarn* 'навоз, удобрение'.

Русск. *сосна* (праслав. **sosna*) ~ др.-инд. *śisná-*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *сосъна* и *сосънь* (1073 г.), прилаг. *сосъновыи* (с XII–XIII вв.) и сущ. *сосъникъ* 'сосновый лес' (с XIV–XV вв.); сущ. *сосна* отг. в словаре 1704 г., *сósна* и *сосná* — в 1847 г., в словаре Даля, окончательно *сосná* — с 1940 г. [Ушаков IV, 399]; влр. диал. *сосна*, *сосна* дополняется блр. *сосна* и млр. *сосна*. Все предлагаемые до сих пор этимологии совершенно неубедительны [Грошева 2005: 250–275; Сердюкова 2008: 143–147; Etym. sl. stslav. 14: 857]. В случае др.-русс. *сосъна* (видимо, **сосъна*) требует объяснения редуцированный *-ъ-* (паразитический звук?). Попытка выделить суф. *-сна* в этих словах наталкивается на трудности реконструкции (что есть корень *со-*?). Попытка усмотреть в праслав. **sosna* основу с расширением *-n-* на базе и.-е. корня **kak-*:

kāk-: *kānk-* ‘ветка’, ‘колышек’ наталкивается на немотивированную палатализацию второго *-k-* (ожидалось бы слово **sokna*), ср. этимологию сущ. *сук* и *соха*. Неубедительно выведение этого дендронима из и.-е. прилаг. **kasnos* ‘серый’, ставшего распространенным вост.-и.-е. наименованием зайца.

Санскр. *śiśná-*, *śiśnaḥ* м. р. и *śiśnam* ср. р. *membrum virile*, а также параллельный вариант *śiśan* (ср. др.-рус. *сосъна*), считаются производными от глаг. *śnath-*, *śnathati* ‘пронзать, ударять, убивать’, имеющего формы с удвоением типа аористов *śiśnáthat*, *aśiśnat*, дезидератива *śiśnathishati*, сущ. *śiśnátha* ‘прокалывание, пронизывание’ (ср. якобы тюркскую этимологию сущ. *uuuu*). Эволюция семантики типическая: ср. соотношение праслав. **xujь* < **skaujis* и **xvoja* < **skuoīā*, лит. *skùja* и лтш. *skujas* мн. ч. ‘хвоя’, др.-ирл. *scé* < **skuijat* ‘боярышник колючий’. В свете санскр. данных праслав. **sosna*, наконец, получает типологически обоснованное и ясное словообразовательное толкование как основа с удвоением (*so-* < **čā-* < **kə-*) от корня **sna-* < **čnā-* < **knō-* без денального расширителя основы, гомогенного и.-е. глаг. основе **kent-*: **knt^h-*: **kent^h-*: **knet^h-*: **knōt^h-* ‘колоть’ [Pokorny 567]. При этом мотивация наименования сосны та же, что и у хвой — колючки. Однако нельзя полностью исключить и возможность праслав. адаптации цельнолексемного заимствования и фонетической адаптации из синдо-меотск. диал. Северного Причерноморья.

Русск. *соха* (праслав. **soxa*) ~ др.-инд. *śākhā*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *соха* ‘кол, подпорка, дубина, колодка, орудие пахоты’ (с XV в.), ‘мера площади, единица податного обложения в Русском государстве’ (XIII–XVII вв.) [Срезневский III, 470]. Прилаг. *сохатый* ‘вилообразный’ отм. в словарях с 1794 г. Русск. *сохá* ‘примитивное земледельческое пахотное орудие’, обл. ‘толстая жердь, столб, подпора, подставка (обычно с развилкой на конце)’, диал. *сохá* ‘жердь, бревно, столб как строительный материал’ (Р. Урал, каз.-некрас.), ‘навес на столбах для хранения снопов соломы, сена и т. п.’ (смол.), ‘столб у колодца, на который крепится журавль’ (ворон., сарат., орл., калуж., ряз., смол., иван., яросл., новг., чкал., новосиб.), ‘толстая жердь, палка, кол, обычно с развилкой на конце, служащая подпоркой, которую подставляют к чему-л. или к ней привязывают что-л.; подпорка, развилок, подпирающий ограду’ (астрах., дон., каз.-некрас., ворон., курск., тамб., орл., смол., Карелия, мурман.; олонецк. Куликовский; Шолохов), ‘одна из расставленных в ряд жердей, на которых развешивают что-л. для просушки’ (костром., новг., селигер., пск., олон., Р. Урал), ‘деревянный кол с раздвоенным концом или острым железным крюком с одной стороны и привязанным канатом с другой, служащий якорем, который бросали на берег с плывущего по течению плота или баржи для причаливания или удержания их на одном месте’ (смол., яросл., волог., волж.), ‘посох’ (Р. Урал), а также ‘мера земли’ (новг., Бурнашев) [СРНГ 40: 78–80] дополняются блр. *saxá* ‘соха, примитивное рало’ и млр. *soxá* ‘подпорка’. Восходит к праслав. **soxa* ‘сук с развилиной’, ‘кол’, будто бы продолжающему и.-е. **kak^hā* ‘суковата палка’, сущ. ж. р. на *-ā* от и.-е. корня *kak^h-*, *kāk^h-*, *kānk^h-* ‘ветка’, ‘колышек’ [Etym. sl. stslav. 11: 686–687; 14: 855].

При таком этимологизировании получаем уникальный пример рефлекса и.-е. *k^h* в виде праслав. *x*. Альтернативная этимология праслав. **soxa* из вост.-и.-е. **kaksā*, варианта **koksā* ‘body part, hip, thigh’, лат. *soxa* [Pokorny 611], приводит к регулярным фонетическим изменениям и умаляет достоверность вышеупомянутой этимологии. Изначальным мотивом номинации объекта, в последнем случае является суковатость палки, жерди, ствола с суком.

Др.-инд. *śākhā-*, *śākhā* и н.-перс. *šāx* ‘ветвь, сук’ также возводят к и.-е. **kakh^h* ‘суковатая палка’, сущ. ж. р. на *-ā* от и.-е. корня **kakh^h-*, **kāk^h-*, **kank^h-* ‘ветка; колышек’. Следует особо отметить совпадение в ж. роде. Ср. этимологию русск. сущ. *сук, сохатый*, лит. *šakà, šakėlė, šakótas* ‘разветвлённый’, лтш. *saka* ‘ветвь, сук, развилина, разветвление дерева’; арм. *ճախ* ‘ветка, рогатка’, гот. *hōha* ‘плуг’.

Русск. *спорый* (праслав. **sporъ*) ~ др.-инд. *sphirá*

Изв. др.-русск. и цслав. *споръ* ‘обильный’; влр. диал. *спóрый, спор, спорá, спóро*, диал. *спор* ‘хороший урожай, изобилие, способность давать хороший урожай’ (смол., курск., петерб.), ‘выгода, прибыль, прибыльность’ (волог., смол.), ‘сноровка, ловкость’ (ЭстССР), прилаг. *спорый* [СРНГ 40: 222; 235–236], дополняются млр. *спóрий* ‘быстрый, успешный; объемистый’ и блр. *спор* ‘успех, прибыль’. Восходит к праслав. **sporъ* (уже антск. этноним Σπóροι у Прокопия Кесарийского), регулярно именному производному от плохо сохранившейся глг. основы **sper-*: **spér-* [Топоров 1982: 145–157; Он же 2006: 283–296], восходящей к и.-е. прилаг. **sp(h)ero-prospereus* [Watkins IER 82], вероятно, расширению формантом *-r-* глг. корня **sp(h)ē(i)-* ‘to thrive, prosper’ [Watkins IER 82; Pokorny 983], ср. русск. глг. *снѣтъ, снѣю*.

Др.-инд. *sphirá, sphārā*, ‘тучный, обильный, богатый’ также выводят из и.-е. прилаг. **sp(h)ero-prospereus* (нулевая огласовка корня), **sp(h)ēro-* (с продлённым вокализмом) и давно сопоставляют [Monier-Williams] с лит. прилаг. *spėrus* ‘быстрый, стремительный, спешный’, лат. *prosperus* (из **pro-sparos*) ‘счастливым, благоприятный’, др.-исл. *sparr* ‘бережливый, пощаженный’; с финейск. основой **spart-*, расширенной дентальным формантом, в составе “царских” имён собственных *Spartakos, Spartokos, Spardokos* и в арм. прилаг. *p’art’am* ‘обильный’.

Русск. *стена* (праслав. **stěna*) ~ санскр. *styāna-*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. *стѣна* ‘стена здания’, ‘ограда, загородка’, ‘оплот’ и прилаг. *стѣнные* ‘стенной’; сущ. *стѣна* отм. в словарях с 1704 г., *стѣна* [САР V, кол. 934–937]; влр. *стена* дополняется блр. *сцяна* и млр. *стіна* тж. (констатируем корневой «ять»). Восходит к праслав. **stěna*, возводимому к и.-е. **stāi-n-* ‘камень’, ‘твердь’, производному (прич. прош. вр.) с суф. *-n-* от корня **stāi-*: **sti-* ‘сжимать, уплотнять’ [Pokorny 1010; Etym. sl. Stslav. 15].

Санскр. *styāna-*, *styānam* образовано от глагола *styai-*, *styāyati* (*styāyate*) ‘собирать в кучу или в массу; твердеть, густеть, увеличиваться’, который также можно отнести к рефлексам и.-е. **stāi-n-*, ср. др.-греч. *стіα* ‘голыш, кремень’, гот. *stains* ‘камень’. Санскр. формы побуждают серьёзно задуматься над правильной реконструкцией праслав. архетипа: **st’ānā* < **stiēnā* или **stāinā*?

Русск. *студ* (праслав. **studь*) ~ санскр. *todá-*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. цслав. сущ. *стѣдъ, стѣдъ* ‘холод’, ‘срам, поругание’; глаг. *студити, стужу* отм. в словарях с 1771 г., церк. *студь* ‘срам, поругание’ (Даль); влр. диал. *студа* (арханг.), *студь* (сев.-вост.), *студель* (пск.), *стыдь* (моск., ряз., ворон., тамб.), *простуда* дополняются блр. *студзіць* и млр. *студити*. Считается, что вместе с цслав., ст.-болг. *стоудь* ‘холод’ и ‘стыд, срам’ (Супр., Остром.), русск. диал. *студ* восходит к праслав. **studь* < **staudas*, продолжающему и.-е. диал. **[s]tud-, [s]tund-* ‘колоть; бить, колотить, ударять (гулко)’ [Etym. sl. stslav. 15], ср. русск. глаг. *тузить*. Первичную семантику этого слова усматривали в вероятной связи *студа* с холодом через характерное покалывание на морозе. Мы бы обратили внимание на возможную звукоописательную составляющую первоначного значения (на морозе предметы издают гулкие шумы при ударе), ср. преобладающую звукоизобразительную семантику и.-е. родственных слов: лит. *stūmdytis* ‘толкаться’, скиф. гидроним *Тόνζος, Tónzozos* ‘гулкая (река)’, алб. *shynj* ‘толкаю’, лат. *tundo, tutudi, tū[n]sum, tundere* ‘бить, колотить, ударять’, гот. *stautan* ‘толкать’. Предполагаемая дальнейшая семантическая эволюция ‘холод’ > ‘стыд’ типологически соответствует оппозиции *мороз* и *мразь, мерзость*. При этом есть и иная точка зрения на *студ* как оформление дентальным формантом и.-е. **steuə-, *stāu-, *stəu-, *stū-* (др.-греч. *στώ* ‘делаю жёстким’) [Черных II, 213]. В последнем случае остаётся без объяснения суффиксация: *-d-* или *-d^h-*? А семантика может быть мотивирована аналогичным развитием *терпнуть* > *оторонеть* > *труп* [Шапошников 2007: 431–435].

Санскр. *todá-, todáh* ‘тот, кто жалит; укол’ производно от глаг. *tud-, tudāti* ‘толкать, колоть, бить’ и восходит к и.-е. диал. сущ. **taudas* по глаг. **[s]tud-, [s]tund-* ‘колоть; бить, колотить, ударять (гулко)’ без подвижного *s-*. Эта санскр. этимология позволяет более решительно высказаться в пользу первой этимологии русск. *студ*. А в случае возведения русск. *студ* к и.-е. **steuə-, *stāu-, *stəu-, *stū-* возможно родство с санскр. глаг. *sthū-* ‘быть прочным, жёстким или сильным’. Неоднозначность этимологических решений понижает рейтинг сопоставления.

Русск. *сука* (праслав. **suka*) ~ санскр. *śvaka*

В русск. словесности XV–XVII вв. изв. сущ. *сѣка* и прилаг. *сѣчи*; сущ. *сука* отм. в словарях 1762, 1771 гг.; влр. *сука* дополняется млр. *сука*. Восходит к праслав. **suka* < **çaukā*, производному с суф. *-k-* от корня **su-* < **çau-* < **keu-*, восходящего к тому же и.-е. корню, что и другое производное **ku-(u)ṇ-, *ku-nos* ‘пес, собака’ [Pokorny 632; Watkins IER 46], только без расширителя основы *-n-*, ср. др.-прусс. *sunis*, лит. *šūḡ, šūṅs* ‘собака’, вост.-лит. *šūnis*, лтш. *suns*, род. п. *suṅa*, мн. ч. *suṅi* ‘собака, пёс’; арм. *šun*; греч. *κύων*, род. п. *κυώνος*; тохар. *ku* тж.

Др.-инд. *śuvā, çvā, śvā, śvan*, род. п. *śūnas* ‘собака; dog, hound, cur’ и *śvaka-* ‘волк’ вместе с авест. *spā*, род. п. *sunō* и др.-перс. *spaka* ‘собака’ очевидно образованы от некоего корня *śva-, śu-*, гомогенного и.-е. корню **kuṇṇ-, *kunos* ‘пес, собака’ [Pokorny 632]. Более поздние формы (отмечены только в Махарабхарате *Damayāntīkāthā*) *śvaka-, śvakaḥ* м. р. ‘волк’ бесспорно однокоренные *śvā, śvan*,

род. п. *śúnas* ‘пес, собака’. Первичное значение и.-е. корня **ku(у)-: k(у)eu-* в основе **kuцōn*, **kinos* может быть осторожно намечено как звукоизображение, подобно *сова, совка*. Семантическое развитие ‘волк’ или ‘собака’ не столь уж далеко разошедшееся, чтобы совершенно скрыть глубинную идею о семействе собачьих. Нет ничего типологически невозможного и в закреплении одной из форм именно за самкой собаки.

Русск. *слон* (праслав. **sъlojь*) ~ санскр. *saṃlayá*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *слоу* (XIV в.); сущ. *слон* отм. в словарях с 1771 г.; влр. *слон*, род. п. *слоня* дополняется млр. *слий*, род. п. *слоня*. Восходит к праслав. имени (результата) действия **sъlojь*, относительно позднему отглагол. производному с суф. *-jь* с перегласовкой корня от приставочного глаг. **sъliti*, **sъlvjǫ*, восходящего к и.-е. глаг. **li-: *lei-: *lē-i* ‘лить, течь’ [Pokorný 664; Watkins IER 47].

Санскр. *saṃlayá* ‘settling or sitting down; melting away, dissolution; осаждение или усаживание вниз; расплавление, растворение’ также является приставочным производным (*saṃ-*) отглагольным сущ., образованным с помощью вторичного суф. *-(i)ya* от глаг. *lī-*, *līyate* (в Ригведе также *lāyate*) ‘плотно прилегать, лнуть, липнуть’, тесно связанным с глаг. корнем *rī-* (*lī-*), *rīyate* ‘размягчаться, плавиться, течь, капать’ (очевидно по линии семантического развития ‘размягчаться, плавиться’ > ‘делаться липким’). Этот двойственный характер санскр. *saṃlayá* придаёт новое измерение этимологии слав. **sъlojь* и сев.-пеласг. (др.-макед.) повел. *ἄβλόη* ‘возлей, соверши возлияние’ [Шапошников 2009: 303–311].

Русск. *смерть* (праслав. **sъmьrtь*) ~ санскр. *sumṛtyu*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *съмьртъ*, прилаг. *съмьртньнъ*, *съмьртньниш*; сущ. *смерть* отм. в словарях с 1704 г., прил. *смертельное* отм. в словаре Берынды 1627 г., *смертельный* и *смертный* — с 1731 г.; влр. *смерть* дополняется блр. *смерць*. Восходит к праслав. **sъmьrtь* (наряду с **mьrtь*), формальноно конфикации с преф. **sъ-* и суф. **-ть* от основы глаг. **mertī*, **mьrǫ* ‘помереть’, восходящего к и.-е. **mer-: *mor-: *m̥-* ‘умирать’ [Pokorný 735]. Есть разные подходы к объяснению начального **sъ-*. Одни выделяют глаг. прист. **sъ-* и реконструируют позднее отглагольное имя, отвлеченное от приставочного глаг. **sъmertī*, **sъmьrǫ* и оформленное суф. **-ть*. Другие усматривают в праслав. **sъmьrtь* пережиток и.-е. словосложения **su-m̥rtis* ‘благая смерть, т. е. своя, естественная’ [Трубачёв 2002: 192–193, 423].

Санскр. *mṛti-*, *mṛtiḥ* производно от др.-инд. глаг. *mṛ-*, *mriyáte* (также *marati*, или *márate*) с первичным субстантивным суф. *-ti*. Зафиксирован по меньшей мере один случай с прист. *saṃ-* — прилаг. причастного характера *saṃmṛta* ‘совсем мёртв’. Кроме того, этимология и.-е. словосложения **su-m̥rtis* ‘благая смерть’ обретает некоторую поддержку в виде санскр. *sumṛtyu* ‘лёгкая смерть’ и *sumṛta* (*su-mṛta*) ‘безжизненный, полностью мертвый’, образованных с помощью проклитики *su-* (*sū-*) ‘хорошо, много, очень сильно’. Видимо, русск. и санскр. ‘смерть — лёгкая смерть’ действительно уходит корнями в вост.-и.-е. языковой ареал (или даже союз), ср.

не разделяющие эту изоглоссу лит. *mirtis, mirties*, лтш. *mirte*; лат. *mors, mortis*; гот. *maurþr* от прагерм. **murþ-* ‘убийство’ < и.-е. **mrt-is* ‘смерть’.

Русск. *серебро* (праслав. **s̆yrebro*) ~ санскр. *śubhrām*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *сьребро, серебро*, позднее *серебро* отм. в словарях с 1771 г.; влр. *серебро* дополняется блр. *серебрó* и млр. *серебрó, сріблó*. Этимология слова остаётся неясной [Etym. sl. stslav. 16: 935–936]. О. Н. Трубачёв возводил к праслав. **s̆yrebro* < **çir’abran*, издавна видоизменённому (вследствие высокочастотного употребления?) и.-е. диал. прилаг. **k̆rb^hro-*, предположительно, заимствованному из синдо-меотск. диал. [Трубачёв 1978: 99; Он же 1999: 274] с невыясненной и.-е. этимологией корня **k̆rb^h-*, варианта и.-е. **skerb(h)-*: **skreb(h)-* ‘sharp, pointed object, a sow; pieces; to scratch, to scrape; scrabble; shrub; trench, ditch; embankment’ [Pokorny 938; Watkins IER 78]. Первичное значение, возможно, исходит из ‘делать насечки острым предметом, украшать резьбой’?

Вед. прилаг. *śubhrá-* ‘красивый, светлый, блестящий’, санскр. сущ. *śubhrām* ср. р. ‘серебро’ (только в некоторых средневековых санскр. словарях), образовано от глаг. корня *śubh-*, *śubháyati* ‘украшать’ с первичным адъективным суф. *-rá*. Авест. не имеет аналога, но др.-инд. слово дополняется синдо-меотск. гидронимом Σιβρίαλα (*Sibriápa*) ‘серебряная река’, однокоренным гидронимом из Ликии Σίβρος ἀργύρεος ποταμός (*Síbroc argýreoc potamós*) ‘Сибр — серебряная река’ (топонимическое наследие скиф. походов в Азию?). В обоих случаях корневой слогаобразующий сонант *r* был утрачен в глубокой древности и замещен краткими узкими гласными *u, i*, тем не менее, архетип этих форм, безусловно **s̆rb^hra-* < **k̆rb^hro-*. Примечательны прочие рефлексy этой адъективной основы: др.-прусск. *sirablan*, лит. *sidrabras, sidābras*, лтш. *sidrabs, sudarbs* ‘серебро’ (для прабалт. языка реконструируются прототипы **širablan* ~ **ši[d]rabras*, заимствованные из какого-то другого сатемного языка); арм. *surb* ‘чистый, святой’ является результатом метатезы в **çubr* — возможное заимствование из индоиранских диал. Сев. Сирии; гот. *silubr*, др.-исл. *silfr*, др.-англ. *seolfor*, др.-в.-нем. *silabar* ‘серебро’ все из прагерм. **silbr-*, скорее всего, раннего заимствования из предковых видов балто-слав. группы. Скиф. глосса κερβέριοι ἄσθενεῖς ‘бессильные, обессиленные (перерезанием сухожилий?)’ и производный топоним *Cerberion*, *Κερβερία* продолжают архетип **k̆rb^hrio-* без ожидаемой палатализации, если они вообще относятся к этому случаю.

Русск. *вана* (праслав. **vapa*) ~ др.-инд. *vārī*

В русск.-цслав. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *вана, ваны* и *лѣже* или *езера* ‘мелкий залив; водоем со стоячей водой’ (Шестоднев Ио. екз., 69. 1263 г.), *вода смердѣвица въ ванѣ* (Жит. Пафн. Мин. февр., 279.). Из цслав. (ст.-болг.) *vana* (Супр. или Ретков сб. XI в.) [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 16–17], продолжающего праслав. основу на *-ā* **vapa* < **uāpā*, неуверенно возводимую к и.-е. *ǵp-* ‘вода’ [Pokorny 51–52], этимологически неясную [Etym. sl. stslav. 17: 1038]. Начальное *v-* можно объяснить как паразитический протетический глайд (в праслав. обычно *j-* или *v-* перед

словом, начинающимся на *a-*), ср. подобную протезу в праслав. **atra* — русск. *ватра*, *ватрушка*. В таком случае, др.-инд. корень *ap* ‘вода’ в *apsaras*, *apat narat* является правильным соответствием слав. *vana*. Заметно отличие в долготе корневого гласного.

Корневой гласный *u*, особенно в адъективной основе на *-iā*, *-iō-* отмечается в палеобалканской гидронимии (*Axiopē*, *Axiura* Черна Вода) и в др.-прусск. *wiryan* ‘облако’, лит. *ùrė* ‘река’, лтш. *upe* ‘ручей, река’. Возможно, перед нами древние и.-е. синонимичные алломорфы **ap-* и **up-* с неясной для нас теперь апофонией. В таком случае этимологическое возведение к корню **цер-* ‘бросать, выбрасывать’ [Рокотну 1149] излишне. Гипотетическое первичное значение ‘выкопанный или образованный дамбой водоём’ не имеет достоверной мотивации.

Санскр. *vāpī-*, *vāpī* ‘пруд (сделанный разбрасыванием или перегораживанием?); большой округлый водный резервуар, озеро, бассейн’ толковали как производное с суф. имени действия (почти всегда ж. р.) *-i* (неясна, однако, природа долготы этого *ī*) от вед. глаг. *var-*, *vāpati*, *-te* (перф. формы *uvāpa*, *ūpūh*; *ūpe*) ‘разбрасывать, раскидывать; сваливать в кучу, перегораживать дамбой’, возводимого к и.-е. глаг. **цер-* ‘бросать, выбрасывать’ [Рокотну 1149]. Неубедительное толкование ввиду другого производного от этого же глагола др.-инд. сущ. ж. р. *varā-*, *varā* ‘муравейник (куча земли, насыпанная муравьями)’, ‘углубление, полость, дыра’, которое контрастирует с праслав. **vara* и в степени корневой огласовки, и в семантике. Настораживает и отсутствие какой бы то ни было “рукотворной” семантики у палеобалканских гидронимов с *-ara*, *-ura* в составе, и у рефлексов в балтийских языках. Невысокий рейтинг сопоставления отражает неясность этимологии и слав. и санскр. слов.

Русск. *варити*, *варяти* ~ санскр. *vāpati*, *vārāyati*

Изв. ст.-русск. **варити** ‘быть вначале, предварить, предупредить, предупредить, опередить, дождаться, подстеречь’, **варятти** ‘предварять, предупреждать’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 219], позже *варяти*, *варять*, *варяю*, *варяет* несврш. ‘упреждать кого в каком месте; ускорять прийти куда-л.; идти куда-н. перед кого-л.; предварять’ (САР I, 509; Трд. Древн. Рос. 212) [СлРЯ XVIII в. 2: 218], церк. и стар. *варить* ‘упреждать, опережать; предварять, предостерегать, оберегать’ [Даль I, 166]; в совр. литер. языке устоялись только приставочные производные *предварить* ‘предупредить, опередить’ и *предварять* ‘предупреждать, опережать, предшествовать’. Принято считать заимствованиями из цслав., ст.-болг. *варити*, *варяти*, *прѣварити*, *прѣварѣти* (Etym. sl. stslav. 17: 1038), рефлексов праслав. **variti*, **var’o*, **var’ati*, **var’ajō*. Первичное значение глаг.: ‘внезапно появиться и застать на месте (преступления), подкараулить’ хорошо сохранилось в болгарском однокоренном лексическом гнезде (*заваря*, *изпреваря*, *варарин*), вторичные значения ‘охранять, ограничивать, защищать’ и ‘упреждать, предостерегать’ развились позднее. Весьма вероятно бытование позднепраслав. парадигматических вариантов глаг. **vāriti*, **vāritē* и **var’āti*, **var’ājetē*, продолжающих раннепраслав. основу **uār(i)at’ai*, **uār(i)ajati* (3 л. ед. ч.), этимология которой становится понятнее при сопоставлении с др.-инд. материалом.

Вероятно, эта же основа представлена в др.-инд., вед., санскр. глг. формах *vāratī*, *vārate* (неопред. *varitum*, *varītum*) ‘to cover, screen, veil, conceal, hide, surround, obstruct’ (RV), ‘to close (a door)’ (AitBr), ‘to ward off, check, keep back, prevent, hinder, restrain’ (RV, AV); страд. *vriyate* (аор. *āvāri*) ‘to be covered or surrounded or obstructed or hindered’ (RV, MBh), кауз. *vārāyati*, *-te* (страд. *vāryate*) (MBh) ‘to cover, conceal, hide, keep back, hold captive’ (RV), ‘to stop, check, restrain, suppress, hinder, prevent from’ (MBh), ‘to exclude’ (Siddh.), ‘to prohibit, forbid’ (MBh), ‘to withhold’ [Monier-Williams] дополняется др.-перс. *pari-vāraka* ‘protective’. К этой и.-е. глг. основе относили лат. прист. глг. *operire* ‘to cover’ и *aperiri* ‘to open, uncover’ (**op-/apo-* + *uerit’i*), гот. *warjan*, нем. *wehren*, *Wehr*, англ. *weir*. И.-е. архетип **uer-* 5, **uor-*, **uor-o-* ‘to cover’ [Pokorny 1160].

Русск. *вёдро* (праслав. **vedro*) ~ санскр. *vīdhra-*, *vīdhram*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. ведро ‘ясная солнечная погода, зной, засуха’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 49], цслав. *ведрь* ‘ясный’, *ведро* ‘вёдро’; влр. *вёдро* дополняется млр. *вёдро* ‘ясная погода’. Из праслав. **vedro*, **vedrǫ*, **vedra* ‘ясная погода’, субстантивированного прилаг. трёх окончаний. Одни этимологи предполагали прямое заимствование из прагерм. (**wedr-*) или дочерних германских яз. [Schmidt 1889; Мартынов 1963; Etym. sl. stslav. 17: 1040–1041]. При этом само прагерм. слово не представляется этимологически прозрачным: некоторые полагали прагерм. **wedro-* производным с суф. *-dro-* от глг. **wē-* ‘to blow’ [Watkins IER 95], который прежде реконструировали как **au(e)10* [Pokorny 81]. Другими предлагалось объяснение через и.-е. корень **ued-*, тот же, что и в праслав. **voda*, с другой степенью чередования, но без внятного объяснения семантической связи воды с ясной погодой; при этом ссылались на сущ. **vydra*, но с объяснением *-r-* в **vedro*, как суф., аналогичного **bodrǫ* и **rudrǫ* [Черных II, 137]. Предполагаемая связь слова с и.-е. предлогом *au-* (*auē*); *uē-* ‘от, прочь’ осложняется тем, что в праслав. он дал предлог *и* и приставку *и-* < **au-*, фонологически вероятнее связь с и.-е. *uī-* ‘отделять, раздваивать’; в обоих случаях значение второго элемента *-dro-* остаётся неясным. Скорее всего, перед нами производное с адъективным суф. *-r-* от корня несохранившегося глг. **ved-*, **vēd-* или даже **ǵd-/ēd-* (если *v-* (*n-*, *j-*) протеза или остаток более сложного анлаута **gǵ-*?), который соблазнительно отождествить с плохо сохранившейся в праслав. лексиконе (**ěstěja*, **věstěja*, **něstěje*) и.-е. основой **aidh-*, **idh-* ‘гореть, жечь’, расширенного и.-е. корня **ai-3* ‘to burn’ [Pokorny 10; Watkins IER 1]. Родственные слова: др.-макед. *áδpaῖa*, *áδpaῖa*: *aῖθpía* ‘ясная, солнечная погода’ < **aidhr-* или **uidhr-ai-* [Pudić 1971: 207–223; Шапошников 2009: 303–311]. Сюда же, вероятно, и лит. *giėdras óras* ‘ясная погода’, лтш. *dzidras debesis* ‘ясное, безоблачное небо’ также с неясной природой анлаута.

Вед. прилаг. *vīdhra-*, *vīdhram* (трёх родов) ‘чистый, прозрачный, ясный; clean, clear, pure’, сущ. ср. р. (только в мест. п.) ‘чистое небо, солнечный свет; clear sky, sunshine’, ‘ветер; wind’, ‘огонь; fire’, которое также не имеет достоверной этимологии, чаще всего игнорировалось европейскими этимологами. Предлагаемое древними инд. лексикологами [Uṇādisūtra ii, 26] толкование как сложение *vi-* и *indhra-*,

образованного с суф. *-ra-* от вед. глаг. *indh-*, *inddhé*, *īdhé* ‘быть зажжённым; гореть, пламенеть’ поддерживается в сл. Maunhofer’a. Пожалуй, следует принять словообразовательную модель с адъективным суф. *-ra-* от основы *vidh-*, требующей дальнейших этимологических изысканий (какова природа этого *v-*: протеза или рефлекс и.-е. *ui-* ‘отделять, раздваивать’?). Др.-инд. словообразовательная модель оказывается, в таком случае, аналогичной европейским моделям: сев.-пеласг. (др.-макед.) *áδραία* ‘ясная, солнечная погода’, юж.-пеласг. (эллин.?) *αἰθρία* ‘ясная, солнечная погода’, прагерм. **wedr-*, праслав. **vedro*.

Русск. *верешь*, *вершь* (праслав. **veršь*, **vьršь*) ~ др.-инд. *vrāś*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. др.-русск. сущ. *вьршь*, *вьршь*, *верешь* ‘хлеб, жито’ [СДРЯ XI–XIV вв. 2: 270: примеры из рукописей XII–XIII–XIV вв.], ‘яровое (злаки ярового посева)’ (1127, 1230, 1468 г.), ‘хлеб, жито, зерно’ (XV–XVI вв.) [СлРЯ XI–XVII вв. 3: 87, 109–110], влр. диал. *верешь*, *вершь*, *верши* ‘хлеб, жито в складах; клад, стог, скирд; яровые посева’ (валд.), ‘хлеб в копнах, скирдах, зерно’ (пск. 1462–1471 гг.) [Даль I, 184; СРНГ 4: 178; ПОС 3: 110], позднее слово выходит из употребления и не включается в толковые словари. Из праслав. **vьršь* ~ **veršь* ‘кладь хлеба, скирд’. Согласно некоторым этимологам, праслав. **vьršь* является производным от праслав. глаг. **verxt’i*, **vьrxo* (цслав. *врѣштити*, *вьрхъ*, ст.-болг. *врѣци*, *врѣхъ*) ‘молотить’, **vьršiti* ‘вытаптывать снопы скотиной’, как и производное с перегласовкой корня **vorxъ*, ср. русск. *ворох* и болг. *врах* ‘ток, снопы, предназначенные для обмолота’. Но эти глаголы демонстрируют позднее семантическое развитие, не подсказывают первичную семантику и мотивацию всей этой однокоренной группы. Первоисточник: и.-е. основа, составленная из корня **uer-* ‘крутить, вращать’ [Pokorny 1169–1170] и расширителя основы *-s-*, с первичным значением ‘свертывать, переворачивать, перетаскивать, накладывать кучей (срезанное?)’, в то время как и.-е. **uers-* ‘тащить по земле; to confuse, mix up’ [Pokorny 1169; Etym. sl. stslav. 18: 1089]. Производные в различных и.-е. языках, формально возводимые к и.-е. основе **uer-s-*, выступают практически как омофоны со значениями 1) ‘мести, тащить, наваливать кучей’: праслав. **vьršiti*, русск. *ворох*, лтш. *vārsmis* ‘хлеб, разостланный для обмолота’, хетт. **uarš-* ‘жать, собирать урожай, тереть’, лат. *verrō* ‘мету, сметаю в кучу’ (**rr < *rs*) и 2) ‘высота, верх, подъём’: русск. *верх*, *навершние*, лит. *viršūs*, лтш. *virsus* ‘верх’, хетт. **uarš-tta-*, **uaršje*, *-a* ‘поднимать, собраться, собраться с силами’ [Kloekhorst 2008: 969–971], лат. *verrūca* ‘возвышение, бородавка’; др.-инд. *varšmán-*, *varšmá* ‘высота, верх’.

Вед. сущ. *vrāś* ‘куча, толпа, множество’ чаще употреблялось во мн. ч. *vrāś* (*vrāḥ*) и его морфология остаётся неясной. Можно предположить, что оно продолжает и.-е. **uer-(s)-* со знач. ‘накладывать кучей (срезанное)’ или **uer-(s)-* ‘тащить по земле; to confuse, mix up’. Такое последовательное и системное соответствие может говорить о возможном глубинном единстве (‘собрать в кучу’ > ‘делать высоким?’). Огласовка корней, расширитель основы и неясность этимологии слов вынуждают присвоить сопоставлению невысокий рейтинг. Родственные слова: лтш. *vārsmis* ‘хлеб, разостланный для обмолота; гряда провеянного зерна’; хетт.

**ṣarṣ-* ‘жать, собирать урожай, тереть’ и *ṣarṣija-* ‘производить трение, тереть (о с/х работах)’; лат. *verro, verrere* < **versō*, **verset'i* ‘волоку, волочить; мету, мети’. Ср. *верх, верише*.

Русск. *весёлый* (праслав. **veselъ*) ~ др.-инд. *vasula*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. прилаг. *весель, веселыи, невеселыи, превеселыи* [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 112]; влр. *вѣсел, веселá, вѣсело, весѣлый* дополняется блр. *вясѣлы* и млр. *весѣлуй*. Согласно широко распространенному мнению, восходит к праслав. **veselъ(jь), -a(ja), -o(je)*, производному прилаг. с суф. *-el-* (ср. *тяжѣлый*) от несохранившейся в чистом виде основы **ves-* ‘добрый, благой, хороший’. Предполагаемый первоисточник: и.-е. прилаг. **su-*, **ṣesu-* ‘хороший, добрый, благой’ [Pokorny 1174; Etym. sl. stslav. 17: 1045], ср. гот. глаг. *wisan* ‘радоваться’. Неудовлетворительно подходят семантически и другие и.-е. архетипы **ues-1* ‘to live, dwell, pass the night’ [Pokorny 1170], **ues-2* ‘to eat, consume’ [Idem 1171], **ues-3* ‘wet, ooze’ [Idem 1171], **ues-5* ‘to clothe’ [Idem 1172], **ues-8* ‘to buy, sell’ [Idem 1173], **ues-* ‘evening, night’ [Pokorny 1173; Watkins IER 101]. Вышеупомянутые этимологии не помогают реконструировать семантическую эволюцию слова и не дают категорического ответа на вопрос о происхождении интервокального *-s-*, который может восходить в данном случае и к и.-е. *-su-* (**ṣesuelos?*), и к *-ps-*, *-sp-*, *-ts-*, *-ks-*, *-sk-*, и даже к палатальному *-k-*. Поэтому, вполне возможно и другое толкование прилаг. **veselъ*, как сложения приставки **ve-*, означающей ту или иную чрезмерность, как недостаток (ср. и.-е. приставка удаления, снижения **ue-*), и некой основы **sel-* < **kel-* со знач. ‘народное гулянье’, родственной лат. *cel-* в *celeber* ‘оживленный, многолюдный, торжественный, пышно справляемый’, *celebrare* ‘справлять торжества, праздновать при большом стечении народа’. Ср. аналогичную этимологию сущ. *вечер*. Некоторые полагали, что из праслав. заимствованы в др.-прусск. *wessals* ‘веселый’ и лтш. *vesels* ‘здоровый’ [Черных I, 145]. Но это могут быть исконно родственные слова: др.-прусс. *wessals* ‘веселый’, лтш. *vesels* ‘здоровый, целый, невредимый’; иллир. (агафирск.?) глоссированное имя собств. *Veselia Felicetas* в римской Далмации II в.

Санскр. прилаг. *vasura* ‘valuable, rich’ и сущ. *vasula* ‘god’ на элементарном уровне не может быть связано с корнем *vas* ‘shine, grow bright’, но, вероятнее, с др.-инд. *su-*, *vásu* ‘хороший, добрый, благосклонный’, которое дополняется авест. *vaṇhu-*, *vohu* ‘good’. Невысокий рейтинг сопоставления обусловлен неясностью этимологии как русск., так и санскр. слов.

Русск. *вѣсъ* (праслав. **věsъ*) ~ санскр. *vīṣa*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *вѣсъ* ‘вес, тяжесть’; ‘определение веса, взвешивание’; ‘пошлина, сбор с веса товара’; ‘система мер тяжести’; ‘весы’; ‘гиря’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 110–111] и многочисленные производные *завѣсъ, навѣсъ, занавѣсъ, подъявѣсъ, обвѣсъ, подъявѣсъ, развѣсъ, извѣсъ, привѣсъ, довѣсъ, недовѣсъ, разновѣсъ, повѣсъ, провѣсъ, съвѣсъ, отвѣсъ, вывѣсъ* [СлРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып.]; влр. *вес, весить* дополняется блр. *навесу* ‘на весу’ и млр. *вісцѣти*,

visíti. Констатируем корневой «ять». Выводится из праслав. сущ. **věšь*, будто бы отвлеченного от глаг. **věšiti*, соотносительного (с перегласовкой корня) с глаг. **visěti*. Считается изолированным на и.-е. фоне [Etym. sl. stslav. 18: 1064]. Причины сохранения -s- в данной позиции также не выяснены, ср. сущ. *vexa*. Между тем, сама собой напрашивается этимология раннепраслав. **visъ-*: **vīsъ-*: **v'aisъ-*: **vaisъ-* ‘вихлять, вихрь, вежа и т. д.’ < и.-е. глаг. с презент. суф. -sk- **ui-sk-*: **uei-sk-*: **uoi-sk-*. См. *вихлять*, *вихрь*.

Санскр. *vīṣa* ‘a kind of weight = 20 palas = 1/5 tula’ может оказаться внешним соответствием русск. *висеть* и *вес*, но явно иначе оформлено < и.-е. **ui-k-*: **uei-k-*: **uoi-k-*. См. *висеть*, *вихлять*, *вихрь*.

Русск. *вѣшать(ся)* (праслав. **věšati (se)*) ~ др.-инд. *veṣáyati*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *вѣшати* ‘вешать’, ‘взвешивать’, ‘подвергать смертной казни через повешение’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 133], а также производные *навѣшати*, *перевѣшати*, *развѣшати*, *извѣшати*, *привѣшати*, *повѣшати*, *провѣшати*, *вывѣшати*, *вѣшатиса* и *повѣшатиса* [СлРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып.]; влр. *вешать*, *вешаться* дополняется блр. *вѣшаць галаву́*, *вѣшацца на шыю* и млр. *вішати(ся)*, *вішати*; *visíti*. Констатируем корневой «ять». Из праслав. **věšati (se)*, итеративного глаг. на -(j)ati к **věšiti* [Etym. sl. stslav. 18: 1064]. См. *вес*, *весить*, *висеть*.

Санскр. кауз. *veṣáyati*, *veṣayate* ‘to enter’ к глаг. *viṣáti*, *veṣyate* позволяет разрешить проблему фонологическую, но оставляет нерешенной проблему развития семантики. См. *вес*, *висеть*.

Русско-цслав. *вѣтъ* (праслав. **věť*) ~ санскр. *veth*, *vith*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. цслав. сущ. *вѣтъ* ‘совет, договор’ [Срезневский I, 6, 498; III, 681], ‘увещение’, ‘совет, совещание’, ‘запрет, запрещение’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 122], *завѣтъ* ‘предание, завещание, закон’, ‘договор, соглашение’, ‘срок, предел’, *навѣтъ*, *перевѣтъ*, *развѣтъ*, *извѣтъ*, *привѣтъ*, *повѣтъ*, *совѣтъ*, *съвѣтъ*, *отъвѣтъ*, *вывѣтъ*, глаг. *вѣтовати* ‘возвещать, проповедовать, говорить’ (Мин. ноябрь, 457. 1097 г.), *извѣтити*, *отвѣтити*, прилаг. *завѣтъныи*. Влр. *привет*, *приветить*, *ответ*, *ответить*, *завет*, *завещать* возможно дополняются блр. *прывітаць*, *вітанне*, *прывітанне* ‘приветствовать; приветствие’ и млр. *вітати*, *вітання* ‘приветствовать, поздравлять, угощать; приветствие’ (если это не гетерогенный омофон). Констатируем корневой «ять». Выводится из праслав. сущ. **věť*, соотносительного с глаг. **věiti* (ср. *ответ*, *привет*, *совет*), которое некоторые возводили к и.-е. **uektos* ‘сказанный, изреченный, оговоренный’ (?) [Etym. sl. stslav. 17: 1057–1058]. Однако, ни балтийские, ни индоиранские формы не дают поддержки данной реконструкции: др.-прусск. *waitiātai*, *waitiāt* ‘мы говорим, говорить’, лит. *vaiteni* ‘сужу, обсуждаю, полагаю’; авест. *vaeθa* ‘судебное заключение’, *vaeθ-* ‘установить судебным следствием’. Единственно возможная реконструкция праслав. основы **vět-* < **vait-* ‘особый вид говорения, судебная речь(?)’ с неясным и.-е. архетипом **weit(ə)-*, **woito-* ‘to speak, adjudge’ [Watkins IER 97; Etym. sl. Stslav. 17: 1058].

Вокализм и дентальный расширитель основы санскр. *veth-*, *vethate* или *vith-*, *vithate* ‘to ask, beg’ позволяют усомниться в верности общепринятой праслав. реконструкции и этимологии. Следует, однако, учитывать слабую аттестацию этого глагола, упоминаемого лишь в словнике Dhātupāṭha. Там же присутствует и форма с церебральным *ṭ*: *viṭ-*, *veṭati* (также *beṭ-* *beṭati*) ‘to swear, shout, address harshly; to speak’, но она является вторичной от *veth-*, *vith-*, поэтому к значениям ‘бранить, (грубо) кричать’ нужно подходить осторожно. В любом случае, несомненно, что *veth-*, *vith-* относятся к речи и говорению. См. *вече*.

Русск. *вѣче* (праслав. **větje*) ~ санскр. *veṭa*, *viṭ*, *vaiṭa*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *вѣче* ‘народное собрание’; ‘тайное собрание, заговор против кого-л.’, ‘речь, увещание, предсказание’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 128–129] наряду с цслав. и ст.-болг. *вѣште*; ист. *вѣче*, диал. *вече*, *вечье*, *вечье*, *веча* (пск., новг., волог., арханг.) [Даль I, 189; СРНГ 4: 210]. Эта основа широко представлена в русско-цслав. словотворчестве: *вещать*; *завет*, *завещать*; *обет*, *обещать*; *ответ*, *ответить*, *отвечать*; *привет*, *приветить*, *привечать*; *совет*, *совещаться*; *навет* и т. п.; дополняется блр. ист. *вѣче* и млр. *віче* тж. Констатируем корневой «яты». Из праслав. **větje* < раннепраслав. **vaitian*, производного от сущ. **věť* [Etym. sl. stslav. 17: 1057–1058]. См. *вет*, *вещать*.

Санскр. *veṭa*, *viṭ*, *vaiṭa* считают производными от глг. *veṭati* ‘to sound’ [Dhātup. ix, 29] и его варианта *beṭati* ‘to swear, shout, address harshly’ [Dhātup. IX, 30]. Это этимологическое толкование не противоречит семантике др.-прусск. *waitiaat* ‘говорить’, *wayte*, *woytis* ‘произношение’ (при *caryawoytis*, *karigewayte* ‘смотр войска’, букв. ‘военный совет’). См. *вет*.

Русск. *вѣщати* (праслав. **větjati*) ~ санскр. *vetati* или *veth*, *vith*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. глг. *вѣщати* разговаривать, беседовать, предвещать, предсказывать, наговаривать, ложно обвинять [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 134–135], и приставочные производные *завѣщати*, *навѣщати*, *обѣщати*, *предвѣщати*, *извѣтити*, *отвѣтити* и др. [Срезневский III, 684; СлРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып.], а также др.-русск. *вѣтовати* ‘говорить’. Влр. *вещать* дополняется блр. *вѣщачь*. Заимств. из цслав. (ст.-болг. извода), в конечном счёте восходит к праслав. **větjati*, соотносительному с **větiti* [Etym. sl. stslav. 17: 1057–1058]. См. *вет*, *вече*.

Какой санскр. глг., *vet*, *vetati* ‘to sound’ или *veth*, *vith* ‘to ask, beg’ следует привлекать для сопоставления с праслав. **větjati*, **větiti*, остаётся неясным. Санскр. *veṭa*, *viṭ*, *vaiṭa* считают производными от глг. *veṭati* ‘to sound’ [Dhātup. ix, 29] и его варианта *beṭati* ‘to swear, shout, address harshly’ [Dhātup. ix, 30]. См. *вет*, *вече*.

Русск. *вина* (праслав. **vina*) ~ вед. *vená*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *вина* ‘причина, основание; вина, провинность, проступок, грех; обвинение; осуждение, наказание, возмездие; то, что взимается в качестве возмещения ущерба; пошлина, повинность, обязательство’ [СлРЯ

XI–XVII вв. 2: 178–180]; влр. *viná* дополняется блр. *viná* и млр. *viná* тж. Восходит к праслав. сущ. **vina* < **v'ainā* ‘проступок, ошибка, провинность’ (закономерно ожидалось бы **věna*, ср. **cěna*), возникшему под влиянием глагольных образований на *-vinōti* и возводимого обычно к и.-е. глаг. корню **uei-*: **uī-* ‘гнать, преследовать, вызывать страх; vice, fault, guilt’ [Pokorny 1123–1124, 1175; Watkins IER 96; Etym. sl. stslav. 18: 1062–1063]. Выдвигалось предположение о заимствовании слав. слова из иранского [Lewy 1931: 114] в весьма короткой (один абзац) заметке и без сколько-нибудь развёрнутой аргументации, что послужило поводом для саркастического комментария со стороны Гуйера [Hujer 1933: 473] назвавшего её «небольшой, но, мягко говоря, бездоказательный вклад (nevelký, a nehrubě průkazný příspěvek)» [Борисов 2015]. Гипотетически такое заимствование из ср.-перс. *wināh-* [wn's] ‘грех’ [MacKenzie 1986: 91] возможно, но очевидным фонологическим препятствием является вокализация корня и в слав., и в балтийских языках: лит. (диал.) *vaiņa* ‘ошибка, вина’ [Palionis 1990: 356], *vainóti* ‘поносить, бранить, ругать, хулить’, лтш. *vaina* ‘вина’, *vainot* ‘винить, обвинять, пенять’; возможно еще др.-греч. αἰνός ‘ужасный, смертельный’ и лат. *vindex* ‘мститель’ (букв. **vin-dek-* ‘назначающий пеню’).

Вед. сущ. *vená-*, *venáh* ‘стремление, желание, забота’ производно с причастным суф. *-na-* от вед. глаг. *vī-*, *vēti* ‘идти, стремиться, нападать, атаковать, наказывать, мстить’, соотносительного с вед. глаг. *inv-*, *invati* ‘наступать, нападать, теснить; применять силу’, также возводимым к и.-е. глаг. корню **uei-*: **uī-* ‘гнать, преследовать, вызывать страх’ [Pokorny 1123–1124, 1175]. Др.-инд. глаг. формы: *vī*, *veti*; 2. sg. *véṣi* also as impv. (RV); 3. pl. *vyánti* (RV, AV, Br.); Subj. 2. 3. sg. *ves* (RV); impv. *vītāt* (ib.); 3. pl. *viyantū* (TS); p. A1. *vyāná* (RV); pf. *vivāya*, *vivye* (ib.); aor. *avaiṣīt* (Gr.); 3. pl. *aveṣan*; Subj. *veṣat* (RV); fut. *vetā*, *veṣyati*; inf. *vetum* (Gr.) ‘to go, approach’ (either as a friend i. e. ‘seek or take eagerly, grasp, seize, accept, enjoy’, or as an enemy i. e. ‘fall upon, attack, assail, visit, punish, avenge’) (RV) [Monier-Williams]. Дополняется ср.-перс. *wināh-* [wn's] ‘грех’ [MacKenzie 1986: 91].

Русск. *висеть* (праслав. **visěti*) ~ др.-инд. *viçāti*, *veçyate*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *висѣти* во многих знач. [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 189]; влр. *висеть* дополняется блр. *vičéць* и млр. *visíти* тж. Выводится из праслав. **visěti*, производного глаг. на *-ěti* от основы **vis-* и соотносительного с **vēsiti*, **vēsь*. Первоисточник, якобы, расширенная и.-е. основа **uei-s-*: **uoi-s-*: **uī-s-* ‘раскачиваться из стороны в сторону, вертеться, поворачиваться’, представленная также в праслав. **věxa*, **vixь*. Остаются неясными причины сохранения и.-е. *-s-* в данной позиции (рефлекс и.-е. палатального *-k-* или итеративного суф. *-sç-* < и.-е. *-sk-*?) [Etym. sl. stslav. 18: 1064]. Отдаленные соответствия усматривали в др.-инд. *viṣṭara* ‘пучок тростника или травы для сидения’, перс. *āvēz-*, *āvēxt-* ‘висеть, вешать’, осет. *awynzun*, *awinzun* ‘вешать’; норв. *veis* ‘сочный стебель’. Эти сопоставления вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Все они не подсказывают решения проблемы праслав. нерегулярности.

Мы бы обратили внимание на санскр. глаг. *viçāti*, *veçáyati*, *veçayate*, *veçyate* ‘to enter’ [Monier-Williams], который, позволяет удовлетворительно разрешить

проблему фонологическую (и.-е. **ci-k-*: **cei-k-*: **coi-k-*), но оставляет нерешенной проблему развития семантики. См. *вес*, *весить*, *вешать*, *веха*, *вихрь*.

Русск. *витать* (праслав. **vitati*) ~ санскр. *vī*, *ve*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *витати*, *обитати*, *наобитати*, *возобитати* в знач. ‘обитать, постоянно жить, поселяться где-л.’ (XII в.); ‘жить, останавливаться где-л. временно, гостить’ (XI–XII вв.), ‘заезжать к кому-л., навестить кого-л.’ (XVI в.), ‘быть, находиться, пребывать’ (XII–XIII вв.) [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 192]. Влр. *витать* ‘обитать, обретаться в каком-то месте’ дополняется блр. *вітаць* и млр. *витати*. Похоже, заимствовано из слав. *vitati* ἐπιφοιτᾶν, ἐνοικεῖν (Супр.). Считается, что первично значение ‘быть, обитать’, из которого развилось ‘парить, носиться в воздухе’. Из праслав. **vitati*, **obvitati*, и.-е. архетип которого, вероятно *(*a*)*ci-* с дентальным расширителем основы (эпентетика?) [Pokorny 1123–1124; Etym. sl. stslav. 18: 1065–1066]. Сюда относили ещё лтш. разг. *pavietāt* ‘квартировать’ (?) и лтш. *vieta*, лит. *vieta* ‘место, местожительства’; алб. *vis* ‘место’ (?); иллир. топонимы *Avendo*, *Avendone*, *Abendone*, Οὐένδων, Αὐένδων, Αὐενδεῖται — ныне крепость Brlog, Kompolje, Lika, ЛИ *Avendius Rufinus* [Mayer I, 71], киммер. **acend-* ‘обитаемое жилье’ в составе таврич. оронима *Авинда* [Шапошников // Этимология 2009–2011, 258].

Санскр. *vī*, *ve* также продолжает и.-е. архетип. *(*a*)*ci-*, который Ю. Покорный сводил к и.-е. корню **cei-3*, **ceiə-*: **ci-* [Pokorny 1123–1124]. Др.-инд. глаг. *vī*, *veti*; 2. sg. *véṣi* also as impv. (RV); 3. pl. *vyánti* (RV, AV, Br.); Subj. 2. 3. sg. *ves* (RV); impv. *vītāt* (ib.); 3. pl. *viyantu* (TS); p. A1. *vyāná* (RV); pf. *vivāya*, *vivyē* (ib.); aor. *avaīṣīt* (Gr.); 3. pl. *aveṣan*; Subj. *veṣat* (RV); fut. *vetā*, *veṣyati*; inf. *vetum* (Gr.) ‘to go, approach’ (either as a friend i. e. ‘seek or take eagerly, grasp, seize, accept, enjoy’, or as an enemy i. e. ‘fall upon, attack, assail, visit, punish, avenge’) (RV) [Dhatup. xxiv, 39; Monier-Williams]. Но, скорее всего, эти др.-инд. глаг. формы имеют отношение к след. русск. глаг.

Русск. *вѣтити*, *вѣтити* (праслав. **vitēti*, **vititi*) ~ др.-инд. *veṭ* или *vī*, *veti*

В др.-русск. словесности XI–XIII вв. эта глагольная основа представлена в составе сложных антропонимов *Витѣбѣдъ*, *Витѣбъ* [Васильев 2012: 353, 353, 354, 616, 674], *Витѣнѣгъ* [Васильев 2012: 100, 673, 730], *Витимиръ* [Васильев 2012: 100, 160, 161, 676], а также в виде именной основы в составе *Витогость*, *Витонѣгъ*, *Витонъ* [Васильев 2012: 131, 675], *Витославъ* [Васильев 2012: 100, 209, 676], *Гостивитъ*, *Гостовитъ*, *Грѣзовитъ*, *Жидовитъ*, *Жьдовитъ*, *Лютовитъ*, *Нѣговитъ* и др. Обильная др.-русск. (новг.) ономастика позволяет реконструировать диал. глаг. **вѣтити*, **вѣтѣть*; **вѣтити*, **вѣчѣ*, **вѣтитъ* и сущ. **вѣть*. В ст.-русск. языке известны глаг. *вѣтити* ‘приветствовать’ (1605 г.) и *вѣтитися* ‘здороваться’ (1582 г., 1694 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 192]. Влр. диал. *вѣтѣть*, *вѣтѣю* ‘приветствовать’ дополняется блр. *вітаць* и млр. *вѣтѣти* ‘приглашать, приветствовать’. Скорее всего, из праслав. диал. **vititi*, **vititi*; **vitēti*, **vitējet* < **v'ait-* < **ceit-*, см. *вет*.

В данном случае соблазнительно сопоставление с др.-инд. *veṭ* ‘an exclamation used in sacrificial ceremonies’ (VS). Ср. *вет*, *вече*, *вещать*. Но вполне допустимо

и сопоставление с др.-инд. гл. *vī*, *veti*; 2. sg. *véṣi* also as impv. (RV); 3. pl. *vyánti* (RV, AV, Br.); Subj. 2. 3. sg. *ves* (RV); impv. *vītāt* (ib.); 3. pl. *viyantu* (TS); p. A1. *vyāná* (RV); pf. *vivāya*, *vivye* (ib.); aor. *avaiṣīt* (Gr.); 3. pl. *aveṣan*; Subj. *veṣat* (RV); fut. *vetā*, *veṣyati*; inf. *vetum* (Gr.) ‘to go, approach’ (either as a friend i. e. ‘seek or take eagerly, grasp, seize, accept, enjoy’, or as an enemy i. e. ‘fall upon, attack, assail, visit, punish, avenge’) (RV) [Dhatup. xxiv, 39; Monier-Williams].

Русск. *вихрь* (праслав. **vix(ь)ръ*) ~ санскр. *vella*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *вихорь*, *вихорь* ‘клок торчащих вверх волос, шерсти’ (1626 г.), ‘макушка’ (1634 г.) и *вихрь* (*вихорь*), *вихрь* (*вихорь*) ‘вихрь’ (XI–XII вв., 1677 г.), прилаг. *вихрыи* ‘вихрастый’ (1582 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 194]. Влр. *вихор*, *вихр* дополняется блр. *віхор* и млр. *віхор* тж. Следует отметить, что форма *вихорь* вместо *вихрь* появилась в результате смягчения конечного согласного в стечении *-хрь*, ср. параллельное *вихорь* ‘вихрь’ с вокализацией плавного. Восходит к праслав. **vixъrь*, производному с суф. *-ъrь* от основы **vix-*, соотносительной с **věxa*, **vy-vix-noti*. Или продолжает праслав. **vixъrь*, производное с (адъективным?) суф. *-r-* от основы *vix-* ‘раскачиваться из стороны в сторону, вихлять’ (см. *вихлять*, др.-русск. *вихляти*), вероятно восходящей к и.-е. диал. расширенной основе **ui-s-*: **uei-s-*: **uoi-s-* ‘вилять, виться, вихлять; вихрь’ предположительно относящейся к и.-е. корню **ui-* ‘разделяться, раздваиваться’ или же к экспрессивному корню **ui-*, **uoi-* с экспрессивным расширением *-x-* < *-sk-* [Etym. sl. stslav. 18: 1061–106]. Ср. вост.-лит. *viesulas* ‘вихрь’, лтш. *viesulis* тж.

Санскр. прилаг. *vella-* ‘going, moving, shaking’ производно от глаг. *vel-* (*vell-*), *vellati* ‘трястись, дрожать, качаться, быть кинутым или быть возбуждённым; двигаться’ [Monier-Williams], который имеет, согласно Dhātupāṭha, параллельную форму *vehl-*, *vehlati*, являет вместе с ней разные стадии ассимиляции стечения согласных *hl*. Корень *vel-* закономерно возводится к **ui-l-*: **uei-l-*: **uoi-l-*, а его вариант *vehl-* к расширенной основе **uei-ġ^hl-*, в котором и.-е. диал. расширение основы *-zhl-* < *-ġ^hl-*, вероятно, также выполняло экспрессивную функцию. Несмотря на то, что прилаг. **vehla-* не засвидетельствовано в др.-инд. лексикографии, оно гипотетически возможно. Следует отметить, что *vella-* ~ **vehla-* больше соответствует **vixъrь*, нежели форме **vixъrь*. При этом нужно иметь в виду, что при кажущемся сходстве, звук *h* в санскр. *vehl-* и *x* в праслав. **vixъrь*, **vixl’ati* разного происхождения (*-ġ^hl-* и *-s/-sk-* соответственно), но их объединяет экспрессивная функция. См. *вихлять*.

Русск. *вихлять* (праслав. **vixl’ati*) ~ санскр. *vehlayati*

В ст.-русск. книжности XVII в. изв. *вихляти*, *хрентомъ вихляеть*, *вихляниѹ*, *вихлятьи* [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 194]; влр. диал. *вихлять*, *вывихнуть* дополняется блр. *віхляць*, *віхляцца* ‘вихлять, махать, вихляться’, диал. *віхліць* ‘вилять хвостом, хитрить’ и млр. *вихати*, *вихляти*, *вихлювати* ‘махать; колебать, покачивать’. Невзирая на позднюю письменную фиксацию, весьма древняя группа глаголов. Экспрессивное нагнетание суффиксов имеет ещё праслав. происхождение:

*vixati, *vixnqti, *vixl'ati < *v'ais-, *v'aisk- (?), при этом только *vixl'ati < *v'aiskl- или *vixh'ati < *v'aisul- имеют все регулярные фонологические мены. Первоисточник — и.-е. глаг. *uei-: *uoi-: *uī- ‘вертеться, поворачиваться’ [Pokorny 1120] с расширением основы -s- или -sk- (?). Ближайшую родственную форму усматривали в лит. *viesulas* ‘вихрь’. Но не следует оставлять без внимания и проницательное сопоставление К. Буги [Буга // РФВ 75: 153] с лит. глаг. *viskėti, viskù* ‘колебаться, находиться в движении’. См. *веха, вихрь*.

Санскр. *vehlayati* явл. кауз. формой глаг. *vehlati* ‘to cause to shake’, ‘to shake about, tremble, sway’, ‘be tossed or agitated’ [Monier-Williams], который допускает индоиранскую реконструкцию **vaizhlayati*; **vaizhlati* < **ueiǵ^{hl}*-, в котором и.-е. диал. расширение основы -*zhl*- < -*ǵ^{hl}*- вероятно также выполняло экспрессивную функцию, как и праслав. -*xl*- < -*skl*-, ср. санскр. алломорф *vellayati*; *véllati*. Несмотря на очевидное различие расширителей основы, этимологическое родство русск. и санскр. глаголов весьма вероятно. Ср. этимологию русск. *веха, вилять, виляет*.

Русск. *ворон, ворона* (праслав. **vornъ, *vorna*) ~ вед. *várṇa-*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *воронъ* (1074 г.), *ворона* (1483, 1673 гг.), русско-цслав. *врана, вранъ* [СлРЯ XI–XVII вв. 3: 33] и ст.-русск. *Жаворонъ* (прозвище ок. 1600 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 68]; влр. *вóрон, вóрона* дополняется новороссийским словосложением *гайворон, грайворон*, ст.-блр. *воронъ*, блр. топонимом *Воранава* и млр. диал. *ворон, ворін, орон, вóрона*. Из праслав. **vornъ, *vorna* < **várnas, *várnā* по этимологии которого не достигнуто консенсуса [Etym. sl. stslav. 18: 1081]. Согласно распространённому мнению, это — производное с суф. -*n*- от и.-е. глаг. **uer-* ‘гореть, обгорать, делаться чёрным’ [Pokorny 1166], но возможны и иные объяснения, например, через звукоизобразительные основы типа **uer(ə)*- ‘to speak’ [Pokorny 1162] и др. Родственные слова, обычно привлекаемые в сопоставительные ряды с русск. *воронъ, ворона*: др.-прус. *warnis, warne*, лит. *vařnas, vārna*, лтш. *vārna* < **uōrnā*- ‘*Cogrus cornix, corone*’, тохар. В *wrauiņa* ‘ворон, ворона’.

Вед. *várṇa-, várṇaḥ* ‘внешний вид, форма, фигура; цвет, краска, пигмент’ дополняется авест. *varənah* ‘цвет’ [Bartholomae 1372] и может быть убедительно истолковано как производное с суф. -*na*- от вед. глаг. *vṛ-, vṛṇóti, -te, vṛṇuté* (также отмечены и формы с полным вокализмом корня *várati, -te*) ‘покрывать, занавешивать, скрывать, окружать’, очевидно, не имеющего ничего общего со значением ‘гореть, чёрный’ и поэтому не связываемому в словаре Ю. Покорного [Pokorny 1166] с и.-е. **uer-* ‘гореть, обгорать, делаться чёрным’, а возможно, относящемуся к и.-е. **uer-* ‘вращать, поворачивать, крутить’ [Pokorny 1160] с семантическим развитием: ‘скрыть из виду путём заворачивания’. При явном расхождении значений и сходстве фонетического облика предполагаемых и.-е. прототипов **uer-* для праслав. **vornъ* и вед. *várṇa-* сопоставление этих слов кажется оправданным, если принять за основное значение не ‘чёрный < обгорелый’, а ‘окрашенный (в чёрный цвет), имеющий цвет’, что может быть мотивированно распространённым во многих культурах мира мифологическим мотивом о том, что ворона была изначально белой, но была окрашена, приобрела свой цвет в наказание, см. подробно в публ.

А. Коротаева [Korotayev 2006: 472–520]. Примечательно также и широкое распространение этого слова в уральских языках: фин. *vares, varis*, ненец. *war̥ṇa, war̥ṇe* ‘ворона’ и др., что может оказаться древним заимствованием из и.-е. языков. Предположение о заимствовании из уральских языков в и.-е. весьма сомнительно. Невысокий рейтинг сопоставления отражает противоречивость современного состояния этимологии этих слов.

Русск. *ворон* (праслав. **vorǫbь*) ~ санскр. *varph*

Др.-русск. сущ. *воропь, наворопь* ‘налет, нападение, ограбление’ (ПВЛ Лавр., Ипат. Лет.), *пустити на воропь* ‘начать стремительное наступление’ (1157 г.) [СлРЯ XI–XVII вв. 3: 34], глаг. *вьрпѣ, вьрпѣсти* ‘рвать, грабить’, вероятно, не избежали воздействия цслав. *наврань* ‘грабеж, добыча’. Влр. диал. обычное определение жениха и каравая *ворона́й*, фамильное имя *Ворона́ев* сохраняют пережитки этого слова. Реконструируется праслав. сущ. **vorǫbь*, регулярного вида производное от глаг. **vьrpsī, *vьrpo* из и.-е. **uerp-, *urep-* ‘to turn, wind’ [Watkins IER 99], этимология которого может быть связана с лит. лексическим гнездом *virpčioti* ‘подрагивать, вздрагивать’, *virpėjimas* ‘колебание, трепет, дрожь’, *virpėti* ‘колебаться, дрожать, трепетать; вибрировать’, *virpinti* ‘заставлять вибрировать, колебаться’, *virpintūvas* ‘вибратор’, *vīrpstas* ‘шест’, *virptelėti* ‘дрогнуть’, *vīrptis* ‘тычина, шест’, *virpulys* ‘трепет’, *virpiūoti* ‘дрожать, подрагивать’, лтш. *virpulis* ‘вихрь, круговорот, водоворот’, *virpuļošana* ‘вихревое движение’, *virpuļot* ‘кружиться, вихриться’, *virpuļvētra, virpuļviesulis* ‘смерч’, прагерм. **wrap-* ‘to wrap, to turn, to wind’ [Watkins IER 99].

Санскр. глаг. *varph, varphati* (гл. 1 класса) ‘to go’ или ‘to kill’ (L.) считается очень тёмным и встречается только в словарях. Неясна его и.-е. этимология: возможно, из того же и.-е. **uerp-, *urep-* ‘to turn, wind’ [Watkins IER 99]? Вероятно и он сопоставим с др.-греч. ῥέπω (из **urepō*) ‘качаюсь, склоняюсь, перевешиваю’, ῥόπαλον (из **uropalōm*) ‘дубинка’, ἀντίρροπος (из **uroptos*) ‘равного веса’; лат. *repens, -ntis* ‘внезапный, неожиданный’. Балто-славянский и индо-греческий лексический материал позволяет наметить контуры первичной семантики и вектор семантического развития слов этой группы. Кроме того, это сопоставление даёт ответ типологической аналогии на русск. лекс. гнездо *вес, вежа, висеть, вихрь*.

Русск. *внук* (праслав. **vьnukъ*) ~ санскр. *ánuka*

В русск. словесности XI–XVII вв. встречаются сущ. *вѣнѹкъ, правнѹкъ, праправнѹкъ*, а также *внѹка* ‘внучка’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 244, 246]; влр. диал. *внук, унѹк* (севск.) дополняется блр. *унѹк* и млр. *онѹк*. Из праслав. **vьnukъ*, производного с суф. *-ukъ* от корня **vьn-* (начальный *v-* протетического происхождения). Корень **vьn-* стало привычным возводить к редуцированной ступени огласовки и.-е. корня **an-*: **n-*, издревле обозначавшего различные термины родства ‘дед или бабка; предок; приёмная мать свекровь’, и, таким образом, относить к словам «детской речи» [Etym. sl. stslav. 18: 1102–1103]. Обычно привлекаемые внешние и.-е. соответствия: др.-прусск. *ane* ‘бабушка’, лит. *anỹta* ‘свекровь’, др.-греч. ἀννίς ‘бабушка’, лат. *anus* ‘старуха’, *anna* ‘приемная мать’, др.-в.-нем. *ano* ‘предок’, *ana* ‘бабка’ и др. только

усугубляют трудности интерпретации семантического развития от ‘предок, бабка, старуха, приёмная мать, свекровь’ к ‘потомок, внук’. Для объяснения причудливого семантического развития привлекалась типологическая «инверсия названия». См. различные точки зрения в публикациях прошлых лет [Трубачёв 1959: 71–76; Stankiewicz 1962; Friedrich 1966]. Заимствование слова из слав. яз. в лит. *anūkas* ‘внук’ случилось относительно поздно. Реконструкция раннепраславянского состояния **vьnikъ* < **an(y)aukas* выявляет суф. *-ukъ* < **-aukas* и корень **anu-*, **anv-*, который и в формальном, и в семантическом плане ближе к санскр. *ánuka*, в чём следует согласиться с А. Вайаном [Vaillant // RÉS 11: 206] и усомниться в толкованиях Г. А. Ильинского, С. С. Младенова, О. Н. Трубачёва.

Санскр. прилаг. *ánuka-* ‘подчинённый, зависимый’ (буквально ‘бывающий после’) несомненно разделяется на вед. наречие *ánu* ‘после, впоследствии, вслед, затем, дальше’, закономерно возводимое к и.-е. предлогу **anu*, **anō* ‘вдоль, после и др.’ [Pokorny 39–40], и продуктивный сравнительно-уменьшительный суф. *-ka*. Совпадая с раннепраслав. реконструкцией русск. *внук* в корневой части, др.-инд. форма отличается простотой первичной суффиксации (основа на *-u* + суф. *-ka-*).

Русск. *второй* (праслав. **vьtorъ*) ~ др.-инд. *itara* либо *vítara* либо *ántara*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. числ. *въторъ*, *въторь*, *второи*, *вътории* [СлРЯ XI–XVII вв. 3: 165–166]; влр. *второй* дополняется блр. *уторы* и млр. *втóрий*. Согласно одному мнению — праслав. числ. **vьtorъ* тождественно лат. *uter* ‘который из двух’ [Mikkola 1908: 16]. В таком случае следовало бы говорить о старом заимствовании и фонетической адаптации в средне-дунайском праславянском из колониального латинского Дакии. Согласно второму мнению — из праслав. **vьtorъ(jь)*, восходящего к и.-е. **ui-* ‘врозь, далеко друг от друга’ с суф. сравнит. степ. прилаг. *-ter-*: *-tor-* [Педерсен // KZ 38: 395; Младенов // KZ 44: 371]. Других примеров русск. рефлексов и.-е. **ui-* привести не удаётся. Согласно третьему мнению — из праслав. **vьtorъ(jь)* в ступени редукции и.-е. **nteros* ‘внутренний, другой’ [Meillet Études 407; Idem // IF 5: 329; Idem // MSL 8: 236; 10: 140; Idem // RS 3: 167; Idem BSL 29: 35; Falk, Torp 1910–1911: 27 и сл.; Mikkola // BB 22, 253; Trautmann // AfslPh 38: 130; Idem BSW, 10 и сл.; Idem Apr. Sprachd. 301; Etym. sl. stslav. 18: 1109–1110]. Однако, рефлексов гипотетического и.-е. диал. **nteros* не удается обнаружить в других группах и.-е. языков, ср. др.-греч. δεῦτερος; лат. *uter* ‘который из двух’.

В этой ситуации трудно остановить свой выбор на каком-то одном санскр. соответствии. Либо перед нами аналог 1) др.-инд. *itara* ‘another, the other (of two)’, либо 2) др.-инд. *vítaras* ‘ведущий далее’, *vítarám* ‘дальше’, авест. *vitara-* ‘дальше’ — сравн. степ. от др.-инд. *vi* ‘врозь’, либо 3) др.-инд. *ántaras* ‘другой’, туранск. **antara-* (осет. *ændær*) (?).

Русск. *верх* (праслав. **vьrxъ*) ~ вед. *varṣma* или санскр. *vṛkṣa?*

Др.-русск. сущ. *вѣрхъ* ‘верх, вершина’ известно с IX в., а также *вѣрхъ*, *вѣрхъ*, *верхъ*, *врѣхъ* ‘верхняя оконечность чего-л., вершина, верхушка; темя, макушка,

голова; купол, глава церкви; потолок, кровля, крышка; царский дворец, внутренние царские комнаты; оболочка чего-л., наружная ткань одежды, головных уборов, имеющих подкладку' и перен. 'то, что завершает, увенчивает что-л., стоит во главе чего-л.; победа' и т. д. [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 100–102]; влр. *verx* дополняется млр. *verx* и блр. *verx*. Большинство славянских этимологов [Machek ESJČaS (1957); Фасмер I (1964) 301–302; БЕР I (1971) 190–191; 574; Skok III (1973) 624–625; Boryś SEJP 695; Rejzek ČEJ 789–790; Kralik SESS 670; Pokorný 1108, 1151–1152] возводит праслав. **vьrxъ*, основу на *-u-*: *-ъv-*, к расширенной основе **uer-s-*, производной от и.-е. корня **uer-* 'возвышенность, возвышенное место; high raised spot or other bodily infirmity' [Watkins IER 99] или к **urs-u* тж [Derksen 538]. Близкородственными словами считаются лит. *viršùs*, лтш. *vìrsus* 'верх', *virsa*, *vilciņš*; хетт. глг. *uārš-tta(ri)*, *uāršijje/a-zi* 'поднять(ся)' [Kloekhorst 2008; 969]; лат. *verruca* 'возвышение, бородавка'; ирл. *ferr* 'лучше'; с большими сомнениями др.-греч. οὐρανός 'небеса, небесный свод' (если из **uorsanos*). Балтийский сопоставительный материал бросает тень на эту этимологию (лит. *š* может быть рефлексом как и.-е. *k*, так иногда и *s* после *r*), ассимилированные лат. и ирл. формы также её не подтверждают из-за неясности внутренней реконструкции (лат. сущ. *verruca* может оказаться однокоренным праслав. **verdъ*, **verditi* 'бередить рану', хеттские формы могут являться порчей и упрощением иных прототипов). Предлагаем альтернативную этимологию: позднепраслав. **vьrxъ* закономерно продолжает сред.-праслав. **virxu-* из раннепраслав. **vьrks-* 'любое дерево, лес' (?), ср. синдо-меот. или скиф. топ. Βριξάβα 'видное дерево (на холме?)' или 'покрытый деревьями; covered with trees'. Эта этимология позволяет предположить иное происхождение слова, иное словообразование. Перед нами отглагольное сущ. от не сохранившегося праслав. рефлекса и.-е. презентного глг. **vьrk-sk-ō*. См. *вершше*, *вершина*.

Санскр. сущ. *vṛkṣa* м. р. (ж. р. *ā*) 'любое дерево, особенно несущее цветы и плоды', часто 'лес' инд. лексикологи считали производным от глг. 2 класса *brh* 'расти' или от глг. 1 класса *brh* 'to root up', что очень сомнительно. Не более вероятно образование этого сущ. от глг. 6 класса *vraśc-* (cf. $\sqrt{v}rk$) (Dhātup. XXVIII, 11), *vṛścati*, прич. прош. *vṛkṣan* (BhP.); сврш. *vavraśca*, *-citha* (Gr.); аор. *avraścī*, *avrākṣīt* (Ib.); *vṛkṣi* (Br.); буд. *vraścītā*, *vraṣṭā* (Gr.); *vraścīṣyati*, *vraṣyati* (Ib.); ind. p. *vraścivā* (Ib.); *vṛṣṭvā* (AV); *vṛktvī* (RV); *-vraścām*, *-vṛtca* (Br. &c) 'to cut down or off or asunder, cleave, hew, fell (a tree)' (RV &c &c); страд. *vṛscyate* (в AV также *vṛscate*), 'to be cut down or off &c': кауз. *vraścayati* (аор. *avavraścat*) (Gr.); пожелат. *vivraścīṣati*, *vivraṣyati* (Ib.); интенс. *varīvṛscyate*, *varīvṛctī* (Ib.) [Monier-Williams]. Ни праслав., ни санскр. этимологию нельзя признать убедительной. Этимологические изыскания следует продолжать.

Русск. *вершина* (праслав. **vьršīna*) ~ вед. *varṣmán-*, *varṣmá*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *вершина* [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 108]; влр. *вершина* дополняется млр. *вершина* и продолжает праслав. **vьršīna*, производное с суф. *-īna* от **vьrxъ* с регулярным перебоем *-x-* в *-š-* перед *-j-*. См. *verx*.

Вед. *varṣmán-*, *varṣmá* (также и м. р. *varṣmán-*, *varṣmā*) ‘height, top; высота, верх, поверхность, высшая часть; величие, протяжение; тело’ морфологически разделяется на корень *varṣ-* (*vṛṣ-*) и суф. имени действия *-man-*, стоит в одном ряду с *várṣīyas-* ‘выше, длиннее, больше’ и *varṣiṣṭha-* ‘самый высокий, высший, длиннейший, величайший’ и будто бы закономерно возводится к и.-е. корню **ǵer-*: *ǵer-s-*. При этом обращает на себя внимание изолированность предполагаемого корня **varṣ-* (*vṛṣ-*) в др.-инд., не имеющего сколько-нибудь фонетически подходящего реального глагольного прототипа, кроме вед. глаг. *vṛṣ-*, *varṣati* ‘лить, изливать, литься (гл. обр. о дожде)’, явно не подходящего по значению. Также необычно и отсутствие сколько-нибудь надёжных параллелей в других и.-е. языках (даже в авест.), кроме балт. и слав. Древнеиндийские грамматики решали эту проблему по-разному, иногда утверждая, что санскр. *varṣman* производно с суф. *-man-* от основы глаг. *várdhate*, *vṛdh* ‘вырасти, стать высоким’ и предполагая в *várṣīyas-* и *varṣiṣṭha-* степени сравнения от *vṛddha-* ‘выросший, большой, огромный’ [Pāṇini 6–4, 157], отвлеченного от глаг. *vṛdh-*, *várdhate* ‘увеличиваться, возрастать, расти, подниматься и др.’. Напомним, что Панини характеризует уникальное языковое чутьё. И он может оказаться более проницательным, чем современные европейские лингвисты. Такая этимология отрывает слова этой группы от и.-е. реконструкта **ǵer-*, **ǵer-s-* (эта возможность даже не упоминается, напр. в словаре Майрхофера [Mayrhofer 3: 160–161]). Правда, известен аналогичный казус с основой **ard-*: **arz-* (др.-инд. *ardh-*: *ṛṣ-* ‘течь’) в палеобалканской гидронимии. Примечательно, что все три вед. производных от **varṣ-* (*vṛṣ-*) сочетают в себе значения ‘высокий’, ‘длинный, протяжённый’ и ‘большой, великий’. Словообразовательные суффиксы и ступени корневого вокализма разные в сопоставляемых языках. См. *вершше*, *верх*.

Ст.-русск. *вьршише*, *вершише* (праслав. **vьrŕьje*) ~ вед. *várṣīyas*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. сущ. *вьршише*, *вершише* ср. р. ‘верхние части ветвей’, ‘плоды дикорастущих деревьев’, прилаг. *вершиши* ‘верхний’ [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 107–108]; влр. *навершише* не имеет блр. и млр. дополнений. Восходит к праслав. **vьrŕьje*, производному с суф. *-ьje* от **vьrхь*. Обратим внимание читателей на удивительную семантическую близость др.-русск. слова и др.-инд. *vṛkṣa*. См. *верх*.

Вед. прилаг. *várṣīyas* (*várṣīyaḥ*) ‘выше, длиннее, больше чем; очень большой, значительный, важный’ возводился европейскими лингвистами к и.-е. корню **ǵer-*: **ǵer-s-* ‘возвышенность, возвышенное место’ [Pokorny 1151–1152], но может оказаться результатом упрощения формы **varkṣīya-*. См. подробно коммент. к *верх*. Древнеиндийские грамматики решали эту проблему, предполагая в *várṣīya-* и *varṣiṣṭha-* степени сравнения от *vṛddha-* ‘выросший, большой, огромный’ [Pāṇini 6–4, 157], что отрывает их от сущ. *varṣmán-* < и.-е. **ǵer-*: **ǵer-s-* (такая возможность даже не упоминается, напр. в словаре [Mayrhofer 3: 160–161]).

Русск. *весь*, *вся*, *всё* (праслав. **vьsь*, **vьs’a*, **vьs’e*) ~ др.-инд. *viṣu* или вед. *vísva*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. мест. *весь*, *весь*, *вся*, *всье* [СлРЯ XI–XVII вв. 2: 121–122]; влр. *весь*, *вся*, *всё*, *всье* дополняются блр. *увесь* и млр. *увесь*,

усѣ, уся. Восходит к праслав. *vьsьb, *vьs'a, *vьs'e, относительно и.-е. этимона которого нет единого мнения [Etym. sl. stslav. 18: 1116–1117]. Согласно распространённой трактовке, слово образовано от рефлекса и.-е. *uĩ- ‘врозь, надвое, два’ с расширением -s- [Рокотну 1176], но в таком случае ожидалось бы закономерные формы *vьx- > *vьsьb (!?). Ср. др.-прусск. *wissa* ‘весь’, лит. *visas* и лтш. *vis̃s* ‘весь, целый’; возможно, иллир. (агафирс.) *ves- в составе антропонима *Vesclevesis* (архетип слав. *Вьсеславь?*). В случае выведения праслав. *vьsьb из и.-е. *uĩ-s- оно оказывается родственным др.-инд. нескл. нареч. *viṣu* ‘с обеих сторон, с разных сторон, равно, одинаково’ (в вед. отмечена также форма вин. п. ср. р. ед. ч. *viṣvam* (< *viṣuvam*) ‘на обеих сторонах, в обоих направлениях’). Все эти этимологии неудовлетворительны в фонологическом отношении. Слово может быть закономерно возведено и к и.-е. *uĩk̃-, аналогично устар. *весь* ‘поселение, деревня’. Если допустить для праслав. *vьsьb исходный и.-е. архетип *uĩ-k̃-, то прямое родство с др.-инд. *viśva-* становится более чем вероятно.

Вед. прилаг. *viśva-* ‘весь, всякий; каждый; цельный, полный, универсальный’ и соотносительное сущ. ср. р. *viśva-*, *viśvam* ‘целый мир, вселенная’ [Monier-Williams] дополняются др.-перс. *vīspa-* ‘весь’ и толкуются как образования с абстрактным, обобщающим суф. -va- от вед. глаг. *viś-*, *viśāti*, -te ‘входить, проходить внутрь или располагаться на’; все они формально возводятся к и.-е. корню *uĩ- с расширителем k̃-. С другой стороны, смешение похожих по звучанию свистящих ś и ṣ иногда встречается в др.-инд. В последнем случае сведение балто-славянских и индоиранских однокоренных слов к единому и.-е. архетипу *uĩ-s- наталкивается на непреодолимые фонологические трудности, особенно в отношении праслав. реконструкта. Невысокий рейтинг сопоставления отражает различную суффиксацию и противоречивость и.-е. этимологии.

Русск. *заяц* (праслав. *zajęсь) ~ санскр. *hāya*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *заяць, заяца, залць, заяць*, род. п. *заяца*, прилаг. *заячиши, заячши* [Срезневский I, 2: 961]; влр. *заяц* дополняется блр. *заяц* и млр. *заяць, зайча, зайчя, зайчик, зайчиха, зайчиця, заячий*. Большинство этимологов выводит слово из праслав. *zajęсь, производного с суф. -ęсь (ср. *месяц*) от основы *zaj-, соотносительной с глаг. *zijati, *zinoti, *zėvati и восходящей в конечном счете к и.-е. *ghau-, ghēu-, ghēu-, ghāi-, ghē- ‘to yawn, gape’ [Рокотну 419, 449]. Мотивация наименования зверька — якобы его «заячья» губа. Соответствия усматривают в лит. *žióju, žióti* ‘разевать рот’, др.-греч. *χάος, χαίνω* ‘зияю’, *χάσμα* ‘yawning gulf’, лат. *hiare* ‘зиять’, *hiatus* ‘зияние’, прагерм. *ginōn ‘to yawn’. Но не менее убедительна альтернативная этимология из праслав. *zajęсь, производного с суф. -ęсь от основы *zaj-, восходящей к и.-е. *gh^hi, *gh^hei-, *gh^hoi-, *gh^hoi- ‘to rrope, prick; прыгать, скакать; проворный’ (бытовала и расширенная основа *gh^hoi-dh-) [Рокотну 424]. Ср. лит. *žaidžiu, žaisti* ‘прыгать’; арм. *ji* ‘конь’; лат. *haedus* ‘козёл’; гот. *gaits* ‘коза’ и прагерм. *gaidō ‘goad, spear’. К сожалению, такой производящий глаг. в праслав. не представлен [Etym. sl. stslav. 18: 1120–1121].

Санскр. *háya, háya, hāyas, hi* < **zhaṣas, *zhāṣas, *zhāṣasa, *zhi* ‘a horse; конь (скаун)’ и производные от него *sarvāhāyas, vihāyas*, с одной стороны подтверждают этимологию арм. *ji* ‘конь’, а с другой — праслав. **zaj-* < **zāji-*. Архетип: и.-е. глаг. **ǵʰi, *ǵʰei-, *ǵʰoi-, *ǵʰōi-* ‘прыгать, скакать’, к которому возводят и санскр. глаг. *himsati* ‘he injures’ < **ǵʰi-n-s-* [Pokorny 424; Watkins IER 28]. В данном случае, первичное значение было ‘прыткий, проворный, скаун, прыгун’.

Русск. *звено* (праслав. **z(ь)veno*) ~ санскр. *ghuṇa*

В ст.-русск. языке XVI–XVII вв. изв. *звено* ‘отрезок большой рыбы от позвонка до позвонка’ (1547 г.), *чень серебряна... у неи 11 звенъ литые на проёмъ* ‘одно из колец, составляющих цепь, кольцо в цепи’ (1589 г.) [Срезневский I, 2: 963]; влр. сущ. *звено* дополняется блр. *звяно* тж. Возводят к праслав. **z(ь)veno*, будто бы соотносительному с вост.-слав. **ро-з(ь)von-ькъ* (перегласовка **ро-з(ь)ven-ькъ?*), формально приставочным производным с суф. *-ькъ* от корня **z(ь)von-*. Большинство этимологов возводит эти слова к глаг. *звенеть, звонить* по внешнему созвучию. Некоторые предполагали раннюю перестановку согласных **zveno* из **zenvo*, якобы родственного хетт. *geni*, арм. *sunr*, лат. *geni*, греч. γόνυ, γόνυτος, тохар. А *kanwet* ‘колени’. Не более вероятно толкование из гипотетического праслав. ***zъvъ* ‘рыба’ (лит. *žūvis* ‘рыба’), расширенного с помощью суф. *-en-o* (**zveno*), с первоначальным знач. ‘часть рыбы от позвонка до позвонка’. В свете др.-инд. данных этимология этого слова видится иначе.

Санскр. *ghuṇa* ‘вид древесного насекомого, «обходящий вокруг»’ является производным от глаг. *ghṛṇate, ghuṇāti, ghuṇ* ‘to go or move about; обходить, двигаться вокруг’, именно знач. кругового движения представляется первичным и для русск. *звено*. Из-за неуверенности в этимологической части рейтинг сопоставления невысок.

Русск. *звон* (праслав. **zvонь*) ~ санскр. *svāna*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. *звонь* ‘звон колокола, колокольный звон’ и ‘кимвал’ [Срезневский I, 2: 964]; влр. *звон* ‘действие звонящего’, ‘сам звук, гул (колокола)’ дополняется блр. *звон*, род. п. *званá, звону* ‘колокол; звук, трезвон; сплетни, толки’ и млр. диал. *звін, дзвін*, род. п. *дзвóна* ‘колокол; звон, трезвон’. Из праслав. **zvонь*, производного с перегласовкой корня (**zъvn-*: **zvон-*) и темой *-ь* от глаг. **zъvněti*, предполагаемый первоисточник которого и.-е. корень **ǵʰuen-*: **ǵʰуon-*, ср. алб.-тоск. *zēh* ‘голос’, гег. *zah* из и.-е. **ǵʰуonos*; арм. *jain*. Согласно другому толкованию это слово целиком продолжает и.-е. сущ. **syonos* (лат. *sonus*), производное от глаг. **syenə-* ‘звучать’ [Pokorny 1046] с преобразованием анлаута под влиянием слов *званный, зову, звать*. Ср. *звонить, звенеть; званный, звать, зовёт*.

Санскр. *svāna* образовано от глаг. *svan* ‘to sound, make any noise, roar, yell, hum, sing’ и восходит к и.-е. **syonos*, ср. лат. *sono, sonavi, sonatum, sonare* ‘звучать’, др.-в.-нем. *swan* ‘swan (the sounding bird)’ [Watkins IER 88]. Эта этимология может служить вероятностным обоснованием второй этимологии русск. слова *звон*.

Русск. здание (праслав. *zidь, *zizьdь) ~ др.-инд. *dehī*, *degdhi*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. цслав. (ст.-болг.) *зидь* ‘стена, постройка’ и русско-цслав. *зидание*, *зьдание*, *зедание*, *здание* ‘строительство’, ‘то, что создано кем-то’, ‘назидание’, имена деятеля *зидарь*, *зьдарь*, *здарь*, *зидатель*, *зьдатель*, *зидець*, *зодець*, *ждетель*, *зиждитель*, *зижитель* ‘строитель, создатель’, глаг. *зидати*, *зьдати*, *здати*, *зиждѣ*, *зижѣ* и *зидѣ*, *зидѣжци*, *зиждѣжци*, *зижѣжци*, *зидатисл*, *здатисл* ‘созидать, сотворить’, ‘воздвигать, строить’, сущ. *зиздъ*, *зиздъ* ‘крепостное сооружение, заграждение, стена, вал’ (XII–XIV вв.) и однокоренные ему *зиздание*, *зиздатель*, *зиздати* [СлРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып.]. Русско-цслав. *зиздъ* вышло из употребления. Остатки этой лексико-семантической группы: *здание*, *назидание*, *созидание*, *создание*, *создатель*, *созидать*, *создать* и т. п. Из праслав. *zidь < *z’aidas < раннепраслав. *d’aizas и удвоенной основы *zizьdь / *zizьdь < *d’aizdi-, *dizd’ai- (если перед нами не вост.-слав. передача болг.-макед. рефлекса *зиждъ* праслав. *zidjь?!), производных от глаг. *zidati, *zidajo < *z’aid- < *d’aiz- и *zьdati, *zidjo < *zid-, *z’aid- < *diz-, *d’aiz-, ср. *созидать*, *зиждуться*. Метатеза (перестановка согласных) произошла в позднепраславянском языковом состоянии, так как палеобалканский ареал знал только исправные формы *diza*, *dizas*, *deizas* ‘стена, крепость’. И.-е. архетип (2 алломорфа) *dhiǵh- ~ *diǵh-: *dheiǵh- ~ *deiǵh-: *dhoiǵh-* ~ **doiǵh-* также дал рефлекс в виде финейск. διζα, διζος, δειζος ‘стена, крепость’, др.-греч. сущ. сред. р. τεῖχος, ед. ч., τεῖχη, мн. ч. ‘стена, стены’ [Pokorny 244].

Санскр. *dehī* дополняется авест. *daeza* ‘a wall made of clay or mud bricks’ восходит к и.-е. алломорфу (варианту) *doiǵh-, с отличной от праслав. ступенью корневого вокализма. При формальной близости цслав. *зидь* семантика санскр. отглагол. сущ. *dehī* ‘mound, bank, rampart, surrounding wall; to anoint, smear, plaster’ ближе вост.-слав. основе с удвоением *zizьdь, ныне вышедшей из употребления, ср. санскр. удвоенные глаг. основы *degdhi*, *digdhe*.

Др.-русск. *жер(е)ти* (праслав. *žerti, *žьrti) ~ вед. *jī-*, *járate*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. др.-русск. глаг. *жерети*, *жьроу*, *жьреть* ‘приносить в жертву’, *жрети*, *пожьрети*, *жряху*, *жьрти*, *жьроу*, *жьреть* [СДРЯ III, 250, 275] и цслав. *ж(ь)рѣти*, *жьрѣ*, *пожьрѣти* ‘совершать жертвоприношение, священнодействовать’, ‘служить, поклоняться кому-л. (божествам, идолам)’, ‘исповедовать какую-л. веру’, *жрѣтисл* ‘приноситься в жертву’ [СлРЯ XI–XVI вв. 5: 123; Срезневский II, 1084], а также однокоренная глаг. основа в именах композитов старшей серии: *Жьрѣбждь*, *Жеребуд* [Васильев 2012: 98, 252, 320] ‘жреть будущее’; *Жьрѣм(ир)ь*, гипокористика *Жерем* [Васильев 2012: 400, 401, 402] ‘жреть судьбу’; *Жьрѣмысль* [Васильев 2012: 253] ‘жреть промысел’; *Жьрѣславь*, *Жераслав*, *Жереслов*, гипокористика *Жьрѣта*, *Жерета* [Васильев 2012: 84, 85, 252, 311, 324, 325, 670, 730] ‘жреть славу’. Восходит к праслав. глаг. *žerti, *žьrti ‘совершать жертвоприношение’, возводимому к и.-е. *gʷer(ə)4-* ‘поднимать голос, славить’ [Pokorny 478], при этом нет фонологических препятствий возвести его и к и.-е. экспрессивному глаг. *gerə2- ‘пронзительно кричать’ [Pokorny 383]. Ср. др.-прусск. *girtwei*

‘хвалить’, лит. *giriù, gýriau, girti* ‘хвалить, прославлять’, лтш. *dziĩt* ‘славить’, *dziĩtiēs* ‘хвалиться, напоминать о себе’.

Вед. *jī-*, *járate* не имеет однозначной этимологии [Mayrhofer 1: 421], но не без оснований считается некоторыми [Whitney 1885: 55; Leumann 1907: 108] вариантом вед. глаг. *gī-*, *gṛñāti* ‘взывать, славить, восхвалять’ и, таким образом, одинаково может быть возведён и к и.-е. **ger-*, и к **g^wer(ə)*-. Примечателен кажущийся параллелизм слав. оппозиции **žerti, *žbretь* ‘приносить жертву’: **žrati, *žbretь* ‘жрать, жрёт, поедать’ (омофоны?) и др.-инд. *jī-*, *járate; gī-*, *gṛñāti* ‘взывать, восхвалять’: *jī-*, *jarayati* (кауз.) ‘потреблять, переваривать’: *gī-*, *girati* ‘глотать, есть, пожирать’ (в последнем случае лучше заметны словообразовательные и словоизменительные различия). Идея родства этого глагола с глаг. *жрать* и принадлежности аналогическому ряду **žrti ~ *žrati* (как **pēti ~ *piti*) более чем сомнительна. Но само это явление продолжает смущать некоторых этимологов и наводит их на мысль о гомогенности и.-е. глаголов, ведь и крик, и восхваление, и глотание связаны с горлом (и.-е. **g^werə-*). При этом акт жертвоприношения мог восприниматься как поглощение подношения божеством и тесно связываться с громкими призывами и песнопениями. Это всего лишь гипотеза, основанная на гипотезе и отягощенная опытом позднейших времен. Ведь ранняя стадия поклонения божествам у большинства примитивных народов была благоговейной, безмолвной (без призывания имён, песнопений или чего-л. подобного) [Токарев 1990 : 376–403].

Русск. *жертва* (праслав. **žbr̥tva*) ~ др.-инд. *jaritvā*

В русск. словесности XI–XVII вв. изв. *жѣртва* (наряду с цслав. *жрътва*), позже *жертва*; прилаг. *жѣртвѣнь, жѣртвѣньи, жертвѣньи*; глаг. *жертвовать* отм. в словарях с 1704 г. Восходит к праслав. **žbr̥tva*, производному с суфф. *-tva* от корня **žbr-* глаг. **žbr̥ti, *žbr̥q* ‘приносить в жертву, совершать жертвоприношение’, продолжающего и.-е. **g^wer(ə)*:- **g^wr(ə)*- ‘восхвалять, перевозносить, взывать’ [Рокоту 478]. Ср. *жреть, жрец*.

Др.-инд. *jaritvā* производно с суфф. *-t-vā* от основы глаг. *gṛñāti* ‘воспевает, перевозносит, восхваляет’ и сущ. *gīr* ж. ‘хвала, награда’, дополняется авест. глаг. *āyairyāi* ‘превозносится’ и сущ. *gar* ж. ‘хвала, награда, хвалебная песнь’. Все они продолжают и.-е. глаг. **g^wer(ə)*:- **g^wr(ə)*- ‘восхвалять, перевозносить, взывать’ [Рокоту 478]. Ср. словообразовательную модель с дентальным расширителем основы лат. *grātēs* мн. ‘благодарность’. Русск. форма отличается от санскр. степенью огласовки корня.

Др.-русск. *жирь, жѣрь* (праслав. **žirь, *žbr̥ь*) ~ др.-инд. *gīr, gir*

В русск. языке XI–XVII вв. изв. *жѣрьць, жѣрьць, жерць, жрецы, жерцы*, цслав. *жѣрьць* [СлРЯ XI–XVII вв. 5: 123, 126] дополняются именными основами имён-компонитов младшей серии *жир-о-* и *-жирь, -жѣрь* ‘жертвоприношение, жречество, жреческое служение, хвала, восхваление; жрец, жреческое сословие’: (*Въ*)зда(*и*) *жирь, (Въ)зда(и)жѣрь* [Васильев 2012: 232, 246, 251, 252, 667]; *Горижирь*, гипокористика *Горижя* [Васильев 2012: 558]; *Гостижирь*, гипокористики *Гостижь, Гостижа, Гостижа, Гостижка, Гастышка* [Васильев 2012: 557, 558, 559, 674];

Доброжирь [Васильев 2012: 108, 730]; *Доможирь*, *Домажирь*, *Домъжирь* [Васильев 2012: 74, 78, 246, 252]; *Дорогожирь*, гипокористика *Дорогожа* [Васильев 2012: 192, 163, 164, 192]; *Жиробъждь*, гипокористики *Жирлата*, *Жирлатъка* [Васильев 2012: 252, 311, 320]; *Жирогость* [Васильев 2012: 172, 192]; *Жирумь*, гипокористика *Жирома* [Васильев 2012: 325, 676]; *Жиронъгъ* [Васильев 2012: 98, 99, 681, 730]; *Жирославъ* [Васильев 2012: 84, 85, 87, 252, 312, 669, 670, 730], гипокористики *Жирлата*, *Жирлатъка* [Васильев 2012: 252, 311, 324], *Жирята* [Тупиков]; *Жьдажерь* [Васильев 2012: 251, 667]; *(И)здажирь*, *Издажерь* [Васильев 2012: 232, 246, 251, 252, 667]; *Любожирь*, *Любъжирь*, *Любезжирь*, гипокористика *Любожлата* (?) [Васильев 2012: 319, 561, 562, 673, 676]; *Людижерь*, *Людожерь*, *Людожер*, *Людожор* [Васильев 2012: 231, 232, 252, 669]; *Об(ѣ)жирь*, *По(ѣ)жерь*, *Пажерь* [Васильев 2012: 611, 674]; *Ст(а)нжирь*, стяжение *8 Стежира* [Зализняк 2004: 5, 803]; *Тужирь* [Васильев 2012: 85, 232, 246, 251, 252, 253, 614] на основе словосочетания *ту жьреть*; *Чебожирь* [Васильев 2012: 319]; *Щежерь* [Васильев 2012: 186]. Именная основа *жиро-*, *-жирь* отвлечена от прецедентного диал. итеративного глаг. *жирати*, *жираю* или *жирѣти*, *жирѣю* по глаг. *жер(е)ти*, *жьрти*, *жьрю* ‘совершать жертвоприношение; хвалить, восхвалять’, омофона лучше известного другого др.-руссск. глаг. *обжирати*, *обжирѣти*, *обжирити* [ЭССЯ 31: 251–252]; иначе можно трактовать праслав. сущ. **žirь* как результат регулярного продления корневого вокализма в глаг. основе **žirti* ‘совершать жертвоприношение; восхвалять’, возводимой к и.-е. **g^wer(ə)-* ‘поднимать голос, славить’ [Pokorný 478] или к и.-е. экспрессивному **ger(ə)-* ‘пронзительно кричать’. Ср. др.-пруссск. *pogirrien* вин. ‘хвала’, лат. *grātēs* мн. ‘благодарность’.

Др.-инд. сущ. *gír* (в словосложении *gír*) ж. ‘хвала, награда’ дополняется авест. сущ. *gar* ж. ‘хвала, награда, хвалебная песнь’ и является однокоренным вед. глаг. *jī-*, *járate* и *gī-*, *gr̥āti* ‘зывать, славить, восхвалять’ [Whitney 1885: 55; Leumann 1907: 108; Mayrhofer I: 421] и одинаково может быть отнесено и к и.-е. **ger-*, и к **g^wer(ə)-*. Как и в случае с глаг. *жреть* и *жрать*, праслав. диал. сущ. **žirь*, **žьгь* ‘хвала, восхваление, принесение в жертву’ является омофоном праслав. **žirь* ‘жир’. Тут коренится ложная идея гомогенности этих сущ., так как и крик, и восхваление, и жертвенный тук, и глотание оказываются связаны с горлом (и.-е. **g^wer-*). При этом акт жертвоприношения, якобы, мог восприниматься как поглощение подношения божеством и тесно связываться с громкими призывами и песнопениями. Это всего лишь гипотеза, отягощенная опытом позднейших времен. Ведь ранняя стадия поклонения божествам у большинства примитивных народов была благоговейной, безмолвной (без «горлового пения», призывания имён, песнопений, восхвалений или чего-л. подобного). Идея этимологического родства двух сущ. **žirь I* и **žirь II* более чем сомнительна.

Литература

Борисов К. Л. (Constantine Leo Borissoff, Birbeck, University of London, Applied Linguistics and Communication, Alumnus) Опыт создания словаря общих и родственных слов русского и санскрита // Материалы IX Чтений памяти академика

РАН О. Н. Трубочёва. Сборник научных статей / Сост. и науч. ред. А. К. Шапошников. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 103 с.

Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. — 816 с. — (1150 лет российской государственности).

Грошева А. В. «Индоевропейское наследие в латинских названиях деревьев» // *Ḥṛdā mānasā*. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. — сс. 250–275.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. СПб.; М., 1880–1882 (1955). Т. I–IV.

Мельничук, А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // *Этимология*. 1966, М.: «Наука», 1968, 194–240.

Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Сердюкова Е. В. Ономаσιологический аспект праславянских фитонимов // Международная конференция «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры» (5 Чтения памяти академика О. Н. Трубочёва), Алупка, 25–30 сентября 2008 г. Материалы конференции. — Киев; М., 2008. 143–147.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990

Топоров В. Н. Фрак. *Spártakos* в индоевропейском контексте // *Onomastica Jugoslavica*. Vol. 9. Zbornik radova u čast akademiku Francetu Bezlaju o sedamdesatoj obljetnici života. Zagreb, 1982. S. 145–157;

Топоров В. Н. Фрак. *Spártakos* в индоевропейском контексте // Исследования по этимологии и семантике. Т. 2: Индоевропейские языки и индоевропеистика. н. 1. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 544 с. 283–296;

Трубочёв О. Н. *Indoaria* в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999.

Трубочёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Трубочёв О. Н. Серебро // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978, с. 95–102.

Трубочёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. второе, доп. М., 2002.

Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. *Н. М. Тушиков.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубочёва, т. I. М., 1964; т. II — 1967; т. III — 1971; т. IV — 1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Изд. 2, стереотипное. М., 1994. Т. I–II.

Шапошников А. К. Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология 2009–2011 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус.яз.им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Пробел-2000, 2012. — сс. 252–308.

Шапошников А. К. Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia 6 / Editorcy: Irena Janyšková, Helena Karlíková. — Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2009, 303–311;

Шапошников А. К. Праславянское лексическое гнездо с нерегулярными чередованиями производящей основы: *torp-, *tǫrp-, *trup- // Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5. до 10. септембра 2006. године. — Београд, 2007. — СС. 431–435.

Шапошников А. К. Русско-санскритский словарь общих и родственных слов — предварительные результаты электронной сравнительно-сопоставительной лексикографии // VII Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: человек, сознание, коммуникация, интернет». 6–10 мая 2016 года, посвященная 200-летию основания Варшавского Университета. Warszawa, 2017.

Шахматов А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энци. Слав. Филол., т. XI, Спб., 1915. Очерк 153.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.

Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden • Boston, 2008.

Falk H., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wb, 2 Bde, Heidelberg, 1910–1911

Falk H., Torp A. Wortschatz der germanischen Spracheinheit. 5, unveränd. Aufl. Göttingen, 1979.

Friedrich P. Structural implications of Russian Pronominal Usage // Sociolinguistics. Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964, The Hague — Paris, 1966, 214–253.

Hesychius 1867: 892

Indeks a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego / pod kierunkiem Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1968

Kloekhorst A. Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon Brill Academic Publishers, 2008.

Korotayev A. Return of the White Raven: Postdiluvial Reconnaissance Motif A2234.1.1 Reconsidered. Journal of American Folklore 119 (2006): 472–520.

Latte, Kurt [ed.]. Hesychii Alexandrini Lexicon. Vol. I–II. Hauniae: Ejnar Munksgaard. 1953–1966.

Leumann E., Leumann J. Indica. Etymologisches Wb. Lpzg: O. Harassowitz, 1907.

Lewy E. Slav. vina. Mélanges de philologie offerts à M. J. J. Mikkola ... à l'occasion de son soixante-cinquième anniversaire, le 6 juillet 1931, Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1931: 114.

Machek V. Die slawischen und baltischen Entsprechungen der lateinischen Intensivverba auf *-tāre* und *-sāre* // Zeitschrift für Slawistik, Band 25, 1980, 53–61.

Machek V. Max Vasmer: Russisches etymologisches Wörterbuch. Zweiter Band (*L — ssuda*). Heidelberg (Winter) 1955, 712 S. — Dritter Band (*-sta — jaščur*). 1958, 697 S. // Slavia 28 (1959), 271.

MacKenzie D. N. A concise Pahlavi dictionary. London: Oxford University Press, 1986.

Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier, Bd. I–II. Wien, 1957–1959.

Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg, 1986. B. 1, Lief. 1. Oriens. Leiden.

Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964; *M. Monier-Williams.* A dictionary English and Sanskrit, Reprinted by photoprocess from the edition of 1851. Published by W. H. Allen, London. Delhi — Varanasi — Patna, 1956.

Pakerys J. Konferencija „Baltų kalbų etimologija ir onomastika“ Sankt Peterburge Baltistica, 2002, 37, 93–195.

Palionis J. Lettizismen in Bretkūnas Wortschatz Symposium Balticum: A festschrift to honour professor Velta Rūķe-Draviņa, H. Buske, 1990: 355–359.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.

Pudić I. Die Sprache der alten Makedonen // Studia Balcanica V. l'ethnogenèse des peuples balcaniques. — Sofia: Institut d'études balcaniques, 1971. — 207–223.

Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words Русско-санскритский словарь общих и родственных слов / Constantin Leo Borissoff, Alexander C. Shaposhnikov, London, 2015. [<https://dict.gir.me.uk/words/2503/>]

Schmidt J. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Bd. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Slawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1983. T. 1–5.

Stankiewicz E. The Etymology of Common Slavic **vьnъkъ* / **vьnukъ* // The Slavic and East European Journal, American Association of Teachers of Slavic and East European Languages, 1962, № 6, 28–33.

Whitney W. The Roots, Verb-Forms, and Primary Derivatives of the Sanskrit Language (supplement to Sanskrit Grammar). Leipzig: Breitkopf and Härtel, 1885.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник / Съст. Георгиев В., Гълъбов Ив., Заимов Й., Илчев Ст. и др. София, 1962–2017–. Т. I–VIII–.

Буга // РФВ 75 — Буга К. // Русский Филологический Вестник, № 75, Варшава, 1914.

Бялькевич. Магіл. — Бялькевич И. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.

Евгеньева — Словарь русского языка. В 4-х т. / Ред. А. Л. Евгеньева. М., 1999.

Младенов ЕПР — Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Под ред. † Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глушкина, † И. Т. Гомонов, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, Вып. 3. в — взятыся. 1976;

РФВ — Русский Филологический Вестник, основ. В. Колосов. 78 тт., Варшава, 1879–1918.

САР — Словарь Академии Российской 1789–1794: В 6 т. М., 2001–2007. Т. 1–6.

СДРЯ (XI–XIV вв.) — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / Гл. ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесов; V Р. И. Аванесов, дфн И. С. Улукханов; XI дфн В. Б. Крысько. М., 1988–1989–1990–1991–2000–2002–2004–...–2012–2013–2016 — продолж. Т. I–II–III–IV–V–VI–VII–VIII–IX–X–XI — продолж.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Составители: Н. Б. Бахилина, Г. А. Богатова, Е. Н. Прокопович и др. Главный редактор С. Г. Бархударов, Г. А. Богатова и др. Вып. 1–30 — продолж., М., 1975–2015 — продолж.

СлРЯ XI–XVII вв. Справ. Вып. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Наука, 2001. — 814 с.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Л. (с 7 вып. СПб.): Наука, 1984–2015. Вып. 1–21– (до помощный).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — М., Л., 1965–2017. Вып. 1–50.

Тураўскі сл. / Крывіцкі і др. — Тураўскі слоўнік. Складальн. А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. 1–2 — . Мінск, 1982 —.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935–1940.

AfslPh — Archiv für slavische Philologie, begründet von V. Jagić, Berlin 1876–1929

BB — Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. Hrsg. A. Bezzenger. 1–30. Göttingen 1877–1906.

Boryś SEJP — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.

Hujer // LF, 1933, LX, 473–474 — Hujer O. Mélanges de philologie offerts a M. J. J. Mikkola // Listy filologické, 1933, 60, 472–474.

IF — Indogermanische Forschungen, Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Strassburg — Berlin.

Kralik SESS — *Kralik L'ubor.* Stručný etymologický slovník slovenčiny Bratislava: VEDA, 2015.

KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begr. v. A. Kuhn. Berlin — Güttersloh — Göttingen 1852 —

LF — Listy filologické, Praha 1874 nn.

Machek ESJČaS — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Meillet // BSL 29 — *Meillet Antoine* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris n. 29.

Meillet // IF 5 — *Meillet Antoine* // Indogermanische Forschungen, Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft n. 5. Strassburg — Berlin.

Meillet // MSL 8; 10 — *Meillet Antoine* // Mémoires de la Société de linguistique de Paris nn. 8, 10.

Meillet // RS 3 — *Meillet Antoine* // Rocznik Slawistyczny n. 3. Wrocław — Kraków — Warszawa.

Meillet EAM — *Meillet Antoine* Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. P., 1903.

Meillet Études. — *Meillet Antoine*. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I–II. Paris, Bouillon. 1902, 1905.

Mikkola // RS 1 — *Mikkola J. J.* // Rocznik Slawistyczny n 1. Wrocław — Kraków — Warszawa.

Mikkola // BB 22 — *Mikkola J. J.* // Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen. Hrsg. A. Bezzenberger. N 22 (1898). Göttingen.

Mikkola Urslav. Gramm. — *Mikkola J. J.* Urslavische Grammatik. 1. Teil. 1913, 2. Teil. 1942, 3. Teil. 1950, Heidelberg.

Mladenov St. Aind. *ambhrynás* // KZ 44 — *Mladenov St.* Altindisches *ambhrynás* (αμφροα) // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begr. v. A. Kuhn. Berlin — Güttersloh — Göttingen, №44, 1896.

MSL — *Mémoires de la Société de linguistique de Paris*.

Pāṇini 6–4, 157 — *Pāṇini's Grammatik*, hrsg. von O. Böhtlingk, Leipzig, 1887.

Pedersen // KZ 38 — *Pedersen H* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begr. v. A. Kuhn. Berlin — Güttersloh — Göttingen, XXXVIII, 1890–395.

Rejzek ČEJ — *Rejzek J.* Český etymologický slovník. Voznice, 2001.

RÉS — *Revue des études slaves*, Paris, 1921–.

RS — *Rocznik Slawistyczny*. Wrocław — Kraków — Warszawa

Trautmann // AfslPh 38 — *Trautmann R.* // Archiv für slavische Philologie, begründet von V. Jagić, Berlin XXXVIII, 1914, 130

Trautmann Apr. Sprd. — *Die Altpreußischen Sprachdenkmäler* von R. Trautmann, t. 1–2, Göttingen, 1909–1910.

Trautmann BSW — *Trautmann R.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vaillant // RÉS XI — *Vaillant A.* // *Revue des études slaves*, Paris, XI, 1932: 206.

Watkins IER — *The American Heritage' Dictionary of Indo-European Roots*. 2nd Edition, revised and edited by Calvert Watkins. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2000.

Constantine Leo Borissoff

Birbeck, University of London, Applied Linguistics and Communication, Alumnus

A. C. Shaposhnikov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

etymol@mail.ru

RUSSIAN-SANSKRIT ETYMOLOGICAL SKETCHES

The article reported some results, interesting for the Russian etymology, of the recent lexicographical project of C. L. Borissoff and A. C. Shaposhnikov [Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words], implemented in 2015–2016. In the process of compiling this dictionary, the co-authors found many new instances of Sanskrit-Russian isoglosses, which were in disregard by comparativists of the past. Some common word formation and derivation models were revealed. Etymologies for some Russian and Sanskrit words are updated or revised. In some cases it was possible to reconstruct the semantic history of words, to outline the primary meanings and to trace the evolution of semantics. These etymological sketches cover a part of Common Slavonic vocabulary from P to Ž that is of interest to us.

Key words: comparison, isoglosses, archetype, reconstruct, etyma, semantics, word formation, IE root, IE base, prefix, infix, suffix, theme, variant, allomorph, omophone, etymology.

References

Borissoff C. L. *Opyt sozdaniya slovarya obshchikh i rodstvennykh slov russkogo i sanskrita* [An Essay at Creating a Dictionary of Common and Cognate Words in Sanskrit and Russian]. Proceedings of the 9th Readings in Memory of RAS Academician O. N. Trubachev / Compiled and edited by A. K. Shaposhnikov. — Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2015. — 103 p.

Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic Toponymic Antiquities of the Novgorod Land]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. — 816 p.

Grosheva A. V. *Indoevropeskoe nasledie v latinskikh nazvaniyakh derev'ev* [Indo-European Heritage in Latin Plant names]. *Hrdā mānasā. Papers in Commemoration of L. G. Gertsenberg's 70th birthday*. Ed by N. N. Kazanskii. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2005. — pp. 250–275.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Russian Language]. 2nd edition. Saint Petersburg; Moscow, 1880–1882 (1955). Vols. I–IV.

Martynov V. V. *Slavyano-germanskoe leksicheskoe vzaimodeistvie drevneishei pory* [Slavic-Germanic Lexical Interactions of The Earliest Period]. Minsk, 1963.

Mel'nichuk A. S. *Koren' *kes- i ego raznovidnosti v leksike slavyanskikh i drugikh indoevropskikh yazykov* [The Root *kes- and Its Varieties in Slavic and Other Indo-European Vocabularies]. *Etimologiya* 1966, Moscow: Nauka Publ., 1968, 194–240.

Nosovich I. I. *Slovar' belorusskogo narechiya* [Dictionary of the Belarusian Language]. SPb., 1870.

Serdyukova E. V. *Onomasiologicheskii aspekt praslavyanskikh fitonimov* [The Onomasiological Aspect of Proto-Slavic Plant Names]. *International conference «Severnoe Prichernomor'e: k istokam slavyanskoj kul'tury»* [Northern Black Sea Region: To the Origins of Slavic Culture] (5th Readings in Memory of Academician O. N. Trubachev), Alupka, 25–30 September 2008. Proceedings. — Kiev; Moscow, 2008. 143–147.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language]. Vols. I–III. Saint Petersburg, 1893–1903.

Tokarev S. A. *Rannie formy religii* [Earliest Forms of Religion]. Moscow: Politizdat Publ., 1990.

Toporov V. N. *Frak. Spártakos v indoevropskom kontekste* [Thracian *Spártakos* in the Indo-European Context]. *Onomastica Jugoslavica. Vol. 9. Zbornik radova u čast akademiku Francetu Bezlaju o sedamdesatoj obljetnici života*. Zagreb, 1982. P. 145–157.

Toporov V. N. *Frak. Spártakos v indoevropskom kontekste* [Thracian *Spártakos* in the Indo-European Context]. *Issledovaniya po etimologii i semantike. Volume 2: Indoevropskie yazyki i indoevropistika* [Studies in Etymology and Semantics. Volume 2. Indo-European Languages and Subject Matters]. n. 1. — Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. — 544 p. 283–296.

Trubachev O. N. *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea Region]. Moscow: Nauka Publ., 1999.

Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of the Slavic Kinship Terms and Some of the Oldest Social Order Related Vocabulary]. Moscow, 1959.

Trubachev O. N. *Serebro* [Silver]. *Vostochnoslavjanskoe i obshchee yazykoznanie* [East Slavic and General Linguistics]. Moscow, 1978, p. 95–102.

Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs. Linguistic Explorations]. 2nd edition, augm. Moscow, 2002.

Tupikov N. M. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Saint Petersburg, 1903. N. M. Tupikov. *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen*. Moscow, 2004.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German and augmented by O. N. Trubachev, vol. I. Moscow, 1964; vol. II — 1967; vol. III — 1971; vol. IV — 1973.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd edition, stereot. Moscow, 1994. Vols. I–II.

Shaposhnikov A. K. *Yazykovye relikty frakiiskogo oblika v Severnom Prichernomor'e* [Linguistic Relics Appearing to be Thracian in the Northern Black Sea Region].

Etimologiya [Etymology] 2009–2011, Ed. Zh. Zh. Varbot; V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS. Moscow: Probel-2000 Publ., 2012. — p. 252–308.

Shaposhnikov A. K. *Leksicheski kompleks pelasgicheskogo vida v praslavyanskom* [A Lexical Complex Appearing to be of Pelasgian Origin in Proto-Slavic]. *Studia Etymologica Brunensia* 6 / Eds.: Ilona Janyšková, Helena Karlíková. — Praha: Lidové noviny Publ., 2009, 303–311.

Shaposhnikov A. K. *Praslavyanskoe leksicheskoe gnezdo s neregulyarnymi cheredovaniyami proizvodnyashchei osnovy: *torp-, *t'rp-, *trup-* [Proto-Slavic Lexical Family with Irregular Alternations of the Basic Stem *torp-, *t'rp-, *trup-]. *Slovenska etimologija danas* [Slavic Etymology Today]. Proceedings of the symposium held on 5–10 September 2006. — Beograd, 2007. — pp. 431–435.

Shaposhnikov A. K. *Russko-sanskritskii slovar' obshchikh i rodstvennykh slov — predvaritel'nye rezul'taty elektronnoi sravnitel'no-sopostavitel'noi leksikografii* [A Russian-Sanskrit Dictionary of Shared and Related Vocabulary — Preliminary Results of Electronic Comparative Lexicographic Research]. VII International Conference «*Russkii yazyk v yazykovom i kul'turnom prostranstve Evropy i mira: chelovek, soznanie, komunikatsiya, internet*» [The Russian Language in the Linguistic and Cultural Space of Europe and the World: Human, Consciousness, Communication, the Internet]. 6–10 May 2016, dedicated to the 200th anniversary of the foundation of Warsaw University. Warszawa, 2017.

Shakhmatov A. *Ocherk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka* [An Outline of the Earliest Period in the History of The Russian Language]. *Ents. Slav. Filol.*, t. XI, Spb., 1915. Ocherk 153.

Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch* [Old Iranian Etymological Dictionary]. Straßburg, 1904.

Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden • Boston, 2008.

Falk H., Torp A. *Norwegisch-dänisches etymologisches Wb, 2 Bde* [Norwegian-Danish Etymological Dictionary, in 2 volumes]. Heidelberg, 1910–1911.

Falk H; Torp A. *Wortschatz der germanischen Spracheinheit* [Lexical Stock of the Germanic Linguistic Unity]. 5, unveränd. Aufl. Göttingen, 1979.

Friedrich P. *Structural implications of Russian Pronominal Usage. Sociolinguistics*. Proceedings of the UCLA Sociolinguistics Conference, 1964, The Hague — Paris, 1966, 214–253.

Hesychius 1867: 892.

Indeks a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego [An a tergo Index for the Materials for I. I. Sreznovsky's Dictionary of the Old Russian Language] / under guidance of Antonina Obrębska-Jabłońska. Warszawa: Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1968.

Kloekhorst A. *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Brill Academic Publishers, 2008.

Korotayev A. *Return of the White Raven: Postdiluvial Reconnaissance Motif A2234.1.1 Reconsidered*. *Journal of American Folklore* 119 (2006): 472–520.

Latte Kurt [ed.]. *Hesychii Alexandrini Lexicon*. Vol. I–II. Hauniae: Ejnar Munksgaard. 1953–1966.

Leumann E., Leumann J. *Indica. Etymologisches Wb.* [Indica. Etymological Dictionary]. Leipzig: O. Harassowitz, 1907.

Lewy E. *Slav. vina* [‘guilt’]. *Mélanges de philologie offerts à M. J. J. Mikkola ... à l’occasion de son soixante-cinquième anniversaire, le 6 juillet 1931* [Philological Miscellanea Presented to M. J. J. Mikkola on the Occasion of His Sixty-Seventh Birthday, July 6, 1931]. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1931: 114.

Machek V. Die slawischen und baltischen Entsprechungen der lateinischen Intensivverba auf *-tāre* und *-sāre*. *Zeitschrift für Slawistik*, Band 25, 1980, 53–61.

Machek V. Max Vasmer: Russisches etymologisches Wörterbuch. Zweiter Band (L — ssuda) [Max Vasmer: Russian Etymological Dictionary. Second Volume (L — ssuda)]. Heidelberg (Winter) 1955, 712 p. — Dritter Band (*-sta — jaščur*). 1958, 697 p. *Slavia* 28 (1959), 271.

MacKenzie D. N. *A concise Pahlavi dictionary*. London: Oxford University Press, 1986.

Mayer A. *Die Sprache der alten Illyrier* [Language of the Ancient Illyrians], Bd. I–II. Wien, 1957–1959.

Mayrhofer M. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* [Etymological Dictionary of Indo-Aryan]. Heidelberg, 1986. B. 1, Lief. 1. Oriens. Leiden.

Monier-Williams M. *A Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages*. New edition, greatly enlarged and improved. Oxford, 1964; M. Monier-Williams. *A dictionary English and Sanskrit*, Reprinted by photoprocess from the edition of 1851. Published by W. H. Allen, London. Delhi — Varanasi — Patna, 1956.

Pakerys J. *Konferencija „Baltų kalbų etimologija ir onomastika“ Sankt Peterburge* [Conference «Baltic Etymology and Onomastics» in Saint Petersburg]. *Baltistica*, 2002, 37, 93–195.

Palionis J. *Lettizismen in Bretkūnas Wortschatz* [Latvian Elements in the Bretkūnas Lexicon]. Symposium Balticum: A festschrift to honour professor Velta Rūķe-Draviņa, H. Buske, 1990: 355–359.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bd. I–II. Bern, 1949–1959.

Pudić I. Die Sprache der alten Makedonen [The Language of the Ancient Macedonians]. *Studia Balcanica V. L’ethnogenèse des peuples balcaniques* [Balcanic Studies 5. Ethnogenesis of the Balkanic Peoples]. — Sofia: Institut d’études balcaniques, 1971. pp. 207–223.

Russian-Sanskrit Dictionary of Common and Cognate Words. Constantin Leo Borissoff, Alexander C. Shaposhnikov, London, 2016. [<https://dict.gir.me.uk/words/2503/>]

Schmidt J. *Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra* [Plural Formations of the Indo-European Neutra]. Weimar, 1889.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Bd. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, 1952–1983. Vol. 1–5.

Stankiewicz E. *The Etymology of Common Slavic *vьnъkъ / *vьnikъ* // *The Slavic and East European Journal, American Association of Teachers of Slavic and East European Languages*, 1962, No. 6, 28–33.

Whitney W. *The Roots, Verb-Forms, and Primary Derivatives of the Sanskrit Language* (supplement to *Sanskrit Grammar*). Leipzig: Breitkopf and Härtel, 1885.

Abbreviations

BER — *Bălgarski etimologičen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] / Compiled by Georgiev V., Gălăbov Iv., Zaimov I., Ilchev St. et al. Sofia, 1962–2017–. T. I–VIII–.

Buga // RFV 75 — K. Buga // *Russkii Filologičeskii Vestnik* [Russian Philological Bulletin], №75, Warsaw, 1914.

Byal'kevich. Magil. — I. K. Byal'kevich. *Kraevy sloŭnik uskhodnyai Magileŭshchyny* [Local Dictionary of the Eastern Mogilyov Region]. Minsk, 1970.

Evgen'eva — *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4 volumes. / Ed. by A. L. Evgen'eva. Moscow, 1999.

Mladenov EPR — S. Mladenov. *Etimologičeski i pravopisen rechnik na bălgarskiya knizhoven ezik* [Etymological and Orthographical Dictionary of the Literary Bulgarian Language]. Sofia, 1941.

POS — *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoričeskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Ed by. † B. A. Larin, A. S. Gerd, S. M. Gluskina, † I. T. Gomonov, L. A. Ivashko, A. I. Kornev, A. I. Lebedeva, O. S. Mzhel'skaya, Iss. 3. v — vzyat'sya. 1976;

RFV — *Russkii Filologičeskii Vestnik* [Russian Philological Bulletin], founded by V. Kolosov. 78 vols., Warsaw, 1879–1918.

SAR — *Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy] 1789–1794: In 6 vols. Moscow, 2001–2007. T. 1–6.

SDRYa (XI–XIV vv.) — *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11–14th centuries)] / Gl. red. chl.-kor. AN SSSR R. I. Avanesov; V R. I. Avanesov, dfn I. S. Ulukhanov; XI dfn V. B. Krysko. Moscow, 1988–1989–1990–1991–2000–2002–2004–...–2012–2013–2016– — prodolz. T. I–II–III–IV–V–VI–VII–VIII–IX–X–XI — continued.

SIRYa XI–XVII vv. — *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries] Composed by: N. B. Bakhilina, G. A. Bogatova, E. N. Prokopovich et al. Editors in chief S. G. Barkhudarov, G. A. Bogatova et al. Iss. 1–30 — continued, Moscow, 1975–2015 — continued.

SIRYa XI–XVII vv. Sprav. Vyp. — *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Spravochnyi vypusk / In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. — Moscow: Nauka Publ., 2001. — 814 p.

SIRYa XVIII v. — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th century]. Leningrad / St Petersburg: Nauka, 1984–2015–. Iss. 1–21– (up to pomoshchnyi).

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects] / Ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. — Moscow, Leningrad, 1965–2017–. Iss. 1–50–.

Turaški sl. / Kryvitski i dr. — *Turaški slovník* [The Turovo Dictionary]. Compiled by A. A. Kryvitski, G. A. Tsykhun, I. Ya. Yashkin. 1–2 — . Minsk, 1982—.

Ushakov — *Tolkovi slovar' russkogo yazyka* [Interpretative Dictionary of The Russian Language] / Ed by D. N. Ushakov: In 4 vols. Moscow, 1935–1940.

AfsIph — Archiv für slavische Philologie, begründet von V. Jagić [Archive for Slavic Philology, founded by V. Jagić], Berlin 1876–1929.

BB — *Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen* [Contributions to the Study of Indo-European Languages]. Hrsg. A. Bezzenger. 1–30 . Göttingen 1877–1906.

Boryś SEJP — Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, 2005.

BSL — *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* [Bulletin of the Linguistic Society of Paris].

Hujer // LF, 1933, LX, 473–474 — Hujer O. *Mélanges de philologie offerts a M. J. J. Mikkola* [Philological Miscellanea Offered to M. J. J. Mikkola] // Listy filologické [Philological Notes], 1933, 60, 472–474.

IF — Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft [Indo-European Research. Journal of Indo-European and General Linguistics]. Strassburg — Berlin.

Kralik SESS — Králik, L'ubor. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [A Concise Etymological Dictionary of Slovenian]. Bratislava: VEDA, 2015.

KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen [Journal for Comparative Language Studies in the Field of Indo-European Languages], founded by A. Kuhn. Berlin — Gütersloh — Göttingen 1852 —

LF — Listy filologické, Praha 1874 nn.

Machek ESJČaS — Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of Czech and Slovenian]. Praha, 1957.

Meillet // BSL 29 — Meillet, Antoine // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris* [Bulletin of the Linguistic Society of Paris] n.29.

Meillet // IF 5 — Meillet, Antoine // *Indogermanische Forschungen*, Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Strassburg — Berlin. n. 5.

Meillet // MSL 8; 10 — Meillet, Antoine // *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* [Memoirs of the Linguistic Society of Paris]. nn. 8, 10

Meillet // RS 3 — Meillet, Antoine // *Rocznik Slawistyczny* [Slavic Yearbook]. Wrocław — Kraków — Warszawa n. 3

Meillet EAM — Meillet, Antoine. *Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique* [A Sketch of a Comparative Grammar of Classical Armenian]. Paris, 1903.

Meillet Études. — Meillet, Antoine. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I–II* [Studies on the Etymology and Vocabulary of Old Slavonic]. Paris, Bouillon. 1902, 1905.

Mikkola // RS 1 — Mikkola J.J. // *Rocznik Slawistyczny* [Slavic Yearbook]. Wrocław — Kraków — Warszawa n 1.

Mikkola // BB 22 — Mikkola J.J. // *Beiträge zur Kunde der Indogermanischen Sprachen*. Hrsg. A. Bezzenger. N 22 (1898). Göttingen.

Mikkola *Urslav. Gramm.* — Mikkola J.J. *Urslavische Grammatik* [Proto-Slavic Grammar]. 1. Teil. 1913, 2. Teil. 1942, 3. Teil. 1950, Heidelberg.

Mladenov St. *Aind. ambhṛnás* // KZ 44 — Mladenov St. *Altindisches ambhṛnás* (амфора) // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, begr. v. A. Kuhn. Berlin — Gütersloh — Göttingen, № 44, 1896.

MSL — *Mémoires de la Société de linguistique de Paris* [Memoirs of the Linguistic Society of Paris].

Pāṇini 6–4, 157 — *Pāṇini's Grammatik* [Pāṇini's Grammar], edited by O. Böhtlingk, Leipzig, 1887.

Pedersen // KZ 38 — Pedersen H. // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen*, founded by A. Kuhn. Berlin — Gütersloh — Göttingen, XXXVIII, 1890–395.

Rejzek ČEJ — *Rejzek J. Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictionary]. Voznice, 2001.

RÉS — *Revue des études slaves* [Review of Slavic Studies], Paris, 1921–.

RS — *Rocznik Slawistyczny* [Slavic Yearbook]. Wrocław — Kraków — Warszawa.

Trautmann // *AfslPh* 38 — Trautmann R. // *Archiv für slavische Philologie* [Archive for Slavic Philology], founded by V. Jagić, Berlin XXXVIII, 1914, 130.

Trautmann *Apr. Sprd.* — *Die Altpreußischen Sprachdenkmäler* von R. Trautmann, t. 1–2, Göttingen, 1909–1910.

Trautmann BSW — Trautmann R. *Baltisch-slavisches Wörterbuch* [Baltic-Slavic Dictionary]. Göttingen, 1923.

Vaillant // RÉS XI — Vaillant A. // *Revue des études slaves*, Paris, XI, 1932: 206.

Watkins IER — *The American Heritage' Dictionary of Indo-European Roots*. 2nd Edition, revised and edited by Calvert Watkins. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 2000.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
(Россия, Москва)
zhannavarbot@yandex.ru

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРАСЛАВЯНСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ И ЭТИМОЛОГИЯМ VIII

В настоящей статье предлагаются этимологические толкования для пяти русских диалектных лексем. Эти толкования включают соответствующие слова в состав праславянских этимологических гнезд и расширяют представления о структурных и семантических возможностях этих гнезд, так что поддерживаются некоторые ранее предложенные этимологические толкования других славянских лексем. Псков. *омлѣн* ‘род сдобного пирога’ объясняется как праслав. **obmlenъ* от праслав. **melti*, соответственно для русск. *блин* предлагается толкование происхождения из **obmlinъ* или **obmlenъ*. Псков. *оскарябитъся* ‘засохнуть’ – к праслав. **korebati* и далее к **kora* и к **(s)ker-*. Юж.-прикам. *корть* ‘моль’ – к праслав. **kьrtěti*. Псков. *остерять* ‘обгрызть’ – к праслав. **terti*. Арханг. *волók* ‘облако’ – к праслав. **velkti* и **obvolko* / **obvolkъ* / **obvolka*.

Ключевые слова: этимологизация диалектной лексики, праславянская реконструкция, словообразование, семантика.

I–V статьи этой серии были опубликованы в 2002–2010 гг. в различных отечественных и зарубежных изданиях и объединены позднее в томе: Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.–СПб, Нестор-История, 2012. С. 453–466. Там же см. информацию о первых публикациях. VI статья опубликована в издании: «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IV. Этимология. М.: 2015, С.126–137. VII статья опубликована в издании: «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. XII. Диалектология». М., 2017. С. 333–337.

Псков. *омлѣн* ‘род сдобного пирога’ – к праслав. **mlinъ* и **melti*

Праслав. **mlinъ* реконструируется на базе названий различных изделий из муки, представленных в славянских языках всех трех групп: см. болг. *млин* ‘вид печеного изделия из теста’, н.-луж. *mlin* ‘блин’, укр. *млин* ‘блин’, блр. диал. *млин* то же;

в русск. диал. *млин* не зафиксировано, в *блин* предполагают диссимиляцию [ЭССЯ 19: 67–68, не смешивать с праслав. **mlinь* ‘мельница, заимствованным из лат., см. там же, стр. 66–67]. Форма праслав. **mlinь* толкуется как производное с суф. *-inь* от корня гл **melti* в нулевой ступени огласовки *ml-* [ЭССЯ 19: 67, там же см. литературу]. Но Сольмсен предполагал в **mlinь* форму причастия [Solmsen 1904: 589–590, цит. по Фасмер I, 175].

На фоне отсутствия фиксаций русск. *млин* несомненный интерес представляет русск. диал. пск. *омлен* ‘род сдобного пирога’ (Пск. обл. сл. 23: 207). Это гапакс: другие фиксации слова мне не известны. Но пока не доказана ошибочность фиксации (не *омлет* ли это?), правомерна попытка ее этимологизации.

Очевидно присутствие в этой форме той же нулевой огласовки корня, что и в **mlinь*. Формант *-en* может быть причастным суффиксом, который подозревал в **mlinь* Сольмсен. Начальное *o-* при корне *ml-* может быть только результатом упрощения префикса *ob-* – утраты *б* перед *м* корня: ср. русск. диал. *омелок* ‘оббившийся, плохой веник, метла; голик’ (дон., краснодар., СРНГ 23:199), *омелье* ‘жесткие волокна, остающиеся при обработке льна, костра’ (волог., арханг., костр., яросл. и др., СРНГ 23:199). Участие в структуре псков. *омлен* нулевой ступени огласовки позволяет допустить древность образования и предположить в нем праславянский диалектизм **obmlenь*. Представляется, что нельзя исключить вероятность первичности причастного суф. *-en-* также в праслав. **mlinь* с более поздней заменой этого суффикса суффиксом единичности *-inь*.

Предложенное выше толкование образования псков. *омлен* как производного с префиксом *ob-* побуждает обратиться к вопросу о происхождении *б-* в русск. *блин* при условии его генетической близости к **mlinь*. Не является ли это *б-* результатом нерегулярного преобразования сочетания *бм-* на границе префикса *ob-* и корня *мл-*, а именно – *бм > б*? Разумеется, материал славянских языков свидетельствует только об одном направлении преобразования **-bm > m*: ср. праслав. **obmelti* > словен. *omleti*, чеш. *omliti*, польск. *omleć* (при вторичном восстановлении *б* в русск. *об-молоть*). Но ведь известна вариантность преобразования весьма артикуляционно близкой группы *bv*: ср. праслав. **obvĕsiti* > сербохорв. *òvjesiti* и *òbjesiti*, чеш. *ovĕsiti* и *obĕsiti*, др.-русск. *обѣсѣти*, русск. диал. *обесѣти* и *овесѣти* и др. [ЭССЯ 31: 22–25]. Представляется возможным предположение о подобной вариантности изменения также группы **bm*, так что русск. *блин* может быть генетически близко к псков. *омлен*, а именно **obmlinь* или **obmlenь* с упрощением *bm > b* и утратой начального префиксального *o-* вследствие морфологического переразложения.

Псков. *оскарѣбѣться* ‘засохнуть’ – к праслав. **korębatĭ* и далее к *(s)*ker-*.

Праслав. **korębatĭ* реконструировано на базе русских диалектных слов *каря-бать*, *корябать* со значениями ‘царапать’ (ряз., тул., калуж., донск., тамб., сарат. и др.), ‘сильно чесать’ (олон., куйб.), ‘делать надрезы на деревьях’ (ряз.), ‘ломать, крушить, портить’ (енис., иркут., свердл., краснояр.), с учетом родственного *коря-бить* ‘царапать, чертить, некрасиво. плохо писать’ (ряз.); при этом предполагается

сложение местоименного префикса *ko-* и глагольно-именного корня **ręb-* [ЭССЯ 11: 68], очевидно, родственного **ręb-* ‘рубить’. В псковских говорах зафиксированы структурно близкие к приведенным, но семантически отличные лексемы: *оскарябится* ‘засохнуть, заскорузнуть’, *оскаряблый* ‘засохший, заскорузлый’ (Пск. обл. сл. 23: 377). Очевидная структурная близость (в сущности, тождество, если исключить префиксальные *o-* и *c-* и постфикс *-ся*) при семантических различиях побуждают рассмотреть вопрос о генетическом тождестве всех приведенных глаголов, об их происхождении и об альтернативе омонимии / полисемии.

Прежде всего, семантика засыхания у псковского глагола исключает участие в образовании всех рассматриваемых глаголов корня **ręb-* / **ręb-* ‘рубить’, так что следует исходить из корня **kor-* с суф. *-ęb-* (ср. структуру **dereębati*). Корень **kor-* (из гнезда праслав. **(s)ker-* ‘резать, отделять, драть’) как обозначение коры может быть производящей основой для слов как с семантикой повреждения, порчи какой-либо поверхности (особенно коры на деревьях, см. выше ряз. *корябать* ‘делать надрезы на деревьях’ (ряз.), так и с семантикой затвердения, старения: ср. русск. диал. арханг. *окореватый* ‘некрасивый, морщинистый, старый’ (СРНГ 23: 152). Развитие одной семантической характеристики из другой — ‘повреждать, делать надрезы’ → ‘высушивать’, очевидно, возможно в реальных условиях подсечного земледелия или современной подготовки срубленного леса к строительству, см. арханг. *окорить*, *окаривать* ‘очищать (дерево) от коры’: «Рубят сосну или листву... Потом дерево окорят. А на дом-то дерево надо окаривать, когда дом строят-то» (СРНГ 23: 112). Для псков. *оскарябится* при этом (и при участии в структуре *-ся*) можно предполагать развитие значения ** ‘быть очищенным от коры’ → ‘засохнуть’.*

Впрочем, нельзя совершенно исключить и вероятность гомогенной омонимии.

Юж.-прикам. *корть* ‘моль’ – к праслав. **kьrtęti*

Русскому языку с XVI в. известно название насекомого *корь*: ст.-русск. *корь* ‘вредитель (тканей, меха, кож, хлеба) типа моли’ (Крым. д. I, 310. 1500 — СлРЯз I–XVII вв. 7, 355), диал. *корь* ‘моль’ (арханг., волог., перм., яросл. и др., СРНГ 15: 38), ‘моль, личинка моли’ (Сл. Сред. Урала II: 52; Ирк. обл. сл I: 223 и др.), ‘моль, гля’ (волог., Даль² II: 171). О. Н. Трубочёв генетически отождествил название насекомого с праслав. **korь* ‘вид болезни’, но одновременно отметил возможность более глубокого, индоевропейского родства названия насекомого с греч. *κόρις* ‘клоп’, при общем происхождении и названия болезни, и названия насекомого от и.-е. **(s)ker-* ‘резать, отделять’ [ЭССЯ 11: 126–127].

В говорах Южного Прикамья зафиксирована, наряду с *корь* моль, также другая синонимичная форма – *корть* (Сл. Юж. Прикамья I: 416, 417). Это слово гапакс. Известна тенденция просторечия и диалектов наращивать морфему *-ть* на односложные инфинитивы: *нестить*, *грестить*. Но для имени существительного *корь* предполагать подобное расширение нет оснований. Поэтому представляется допустимым опыт этимологизации *корть* как оригинального образования. При этом становится очевидной возможность древности структуры слова,

поскольку для отглагольных имен с суф. *-t-* характерен вокализм корня в ступени редукции (ср. **smьrtь, *dьrtь, *сьrta, *vьrsta*), именно так можно объяснить корневое *o* в *корть*, то есть **кьrtь*. Однако реконструированное имя оказывается структурно и семантически близко к праслав. глаголам **кьrtati / *кьrtěti / *кьrtiti*, продолжениями которых в слав языках являются, например, болг. *къртя* ‘ломать’, макед. *крти* ‘ломать, разрушать’, сербохорв. стар. *krtiti* ‘мучить, ломать, крушить, крошить’, чеш. диал. *kartit* ‘портить, губить’ [ЭССЯ 13: 241]). В восточнослав. языках в подобных глаголах представлена только семантика хвори, страдания и сильного желания, но это результат вторичного изменения первичного значения ‘губить, ломать’ [там же, 242]. Праславянские глаголы возводятся к и.-е. **(s)kьto-*, страдательному причестию прошедшего времени от **(s)ker-* ‘резать, отделять, драть’ [там же, 242]. Таким образом, реконструированное имя **кьrtь*, возможно, является продолжением древнего и.-е. имени, лежащего в основе приведенных глаголов, или образовано бессуффиксным способом от одной из приведенных глагольных основ.

Псков. *остеря́ть* ‘обгрызть’ – к праслав. **terti*

Корень и семантика русск. диал. псков. *остеря́ть* ‘обгрызть’ (Пск. обл. сл 23: 437) однозначно определяют это слово как производное гнезда праслав. **terti* : ср. русск. литер. *обтереть* ‘удалить трением что-л. с поверхности’ (это значение известно всем продолжениям **obterti* в славянских языках) и блр. диал. *анцёраці* ‘отделить семена от стеблей, перетирая их руками’ [ЭССЯ 30: 169–170]. Но значение псковского диалектизма в сочетании со структурой основы глагола представляют интерес в плане вероятного генетического тождества с русск. *терять* ‘лишаться чего-л. утрачивать’. Таким образом, диалектизм является дополнительным аргументом в пользу этимологизации русск. *терять* как производного гнезда праслав. **terti* (Фасмер IV: 50).

Арханг. *во́лок* ‘облако’ – к праслав. **velkti* и **obvolko / *obvolkь / *obvolka*

Праславянское название облака реконструируется как **obvolko / *obvolkь / *obvolka* и почти единодушно (единственное отклоняющееся мнение – В. Махека) толкуется этимологами как производное гнезда **velkti* ‘тащить, (в-, на-, с-) таскивать’, при мотивации ‘восприятие и обозначение облачного неба как покрытого, закрытого’ [ЭССЯ 31: 87]. Продолжения всех трех праславянских парадигматических вариантов во всех славянских языках имеют в начале слов результаты фонетического изменения и морфологического переразложения: *ob-* с утратой корневого *v-* (болг. *облак*, серб.-хорв. *а́блак*, словен. *òblak*, польск. *obłok*, русск. диал. и укр. *оболок* и др.) или *b-*, также с утратой *v-* (блр. диал. *болакi, болыкi*) [ЭССЯ 31: 85–87]. Кажется, единственной формой, сохранившей при всех преобразованиях префиксальное *o-* и корневое *v-*, является польск. диал. *owłok* (SIGwPol III: 489).

На описанном фоне рефлексов праслав. **obvolko* / **obvolkъ* / **obvolka* несомненный интерес представляет зафиксированная в русских архангельских говорах форма *во́лок* ‘облако’ (АрхОблСл 5:45) с отсутствием следов префиксации и сохранением корня *воло-*. Таким образом непосредственно подтверждается правомерность принятой праславянской реконструкции и этимологии. Но эта форма имеет еще одну особенность, см. приведенные в Архангельском областном словаре контексты: «После плохой погоды *волки́* пойдут волнами... Нуко, напрафсье на *во́лок*, на дожжык». Очевидно, слово *во́лок* ‘облако’ подпало под падежную парадигму имен с суф. *-ок* (< **ькъ*) с нулевой огласовкой суффикса в косвенных падежах. Аналогичное явление представлено в арханг. наречном *волко́м* ‘таща, волоком’ (Арханг. обл. сл 5: 37), производном от *во́лок* ‘дорога’, гомогенного омонима к *во́лок* ‘облако’.

Литература

Арханг. обл. сл — *Архангельский областной словарь* / Под ред. О.Г. Гецевой. Вып. 1-. М.: МГУ.

Даль² — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. 2-е изд. Москва, 1880–1882 (1955).

Ирк. обл. сл. — *Иркутский областной словарь* / Ред.-сост. Н. А. Бобряков. Иркутск: 1973–1979. Т. I–III.

Псков. обл. сл. — *Псковский областной словарь с историческими данными.* Л. Вып. 1–23. Л.- СПб. Гос. унив. 1967–2012–.

Сл. Сред. Урала — *Словарь русских говоров Среднего Урала* / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1988. Т. I–VII.

СлРЯ XI–XVII вв. — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–29), Р. Н. Кривко (вып. 30). Вып. 1–30–. М., 1975–2015.

Сл. Юж. Прикамья — *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. I. Пермь, 2010.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров*, гл. ред. Ф. П. Филин (1–23), Ф. П. Сорокалетов (24–49), Ленинград = СПб., 1965–2016–.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Под ред. О. Н. Трубачёва (вып. 1–31), О. Н. Трубачёва и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40). М.: Наука, 1974–2016–.

ŚlGwPol — *Karłowicz J.* Słownik gwar polskich. Kraków: 1890–1895. Т. I–VI.

Zh.Zh. Varbot

*Vinogradov Russian language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
zhannavarbot@yandex.ru*

**RUSSIAN DIALECTAL ADDITIONS TO PROTO-SLAVIC
RECONSTRUCTIONS AND ETYMOLOGIES VIII**

The article suggests etymological interpretations for five Rus. dialectal words. The interpretations allow to include these words in established Proto-Slav. etymological families and thereby define more precisely our notions of these families' structural and semantic derivational potentials, at the same time backing support or refutation for certain previously suggested etymological interpretations. Pskov. *омлѣн* 'kind of sweet pastry' is interpreted as Pr.-Sl. **obmlenъ* derived from Pr.-Sl. **melti*, accordingly for Russ. *блин* 'pancake, crepe' one can propose an origin from **obmlinъ* or **obmlenъ*. Pskov. *оскарябуться* 'wither' is linked to Proto-Slav. **korebati*, further connecting both words to **kora* and accordingly to **(s)ker-* (not to **reč-*!). South Kama region *корть* 'moth' is linked to Pr.-Sl. **kьrtěti*. Pskov. *остерячь* 'gnaw round' – to Pr.-Sl. **terti*. Archang. *волók* 'cloud' – to Pr.-Sl. **velkti* (: **obvolko* / **obvolkъ* / **obvolka*), making it a singular Slav. word for 'cloud' with no pref. **ob-*.

Key words: etymology of dialectal lexicon, Proto-Slavic reconstruction, word derivation, semantics.

References

Arkhang. obl. sl — *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Ed. by O. G. Getsova. Issues 1-. Moscow: Moscow State University.

Dal'2 — Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Great Russian Language]. I–IV. 2nd ed. Moscow, 1880–1882 (1955).

Irk. obl. sl — *Irkutskii oblastnoi slovar'* [Irkutsk Regional Dictionary]. Ed. by N. A. Bobryakov. Irkutsk: 1973–1979. Vols. 1–3.

Pskov. obl. sl. — *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad. Issues 1–23. Leningrad — St Petersburg State University 1967–2012–.

Sl. Sred. Urala – *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Ed. by A. K. Matveev. Sverdlovsk, 1964–1988. T. I–VII.

SIRYa XI–XVII vv. – *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Ed. in chief. S. G. Barkhudarov (issues 1–6), F. P. Filin (issues 7–10), D. I. Shmelev (issues 11–14), G. A. Bogatova (issues 15–26), V. B. Krysko (issues 27–29), R. N. Krivko (issue 30). Iss. 1–30–. Moscow, 1975–2015.

Sl. Yuzh. Prikam'ya – Podyukov I. A., Pozdeeva S. M., Svalova E. N., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian Subdialects of the Southern Kama Area]. Issue 1. Perm', 2010.

SRNG – *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects], ed. in chief F.P. Filin (1–23), F.P. Sorokaletov (24–49), Leningrad = St Petersburg, 1965–2016–.

Fasmer – Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Translated from German and augmented by O. N. Trubachev. Vols. 1–4. M., 1964–1973.

ESSYa – *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheski fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Ed. by O. N. Trubachev (issues 1–31), O. N. Trubachev and A. F. Zhuravlev (issue 32), A. F. Zhuravlev (issues 33–39), A. F. Zhuravlev and Zh. Zh. Varbot (issue 40). Moscow: Nauka Publ., 1974–2016–.

ŚlGwPol – Karłowicz J. *Słownik gwar polskich* [Dictionary of Polish Dialects]. Kraków: 1890–1895. Vols. 1–6.

И. А. Горбушина
Московский педагогический государственный университет
Институт русского языка имени В. В. Виноградова
(Россия, Москва)
irgor84@yandex.ru

ТОРИТЬ ‘ПРОКЛАДЫВАТЬ ДОРОГУ’ И ТОРИТЬ ‘УЧИТЬ’ — ОМОНИМИЯ ИЛИ ПОЛИСЕМИЯ?

В русском языке существуют два глагола *торить*: ‘прокладывать дорогу’ и ‘учить, наставлять’, относительно которых не решен вопрос, считать ли их омонимами или результатами полисемии. В данной статье на основе анализа диалектного материала обосновывается толкование формирования значения ‘учить, наставлять’ из значения ‘многократно воздействовать физически’ ещё на праславянском уровне в пределах семантики глагола **terti*. Следовательно, в современном русском языке глаголы *торить 1* и *торить 2* следует считать гомогенными омонимами.

Ключевые слова: русский язык, диалекты русского языка, глагол, семантика, омонимия, полисемия.

Гнездо **terti/*toriti* имеет разветвлённые словообразовательные производные цепочки, в основе которых лежат аблаутные чередования **e/*o/*i/*ьr*. Для многих случаев словообразовательные связи прозрачны (**vьterti* — **atorь*, **toriti* — **tornъjь*, **terti* — **toriti* — **tar-*). Однако есть одно возможное структурное соответствие, которое имеет различные этимологические толкования: рус. *торить 1* ‘протаптывать, прокладывать дорогу’ и *торить 2* ‘учить, наставлять, воспитывать’. Вопрос об их соотношениях до сих пор не решён однозначно всеми учёными: являются ли эти глаголы результатом полисемии, гомогенными омонимами или гетерогенными омонимами. «Связь проблемы омонимов и их лексикографической трактовки общепризнанна, — считал О. Н. Трубачёв. — Неоднократно рассматривалась омонимия и с позиций праславянской лексикологии и лексикографии, причем освещался преимущественно аспект дифференциации гетерогенных и гомогенных омонимов, но также отмечалась и лексикографическая проблема соотношения многозначности слова и гомогенной омонимии» [Трубачёв. Цит. по: Варбот 2002: 228].

В. И. Даль помещает оба глагола *торить* в одной словарной статье, считая значение 'учить, наставлять, воспитывать' развитием значения 'протаптывать, прокладывать дорогу', то есть результатом полисемии:

«**ТОРИТЬ** что (тереть) прокладывать борозду, тропу, дорожку; протолочить, протоптать; пролагать частымь и многимь гнётомь, боемь, накатомь, ходьбой; много упражнять, приучать для навыка; говорить или делать всё одно и то же, повторять: *торить мальчика на письме*; мучить, томить, задерживать, волочить или водить: *онь меня торилъ, торилъ въ прихожей!*» (Даль IV, 419).

Версию полисемии поддерживает и Ф. И. Рейф: в той же словарной статье, что и *тереть*, зафиксирован глагол *торить* в значении 'много упражнять, приучать для навыка': «*Торить* 'приучать к чему, воспитывать'» (Рейф, 979).

Однако М. Фасмер считает, что глагол *торить* 2 в значении 'учить, наставлять, воспитывать' не связан с глаголом *торить* 1 'прокладывать дорогу', а родствен литовскому глаголу *tarti, tariù* 'произнести, сказать' и, таким образом, относится к звукоподражательным глаголам, аналогично **golgoliti* (к этому же корню М. Фасмер относит глаголы *тороторить* и *суторить*) [Фасмер IV: 83].

Точка зрения В. И. Даля о семантической связи *торить* 1 'прокладывать дорогу', *торить* 2 'учить, повторять' разработана Ж. Ж. Варбот в книге «Исследования по русской и славянской этимологии».

Ж. Ж. Варбот опровергает мнение М. Фасмера о родстве *торить* 2 с литовским *tarti* 'говорить, сказать': «Этот отрыв глагола *торить* 'наставлять' от *торить* 'прокладывать дорогу' и возведение первого к глаголу речи противоречит грамматическому управлению глагола *торить*, тождественному в обоих значениях: *торить дорогу* — *торить мальчика* (Даль, IV, 419), ср. иное управление глаголов речи: сказать кому» [Варбот 2002: 205–208]. Ж. Ж. Варбот уточняет эту версию: «Вероятно, основой для перехода значения 'тереть' > 'учить' был элемент многократного, однообразного внешнего воздействия — обработки, ср. рус. *долбить* 'учить', а также диал. *торить* сиб. 'мучить, томить', перм. 'журить, бранить' (Даль, IV, 419)» [там же].

К приведённой Ж. Ж. Варбот семантической параллели можно добавить глагол *мучить* в значении 'убеждать': «Мучить... упрасивать, убеждать неотступно. Он мучит меня на чужу сторону, вят. перм. тянет, манит» (Даль, II, 363).

Обширный лексический материал по *торить/тореть* содержится в «Словаре русских народных говоров», причем, в отличие от словаря В. И. Даля, *торить* 1 'прокладывать дорогу' и *торить* 2 'учить, наставлять', а также *торить* 3 'задерживать, мучить' даются отдельными статьями, следовательно, считаются омонимами.

Слова с корнем *-тор-* целесообразно разделить на следующие группы значений:

1. 'обучение' > 'умение, сноровка как следствие обучения':

«1. *Тореть* 'приобретать знания, навыки, учиться' (Арх.); 'быть занятым чем-л., трудиться над чем-л.': «Ну, разве можно столько времени над уроками *тореть*? (Калин.)»; 'достигать зрелости (о человеке)' (Арх.); 'привыкать к чему-либо' (Слов. Акад. 1847. Пск., Твер.) (СРНГ 44, 269).

Торёный ‘знающий, умеющий, опытный’ (Олон.) (СРНГ 44, 269).

Торный ‘вышколенный (о человеке)’ (Арх.) (СРНГ 44, 280).

Натореться ‘приобрести навык, опыт; натореть?; привыкнуть’ (Вят.) (СРНГ 20, 226).

Наторённость ‘умение, навык; способность’: «До чего это наторённость у них торгаишь-то! (КАССР)» (СРНГ 20, 226).

Наториваться ‘приобретать навык, опыт, сноровку’ (Вят.) (СРНГ 20, 226).

Натористый 2 ‘ловкий, сноровистый, опытный’ (Пск., Твер.): «Деваха наториста: вишь как круто вяжет! (Свердл.)» (СРНГ 20, 226).

Наторить 2 ‘приобрести навык, опыт; натореть’ (Олон., Волог., Перм., Свердл.); ‘привыкнуть, освоиться’: «Он, хоть и молодой, а быстро наторил (Перм.)»; ‘научить, обучить чему-либо’: «Троху его на Украине наторили (Смол., Новг.)»; ‘подучить, подбить на что-либо’: «Наторили его икону украсть (Казакки-некрасовцы)»; ‘убедить, уговорить’: «Придут к ей, наторят её... она послушается (Перм.). Руку наторить ‘набить руку (в каком-либо деле)’: «Он бороны делать руку себе ловко наторил (Влад.)» (СРНГ 20, 226).

Наториться ‘приобрести опыт, навык; натореть’ (Волог., Пск., Твер., Яросл.) (СРНГ 20, 226).

Проторный ‘быстро соображающий, умный, ловкий’ (Алт.) (СРНГ 33, 11), то есть ‘имеющий опыт’.

Утореть ‘выучиться чему-либо, приобрести навык; приобрести некоторый опыт, сноровку’ (Пск., Твер.) (СРНГ 48, 190).

2. ‘многократное воздействие, повторение (физическое или словесное)’:

Торить 1. ‘повторять одно и то же’: «Сколь раз тебе торить надо? Мне уж надоело торить (Забайкалье)»; 2. ‘учить, наставлять кого-л.’: «Мужик ребятишек торит, без торенья не выучишь (Арх.)»; ‘упражнять кого-либо в чём-либо, вырабатывая навык в чём-либо’: «Торить мальчика на письме (Даль)»; ‘учиться’ (Волог.).

Торить 1. ‘упрекать, укорять, ругать, бранить кого-либо’: «Мама у меня строга была, торила девок-то, не больно бегали (Свердл. Зауралье, Иркут.)»; *торить* ‘надоедливо повторять что-либо, браня, ругая’: «Сколько раз ему торила, не делай так (Коми АССР)»; 2. ‘подгонять, торопить (иногда ударяя)’: «Алёша гонял, торил добра коня (былина) (Арх.)» (СРНГ 44, 270–271).

Поторить ‘делать внушение, замечание, бранить’: «Где-то поругаешь да поторишь, дак и боятся родителей-то (Перм.)» (СРНГ 30, 297).

Натаривать ‘наставлять, учить’ (Перм.): «Когда буду в твоём доме... Тогда учи да научивай, Тогда тори да натаривай (свадебн. причит.) (Онеж.); ‘повторять’ (Прикам.); ‘привыкать, приучаться’: «Они с этих-то годов и натаривают, доят (Костром.)» (СРНГ 20, 215–216).

Наторять ‘наставлять, учить’ (Перм.); ‘настаивать на чём-л.’ (Перм.) (СРНГ 20, 228).

Уторить (несов.) ‘ругать, попрекать’: «Она за мужа, а свекровь за детей дружку и уторят (Влад.)»; (сов.) ‘перетянуть на свою сторону, убедить в чём-либо’ (Пск., Твер.) (СРНГ 48, 190).

Совершенно очевидно, что семантика обучения самым тесным образом связана с семантикой повторного воздействия, причем нередко неразделимы воздействие физическое и словесное: см. выше *наторить* 'подучить, подбить; убедить, уговорить', *торить* 'подгонять, иногда ударяя'.

Как доказательство генетической связи *торить* 'прокладывать дорогу' с *торить* 'обучать' Ж. Ж. Варбот рассматривает рус. диал. смол. *вытереть* 'обучить чему-либо' [Варбот 2002: 205–208], которое обнаруживает непосредственную связь семантики обучения с семантикой трения = физического воздействия.

Как достаточно близкое к рассматриваемой проблеме генетического единства глаголов с семантикой трения и обучения можно рассматривать сочетание значений в русском глаголе *обтереться* 1. вытереться чем-либо (*обтереться полотенцем*) и 2. 'приобрести навыки общения' (*обтереться среди людей*) (Ушаков II, 717), а также чеш. *otřieti se* 'пообтереться, набраться опыта' (StěSl 14, 976–977) (ср. аналогичные отношения в глаголе *обтесаться* и как несколько более дальнюю параллель *лощить* — *лощёный* 1. 'обработанный лощением' > 2. 'светский, безупречного поведения').

Таким образом, можно определенно утверждать, что семантика трения праславянского глагола **terti* породила серию двух гомогенных омонимов: 1. *тереть* 'обрабатывать поверхность'; *торить* 'прокладывать дорогу' и 2. *тереть* и *торить* 'обучать'.

Литература

Трубачёв О. Н. Лексикография и этимология // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, 295–297. Цит. по: Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. СПб., 2011. — 648 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978–1980.

Рейф Ф. И. Русско-французский словарь, въ которомъ русскія слова расположены по происхождению, или Этимологический лексиконъ Русскаго языка. В 2 т. СПб. типография Н. Греча, 1835–1836.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах. СПб.: Терра — Азбука, 1996.

Словарь русских народных говоров. Л., 1970–.

Варбот Ж. Ж. Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям // *Dzieje Słowian w świetle leksyki. Pamięci Profesora Franciszka Ślawskiego*. Kraków, 2002. С. 205–208.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.

Staročesky slovník / Hl. red. B. Havranek (sv. 1–12), V. Křístek (sv. 13), J. Petr (sv. 14–20), I. Němec (sv. 21–25). Sv. 1–25. Praha, 1968–2004.

Irina A. Gorbushina
Moscow Pedagogical State University
Institute of Russian Language
(Russia, Moscow)
irgor84@yandex.ru

**TORIT' 'TO PAVE THE WAY' AND TORIT' 'TO TEACH' —
HOMONYMY OR POLYSEMY?**

There are two verbs *torit'* in Russian language: 'to pave the way' and 'to teach', uncertain in their mutual relationship as either homonyms or products of polysemy. In this article, on the basis of studying dialectal data, we argue that the meaning 'to teach' developed from the meaning 'repeatedly influence physically' on the Proto-Slavic level within the semantic spectrum of the verb **terti*. So, in the modern Russian language verbs *torit' 1* and *torit' 2* may be considered homogenous homonyms.

Key words: Russian language, Russian dialects, verb, homonymy, polysemy.

References

Trubachev O.N. *Leksikografiya i etimologiya* [Lexicography and Etymology]. *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic Linguistics]. VII International Congress of Slavists. Communications delivered by the Soviet delegation. M., 1973, 295–297. Quoted after: Varbot Zh.Zh. *Issledovaniya po russkoi i slavyanskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. St. Petersburg, 2011. — 648 p.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Live Russian Language]. In 4 volumes. Moscow, 1978–1980.

Reif F. I. *Russko-frantsuzskij slovar', v kotorom russkiya slova raspolozheny po proiskhozhdeniyu, ili Etimologicheskij leksikon Russkago yazyka* [Russian-French Dictionary, wherein Russian words are arranged in accordance with their origin, or an Etymological Lexicon of the Russian Language]. In 2 volumes. St. Petersburg, N. Grech's typography, 1835–1836.

Vasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. In 4 volumes. SPb, Terra — Azbuka Publ., 1996.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Leningrad, 1970–.

Varbot Zh. Zh. *Russkie dialektnye dopolneniya k praslavyanskim rekonstruktsiyam i etimologiyam* [Russian Dialectal Additions to Proto-Slavic Reconstructions and Etymologies]. *Dzieje Słowian w świetle leksyki* [History of the Slavs in the light of vocabulary]. In memory of Prof. Franciszek Sławski. Kraków, 2002. S. 205–208.

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Interpretative Dictionary of the Russian Language]: In 4 Volumes. Edited by D. N. Ushakov. Moscow, 1934–1940.

Staročesky slovník [Old Czech Dictionary]. Ed. in chief B. Havranek (iss. 1–12), V. Křístek (iss. 13), J. Petr (iss. 14–20), I. Němec (iss. 21–25). Issues 1–25. Praha, 1968–2004.

Т. В. Горячева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТИЗМОВ

Статья посвящена этимологическому анализу девяти русских диалектных слов: *хару́жи*, *витязно́й*, *воня́ть*, *взвэ́нье*, *оре́бный*, *грэ́зни*, *набутáкиваться*, *бреши́и растопели*, *куму́шки*. Для слова *хару́жи* предлагаются три различных способа морфемного членения, а следовательно, три вероятные этимологии: от прасл. *skarati, прасл. *rogati и к цыг. *har-*. Для слова *витязно́й* предлагается связь с корнем *вить* (< *viti). Слово *воня́ть* в значении 'темнеть перед дождем?' объединяется с тем же глаголом в значении 'дурно, приятно пахнуть' и отвергается его связь со словом *внять*. Сущ. *взвэ́нье* 'волчье логово' напрямую возводится к глаголу *взвэ́нить* в значении 'загнить'. *Оре́бный* в сочетании со словом *ветер* признается заимствованным и возводится к вепсск. *raibak*, -m 'холодный, студеный (о ветре)'. Для сущ. *грэ́зни* 'лицо' предполагается этимология от *грязь* с изменением корневого гласного, чему приводятся семантические параллели. Для глагола *набутáкиваться* в значении 'становиться облачным, покрываться тучами' предполагается развитие значения от 'бить (с шумом)' через значение 'мутить воду'. Сочетание *бреши́и растопели* рассматривается как семантический повтор, в котором *брéшень* — 'пролом в снегу, заполненный водой'. Для сущ. *куму́шки* 'льдины' приводятся две возможные этимологические трактовки: от кум м., *кума ж.* (с доказательством семантическими параллелями использования тех же терминов родства для обозначения 'встречной воды' и в астрономической сфере) или от гл. *кумоши́ть* 'переворачивать, бросая в беспорядке'.

Ключевые слова: этимология, русские диалектизмы, праславянский, заимствования.

хару́жи

М. Фасмер в своем Этимологическом словаре русского языка приводит слово *хару́жи* в значении 'половые органы' с пометой «смол.» (Добровольский). Этимология его определена им как «неясная» [Фасмер IV: 225].

Ж. Ж. Варбот в двух своих статьях рассматривает русские диалектные слова *наскарүжник* ‘пересмешник’, *наскарүжник* ‘зубоскал’ (оба слова забайкальские) и южноприкамское *бескарүжность* ‘безобразие, распущенность нравов’ (принимая здесь функцию префикса *без-* как усилительную). В приведенных словах она выделяет основу *-скарүж-*, определяя её как праславянский диалектизм **skar-ug-* от праслав. **skarati*, продолжениями которого являются в.-луж. *škarěc*, н.-луж. *škaraś* ‘ковырять, мешать, размешивать (угли); подстрекать, возмущать’, словен. *škárati* ‘отчитывать, бранить’. Варбот также приводит одну из версий дальнейшей этимологизации этих лексем — индоевропейской к **(s)čer-* / **(s)kor-* < и.-е. **(s)ker-* ‘резать’ [Варбот: 595]. Представляется возможным (1-ая версия) выделить в слове *харүжи* ту же основу *скарүж-* (с изменением *sk > x*). Семантическая мотивация этого присоединения *харүжи* к приведенной выше группе слов может быть очень простая, если сравнить слово с рус. диал. *сорóm* ‘стыд, позор, бесчестие’ и о наружных половых органах человека (Олон., Гильфердинг, Даль Петрозав.), ‘о мужском половом органе’ (Курск., 1900-1902), ‘о женском половом органе’ (Жиздр. Калуж., 1928. Краснояр.) [СРНГ 40: 30], а также *стыд* м. ‘о наружных половых органах человека’ [СРНГ 42: 110]. Возможно также, что праслав. **skarati* могло иметь значение ‘колоть, резать, драть’ и семантическая мотивировка в этом случае была бы другая, ср. *Он ее отодрал* (эвфем.) ‘о половом акте’, а также русск. диал. *расколото́винка* ж. ‘женские гениталии’: «Щас похапщину скажу: по-нашему раскалато́вина, или трещина — это у бабы между ног» (Селигер 6, 42). Ср. также как нечто выдолбленное — *посүда* ‘женские половые органы’ (Селигер 5, 71).

Однако ввиду трудности слова можно предположить существование других версий. Возможно членение слова *харүжи* на префикс *ха-* и основу *рүж-* и сближение основы со слав. **rogati*, продолжения которого тщательно рассмотрены Аникиным: рус. *ругать*, ст.-слав. р҃гати сл. ἐμπαίξειν, καταγελᾶν, с.-хорв. *rugati se* ‘насмехаться’ < **rogati se*, словен. *régati* ‘лопнуть’ < **rogati*, болг. диал. *рүжим* ‘бранить’ *рүжж* ‘обезобразивать’, с.-хорв. *rúžiti* ‘обезобразивать’ (< **rōžiti*). Он также приводит др.-рус. *рүжський* ‘безобразный, обезображенный’, рус. диал. (устюж.) *изругать* ‘испортить’, блр. *наруга, поруга, уруга* как обозначение побоев, пытки, мучений, «тесно связанного со значениями ‘ударять, бить, трескаться’ (< **reg/*rog*, слав.)» [Аникин: 75-76]. К этим продолжениям можно добавить рус. диал. *рүжка* ‘заяблина’ [Вереха: 451], д. (дерево. — Т. Г.) *рүжковатое* — ‘д. с щелями, морозобоинами у комля (Печора)’ [Вереха: 112], ср. также с. в. *лопані́на, ы* ж. ‘лопнувшее место, трещина’, слово *рүжка* ‘И рүжка бываёт, рүжка ёто бываёт метра два от земли роско́лина по болони, шчель такá, вот ёто называецца рүшка, большо-то дёрево качáет, лопані́на получа́ецца, шчель» [Сл. Низ. Печ 1, 392] *рүжáть*, несов., перех. ‘разделять на части чем-л. острым, резать’. *Рүжáть хлеб* (Шуйск. Влад., 1912) (если это не ошибка — вместо *руиáть*) [СРНГ 35: 236], с.-хорв. *орүжнети, -ним* ‘подурнеть, стать некрасивым’ (Толстой 3, 349). Таким образом, и здесь семантика слова *харүжи* по своим мотивациям зеркально соответствует семантическим обоснованиям в случае выделения в нем основы **skaruz-*: это ‘насмешка, брань’, с одной

стороны, а с другой стороны — ‘удары, битье, тресканье’. Ср., в частности, *сверло́* прост. эвфем. ‘мужской половой орган’ [Сл. брани: 296].

Возможно, существует связь слова *хару́жи* с др.-рус. *оружатися* ‘быть похотливым’ (Златостр. сл. 8*) [СлРЯ XI-XVII в. 13: 71], но оно скорее относится к чеш. *náruživý* ‘страстный’ (: *reu-g-* ‘рвать, тянуть’, приводимому Аникиным в упомянутой выше статье [Аникин: 75-76]). Наконец, нельзя не считать возможным существование и образование слова *хару́жи* в сфере жаргонной лексики, например, связи его с гл. *ха́рить* угол. ‘совершать половой акт с кем-л.’ (в том числе о гомосексуалистах), который в Большом словаре русского жаргона возводится к цыг. *хар-* ‘мужской половой орган’ [БСЖ: 643]. Этот глагол зафиксирован и в русских говорах: перм. *ха́рить* ‘любить суженую (суженого)’, *ха́риться* ‘оказывать знаки внимания друг другу’, также прилаг. *харова́тый* ‘привлекательный, способный вызвать любовь’ [Перм. сл. 2: 496].

Трубачёв приводит под праслав. **charati* укр. *ха́рими* ‘чистить’ (Гринченко IV: 387) (< **chariti*), а также мнение Г.А. Ильинского ИОРЯС XXIII, 2, 1921, 187 о том, что укр. *харими* восходит к и.-е. **kher-* ‘скрести, тереть’ [ЭССЯ 8: 20]. Возможно, последняя версия **chariti* (в том числе и в жаргоне) наиболее верная. Ср. *скрести* вульг.-прост. эвфем. ‘совершать с кем-либо половой акт’ [Сл. брани: 304], *пили́ть* вульг.-прост. эвфем. ‘совершать с кем-л. половой акт’ [Сл. брани: 258], *поро́ть* ‘то же’ [там же: 270], *просквози́ть* кого, сов. вульг.-прост. ‘совершить половой акт’, а также мол. *ха́ра* ‘мужской половой орган’ «от харить 1» [БСЖ: 643], *хару́за* офен. пренебр. ‘распутная женщина’ [там же: 644].

витязно́й

В.И. Даль приводит в гнезде *витязь* ‘храбрый и удалливый воин, доблестный ратник, герой, воевода, рыцарь, богатырь’ словосочетание *витязно́й ветер* (волж.) в значении ‘сильный, очень свежий’ с этимологией (*вытяжно́й?*) [Даль I: 208]. Словарь русских народных говоров фиксирует прилаг. *витязный, -ая, -ое* [удар.?!]: *Витязный ветер*. Свежий и сильный ветер. «Так называют бурлаки крепкий ветер» Бурнашев. Волж., Мурзаевы, 1959 [СРНГ 4: 303]. У Э.М. Мурзаева в «Словаре народных географических терминов» встречаем *витязный ветер* ‘свежий и сильный ветер на Волге’ (Максим Горький) [Мурз.: 123].

А.Е. Аникин в Русском этимологическом словаре предполагает, что это «возможно, занесенное на Волгу и там сохранившееся производное от утерянного в вост.-слав. непосредственного заимствов. из герм. источника типа др.-исл. *vikingr*, см. *витязь*. Едва ли от последнего, учитывая его книжный характер». Он также считает, что нет достаточных оснований для допускаемого Далем *вытяж-ной* [РЭС 7: 262-263]. Первое предположение едва ли возможно, зато в пользу мнения Даля как будто свидетельствует прилаг. *утиязно́й* ‘вытяжной, цельнокроенный’ (об обуви) [СРГК 6: 658]. Нельзя ли здесь предположить, что *витязно́й* (*ый*) *ветер* образовано от *вить* (< **viti*). Ср. с семантической точки зрения *курча́вый, -ая, -ое* ‘встречный (о ветре)’ (Ильмень, Шейн.). «С парусом ехать нельзя: ветер

сегодня курчавый» (арханг.) [СРНГ 16: 148]. Ср. болг. *вѣтли* 'вихри над озером', макед. *вител* 'вихрь', которые Косеска возводит к праслав. **viti* 'вить' [Koseska: 13]. Относительно формы ср. укр. *скорязний* 'спокойный', связанное с *коріти* [ЕСУМ 5: 283].

воня́ть

В Архангельском областном словаре записано два омонима: *воня́ть 1, -я́ю, -я́ет*, несов. 'дурно пахнуть' и *воня́ть 2, я́ю, я́ет*, несов. в значении, которое дается с вопросом: 'темнеть перед дождем?' «Маленько ста́ло замора́чиват, *воня́ет*. Пожа́луй, *завоня́ла*, дож бу́дет. Завоня́ло, воня́ло на облака́х, замора́чиват» [АОС 5: 82]. Там же с префиксом *за-* *завоня́ть 1, -я́ю, -я́ет*, сов. 'начать издавать резкий или неприятный запах, начать ощущать неприятный запах'; *завоня́ть 2, -я́ет*, сов. безл. 'начать темнеть, надвигаться темноте'. «Пожалуй, *завоня́ло*, дож будет». «*Завоня́ло, завоня́ло* на облаках, замора́чиват» [там же 15: 408].

Словарь русских народных говоров приводит только *воня́ть, -я́ю, -я́ешь*, несов., неперех. в значении 'пахнуть' (Дон.), 'приятно пахнуть' (Ворон. Поликарпов) [СРНГ 5: 94]. А. Е. Аникин в Русском этимологическом словаре, рассматривая *воня́ть II* 'темнеть перед дождем' (?) и, приводя пример «Завоня́ло, воня́ло на облаках, замора́чивает» из Архангельского словаря, считает, что это слово «едва ли отделимо от *воня́ться* 'взяться, приняться за что-л.' < преф. *во-* (см. *во 1*) + *-нать(ся)*, см. *воня́ть I* «Слово *воня́ть* может относиться к дождю, который вот-вот начнется» [РЭС 8: 219].

Нам кажется это толкование ошибочным, *воня́ть* 'дурно, приятно пахнуть' и *воня́ться* 'темнеть перед дождем?' — один и тот же глагол, если учесть, что перед грозой, например, резко усиливаются все запахи — благоухание цветов, травы и неприятные — нечистот, а значения приводимых в АОС глаголов ошибочны.

взве́нье

А. Е. Аникин приводит в своем словаре слово *взве́нье* в значении 'волчье логово', ссылаясь на Даля [Даль 1: 192 со знаком «?») и [СРНГ 4: 248] — «в Черниговской и других губерниях». Он этимологизирует слово как **взведьнье* от **взвесть* 'расплодиться': 'место, где плодятся волки' ? Ср. *взвѣд* [РЭС 7: 109].

Действительно, слово *взвѣд* имеет значение 'вывод или выводок птенцов' (Даль I: 192) [там же]. Однако эта этимология кажется нам слишком надуманной или усложненной. Проще считать *взве́нье* 'волчье логово' образованием от приведенного выше Аникиным глагола *взве́нить* 'загнить' [там же] (волчье логово — гниющее место с неприятным запахом). Глагол зафиксирован в Словаре говоров Русского Севера в значении 'загнить' «Корой еловой пройму закроешь так вершенья и не взвенит» [СГРС 2: 98]. Гл. *взве́нить* 'загнить' Аникин расчленяет на *вз-* и «неясное» *вѣнить*, предполагая связь с *нѣвенный* 'худой' олон. [СРНГ 20: 331], которое сближается с *навь* 'покойник' и т. п. [ЭССЯ 25: 64, s.v. **nevenъ*]. Приводится здесь же мнение Куркиной об образовании слова *невенный* < *невеянный*, к *веать* [РЭС 7: 109].

орéбный

В карельских говорах записано прилаг. *орéбный* в значении 'холодный' «От месяца сентября возьмутся с моря *орéбные* ветры» [СРГК 4: 234]. В Новгородском областном словаре приводится, как нам кажется, родственное слово *ребушко* в значении 'северо-восточный ветер': «Ребушко задул, жди мороза» [НОС 9: 119]. Л. З. Прох в своем «Словаре ветров» фиксирует, возможно, относящееся сюда же название южного ветра на Онежском озере *ребровский ветер*, среди перечисляемых им ветров на этом озере: *продольный* и *столбище* (с), *восток* (в), *галицкие ериши* (юв), *ребровский ветер*, особенно опасный для малых судов; *шалоник* (юз), *средний ветер* [Прох: 154]. Впрочем, *ребровский* ветер может восходить к местному названию **Реброво*. Слова *орéбный*, *ребушко* и, возможно, *ребровский* — названия ветров явно представляют собой заимствования, вероятно, из вепсского *raibak*, -т 'холодный, студеный (о ветре)' [Сл. вепсск.: 462].

грéзни

В Словаре смоленских говоров приводится слово *грéзни* в значении 'лицо': «Ня лесь, а то дам у грезни» [Смол. 3: 71]. На первый взгляд слово *грéзни*, как обозначение лица, как чего-либо круглого, можно считать родственным приведенному ниже слову *грезно́*, а с. 'гнездо картофеля; луковица вместе с перьями; семья грибов, ягод и т.д.'. Ср. блр. *грóзны* мн. 'карчы цыбулі' [Шаталава: 44]. Однако не исключено, что слово *грéзни* в значении 'лицо' образовано от слова *грязь* с изменением *я > е* под ударением. В русском языке есть пренебрежительные обозначения лица *харя*, *рожка* и, например, *рига*: Всю *ри́гу* раскла́чкать кому-н. 'разбить кому лицо' [Селигер: 40]. Ср. также буков. *галимага* 'морда, лицо', значения эти переносны от 'невкусная, некалорийная пицца', 'грязь после дождя' [Сл. буков. гов.: 80]. Ср. также, впрочем, не очень близкое: «Ударить лицом в грязь».

набу́такиваться

В Областном словаре вятских говоров зафиксирован глагол *набу́такиваться* 'становиться облачным, покрываться тучами', *набу́такиваться* сов. к *набу́такиваться*: «Смотри, как небо набу́такилось». Здесь же приводятся глаголы *набу́ткать* 'побить кого-либо', 'наказать физически' и *набу́тать* сов. 'положить, налить чего-либо сверх меры', 'побить кого-либо' [Вят. сл. 6: 127]. Значение 'положить, налить чего-либо сверх меры' как будто близко значению 'становиться облачным, покрываться тучами'. А. Е. Аникин гл. *бутáть* 'шумом, стуком пугать рыбу' считает звукоподражательным и возводит его к праслав. **butati*, **butaję* 'бить (с шумом)' [РЭС 1: 215], предполагает его связь с *бу́тити* II 'бить, колотить', s.v. *бу́тити* II приводит рус. диал. *бу́тить* 'мутить воду' [там же: 218]. В таком случае, если предположить у глагола (*на*)*бу́ткать* существование

первоначального значения 'мутить воду', можно думать, что и у глагола *набу-та́киваться* значение 'становиться облачным, покрываться тучами' развилось из значения 'мутиться'.

брешни растопели

А. Е. Аникин рассматривает в своем Русском этимологическом словаре словосочетание *брешни растопели* в значении 'оттепель', приводя еще *брéшень* 'снег с водой': «Весной снег стоит в ручьях, брéшень» волог. (СГРС 1: 184)» и связывает неуверенно с *брешáть* 'брести, идти тихо', *брецáть* (кони едва-то и брещут) новг. (НОС 1: 87), кот., видимо, к *брести* [РЭС 4: 207]. Однако здесь возможно и другое объяснение: главное в семантике этого словосочетания — значения 'проваливаться, проламываться (о льде, насте, снеге)', в этом случае очевидна связь с *брéхать* 'бодать, пырять; брухаться, бить рогами, толкать, тыкать, колотить', приводимым Аникиным в том же томе Словаря. Слово толкуется им как звукоподражательное и связанное с *брéхать* [там же: 206]. Т.е. *брéшень* — пролом в снегу, заполненный водой. Словосочетание *брешни растопели* образовано как аналогичное *пути-дороги, печки-лавочки, заря-свет, гуси-лебеди* и т.д.

ку́мушки

Слово в значении 'льдины' зафиксировано во владимирских говорах (запись 1946 г.) в Словаре русских народных говоров [СРНГ 16: 87]. Это, возможно, образование от *кум* м., *кума* ж. 'восприемник, -ница, крестный отец и мать; // состоящие в духовном родстве вообще; но крестнику своему восприемники не кум и кума, а только между собою и относительно родителей и родичей его' [Даль II: 217]. Этот термин родства встречается в русских говорах в обозначении встречной воды (в водоеме). *Кумова вода* 'встречная вода' (дон., 1929) [СРНГ 16: 87]. Далее, сюда же *ку́моворот* и *кумоворо́т*, а м. 'водоворот' [СРНГ 16: 85], *кумовица*, *ы* ж. [удар.?] 'обратное течение реки у берега' (новг.) [там же], *кумовник*, а м. 'водоворот (в реке)' (Карг. Олон. Шустиков) [там же]. Ср. также обозначение жидкой субстанции *ку́мушка* 'водка домашнего изготовления' [там же: 87].

Термин родства *кум* встречается и в астрономических обозначениях (в болгарском языке) *ку́мовата сла́ма* 'Млечный путь' [Koseska: 89]. Словом *ку́мушка* обозначался и последний сноп с поля, именной [Даль2 II: 218]. Возможно, также название льдины по форме снопа, толстого, круглого, что менее вероятно. Есть еще одна возможность образования слова *ку́мушки* 'льдины' — от гл. *кумоши́ть* (ком?) 'переворачивать, бросая в беспорядке' (волог.) [там же 217], т.е. нагромождение льдин?

Литература

Аникин А. Е. К семантическому анализу некоторых славянских слов / Этимология 1982. Отв. ред. О. Н. Трубочёв. М.: Наука, 1985. 195 с.

Варбот Ж. Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (забайкальские говоры) / Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор. История, 2012. 648 с.

Варбот Ж. Ж. Уже не гапаксы / Этнолингвистика. Ономастика. Этимология // Материалы III Международной научной конференции, Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г. // Отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2015. 318 с.

Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря, СПб.: 1898.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с., ил.

Прох Л. З. Словарь ветров / под ред. Л. Е. Анапольской. Л.: Гидрометеиздат, 1983. 312 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Вып. I–IV. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубочёва. М.: Прогресс, 1964–1973.

Шаталава Л. Ф. Беларуская дыялектнае слова. Мінск: Навука і тэхніка, 1975. 208 с.

Koseska V. Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wr.-W-Wn-Kr. — Gdańsk. Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1972. 171 s.

Сокращения

АОС — Архангельский областной словарь / под редакцией О. Г. Гецевой. Вып. 1–15. М.: Изд-во Московского университета, 1980–1915.

БСЖ — *В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина* Большой словарь русского жаргона. СПб: Норинт, 2000. 716 с.

Даль 1 — *В. И. Даль* Толковый словарь живого великорусского языка / 2-е издание. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, 699 с.

Вят.сл.6 — Областной словарь вятских говоров / Ред. З. В. Сметанина. Вып. 6 (М — Н). Киров: Изд-во ВятГТУ, 2011, 266 с.

ЕСУМ 5 — *Етимологічний словник української мови*. Гол. ред. О. С. Мельничук. Вип. 5 (Р-Т) Київ: Науково-видавничий відділ філології, художньої літератури та словників, 2006. 703 с.

НОС 9 — Новгородский областной словарь / Авт.-сост. А. В. Клевцова, В. П. Строгова; отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 9 (Пральник — Р). Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета, 1994. 168 с.

Перм.сл.2: Словарь пермских говоров. Составители: Борисова А. Н., Гордеева О. В. — Вып. 2 (О–Я). Пермь: Изд-во Мисюра Е. К. и др. «Книжный мир», 2002. 574 с.

РЭС — А. Е. Аникин Русский этимологический словарь. Вып. 1–9- / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Знак, 2007–2015-.

Селигер 1 — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь/ Под ред. А. С. Герда. Вып. 1., Тверь: Изд-во СПб. гос. университета, 2014. 216 с.

Сл. брани — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина Словарь русской брани / матизмы, обцензизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2004. 447 с.

Сл. буков. гов. — Словник буковинських говірок / За заг. ред. Н. В. Гуйвенюк. Чернівці: Рута, 2005. 688 с.

Сл. вепсск. — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен Словарь вепсского языка. Ленинград: Наука, 1972, 745 с.

Сл. Низ. Печ. 1 — Словарь русских говоров Низовой Печеры. Т. 1: Аблемай — Ощупя / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003. 553.

СлРС II — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Том II (В). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 202 с.

Смол. 3 — Словарь смоленских говоров / Учебное пособие. Ред. Е. Н. Борисова. Вып. 3 (Г — Д). Смоленск, Смоленский государственный педагогический институт имени Карла Маркса, 1982. 169 с.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6 / Отв. ред. Л. В. Зубова, О. Л. Черепанова; Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. редактор Ф. П. Филин. Вып. 1–47-. Л., СПб.: Наука, 1965–2014-.

Толстой³ — Сербскохорватско-русский словарь / Составил Н. И. Толстой // Издание третье, исправленное и дополненное. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1970. 735 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. / Отв. ред. О. Н. Трубачёв, А. Ф. Журавлев. Вып. 1–41-. М.: Наука, 1974–2018-

Goryacheva T. V.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

etymol@mail.ru

CONTRIBUTION TO ETYMOLOGY OF SEVERAL RUSSIAN DIALECTAL WORDS

The paper deals with the etymological research of nine Russian dialectal words: *хару́жи*, *вита́зної*, *воня́ть*, *взвѣнье*, *оребный*, *грѣзни*, *набу́такиваться*, *бреши* *растопели*, *кѹмушки*. For the word *хару́жи* are presumed three different ways of morphemic division and, consequently, three probable etymologies: from Proto-Slavic **skarati*, Proto-Slavic **rogati* and to Gypsy *har-*. The word *вита́зної* is connected with

the root *вить* (< **viti*). The word *воня́ть* in the sense 'to get dark before the rain?' is combined with the same verb in meaning 'to smell pleasant or bad', the author rejects its relationship with the word *вня́ть*. The noun *взвѣ́нье* 'wolf's lair' is directly elevated to the verb *взвѣ́нить* in the sense 'to rot'. *Оребный* in conjunction with the word *ветер* is considered as borrowing, it is built from the Veps. *raibak*, -m Sod.Vg.a 'cold, chill (wind)'. For the noun *грѣ́зни* 'face' is supposed derivation from *грязь* 'dirt' with a change of the root vowel, the author offers some semantic parallels. For the verb *набу́такиваться* in the meaning 'becomes cloudy, overcast' is offered the development of meaning from beat (with noise) through 'to puddle'. The phrase *бреши́ни растопели* is regarded as semantic iteration, in which *бреше́нь* — 'a break in the snow filled with water'. For the noun *ку́мушки* 'floe' possible etymological interpretations are: 1. from *кум* m., *кума* f. (that can be proved by semantic parallels of the same kinship terms with meaning 'flowing water' and in astronomy) or 2. from the verb *кумои́уть* 'to throw in mess'.

Key words: etymology, Russian dialect, Proto-Slavic, borrowings.

References

- Anikin A. [To the semantic analysis of some Slavonic words]. *Etimologiya* 1982 [Etymology 1982]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 195 p. (In Russ.)
- Anikin A. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–8–. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2007–2014–.
- Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Ed. O. G. Getzova. Iss. 1–15–. Moscow: Nauka Publ., 1980–2013–. Iss. 13 E–Zhibuchey. 2010.
- Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, St. Petersburg; Moscow, 1880–1882.
- Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Praslavianskii leksicheskii fond.* [Etymological Dictionary of Slavonic Languages. Common Slavic lexical stock]. Ed. by Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. Iss. 1–40–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2016–.
- Etymologichnyi slovnyk ukraïns'koiï movy.* [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Ed.: O. S. Mel'nychuk (gen. ed.), I. K. Bilodid, V. T. Kolomietz', O. B. Tkachenko etc. Iss. 5. Kiev, Research Department of Philology, Literature and vocabularies Publ., 2006. 703 c.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV. Moscow: Progress Publ., 1964–1973.
- Koseska V. *Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wr.-Wn-Kr.* [Bulgarian meteorological vocabulary against the Common Slavic background]. Wr.-Wn-Kr. — Gdańsk, Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1972. 171 s.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona* [The large dictionary of Russian slang]. St.-Petersburg: Norint Publ., 2000. 716 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Slovar' russkoiï brani / matizmy, obstszenizmy, evfemizmy* [Dictionary of Russian foul language, obscene words, euphemisms]. St.-Petersburg: Norint Publ., 2004. 447 p.

Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of popular geographical terms]. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 653 p.

Novgorodskii oblastnoi slovar' [Novgorod regional dictionary]. Ed. V. P. Strogova. Iss. 9. Novgorod: Publ. of Novgorod Pedagogical Institute, 1994. 168 p.

Oblastnoi slovar' vyatskikh govorov [The regional dictionary of Vyatka dialects]. Ed. Z. V. Smetanina. Iss. 6 (M — N). Kirov: Vyatka State Technical Institute Publ., 2011, 266 p.

Prokh L. Z. *Slovar' vetrov* [Dictionary of winds]. Ed. L. E. Anapol'skaya. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 1983. 312 p.

Seliger. Materialy po russkoi dialektologii. Slovar' [Seliger. Materials on Russian dialectology]. Ed. A. S. Gerd. Iss. 1., Tver', Saint-Petersburg State University Publ., 2014. 216 p.

Shatalava L. F. *Belaruskaya dyalektnae slova* [Belarusian dialect words]. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1975. 208 p.

Slovar' govorov Russkogo Severa [Dictionary of dialects of the Russian North] Ed. A. K. Matveeva. Vol. II (V). Ekaterinburg: Ural University Publ., 2002. 202 p.

Slovar' permskikh govorov [Dictionary of Perm' dialects] Edd.: Borisova A. N., Gordeeva O. V., Iss. 2 (O-Ya). Perm', Misyura E. K. etc. Knizhnyi mir Publ., 2002. 574 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian dialects in Karelia and neighboring regions]. Gen. ed. A. S. Gerd Vol. 1–5. St.-Petersburg, Publ. of St. Petersburg University, 1984–2005.

Slovar' russkikh govorov nizovoi Pekhory [Dictionary of Russian dialects in the lower reaches of the river Pechora]. Vol. 1–2. St.-Petersburg, Philological faculty of St. Petersburg State University, 2003.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 1–. Moscow, Leningrad / St.-Petersburg, Nauka Publ., 1965–.

Slovar' smolenskikh govorov [Dictionary of Smolensk dialects]. Ed. E. N. Borisova. Iss. 3 (G — D). Smolensk: Smolensk State Pedagogical University Publ., 1982. 169 p.

Slovník bukovin'skikh govirok [Dictionary of Bukovina dialects]. Ed. N. V. Guiveinyuk. Chernivtsi: Ruta Publ., 2005. 688 p.

Tolstoi N. I. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'* [Serbian-Croatian-Russian dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970. 735 p.

Varbot Zh. Zh. [No longer hapaxes]. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Materials of the III International Scientific Conference*, Ekaterinburg, Ural University Publ. 2015. 318 (In Rus.)

Varbot Zh. Zh. [Notes on the etymology of Russian dialect vocabulary (Transbaikalian dialects)]. Varbot Zh. Zh. *Studies on Russian and Slavic etymology* Moscow, St.-Petersburg: Nestor-Istoria Publ., 2012. 648 p. (In Rus.)

Verekha P. N. *Opyt lesovodstvennogo terminologicheskogo slovarya* [An Essay of a Dictionary of Forestry Terms]. St.-Petersburg, 1898.

Zaitseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Veps Dictionary]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 745 p.

Пршемыслав Дембовяк
Институт польского языка Польской АН
(Польша, Краков)
przemyslaw.debowiak@ijp-pan.krakow.pl

Богумил Островский
Институт польского языка Польской АН
(Польша, Краков)
bogumil.ostrowski@ijp-pan.krakow.pl

Ядвига Ванякова
Институт польского языка Польской АН
(Польша, Краков)
jadwiga.waniakowa@ijp-pan.krakow.pl

ЭТИМОЛОГИЯ В «БОЛЬШОМ СЛОВАРЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА ПОЛЬСКОЙ АН»*

В задачи работы входит определение задач и способов подачи этимологических комментариев в «Большом словаре польского языка» Польской АН для всех типов слов. Дериваты объясняются путем отсылки к производящему слову, где приводится этимологическая справка в полном объеме. При объяснении родственных слов обычно дается реконструкция исходной праславянской формы, там, где возможно, объясняется развитие значения и семантическая мотивация. Для заимствований указывается не только непосредственный источник заимствования, но и приводятся возможные языки-посредники. Рассматриваются также кальки.

Ключевые слова: этимология, Большой словарь польского языка Польской АН, заимствования, кальки.

Как следует из предисловия к словарю его редактора Петра Жмигородского¹, «Большой словарь польского языка Польской Академии наук» (= *Wielki słownik języka polskiego PAN*, далее — *WSJP PAN*) является словарем документированным,

* Работа подготовлена при финансовой поддержке программы Министерства Науки и Высшего образования «Национальная программа развития гуманитарных знаний» 2013–2018.

¹ См. http://wsjp.pl/pobieranie/Zasady_opracowania_WSJP.pdf с. 7.

т. е. таким словарем, который опирается на аутентичную материальную базу². Базовым источником словаря является прежде всего Национальный корпус польского языка (далее — НКЯР). Важным источником стал также созданный в Институте польского языка Польской АН специально для потребностей словаря вспомогательный корпус, в который вошли тексты, которых нет в НКЯР. Другим источником стал польский интернет и, кроме того, собственные эксерпции авторов статей. В ограниченной степени авторы словаря используют также другие лексикографические источники, созданные в Институте польского языка Польской АН. В WSJP PAN принимаются во внимание только те лексические единицы (слова, фразеологические единицы, пословицы и поговорки), которые засвидетельствованы в этих источниках.

WSJP PAN является словарем современного польского языка в широком смысле этого слова, так как охватывает временной период с 1945 г. Однако необходимо подчеркнуть, что с учетом специфики источников значительная часть материала приходится на последние десятилетия XX в. и начало XXI в. Кроме того, WSJP PAN является словарем дескриптивным, а не нормативным. Необходимо отметить, что авторы не исключают из описания языковые реализации, признаваемые некорректными. При этом они только ограничиваются информацией о нормативной неприемлемости отмеченных фактов на основе «Большого нормативного словаря польского языка (PWN) и стилистической характеристики субстандартных единиц.

Одновременно WSJP PAN является словарем академическим, потому что авторы стремятся использовать в наибольшей степени достижения польского языкознания XX в., особенно в области семантического, флективного, синтаксического описания лексических единиц, при том, однако, описание дается в доступной форме, так как ориентировано по возможности на очень широкий круг пользователей польского языка.

И, наконец, WSJP PAN является словарем электронным *sensu stricto*, а это значит, что он изначально запланирован таким, а не является перенесением в электронную форму напечатанного словаря. Благодаря этому в нем используются такие структуры словарных статей и такие формы презентации материала, которые снимают ограничения, характерные для бумажных словарей³.

В словаре будут представлены следующие виды словарных статей: отдельные самостоятельные слова (единицы односегментные = односложные), представляющие разные части речи, фразеологические единицы, наречия, имеющие высокую частотность, сокращения, аббревиатуры и отдельные собственные имена⁴.

Словарь можно найти в интернете по адресу <http://wsjp.pl>

Как известно в задачи этимологии входит установление происхождения слова. Важно подчеркнуть, что этимологические исследования нацелены на реконструкцию самой ранней и даже первичной формы слова, его корня, а также самого

² Первая версия принципов составления словаря, появившаяся в 2012 г., доступна по адресу <http://rcin.org.pl/dibradocmetadata?from=rss&id=53406>

³ Подробнее о WSJP PAN, его истории и перспективах см. напр. Żmigrodzki 2015: 177–187.

⁴ См. http://wsjp.pl/pobieranie/Zasady_opracowania_WSJP.pdf с. 8.

раннего и даже первоначального значения, т. е. его этимологического значения. Затем также важна реконструкция первоначальной мотивации слова, объяснение его структуры, т. е. определение его морфологического состава. Следовательно, этимология занимается как формальной стороной словаря, так и раскрытием его семантической мотивации и семантического развития. Ни один из аспектов этой реконструкции, ни формальный, ни семантический, не может доминировать, ни один из них не может быть проигнорирован⁵. Здесь действует принцип, который можно назвать «законом соответствия формы и содержания», в соответствии с которым исследования развития формы должны всегда идти вместе, параллельно с изучением семантического развития⁶. В этимологических исследованиях используется методы сравнительно-исторической грамматики, которая основана на сопоставлении слов, исторически родственных или взаимно соответствующих друг другу, на соблюдении собственно языковых законов. О вероятности этимологии можно говорить, когда все формальные изменения, от первоначальной формы до этимологической первоосновы, поддаются объяснению на основе действия параллельных лингвистических принципов, а семантические изменения рациональны и имеют семантические параллели.

Ясно, что проблематика этимологических исследований имеет очень много аспектов, потому что форма слова не всегда может быть объяснена как унаследованная или как заимствование. Она может быть как результатом морфологических, словообразовательных процессов (как напр. польск. *kawiarnia* ‘место, где пьют кофе’), так и семантических (расширение, сужение значения или развитие переносного значения, ср. напр. ст.-польск. *biegun* ‘бегун, гонец’ и совр. польск. *biegun* в некоторых научных значениях).

Для коллектива этимологов, работающих над WSJP PAN, необычайно важен вопрос о принципах выбора заглавного слова в словаре, что определяет и просто направляет характер действий при работе с информацией о происхождении слова. В WSJP PAN графический вид словарной статьи, а также интерпретация грамматической единицы являются критериями выбора заглавного слова. В отдельных случаях описываются единицы, различающиеся орфографией (прописная / строчная буква), как напр. *baran* ‘зверь; шкура; о человеке’ — *Baran* ‘созвездие; знак зодиака; человек-носитель этого знака’), или единицы с разной грамматической характеристикой на уровне так наз. частей речи, при этом заглавные слова, идентичные по форме, отмечены римскими цифрами, напр. *piec I* (глагол), *piec II* (существительное); *absolutnie I* (наречие), *absolutnie II* (в роли функции); *pięć I* (числительное), *pięć II* ‘оценка 5 в школе’ (существительное); *zielony I* (прилагательное), *zielony II* (существительное)⁷.

⁵ Весьма обширна литература на эту тему, ср. напр., Sławski 1958: 99–107, а из недавних работ см. [Jakubowicz 2010: 35–44].

⁶ Законы языкового развития, методологические приемы при реконструкции формы и значения или семантических изменений требуют особого рассмотрения, в данной работе мы не касаемся этой проблематики.

⁷ Cp. http://wsjp.pl/pobieranie/Zasady_opracowania_WSJP.pdf, с. 8.

Не применимо в связи с этим определение состава заглавных слов и соответствующих словарных статей по этимологическому принципу, что означало бы, как полагают авторы словаря, смешение критериев синхронного и диахронного характера. Кроме того, последовательное привлечение этимологии в соединении с учетом в словарных статьях только непосредственного источника заимствования могло бы привести к значительному увеличению числа «двойных» словарных статей (ибо для отдельных лексических значений, таких как, напр., *mysz* ‘устройство для управления компьютером’, *sezon* ‘собрание отрезков телевизионного сериала’, которые являются семантическими заимствованиями из английского языка, потребовались бы отдельные заглавные слова). Такой принцип выбора заглавного слова в WSJP PAN означает, что информация о происхождении должна быть дана отдельно для каждого значения внутри словарной статьи. Естественно, для многих заглавных слов происхождение будет общим для всех составляющих его значений⁸. Однако немало заглавных слов с разным происхождением составляющих его значений. Примером такой ситуации может быть многозначное ŁATA, которое в WSJP PAN имеет даже 11 значений: 1) ‘кусок материала, нашиваемый на дыру в одежде, чтобы ее закрыть, или используемый для укрепления в одежде протершегося места’; 2) ‘кусок материала определенного цвета, формы или с определенным рисунком на одежде, который служит ярлыком’; 3) ‘то, что заполняет или закрывает образовавшуюся в чем-л. дыру’; 4) ‘дополнение или актуализация более ранней версии компьютерной программы с целью устранения ошибок, добавления новых функций или увеличения эффективности его работы’; 5) ‘выделяющееся на общем фоне пятно другого цвета’; 6) ‘часть воловьей туши, вырезанная между окороком, передней частью задней ноги, ребрами и оковалком’; 7) ‘большая деревянная планка квадратная или прямоугольная, прибиваемая к элементам деревянной конструкции, главным образом к крыше’; 8) ‘гладкая доска, служащая для выравнивания поверхности штукатурки, паркета и т. п.’; 9) ‘инструмент в форме деревянной палки с делением, служащим для измерения длины и различия в высоте’; 10) техн. ‘устойство в форме столба с делениями, вбитого в дно реки, для измерения уровня воды в реке’; 11) техн. ‘в деревообрабатывающей промышленности тес, по размеру близкий к квадрату и толщиной от 32 мм до 10 см’. Три первые значения, а также значения пятое и шестое восходят к праслав. **lata* ‘лоскут, кусок; вставка, заплат (на одежде, обуви)’, четвертое значение — калька англ. *patch*, значение седьмое и восьмое выводят из ср.-в.-нем. *latte, late* ‘жердь, балка’, а значения девятое, десятое и одиннадцатое происходят от нем. *Latte* ‘планка, рейка’⁹.

Принципы подачи информации о происхождении отдельных слов изменились по сравнению с тем, что было принято в начале работы над WSJP PAN и что представлено в статьях, законченных к 2012 г. (ср. выше сноску 2). Тогда было принято, что этимологическая информация будет подаваться только в словарных статьях, описывающих заимствования. С 2013 г. этимологическая информация дается

⁸ Ср. http://wsjp.pl/pobieranie/Zasady_opracowania_WSJP.pdf, с. 9.

⁹ Ясно, что нем. *Latte* ‘рейка, планка’ продолжает ср.-в.-нем. *latte, late* ‘жердь, балка’.

во всех статьях с единой заглавной формой слова (за исключением собственных названий и прилагательных от этих существительных), к ним относятся следующие типы: обычные слова (существительные, прилагательные, наречия, глаголы, заимствования, числительные) и слова, наделенные определенной функцией (предлоги, частицы), а также в некоторых статьях фразеологизмы. Другими словами, объяснение приводится при каждом отдельном слове, имеющем словарную статью, а статьи, объединяющие разные слова, не содержат этимологической информации. Теперь в написанных ранее (до 2013 г.) статьях, посвященных отдельным словам, информация о происхождении слов также постепенно дополняется¹⁰.

Для родственных слов этимологическая информация обычно сводится к приведению формы, реконструированной для позднепраславянского языка, с сохранением соответствующей записи на основе данных этимологических словарей польского языка, а также обстоятельных этимологических исследований. Вот примеры:

BIAŁY < праслав. **běly* >

LECIEĆ < праслав. **letěti* >

PIĘKNY < праслав. зап. **pěknъ* ‘пестрый, цветной, украшенный’; носовой *e* в *pięknу* вторичен >.

В тех случаях, когда этимология слова неочевидна (напр., когда взгляды этимологов не совпадают), вслед за конкретной информацией даются отсылки к работам, которые даются в сокращенной форме. Напр., сокращение (Bor) в конце информации о происхождении слова в WSJP PAN означает, что эта информация основана на интерпретации фактов и языковых данных В. Борыся, автора «Этимологического словаря польского языка» (ESJP).

Для производных, мотивированных на синхронном уровне, указывается только производящая для них основа или словарная статья, где можно найти полную информацию о происхождении слова, напр.:

BRODATY см. *broda*;

CHORAĞIEWKA см. *chorągiew*;

SAMOTNIK см. *samotny*.

В способе отсылок к другим словарным статьям для родственных слов и ранних заимствований мы следуем системе отсылок, принятой в ESJP. Следование этому принципу обеспечивает цельность и единство ссылок в зоне этимологической информации во всех словарных статьях WSJP PAN.

Для дериватов, не мотивированных на синхронном уровне, сообщается полная информация о происхождении так же, как в случае остальных родственных слов, ср.:

PRZYCHÓD — отглагольное существительное от префиксального гл. *przychodzić*; см. *chodzić*.

В определенных статьях значение праславянского этимона настолько отличается от значения (значений) польских континуантов, что возникает необходимость объяснить развитие семантики, т. е. семантический переход от праславянского

¹⁰ Ср. http://wsjp.pl/pobieranie/Zasady_opracowania_WSJP.pdf, с. 20.

значения к значению в польском языке. В таких словарных статьях мы немного останавливаемся на вопросах исторической семантики, особенно если объяснение касается неизвестных реалий славянской культуры, ср. напр.

PRZYSIĄĆ < праслав. **prisęgti* ‘достать, дотронуться’; значение ‘принести присягу, поклясться’ вторично; вероятно, оно сложилось в сочетании **prisęgti zemjo* ‘касаться земли, брать землю’, отсюда ‘принести присягу, присягнуть (на земле)’ в связи с торжественным ритуалом у славян принесения присяги, во время которого присягающий касался земли или землю ел, целовал либо держал в руке (Vor)¹¹; см. *sięgać*.

Происхождение иностранных слов, частично или полностью заимствованных из другого языка, далее заимствований и калек определяется на основе данных словарей иностранных слов, информации из этимологических словарей, словарей национальных языков, двуязычных словарей, а также из специальных этимологических работ. Примером слова, полностью заимствованного, может служить

BULDENEŻ бот. ‘декоративный куст с шарообразным соцветием, напоминающим по форме и цвету снеговые шары, встречается в парках и садах; *Viburnum opulus roseum*’ < франц. *boule de neige* ‘снеговой шар’.

Иноязычное слово, ставшее основой заимствования, дается в оригинальном написании (с сохранением диакритики) тогда, когда данный язык пользуется латинским алфавитом, ср. напр.:

ABAŻUR < франц. *abat-jour*>

Графическая форма чужого слова, ставшего основой заимствования, дается тогда, когда она отличается от графической формы в польском языке. В случае, если слово происходит из языка, имеющего другой алфавит, не латинский, слово, ставшее основой заимствования, приводится в транслитерации с сохранением соответствующих диакритических знаков, напр.

BORYKAĆ SIĘ < укр. *borykásja*>.

Долгота (в виде черточки над буквой) обозначается исключительно в тех случаях, когда гласный долгий, ср.

LUMBAGO < лат. *lumbāgō*>

Значение слова в языке-источнике заимствования приводится тогда, когда отличается от значения заимствованного слова.

Ниже примеры особых ситуаций, связанных с заимствованиями:

1) данное заимствованное слово пришло из другого языка, а его написание и значение не претерпели изменения по отношению к исходному слову в языке, из которого пришло заимствование, напр.:

CICERONE < итал.>

2) данное слово заимствовано из иностранного языка, и его графическая форма изменилась по отношению к слову-источнику, которое было заимствовано, но значение слов в обоих языках тождественно, напр.:

MALTRETOWAĆ < франц. *maltraiter*>

¹¹ Как показывает сокращение (Vor), это авторское объяснение, взятое из «Этимологического словаря польского языка» В. Борыся.

3) данное слово заимствовано из иностранного языка, его графическая форма не претерпела изменений по отношению к языку, из которого слово было заимствовано, но значение слов в языках разное, напр.:

FILIA 'отдел института, предприятия' < лат. 'дочка' >

4) данное слово заимствовано из иностранного языка, его графическая форма претерпела изменения по отношению к слову-источнику в языке, из которого слово заимствовано, при этом значения в обоих языках различаются, напр.:

ADVENT 'в католической литургии период, охватывающий четыре недели перед Рождеством' < лат. *adventus* 'приход' >

В WSJP PAN встречаются также заимствованные слова-цитаты. К ним применяются те же самые принципы этимологического описания, что и к другим заимствованиям, напр.:

AD REM < лат. >

AB OVO 'от начала' < лат. 'от яйца' >

Среди заимствований в WSJP PAN есть также интернационализмы. Если слово, будучи основой заимствования, выступает более, чем в одном языке, и нет определенности, из какого конкретного языка оно заимствовано, приводится „internac.” или в сокращенном виде названия языков вместе с соответствующими формами слов в этих иностранных языках, напр.:

FALSIFYKATOR internac. < англ. *falsificator*, франц. *falsificateur*, нем. *Falsifikator*.

Достаточно часто интернационализмы состоят из морфем, истоки которых в латинском или греческом языках. Тогда этимологическое описание более длинное, оно охватывает не только формы в трех иностранных языках, но также и происхождение этой формы, а в ней греческих или латинских морфем. Выглядит это следующим образом:

LEUKOCYT биол. 'бесцветная клетка крови и лимфы, выполняющая в организме защитную функцию' internac. < англ. *leucocyte*, франц. *leucocyte*, нем. *Leukozyt* из н.-лат. *leucocytus* > < греч. *leukós* 'белый' + греч. *kýtos* 'кувшин, сосуд; тело' >

В последнем примере видно, что если заимствованное слово состоит из заимствованных морфем, то они показаны вместе с их значениями, напр.:

MAGNETOTERAPIA мед. 'метод лечения, основанный на использовании магнитного поля' internac. < англ. *magnet therapy*, франц. *magnétothérapie*, нем. *Magnettherapie* > позднегреч. *mágnēs*, *-ētos* 'магнит' + греч. *therapeía* 'забота, почтение, лечение' >.

При заимствованиях часто имеем дело с такими ситуациями, когда в процессе заимствования какой-то язык выступает в качестве посредника. Тогда в первую очередь приводится язык, из которого слово непосредственно заимствовано в польский язык, а далее приводятся также дальние источники (если они очевидны, повсеместно известны или как-то важны), напр.:

POLITYK < нем. *Politiker*, из лат. *politicus* >

Если какое-то слово является производным от заимствованного слова, в словаре дается отсылка к производящему слову. В указанной статье дается полная информация о происхождении слова, напр.:

BLUESOWY < от: *blues*>

BEZKONFLIKTOWY < от: *konflikt*>

Объяснительная часть словаря в WSJP PAN содержит не только строго этимологическую информацию. Особое внимание к тому, что может помочь в понимании не входящего в определение значения лексической единицы. Чаще всего это касается эпонимов, крылатых слов, пословиц, фразеологизмов с компонентами, отсылающими к форме географических названий или историзмов (выражений библейских, мифологических) или терминов, состоящих из компонентов, связанных с собственными именами. В качестве примера можно привести статьи:

KURONIÓWKA простореч. ‘пособие по безработице’ < от имени *Jacek Kuroń* (1934–2004), общественный и политический деятель, министр труда и социальной политики в 1989–90 и 1992–93>.

KOŚCI ZOSTAŁY RZUCONE ‘перейти Рубикон, т. е. то, что неотвратимо, обратное невозможно’ < слова, которые сказал Юлий Цезарь, переходя реку Рубикон и тем самым положив начало гражданской войне в Риме в 49 г. н.э. >.

Как сказано выше, не всегда ясно происхождение слов. Часто приходится решать, какую из этимологических версий, представленных в разных исследованиях, можно признать наиболее вероятной. Большую помощь в этом отношении оказывают этимологические словари отдельных языков, в особенности общеславянские словники, в том числе московский ЭССЯ [ЭССЯ 1–40–] или краковский ‘Праславянский словарь’ [SP 1–8-]¹². Строгое следование определенным принципам позволяет нам сделать выбор самой надежной реконструкции формы и значения, а также наиболее правдоподобной семантической мотивации¹³. Примером может служить слово *mandarynka*. Токарский [Tokarski SWO] пишет о том, что слово может происходить от *mandaryn* ‘высокое должностное лицо, сановник и ученый в старом Китае’ с учетом цвета одежды этих китайских сановников или от названия острова *Mandar = Mauritius*. В словаре Эльжбеты Собол [Sobol SWO] допускается только одна возможность, а именно заимствование *mandarynka* из франц. *mandarine*, которое от исп. (*naranja*) *mandarina* ‘апельсин с острова Мандара’ (с острова Mauritius в Индийском океане)¹⁴. В этом случае единственное, что необходимо сделать, состоит в проверке происхождения слова-источника в испанском языке. Это позволяет окончательно утверждать, что франц. (*orange*) *mandarine* из исп. (*naranja*) *mandarina*, что дословно значит ‘мандаринский (апельсин)’, а семантической мотивацией является цвет мандарин, а не название острова Mauritius¹⁵.

¹² Последующие вып. 9 и 10 в печати. В 2017 г. (под руководством М. Якубович) начата работа над 11 т. в рамках грантового проекта «Национальная программа поддержки гуманитарного знания».

¹³ Тут не место останавливаться на принципах методологии этимологической науки, поскольку эта проблематика выходит за рамки настоящей работы.

¹⁴ Такое же определение находим в словаре Баньковского (ESJPBańk). Важно отметить, что А. Баньковский был членом редколлегии *Словаря иностранных слов* под общей редакцией Э. Собол.

¹⁵ К этому следует добавить, что остров *Mauritius* никогда не имел названия *Mandara*. Непонятно, к какому источнику восходит этимология слова в обоих словарях иностранных

Обработывая информацию о происхождении слов для WSJP PAN, часто мы вынуждены вносить коррективы в ошибочные этимологии, представленные в этимологических словарях и в словарях иностранных слов. Примером может служить статья WOLONTARIUSZ < лат. *voluntarius* ‘доброволец’>. В словаре [Sobol SWO] ошибочно сообщается о происхождении из франц. *volontaire*, тогда как форма слова (окончание –*usz*), так и исторические свидетельства (с *-u-*), а также их датировка (ср. WSJP PAN s.v.) указывают на заимствование из латинского языка.

При работе над этимологией в WSJP PAN случаются ситуации, когда этимология данного слова отсутствует. Такая проблема обычно встает в словарях разговорного, старого, специального либо диалектного языка, главным образом такого, который выводится из иноязычного источника¹⁶. Происхождение многих таких слов не разработано в польском языке. Примером может служить статья PACYNKA, в которой четыре подраздела, при этом в каждом из них своя этимология. Собственно значение ‘кукла на руке, приводимая в движение с помощью пальцев руки’ доставило нам много хлопот. После долгих поисков мы пришли к следующему выводу: < возможно, нем. *Patsche* ‘рука, лапка’, возможно, польск. **palcynka* ‘кукла, приводимая в движение пальцами руки’; этимология неясная; слово ввел Ян Штаудынгер (Jan Sztudynger), знаток кукольного театра, который, с его слов, услышал его от бабушки > (ср. WSJP PAN s.v.)¹⁷. Довольно много таких темных слов без определенной этимологии. Перечисление их заняло бы много места. Цель этимологии — выяснить, откуда их можно вывести.

При определении происхождения слов в WSJP PAN совсем непростой является проблема калек. Правда, многие из них давно раскрыты, но в то же время для многих слов (и при том постоянно новых) допустимо предположение о том, что они воспроизводят структуру семантических элементов другого языка. Для нас проблема калек наиболее сложна, несмотря на богатую литературу на эту тему¹⁸. Если говорить в общем плане, то в современном словаре польского языка можно подозревать кальки, особенно из области экономики, политики и компьютерной техники. Определенную помощь, с большой долей осторожности, может оказать словарь А. Баньковского (ESJPBańk).

Подводя итог сказанному, следует четко отметить, что в WSJP PAN этимологическая зона сегодня не дает этимологии *par excellence*, сообщается только в очень кратком виде этимологическая информация, позволяющая читателю

слов , однако видно, что словари друг за другом повторяют ряд определений без глубокой проверки.

¹⁶ При этом важно отметить, что этимология занимает определенное место в старопольском словнике, представленном в *Glosariusz staropolski* [Decyk-Zieba I Dubisz 2008], а также в подготавливаемом этимологическом словаре польских диалектов [Waniakowa 2013: 317–325].

¹⁷ В стадии подготовки статья Я. Ваняковой о происхождении слова *pacynka* (в разных значениях).

¹⁸ В последнее время стоит обратить внимание на полезную в этом отношении книгу *Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim*. Автор ее, А. Виталиш (Alicja Witalisz), особенно много внимания уделяет английским калькам в польском языке.

ориентироваться в происхождении слова. В связи с этим производные слова даются с отсылкой к производящим основам, и только в статьях, описывающих основные слова, можно познакомиться с более широкой информацией о происхождении слова. Несмотря на сообщение таких очень кратких сведений об этимологии, в полной мере осуществляются все принципы, методологически обязательные в исследованиях о происхождении слов. В каждом случае подробно рассматривается форма и семантика отдельных слов, при этом уделяется большое внимание вопросам хронологии, особенно важным для заимствований, поскольку много полезной информации можно извлечь из факта первой фиксации слова.

Литература

Bor. [BorSEJP]: *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.

Bańk. [ESJPBańk]: 1) *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik języka polskiego, I–II, Wydawnictwo Naukowe PWN: Warszawa, 2000. 2) *Bańkowski A.* Etymologiczny słownik mowy polskiej [R], Częstochowa: Linguard, 2014.

Decyk-Zięba, Dubisz 2008: *Decyk-Zięba, W., Dubisz S.* (red.) Glosariusz staropolski. Dydaktyczny słownik etymologiczny. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.

Jakubowicz 2010: *Jakubowicz M.* Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy (SOW) Instytutu Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, 2010.

Sławski 1958: *Sławski F.* Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim. [в:] *Z Polskich Studiów Sławistycznych, Językoznawstwo. Prace na IV Międzynarodowy Kongres Sławistów w Moskwie*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958, с. 99–107.

Sobol SWO: Słownik wyrazów obcych / pod red.: E. Sobol, wyd. I, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999.

SP: Słownik prasłowiański /pod red. F. Sławskiego. Т. 1–8-. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974-. Следующие вып. 9 и 10 в печати.

Tokarski SWO: Słownik wyrazów obcych, red. J. Tokarski, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1980.

Waniakowa 2013: *Waniakowa J.* Etymologiczny słownik gwar polskich — nowe zadanie w badaniach historyczno-porównawczych, *Polonica*, XXXIII: 317, с. 317–325.

Witalisz, A. Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim. Biblioteczka Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego nr 27, Kraków: Wydawnictwo JAK, 2016.

Żmigrodzki 2015: *Żmigrodzki P.* Wielki słownik języka polskiego PAN — historia, stan obecny i perspektywy rozwoju po 2018 roku, *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*, 71, 2015: 177–187.

ESSJa: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачёва (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (Вып. 32–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (40 [*qboгъкъ -*ракъla]-). Москва: Наука, 1974–2016-.

Przemysław Dębowiak

*Institute of Polish language of the Polish Academy of Sciences
(Krakow, Poland)*

przemyslaw.debowiak@ijp-pan.krakow.pl

Bohumil Ostrowski

*Institute of Polish language of the Polish Academy of Sciences
(Krakow, Poland)*

bogumil.ostrowski@ijp-pan.krakow.pl

Jadwiga Waniakowa

*Institute of Polish language of the Polish Academy of Sciences
(Krakow, Poland)*

jadwiga.waniakowa@ijp-pan.krakow.pl

ETYMOLOGY IN THE POLISH ACADEMY OF SCIENCES GREAT DICTIONARY OF POLISH

The article offers an insight into etymological information provided in the *Polish Academy of Sciences Great Dictionary of Polish*. The dictionary and the rules of elaborating the entries are briefly presented. These rules influence the way of working on etymology in the dictionary.

The main part of the article is devoted to the presentation of the field “origin” and the etymological information which is given in one-word entries. The principles of elaborating this information in the dictionary are presented in detail and illustrated with examples. Moreover, some problems, like the issue of borrowings, calques and semantic motivation, are discussed in the paper.

Key words: etymology, Polish Academy of Sciences Great Dictionary of Polish, native words, loanwords, calques.

References

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, Literary Publisher Publ., 2005.

Bańkowski A. 1) *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vol. I–II. Warszawa, Polish Scientific Publishers PWN, 2000.

2) Bańkowski A. *Etymologiczny słownik mowy polskiej* (R), [Etymological Dictionary of the Polish Language (R)], Częstochowa, Linguard, 2014.

Decyk-Zięba W., Dubisz S. (red.) *Glosariusz staropolski. Dydaktyczny słownik etymologiczny*. [Glossary of Old Polish: Didactic Etymological Dictionary]. Warszawa, University of Warsaw Publ., 2008.

Jakubowicz M. *Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny*. [Pathways of words over the centuries. Outline of the dictionary of semantic motivations based on the material of Slavic adjectives inherited from the Slavonic language]. Warszawa, Slavic Publishing Centre (SOW), The Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences (ISS PAS)], 2010.

Sławski F. *Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim* [Observation on etymological research on Slavonic vocabulary]. [In:] *Z Polskich Studiów Slawistycznych, Językoznawstwo. Prace na IV Międzynarodowy Kongres Slawistów w Moskwie* [From Polish Slavic Studies, Linguistics. Works for the Fourth International Slavic Congress in Moscow]. Warszawa, National Scientific Publishers PWN, 1958, p. 99–107.

Sławski F. (Ed.). *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary]. Vol. I–VIII–. Wrocław etc., Publ. of Polish Academy of Sciences, 1974–2001–.

Sobol E. (Ed.). *Słownik wyrazów obcych* [Dictionary of Foreign Words]. 1. edition. Warszawa, Polish Scientific Publishers PWN, 1999.

Tokarski J. (Ed.). *Słownik wyrazów obcych*, [Dictionary of Foreign Words]. Warszawa, Polish Scientific Publishers PWN, 1980.

Trubachev O.N., Zhuravlev A.F. (Eds.). *Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Eds. O.N. Trubachev (Iss. 1–31), A.F. Zhuravlev (Iss. 32–39), A.F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot (Iss. 40). Iss. 1–40–, Moscow, Nauka Publ., 1974–2016–.

Waniakowa J. *Etymologiczny słownik gwar polskich — nowe zadanie w badaniach historyczno-porównawczych* [Etymological Dictionary of Polish dialects — a new task in historical-comparative research]. *Polonica*, XXXIII, 2013, p. 317–325.

Witalisz, A. *Przewodnik po anglicyzmach w języku polskim* [A guide to Anglicisms in Polish language]. Library of the Association of Polish Language Lovers No.27. Kraków, JAK Publ., 2016.

Żmigrodzki P. *Wielki słownik języka polskiego PAN — historia, stan obecny i perspektywy rozwoju po 2018 roku* [The Polish Academy of Sciences Great Dictionary of Polish — history, current status and perspectives of development after 2018]. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego* [PTJ Bulletin; PTJ = Polish Linguistic Society]. 71, Kraków, 2015, p. 177–187.

Перевела с польского языка Л. В. Куркина.

Л. П. Дронова
Томский государственный университет,
(Россия, Томск)
lpdronova@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ О ФОРМИРОВАНИИ ПОНЯТИЯ «ВРЕД» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье привлекается внимание к сложности выявления мотивировочного признака ядерной леммы лексико-семантического поля «Вред» в славянских языках.

Проведенное сопоставление мотивационно-генетических характеристик лексем, наиболее близких по семантике рус. *вред* и *вперед*, сравнение семантических полей омонимичных этимологических гнезд **uer-d-*, к которым Ю. Покорный относит слав. **verďь* в разных значениях ('нарыв; болезнь' и 'рана'), отсутствие значений типа 'нарыв, чирей' у греческих эквивалентов ст.-слав. *врѣдъ*, а также проверка фактов некоторых фактов древнегерманских языков на наличие/отсутствие генетической близости рефлексам слав. **verďь* — все это вместе дает основание предположить, что первичным для слав. **verďь* было обозначение нарыва/раны, повреждения воспалительного характера, проявляющегося на коже и связанного с какой-либо болезнью (откуда и значение 'болезнь' у производных **verďь*). Возможно, эта номинация формировалась как различающая обозначение раны, повреждения, нанесенного острым предметом, оружием, выражаемого слав. **rana*, предполагаемым однокорневым образованием от и.-е. **urōnā*.

Ключевые слова: славянские языки, этимологическое гнездо слав. **verďь*, славяно-германские связи.

Мы уже обращались к мотивационно-генетической характеристике ядра лексико-семантического поля «Вред» [Дронова, Лю 2016]. Актуальность изучения мотивационно-генетических характеристик всех лексических единиц поля и прежде всего его ядерной единицы не вызывает сомнения, поскольку мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира носителей языка, а в данном случае его значимого фрагмента — отрицательной утилитарной оценки. Повторное обращение к этой теме вызвано тем, что «вредное оказалось вредным», и мы не смогли сделать однозначные выводы по мотивационно-генетической характеристике ядерной леммы, проанализировав

функционально-семантические особенности, мотивационные отношения в лексико-семантическом поле «Вред» на материале литературного русского языка, его диалектов, исторических фактов, привлекая семантику однокорневых дериватов других славянских языков. Анализ семантического поля производных праслав. **verdъ* выявил два семантических центра — с конкретной семантикой ‘нарыв, чирей, язва’ и общей ‘повреждать, портить/повреждение, порча, ущерб’, и не нашлось аргументов, позволяющих считать первичным мотивировочным признаком либо обозначение заболевания воспалительного характера, проявляющиеся на коже (‘нарыв, язва, гнойник’), либо обозначение деструктивного воздействия (внутреннего, внешнего), прежде всего проявляющегося на коже как всякого рода гнойники.

Этимологические источники предлагают два варианта исторического развития мотивационных отношений. Первый вариант: по наиболее распространенному мнению авторов этимологических словарей, считающих старшим значение ‘нарыв, чирей, язва’ для праслав. **verdъ* (в этом случае глагол — отыменное образование). Расхождения у этимологов наблюдаются только относительно генетических связей: одни связывают слав. **verdъ* с и.-е. **uer-dh-* ‘расти’, ср. лтш. *ap-virde* ‘нарыв’, др.-инд. *vardhati* ‘растет’ [Фасмер 1: 295; БЕР 1: 184], другие — и их большинство — с и.-е. **uer-d-* и **uer-s-* ‘приподнятость, возвышенность на земле, на коже’: др.-в.-нем. *warze*, нем. *Warze*, др.-исл. *warta* ‘бородавка’ (**uordā*) и нем. *Werre* ‘ячмень на глазу’, лат. *verruca* ‘бородавка’, ‘бугорок’, ‘возвышенность вообще’ [Фасмер 1: 295; Черных 1: 170; Pokorny 1151].

Второй вариант исторического развития мотивационных отношений у Ю. Покорного: слав. **verdъ* ‘рана’ как продолжение и.-е. **uer-d-* ‘разрывать, царапать’ [Pokorny 1163]. Менее известно предположение И. П. Петлевой, которая на основе анализа семантического поля производных слав. **verdъ* посчитала первичным значение ‘повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред’, ее дополнительным аргументом была ссылка на И. И. Срезневского, который соотнес др.-рус. *врѣдъ* с др.-в.-нем. *wartjan*, ср.-в.-нем. *warden* ‘портить’, гот. *wardjan*, др.-сканд. *a-wardjan*, *vreðh-* ‘malus’ [Петлева 96–97; Срезневский 1: 318]. Эта гипотеза не получила широкого распространения и обсуждения.

Предположение И. П. Петлевой о первичном значении слав. **verdъ* близко к тому, что ранее было высказано в словаре Ю. Покорного. Только Ю. Покорный в своем этимологическом словаре индоевропейского языка включает производные слав. **verdъ* в два разных (омонимичных) этимологических гнезда с корнем **ver-d-*: 1) ст.-слав. *врѣдъ* ‘Schaden; вред, ущерб, повреждение’, рус. *веред* ‘Geschwür, Eiterbeule; нарыв, язва, абсцесс’ определено как производное и.-е. **ver-d-*, **ver-s-* ‘erhöchte Stelle (im Gelände oder in der Haut; приподнятое место (на местности или на коже)’, то есть это первый выше названный вариант; 2) ст.-слав. *врѣдъ*, рус. *веред* ‘Wunde, рана’ — производное и.-е. **uer-d-* ‘aufreissen, ritzen; разрывать, царапать’ [Pokorny 1151, 1163]. Таким образом, двойственность выводов по мотивационно-генетической характеристике производных слав. **verdъ* остается.

Задачи нового обращения к мотивационно-генетической характеристике производных слав. **verdъ*, могущей показать путь формирования абстрактного понятия «вред», следующие: 1) сопоставить мотивационно-генетические характеристики лексем, наиболее близких по семантике рус. *вред* и *веред*; 2) сравнить семантические поля омонимичных этимологических гнезд **uer-d-* (по Ю. Покорному), 3) проверить наличие генетических или иных связей слав. **verdъ* с др.-в.-нем. *wartjan*, ср.-в.-нем. *warden* ‘портить’, гот. *wardjan* (по отсылке И. И. Срезневского и следом за ним И. П. Петлевой; см. выше).

Лексемы, семантически наиболее близкие к *вред*, *вредить*, но отличающиеся функционально, — это *портить*, *порча* и *пакостить*, *пакость*. Эти лексемы, как и *вред*, *вредить*, в силу, очевидно, исторической глубины возникновения не имеют однозначно определяемого мотивировочного признака и для них необходим историко-этимологический анализ.

Лексемы *портить* ‘приводить в негодность’, ‘делать плохим’, ‘вредить’, *порча* ‘действие и состояние по глаголу *портить(ся)*’, устар. ‘заболевание, вызванное, по суеверным представлениям, колдовством, наговором’, исторически соотносятся с др.-рус. *пъртити* ‘тратить’, *запъртити*, *испъртити* ‘расточить; истратить’, и предполагается, что им генетически близки слова *пороть*, *портной*, то есть эта лексика выражает семантику деструкции (нарушения исходного состояния). Определение мотивировочного признака затрудняет значительная разрушенность этого этимологического гнезда, ср. относимые к однокорневым образованиям укр. *занор(о)ток* ‘заморыш (о детях)’, чеш. *zaprtek* ‘испорченное яйцо’, словц. *zaprtok* ‘яйцо-болтун’, польск. *zapar(s)tek* ‘тж’ [Черных 2: 59; Brückner 645]. Можно предположить развитие значения ‘негодный’ из ‘имеющий нарушенное исходное состояние’. О первичности мотивировочного признака ‘негодный; приводить в негодность’ может свидетельствовать особенность сочетаемости глагола *портить*: *портить* кому-л. (о чел.), но ср. *вредить* кому-л., чему-л., то есть исходно *портить*, *порча* определяло, видимо, предметы по негодности для человека, способности принести вред (кому?) человеку.

История и происхождение слова *пакость* также неоднозначны. По одной гипотезе слово *пакость* (*пакостить*) соотносят со ст.-слав., др.-рус. *паки* (*пакы*, *пакъ*) ‘обратно’, ‘назад’, ‘наоборот’, ‘напротив’, ‘опять, вновь’, *опако* ‘назад; задом наперед’ и под., что позволяет предположить семантическую модель ‘делать наоборот’ → ‘вредить, пакостить’, поэтому *пакость* *‘сделанное наоборот; вредное’ (ср. болг. *пáкост* ‘вред’, словен. *pákost* ‘превратность’, чеш. *pakost* ‘пакость’, др.-рус. *пакостник* ‘тот, кто причиняет зло, вред; мучитель’, ‘тот, кто действует против кого-л., чего-л., противник’ и др.) [Фасмер 3: 142, 188–189; Черных 1: 615–616; СРЯ XI–XVII 14: 128–129]. Эта версия происхождения слова *пакость* была поддержана и определена как «наиболее убедительная» в недавно вышедшем очередном выпуске этимологического словаря славянских языков [ЭССЯ 40: 229]. Можно добавить, что эта модель номинации актуализируется и внутренней формой прилагательного *противный* и *отвратительный* (еще в XVII в. *противити* значило только ‘быть отвратительным, отвращать от себя,

а *отвратный* ‘повернутый в сторону’, ‘содержащий отступничество’) [СРЯ XI–XVII 13: 211].

Согласно второй гипотезе, более предпочтительным считается предположение, что «лучше производить праслав. **pakostь* от о.-с. **kostь*, с приставкой *pá-* (ср. *náгуба*, *память*) и старшим значением можно считать что-нибудь вроде ‘костный нарост’, откуда позже ‘болезнь’ (подагрическая?), отсюда далее — ‘вред, несчастье, зло’», ср. в.-луж. *pakósc* ‘костный нарост’, чеш. *pakostnice* ‘подагра’, польск. *pakósc* ‘злоба’, хотя в.-луж. *pakóscić* ‘воровать, тащить’ (собственно ‘наносить ущерб, вредить’ [Черных 1: 616].

Р. М. Цейтлин специально занималась вопросом о значениях приименной приставки *ná-* в славянских языках и пришла к выводу, что *na-* как словообразовательный элемент восходит к глубокой древности, вероятно, к балто-славянской эпохе, входит в основной славянский словообразовательный фонд, в современных славянских языках непродуктивна, семантика ее стерта, размыта временем. Слово *пакость* она включает в ту группу производных с приставкой *na-*, в которой семантика приставки определяется как отрицание значения, выраженного корнем того же слова, и словам этой группы в целом присущ оттенок осуждения, неодобрения, презрения, иногда такие слова относятся к бранным. Развитие абстрактного значения у слова *пакость* предполагается из конкретного ‘болезненный, ненормальный нарост на кости’ [Цейтлин 205–224].

Приставку *na-* с тем же значением Р. М. Цейтлин выделяет и в слове *паксуда*, в слове по семантике неодобрения, презрения близком слову *пакость*, ср. *паксудить* ‘делать негодным, скверным; портить’ (*Нет уж, Петр Степаныч, пожалуйста, не паксудь ухи [руками]*. Мельников-Печерский). В таком значении глагол дается в контекстах из произведений XIX в., в современном русском употребительно значение ‘гадить, пачкать’, подобно *груб.*, прост. *паксудничать* ‘делать мерзости, гадости’ [СРЯ 3: 28]. Однокорневые образования известны в некоторых славянских языках: укр. *пáскуд*, *пáскúда*, *пóскудзь* ‘пакостник, подлец’, блр. *пáскúдства*, польск. *paskudstwo* ‘пакость’, чеш. *paskuda* ‘škoda, пакость’ [Фасмер 3: 212; Черных 1: 615; Machek 355]. Привлечение исторических данных (др.-рус. *паксудьнь* ‘бедный, скудный’, *паксудовати* ‘испытывать недостаток’ (XII в.), *паксуду* ‘в небольшом количестве, мало, скудно’ (XV в.) [Фасмер 3: 212; СРЯ XI–XVII 17: 171]) показывает, что приставка *na-*, как в случае с *пакость*, привносит отрицательную оценку в семантику корневой морфемы *скуд-*, то есть отрицательно, презрительно оценивается малое количество, создающее неполноценность, негодность субъекта/объекта.

Таким образом, мотивационно-генетические характеристики близких по значению к *вред* лексем оказываются также не однозначно определяемыми в этимологических источниках. Остальные лексемы этого лексико-семантического поля имеют прозрачные мотивационные отношения (*ущерб*, *урон*, *убыток*, *изъян*, *наклад*, *сглаз* и др.).

Еще одна возможность прояснить мотивационно-генетическую характеристику рассматриваемого словообразовательно-этимологического гнезда — сравнить

семантические поля омонимичных этимологических гнезд **uer-d-*, в состав которых Ю. Покорный отнес слав. **verdъ*.

Одно этимологическое гнездо и.-е. **uer-* реконструируется в словаре Ю. Покорного с общим значением ‘разрывать, царапать’. Его производная основа **uerd-* представлена в индоевропейских языках рядом вариантов, ср. **verdъ*: ст.-слав. *vrědъ*, рус. *věred* ‘Wunde, рана’, авест. *varədva-* ‘мягкий, рыхлый’; **ured-*: др.-инд. *vrandin-* ‘становиться рыхлым’; **vrēd-*: др.-прусс. *redo* ‘борозда на пашне’; **urōd-*: лат. *rodo* ‘грызть, разжедать’, англосакс. *wrōtan* ‘копать, рыть’, **urod-*: швед. диал. *rota, ruta* ‘копать, рыть’. Близкие значения и у производных основы с другим расширением — **uornā*: алб. *varrë* ‘рана’, польск. *wrona*, чеш. *vrana* ‘отверстие’, рус. диал. *воронá* ‘на судне — отверстие, где проходит руль’, *воронка* ‘приспособление в виде конуса для переливания и фильтрования жидкости; коническая яма в земле от разрыва арснаряда’; **uro-no-*: др.-инд. *vraṇá-* ‘рана; трещина’, **vrō-nā*: слав. *rana* ‘Wunde, рана’ [Pokorny 1163].

Во втором случае производные слав. **verdъ* — ст.-слав. *vrědъ* ‘Schaden; вред, ущерб, повреждение’, рус. *веред* ‘Geschwür, Eiterbeule; нарыв, язва, гнойник’ — соотношены с производными и.-е. **uer-d-* и **uer-s-* ‘приподнятость, возвышенность на земле, на коже’ (<**uer-*): перс. *balū* ‘бородавка’ (иран. **vard-*), др.-в.-нем. *warza*, нем. *Warze* ‘бородавка; сосок (на груди)’, англосакс. *wearte*, др.-исл. *warta* ‘бородавка’ (герм. **uordā*) и нем. *Werre* ‘ячмень на глазу’, лат. *verruca* ‘бородавка’, ‘бугорок’, ‘возвышенность вообще’, англосакс. *wearr* ‘мозоль, бородавка’; того же корня без расширения лат. *varus, i* ‘прыщ (на лице)’, *varulus* ‘ячмень на глазу’, норв. диал. *vere* ‘опухоль под кожей (о корове)’. Остальная часть этого этимологического гнезда с основой **uer-s-* в прямом значении связана с обозначением высоты, ср. др.-инд. *varśmán-* ‘Höhe, Oberstes’, литов. *viršùs* ‘das Obere, höchste Spitze’, слав. **vьrchъ*, рус. *верх, вершина* [Pokorny 1151–1152].

Сопоставление семантических полей производных вышеприведенных этимологических гнезд с семантикой производных слав. **verdъ* позволяет отнести славянские производные к первому этимологическому гнезду, поскольку нарыв, чирей, язва — это прежде всего поражение кожи, рана (с выделением гноя), но не просто опухоль, бугорок, бородавка. Предполагаемое направление генетических связей подсказывает и семантическая структура ст.-слав. *врѣдъ* в сопоставлении с семантикой греческих эквивалентов: ст.-слав. *врѣдъ* 1. ‘рана, ранение’ (πάθος ‘страсть, страдание’, λῶβη ‘обида; бесчестие, истязание, гибель’) // греч. нет ‘нарыв, чирей’, 2. ‘болезнь’ (μῶλωψ ‘желвак, опухоль; страдание’); 3. ‘ущерб, убыток’ (βλάβος ‘вред, урон, ущерб’) при ст.-слав. *врѣдѣти* (βλάπτειν ‘вредить, повреждать’; ἄδικεῖν ‘поступать несправедливо, обижать; вредить; грешить’, τραυματίζειν ‘ранить’, παραθλίβειν ‘обижать, мучить’ и под.), а также синонимы лексемы *врѣдъ*: *рана, строупъ, творъ; проказа, прокажение; болѣзнь, недѣгъ, ѡса; врѣждение, пакость* [СС 124–125].

Семантика производных этимологического гнезда, к которому, как полагаем, можно отнести слав. **verdъ*, наличие греческих эквивалентов в источниках переводов только для значений ‘рана, ранение’ (πάθος, λῶβη), ‘болезнь’ (μῶλωψ),

‘ущерб, убыток’ (βλάβος) и их отсутствие для значения ‘нарыв, чирей’ свидетельствуют, что это значение (‘нарыв, чирей’) является собственно славянской новацией. Таким образом, сопоставление мотивационно-генетических характеристик лексем, наиболее близких по семантике рус. *вред* и *веред* (*порча, пакость*), результат сравнения семантических полей омонимичных этимологических гнезд **uer-d-* (по Ю. Покорному) и отсутствие значений типа ‘нарыв, чирей’ у греческих эквивалентов ст.-слав. *врѣдъ* дает основание, как полагаем, допустить, что первичным для слав. **verďь* было обозначение нарыва/раны, повреждения воспалительного характера, проявляющегося на коже и связанного с какой-либо болезнью (откуда и значение ‘болезнь’ у производных **verďь!*), в отличие, вероятно, от слав. **rana* (предполагаемого однокорневого образования), связанного с обозначением раны, повреждения, нанесенного острым предметом, оружием (слав. **rana* как предполагаемое однокорневое образование от и.-е. **urōnā* < и.-е. **uer-* ‘разрывать’, ‘царапать’, ср. др.-инд. *vraná-* ‘рана; трещина’, алб. *varrë* ‘рана’, с изменением начального *ur-* > *r*) [Pokorny 1163; Черных 1: 98–99]).

Косвенным аргументом в пользу высказанного предположения об исходном значении слав. **verďь* (или для отказа от него) может быть результат проверки наличия и характера связи между слав. **verďь* и древнегерманской лексической группой (др.-в.-нем. *wartjan*, ср.-в.-нем. *warden* ‘портить’, гот. *wardjan*). На возможность близости этой славянской и древнегерманской лексики указал в своем словаре И. И. Срезневский со ссылкой на «Грамматику» Я. Гримма [Срезневский 1: 318], это предположение приведено в словаре Ф. Миклошича, его поддержала И. П. Петлева, на основе анализа производных слав. **verďь* предположившая первичность значения ‘повреждать (ранить), вредить; повреждение, вред’ [Петлева 96–97]; как возможное его оценивает А. Е. Аникин [Аникин 6: 275]. Приведенные в качестве соответствий древнегерманские лексемы в современных германских языках прямого (с тем же значением) продолжения не имеют, и их генетические связи к рассмотрению в исследованиях относительно слав. **verďь* не привлекались.

Обращение по ссылке И. И. Срезневского к «Грамматике» Я. Гримма не дало результата, но в словаре братьев Гримм при рассмотрении спорного по происхождению прилагательного *wert* (ср. англ. *worth*) ‘стоящий, ценный’, сближаемого с герм. **werþa* (-*wärts* и т. д., лат. арх. *vorsus*, лат. *versus* ‘в сторону, по направлению к’ и т. д.), высказывается предположение, что из германских языков заимствованы кимр. *gwerth*, фин. *verta*, лит. *vertas*, др.-прусс. *werts* и ст.-слав. *-vrědŭ* (in: *nevrědŭ* ‘unwürdig’) [Grimm 444–445]. То есть речь идет об омонимичном ст.-слав. *неврѣдоу, неврѣдъ сътворити* ‘счесть неподходящим, отвергнуть’ (ему соответствуют др.-рус. *врѣдъныи* ‘достойный’, болг. *вреден*, серб. *врѣдан* ‘достойный, стоящий; трудолюбивый’, *врѣдно* ‘полезно, стоит’) как о южнославянском (балканском) заимствовании из древневерхненемецкого [Skok 3: 625]. Лексемы, омонимичные в славянских языках, на уровне германских языков оказываются генетически близкими: не только в Словаре братьев Гримм, но и у Ю. Покорного, и в современном этимологическом словаре немецкого языка (под ред. В. Пфайфера) нем. *wert* (англ. *worth*) ‘стоящий, ценный’ по происхождению соотносится

с нем. *werden* (< герм. **werþa* < и.-е. **uert-* ‘вертеть’; исходное значение нем. *wert* (англ. *worth*) ‘als Äquivalent gegenüberstehend’, ‘als Gegenwert dienender Preis’), подобно лат. *pretium* ‘цена, стоимость, Wert, Preis’ при его родстве с др.-инд. *prati* ‘против, относительно’, слав. **protivъ*: **pretivъ* и под. [Pokorny 1157; EWD 3: 1965]. Хотя у автора этимологического словаря прагерманского языка (Kroonen 2013) есть сомнения на этот счет (*An adjective of unknown origin*) [Kroonen 581].

Что же касается связи со славянской лексикой, обозначающей «вред», похоже, что только в словаре древневерхненемецкого языка О. Шаде (1872–1882) в ряд с др.-в.-нем. *wartjan*, *wartan*, *werten* ‘портить, вредить’, ‘*exulcerare*, покрывать нарывами, вызывать нагноение’, др.-сакс. *wardjan* ‘портить’, англосакс. *verdān* ‘поранить, повредить’ ставится слав. *vrěďь*, *vrěditi* [Schade 1101]. Но названную древнегерманскую лексику все известные этимологические словари безусловно относят к производным и.-е. **uert-* (ср. рус. *вертеть*) и указывают на несохранность ее в современных германских языках [EWD 3: 1965; Kroonen 574, 581–582; Kluge 853; Fraenkel 1204–1205].

В германских языках широко представлены однокорневые образования с другой огласовкой корня, уже далекие по значению: гот. *waiþan*, др.-сев. *verða*, др.-англ. *weordan*, др.-в.-нем. *werdan*, нем. *werden* и т. п. ‘становиться, делаться, превращаться; to come about, happen, become’. Эта группа лексики, производная от прагерм. **werþan-*, закономерное продолжение и.-е. **uert-e-* (по I общегерманскому передвижению $t > þ$, в немецком $þ > d$), ср. скр. *vártate* ‘to turn (around), roll’, лат. *verto*, *-ere* ‘to turn’, слав. **vьrtěti* ‘вертеть’ (< и.-е. **urt-*), литов. *virsti* (*virstù*) ‘валиться, превращаться; to fall, collapse, turn into’, др.-прусс. *wīrst* ‘to become’ (< **urt-ske-*). От нулевой ступени корня образовано и герм. **wurdi-* f. ‘судьба, fate, chance’: др.-англ. *wurd* f., др.-сакс. *wurd* f., др.-в.-нем. *wurt* f. [Kroonen 581–582; 600; Kluge 583; Черных 1: 144], ср. рус. *превратности судьбы*. Такое изменение значения от ‘вертеть’ к ‘превращаться, становиться’ достаточно известно, ср. англ. *become*, фр. *devenir* и др. [Buck 636].

Интересующие нас вышеприведенные древнегерманские глаголы со значением ‘портить, вредить; ранить’ (др.-в.-нем. *wartan*, *werten*, др.-сакс. *wardjan*, англосакс. *werdan*) являются продолжением герм. **wardjan* ‘портить; to cause to degenerate’, сюда относятся и гот. *fra-wardjan* ‘to corrupt, destroy’, др.-англ. *ā-wierdan* ‘to damage’, др.-в.-нем. *far-werten* ‘to damage, corrupt’, др.-сакс. *far-werthan* ‘to perish, ruin’. В прагерманской форме, восходящей к и.-е. **uort-éie-* (с ударением на основе), произошло озвончение глухого щелевого (по закону Вернера), в немецком $þ > d$. В современных германских языках эта лексика не получила продолжения. От той же ступени корня есть аналогичные по форме образования и в других индоевропейских языках — литов. *vartýti*, лтш. *vartīt* ‘to turn, turn over’, др.-прусс. *wartint* ‘to turn’, ст.-слав. *vratiti se* ‘to return, bring back’ [Kroonen 574]. В словарях А. Вальде, Й. Хофмана и Ю. Покорного предложено следующее объяснение изменения значения от ‘вертеть, превращать’ к ‘превращать(ся), изменять(ся) в худшую сторону’: ‘eine Wendung zum Übel nehmen’, ‘eine Wendung zum Schlimmen nehmen lassen’ [Pokorny 1157; W.-H. 2: 764–765]. Это переосмысление показывает формирование

представления о действии «портить» как нарушении, искажении, превращении исходного, «правильного», состояния вещей в «неправильное», вредное для субъекта (и наряду с этим понимание «превращения» как «становления (иной сущности)») и может быть типологически сопоставлено с предполагаемой моделью образования слова *пакость* как *‘сделанное наоборот’ (об этом выше).

Подобное направление развития семантики производных от корня **верт-* есть в русском языке, как и других славянских языках, ср. рус. *вертеть/переворачивать/превращать* с их производными *перевертыш, отвернуть(ся)/отвращение, извращение, обернуть(ся)/оборотень* и др. Но значение ‘вред, порча; приносить вред, портить’ закрепилось за производными слав. **verďь*, которое генетически не связано с производными от **vert-*, подобно тому, что наблюдается в германских языках. И если изменение семантики у производных прагерм. **werþ-/ward-* от ‘вертеть’ к ‘превращаться, становиться’ отмечено в самых ранних письменных памятниках и во всех германских языках и типологически достаточно известно, то развитие исходной семантики от ‘вертеть’ до ‘портить, вредить; ранить’ ареально и хронологически ограничено: такое изменение семантики представлено только в древнезападногерманских языках (др.-англ., др.-сакс., др.-в.-нем.) и готском. Позже эта лексика была утрачена, ее следов в современных германских языках нет. Учитывая, что восточногерманские языки (к которым относится готский) не одно столетие существовал на территории, смежной с землями западногерманских племен и праславян в междуречье Вислы и Одера, затем в Прикарпатье и на Дунае, куда продвинулись восточногерманские племена и расселялись славяне [Трубачёв 25–26; Седов 142–150], можно предположить контактный характер формирования интересующей нас лексики германских языков, формально и семантически близкой производным слав. **verďь*. Но неясен характер и время этого контактного взаимодействия, возможно, субстратного характера, учитывая расселение в междуречье Вислы и Одера германских и славянских племен в первые века н.э. [Седов 142–147].

Существенно осложняет вопрос тот факт, что предполагаемая соотнесенность славянской и древнегерманской лексики касается только ее глагольной части, ничего подобного именным производным слав. **verďь* нет: др.-в.-нем. *scado*, нем. *Schade(n)* ‘вред, ущерб’ и их однокорневые образования в других германских языках, продолжающие прагерм. **skapjan* ‘to harm, do wrong, причинять зло, вредить’, **skōpi-* ‘harmful, вредный, пагубный’, по происхождению относятся, вероятно, к глубокому индоевропейскому слою (учитывая их предполагаемые генетические связи в армянском, древнегреческом, кельтских языках) [EWD 2: 1174–1175; Kroonen 441]; англ. *harm* ‘вред, зло; обида’, ‘(по)вредить’, *harmful* ‘вредный, пагубный’, *harmless* ‘безобидный, безвредный’ родственны выражению отрицательной этической оценки в лексике славянских и иранских языков, – ‘стыд, срам, позор’, ср. слав. **sormъ* > рус. *срам* и его аналоги в других славянских языках; авест. *fšarəta* ‘стыд’, ст.-перс., перс. *шārm* ‘срам, стыд, позор’ и др. [EWD 1: 509–510; Черных 2: 196].

Все сказанное позволяет предположить, что вполне вероятная связь слав. **verďь* с лексикой определенного (западного и восточного, за исключением

скандинавского) древнегерманского ареала имеет характер не генетической связи, а историко-ареальной, являясь результатом праславянско-германских контактных (субстратных?) отношений. Соответственно, это не противоречит высказанному выше предположению, что первичным для слав. **verďь* было обозначение нарыва/раны, повреждения воспалительного характера, проявляющегося на коже и связанного с какой-либо болезнью (в отличие от слав. **rana*).

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси: издатель А. Кошелев, 2012.

БЕР — Български етимологичен речник: в 3 т / Съст. Вл. Георгиев, Ив. Глъбъв и др. София: БАН, 1971–1986.

Дронова Л. П. Что такое вред? (мотивационно-генетические связи рус. *вред*) / в соавт. с Я. Лю // Вестник Томского государственного университета. 2016. №412. С. 14–19.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. I. // Этимология 1972. М.: Наука, 1974. С. 81–99.

Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование / Ин-т археологии Рос. Академии наук. М.: Языки славянской культуры, 2002. 624 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1912.

СРЯ — Словарь русского языка: В 4 т. / ред. А. П. Евгеньева. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1999.

СРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Глав. ред. С. Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1999.

Трубачёв О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / Отв. ред. Н. И. Толстой. Изд-е 2, доп. М.: Наука, 2002. 489 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.

Цейтлин Р. М. К вопросу о значениях приименной приставки *ná-* в славянских языках // Ученые записки Института славяноведения. Т. IX, 1954 г. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 205–224.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1994.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 40: **oborьkь* — **rakьla*. М.: Наука, 2016.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1985 (przedruk z Kraków 1927).

Buck C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. Chicago, 1949.

EWD — Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / durchges. und erg. von W. Pfeifer. Bd. 1–3. Berlin, 1989.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg; Göttingen, 1955.

Grimm — Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 1–16. Berlin; Leipzig, 1854–1960. T. 14 (1/2).

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. Aufl. Berlin ; New York, 1975.

Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Edited by A. Lubotsky. Vol. II. Leiden, Boston: Brill, 2013.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern, 1959.

Schade O. Altdeutsches Wörterbuch. Bd. 1–2. Halle, 1872–1882 (1969).

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Kn. 1–3. Zagreb, 1971–1973.

W.-H. — *Walde A., Hoffmann J. B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1939–1954.

L. P. Dronova

Tomsk State University

(Russia, Tomsk)

lpdronova@mail.ru

FURTHER EXPLORATION OF THE FORMATION OF THE CONCEPT “HARM” IN THE SLAVIC LANGUAGES

The article continues to explore the problem of the motivational component of the nuclear lexeme in the lexical and semantic field of ‘harm’ in the Slavic languages.

The comparison of motivational and genetic characteristics of the lexemes whose semantics closely resembles that of the Rus. *vred*, the comparison of the semantic fields of homonymous etymological nests **uer-d-*, into which Yu. Pokorniy includes the Slav. **verdъ* and its various meanings (‘abscess’, ‘disease’ and ‘lesion’), the absence of meanings similar to ‘abscess, boil’ in the Greek equivalents of the Old Slav. *ερѣδъ*, as well as the checking of facts on a number of Old Germanic languages regarding the presence/absence of genetic relatedness to the reflexes of the Slav. **verdъ*, give a strong reason to suppose that the primary meaning for the Slav. **verdъ* was an abscess-like wound, an inflammatory injury which manifested itself on the skin and was related to a disease (which is also the source of the ‘disease’ meaning of **verdъ* derivatives). It seems plausible that this nomination was formed in order to distinguish it from a wound caused by a sharp object or a weapon, usually expressed with the Slav. **rana*, supposedly formed from the same Indo-European root **urōnā*.

Key words: Slavic languages, etymological nest of Slav. **verdъ*, Slavic-German links.

References

- Anikin A. E. (2007–2012) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Vol. 1–6. Moscow: Znak Publ.
- Brückner A. (1985) *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa: Wiedza Polszechna Publ.
- Buck C. D. (1949) *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago.
- Chernykh P. Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language: in 2 vols]. Moscow: Russkiy yazyk.
- Deutsches Wörterbuch* von Jacob und Wilhelm Grimm. (1854–1960). Bd. 1–16. Berlin: Leipzig. Bd. 14 (1/2).
- Dronova L. P., Liu Y. (2016) *What Is Harm?* (Motivational and Genetic Links of Rus. *vred* 'harm'). *Tomsk State University Journal*. 412. pp. 14–19 (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/2.
- Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond* (2016) [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. No. 40: **ǫborъkъ* — **pakъla*. Moscow: Nauka Publ.
- Etimologisches Wörterbuch des Deutschen* (1989). Ed. W. Pfeifer. Bd. 1–3. Berlin.
- Fasmer M. (1967–1973) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German by O. N. Trubachev. Moscow: Progress.
- Fraenkel E. (1955) *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Bd. 1–2. Heidelberg, Göttingen.
- Georgiev Vl., Glebov Iv. (1971–1986) *Blgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–3. Sofia: Bulgarian Academy of Science.
- Kluge F. (1975) *Etimologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological Dictionary of German]. 21. Aufl. Berlin, New York. Bd. 1–3.
- Kroonen G. (2013) *Etymological Dictionary of Proto-Germanic / Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series*. Ed. A. Lubotsky. Vol. 2. Leiden, Boston: Brill.
- Machek V. (1957) *Etimologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha.
- Petleva I. P. (1974) *Etimologicheskie zametki po slavyanskoy leksike*. I [Etymological Notes on Slavic vocabulary. I]. In: Trubachev, O. N. (ed.) *Etimologiya 1972* [Etymology 1972]. Moscow: Nauka Publ.
- Pokorny J. (1959) *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Berne: A. Francke.
- Schade O. (1872–1882/1969) *Altdeutsches Wörterbuch*. Bd. 1–2. Halle.
- Sedov V. V. (2002) *Slavyane: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [The Slavs: A Historical and Archeological Study]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ.
- Skok P. (1971–1973) *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Kn. 1–3. Zagreb.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. (1999) [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Ed. A. P. Evgen'eva. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazik Publ.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. (1975-) [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Ed. D. N. Shmelev. Moscow: Nauka Publ.

Sreznevskiy I. I. (1903) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka*: v 3 t. [Materials for the dictionary of Old Russian language: in 3 vols]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk.

Trubachev O. N. (2002) *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs: Linguistic Studies]. Ed. N. I. Tolstoy. 2nd ed. Moscow: Nauka Publ.

Tseytlin R. M. (1954) *K voprosu o znacheniyakh priimennoy pristavki pá- v slavyanskikh yazykakh* [On the meaning of the nominal prefix *pa-* in the Slavic languages]. In: *Uchenye zapiski instituta slavyanovedeniya* [Scientific Notes of the Institute of Slavic Studies]. Vol. 9. Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union. pp. 205–224.

Tseytlin R. M., Vecherka, R. & Blagova, E. (eds) (1999) *Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic Dictionary (based on manuscripts of the 10th–11th centuries)]. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk Publ.

Walde A., Hofmann I. B. (1939–1954) *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* [Latin Etymological dictionary]. Bd. 1–2. Heidelberg.

Л. Кралик

Институт языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук
(Словакия, Братислава)
kralik@juls.savba.sk

О НЕКОТОРЫХ СЛОВАЦКИХ НАЗВАНИЯХ ЛЕДЯНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (*CENCÚL* ‘ЛЕДЯНАЯ СОСУЛЬКА’ И Т. П.)*

Для словац. литер. *cencúl* ‘ледяная сосулька’ (как и для литер. *ciagel*, диал. *cigel*, *cingel*, *cimbolec*, *compel*, *combel*, *cúcel* ‘то же’) чешский этимолог В. Махек предполагал экспрессивное происхождение. В статье осуществляется попытка пересмотреть указанную этимологическую гипотезу, причем анализируются также другие словацкие названия ледяной сосульки и подобных ей ледяных образований (диал. *cecok*, *cicok*, *cigur*, *cík*, *cincúr*, *cingír*, *cingúr*, *cmrkel*, *ľadový čik*). Раскрываются нерегулярные фонетические преобразования, которым подверглись указанные лексемы (вероятно, ввиду своей эмоционально-экспрессивной окраски, вытекающей из характера обозначаемых ими реалий). Указывается на вторичный характер семантики ‘ледяное образование’, причем выявляются разные мотивационные признаки, лежащие в основе рассматриваемых наименований [‘сосать; сосок’ (> ‘сосцевидный’) выступ; продолговатый предмет], ‘сопли’, ‘зубец’, ‘стекать (вниз), капать’, ‘издавать звук’], а также лексические заимствования из других языков.

Ключевые слова: этимология, ономаσιология, словацкий язык, названия ледяных образований, экспрессивная лексика.

1. Словац. *cencúl* ‘висячее ледяное образование из замерзающей, обыкновенно стекающей каплями (с крыш, с деревьев и т. п.) воды’ [SSSJ I: 409] письменно зафиксировано с 19 века. Этого слова не находим ни в «Историческом словаре словацкого языка» [HSSJ], ни в словаре А. Бернолака [Bernolák 1825]; приведено оно лишь в словаре чешского лексикографа Ф. Ш. Котта [Kott online], который характеризует его как известное в Словакии («Slov.»), ссылаясь на словацкого писателя Я. Калинчака. Слово *cencúl* встречается и в текстах словацких народных сказок,

* Статья написана при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования, науки, исследовательской деятельности и спорта Словацкой Республики и Словацкой академии наук [VEGA; проект № 2/0136/16].

записанных в конце 19 века; ср. соответствующие собрания С. Цамбеля и И. Поливки¹.

На словац. *cencúl'*, приведенное и в словаре М. Калала [Kálal 53], обратил внимание уже В. Махек. Рассматривая в своей работе об экспрессивной лексике [Machek 1930]² феномен т. наз. аффективной назализации, чешский этимолог указывает и на обозначения ледяной сосульки: «Много разнообразных форм имеет и „ледяная сосулька“: чеш. *ropouch, rapouch, rampouch*, моравское *střechel, střemchel...*, *střempel*, словац. *ciagol', cígel'* (> *cingel'*), *combel' (-ol')*, *compel'*, *cimbolec* и т. п., *cúcel'* (> *cencúl'*), *krenec, strechulec* и др. Такая многочисленность свидетельствует о том, что перед нами экспрессивные выражения. Они первоначально относились не столько к ледяным сосулькам, висящим с крыши, сколько, скорее, к кускам грязи, прилипающим к одежде, когда она при ходьбе касается земли, затем к воде, примерзшей к усам, и т. п.» [указ. соч.: 29]. Из приведенной формулировки вытекает, что словац. *cencúl'* возникло в результате преобразования слова *cúcel'*, которое следует считать словом экспрессивного происхождения с первоначальным значением ‘кусочек грязи’; такая семантика, несомненно, связана с понятием ‘пачкаться чем-то (грязью)’ [«mazati se něčím (blátem)»], относимым Махекком к «понятия[м], выражения для которых могут быть экспрессивными» [указ. соч.: 7–8], что также влияет на их форму.

В своем этимологическом словаре В. Махек несколько модифицировал приведенное объяснение словац. *cencúl'*. В словарной статье *rampouch* 1° («střechýl»), т. е. ‘ледяная сосулька’) автор пишет: «Экспрессивное слово (вставное *m, ch*-овый суффикс!), ср. словацкие экспрессивные и переменные (*proměnlivé*) названия *cencúl' ciagol' comb(el) cimbolec compel' cígel' cingel' cúcel (sic! cúcel' — Л. К.)* того же значения» [Machek¹ 414; Machek² 507–508]. Из этого вытекает, что *cencúl'* и *cúcel'* — параллельные (может быть, возникшие независимо друг от друга) экспрессивные формы. Одновременно можно сделать и вывод о том, что *cencúl'*, *cúcel'* и другие приведенные Махекком названия образованы, вероятно, от разных экспрессивных корней (или возникли в результате различных экспрессивных преобразований одного и того же корня?), причем своими экспрессивными признаками обладали изначально³.

2. В контексте рассуждений об экспрессивном происхождении слова *cencúl'* можно указать и на формальную близость существительного *cencúl'* и звукоподражательных глаголов типа словац. *cinkeť*⁴ ‘издавать ясные, звенящие звуки при

¹ Ср. фиксации слова (доступные при помощи функции поиска) в их публикациях, размещенных на сайте проекта «Золотой фонд газеты „SME“» [Zlatý fond denníka SME].

² Авторская концепция экспрессивных слов была подробно проанализирована в работе Г. Карликовой [Karlíková 1994]. Об исследовательской методологии В. Махека см. также [Янышкова 2010].

³ Ср. также наблюдения Г. Карликовой о том, что объектом научного интереса В. Махека являются — в смысле типологии лексической экспрессивности, предложенной чешским лингвистом Я. Зимой, — случаи т. наз. ингерентной экспрессивности, составляющей неотъемлемый компонент лексического значения слов [Karlíková 1994: 398].

⁴ К вариантности согласных *k* и *c* в звукоподражательных и экспрессивных глаголах ср. праслав. **kьrkati* : **kьrcati* [ЭССЯ 13: 207], **makati* : **macati* [ЭССЯ 17: 111–112] и др. Ср. также

ударе (о металлических или стеклянных предметах) [SSSJ I: 430], *cengat'*, *cingat'* '(о колокольчике, стекле, металле и т.п.) издавать ясный, звенящий звук' [указ. соч.: 410]. «Экспрессивные слова, как известно, бывают часто ономатопеическими» [Karlíková, 1994: 397], причем звукоподражательная мотивация реальна и в случае названий ледяной сосульки: «Мотивом номинации... может быть звук, возникающий, когда сосулька разламывается или разбивается о землю» [Rooth 1961: 150 — в связи с названиями типа англ. *clicker-bell*, *icy-bell* и, может быть, н.-нем. диал. *īs-piŋl*, если оно этимологически связано с нем. диал. *Pingel* 'eine Schelle, tintinabulum']. Ср. также чеш. *zvonek* 'колокольчик', диал. и 'ледяная сосулька' [«в результате переноса названия», ČJA 2: 376] и *cimbál* 'ледяная сосулька', буквально 'цимбалы': «Мотивацией был, возможно, звук, издаваемый сосулькой при отламывании, т.е. ледяная сосулька — 'звенящий предмет'» [там же]. — В таком случае следует отказаться от предположения В. Махека, согласно которому словац. *cencúl'* могло первоначально обозначать кусок грязи (см. выше).

Учитывая вышесказанное, в своем этимологическом словаре мы ограничились лишь краткой информацией об экспрессивном происхождении слова *cencúl'*: «Expresívneho pôvodu» [Králik 2015: 91]. Представляется, однако, возможным предложить для данной лексемы альтернативное объяснение⁵.

3. Непосредственным поводом для настоящей статьи стало наше случайное ознакомление с текстом словацкого производителя национальных музыкальных инструментов — фуяр и пастушеских дудок — Я. Микулашека, упоминающего в связи с техникой игры на фуяре ее «мундштук, который в народе зовут *cencúl'*» [Mikulášek]. Такое значение слова *cencúl'* не зафиксировано доступными нам лексикографическими источниками.

«Словарь словацких диалектов» дает, однако, указанное значение для словац. диал. *cecúl'* '1. экспр. избалованный ребенок; 2. пустышка для маленького ребенка; 3. часть фуяры, мундштук' [SSN 1: 198]. Формальная близость слов *cencúl'* и *cecúl'*, а также их частичное семантическое совпадение (общее им значение 'мундштук фуяры') неизбежно наводят на размышления о характере взаимоотношения обеих лексем, требующего выяснения их этимологии.

В указанных словах можно, несомненно, выделить суффикс *-úl'* (см. о нем ниже), после чего обнаруживаются корни *cenc-* и *cec-*. Если *cencúl'* и *cecúl'* (или, точнее, их корни *cenc-* и *cec-*) этимологически связаны, то представляется возможным высказать предположение, что *cenc-* и *cec-* — варианты одного корня: в таком случае первична, вероятно, форма *cec-*, причем возникновение формы *cenc-* можно объяснить вставкой согласного *n* (т. наз. вторичная назализация)⁶.

случаи типа словац. литер. *skákat'* 'прыгать': диал. *skácat'* 'то же'; о возможном экспрессивном происхождении согласного *c* в них см. [Stanislav 1967b: 525].

⁵ Таким образом, опять подтверждается (на сей раз в словакистике) известный факт, что «[п]оявление этимологического словаря — это лишь начало настоящего этимологического исследования лексики данного языка» [Трубачёв 2004: 25].

⁶ На наличие вторичного *n* перед разными согласными указал уже Я. Станислав [Stanislav 1967a: 623–624]; в качестве примера вторичного *n* перед согласным *c* автор привел форму *kancír*

Корень *cec-* в существительном *cecúl*, по-видимому, тождествен корню словац. диал. *cecat* ‘(о детенышах) сосать молоко из молочных желез матери’ [SSJ 1: 156; SSN 1: 198]. На основе этого можно сделать вывод, что *cecúl* — производное от диал. *cecat*.

Для словац. диал. *cecúl* в значении ‘1. избалованный ребенок’ можно предположить исходную семантику *‘кто сосет молоко’, ставшую основой для дальнейшего развития типа ‘(много) сосущий ребенок’ > ‘ребенок, сосущий молоко в (слишком) большом количестве, в любое время и т. п.’ > ‘избалованный ребенок’⁷. *Cecúl* в указанном значении — *nomen agentis* типа рус. диал. (ср. Урал, свердл.) *вертуль* ‘непоседливый человек, непоседа’ [СРНГ 4: 155].

Другую словообразовательную характеристику имеет диал. *cecúl* ‘2. пустышка для маленького ребенка’ (т. е. ‘то, что сосут’), представляющее собой, видимо, *nomen instrumenti* типа словац. диал. *behúl* ‘1. рама на роликах, при помощи которой дети учатся ходить’ [SSN 1: 107] и др.

Как же объяснить возникновение значений ‘мундштук фуяры’ и ‘ледяная сосулька’?

Прежде чем ответить на этот вопрос, следует напомнить об этимологической характеристике упомянутого выше словац. диал. *cecat*. «Праславянский словарь» [SP 2: 87] приводит этот глагол — вместе с литературным словац. *cicat* того же основного значения [ср. теперь SSSJ 1: 423] — среди рефлексов реконструируемого им праслав. **cicati* ‘ssać pierś’, которое в словаре объясняется как производное от праслав. **cicь* (с морфологическим вариантом **cica*) ‘pierś matczyna; w ogóle pierś kobieca; sutek’, представляющего собой слово детской речи [SP 2: 87–88]. В обзоре рефлексов праслав. **cicь* в отдельных славянских языках приводятся и формы с корнем *cec-* [словен. *cèc* ‘сосок (у животных)’ и т. п.], на основе чего можно сделать вывод о том, что авторы SP предполагают здесь формальную вариантность *cic-/cec-*, что в случае слов детской речи представляется вполне корректным.

Ожидаемым словацким рефлексом праслав. **cicь* было бы **cic*, ср. производное от него словац. *cic-ik* разг. экспр. ‘выход молочной железы, женская грудь или сосок (у животных)’⁸ [SSSJ 1: 424]; рефлексом вариантного праслав. **cica* является словац. диал. *cica*₂ экспр. ‘женская грудь’ [SSN 1: 206]. Вариантное **cec* в словацком, видимо, не сохранилось, но ср. его дериваты *cec-ok*, *cec-ik* ‘выход молочной железы на вымени животного’ [SSSJ 1: 400]⁹, а также глагол *cecat*.

Вернемся, однако, к словац. *ce(n)cúl*. Выше мы уже высказали предположение о том, что и словац. диал. *cecúl* в значении ‘2. пустышка для маленького ребенка’ (< ‘то, что сосут’) произведено от глагола *cecat*: может быть, слово первоначально

(сюда же фамилия *Kancír*) вместо литературного *kacír* ‘еретик’ [указ. соч.: 624]. — Ср. также раздел об «аффективной назализации» в упомянутой выше работе В. Махека [Machek 1930: 25 и сл.].

⁷ Ср. также словац. диал. *cec-oj* экспр. ‘1. ребенок постарше, которого все еще надо кормить грудью; 2. избалованный ребенок’ [SSN 1: 198].

⁸ К другим значениям слова см. [SSN 1: 206].

⁹ Там же — как и в [SSN 1: 198] — и другие значения.

обозначало грудной сосок, из которого ребенок сосет молоко, а лишь вторично было перенесено на пустышку, представляющую собой замену соска, похожую на него по форме и по функции.

Подобный перенос названия — т. е. семантическое развитие ‘сосок’ > ‘что-то подобное соску; (сосцевидный) выступ как часть предметов, связанных с питьем, наливанием и т. п.’ — наблюдается и в других выражениях, принадлежащих к словообразовательному гнезду корня *cic-/cec-*: ср. словац. диал. *cic-iak* ‘3. часть кувшина, через которую наливают жидкость; 4. суженная трубковидная часть воронки для вина’, *cic-iač-ok* ‘выступающий носик сосуда’, *cic-ik* ‘3. мундштук с дыркой на ручке глиняного кувшина’ [SSN 1: 206], *cic-ok* ‘3. то же’, *cic-or-ok* ‘желобообразный носик на краю некоторых сосудов’ [указ. соч.: 207], литер. *cec-ok* ‘3. разг. выдающаяся, выступающая часть чего-то’ [SSSJ 1: 400], диал. *cec-ok* ‘3. часть кувшина, через которую наливают жидкость; 4. воронка для налива вина’, *cec-ik* ‘2. мундштук с дыркой (для питья) на ручке глиняного кувшина’, *cec-úl-ik* ‘то же’, *cec-úš-ok* и *cec-úš-tek* (*-uš-ьць-ькь) ‘1. то же; 2. выступающий носик сосуда’ [SSN 1: 198].

К этой группе можно, несомненно, отнести и словац. диал. *ce(n)c-úl* ‘мундштук фуяры’ — такое значение могло возникнуть в результате прямой ассоциации ‘сосок’ > ‘что сосут во рту, что вкладывают в рот’; возможен также перенос типа ‘мундштук сосуда’ (ср. приведенные выше примеры) > ‘мундштук музыкального инструмента’.

В словацком диалектном материале наблюдается и развитие типа ‘сосок’ > *‘(продолговатый) выступ’ > ‘предмет продолговатой, вытянутой формы’: ср. словац. диал. *cic-k-atý* ‘2. имеющий вытянутую, продолговатую форму (о фруктах)’ [SSN 1: 206], *cec-ok* ‘5. сорт винограда, сливы или других фруктов вытянутой формы’ (в словосочетании *kozací, kozí cecok*, буквально ‘козий сосок’), *cec-ula* ‘сорт сливы вытянутой формы’ [указ. соч.: 198]; сюда же можно, вероятно, отнести и диал. *cic-iak* ‘6. (в языке охотников) мешковидное пространство, образующееся в круге при отставании одного из участников охоты’ [указ. соч.: 206].

По нашему мнению, именно на основе семантики ‘предмет продолговатой, вытянутой формы’ возникло и значение ‘ледяная сосулька’, представленное в словообразовательном гнезде корней *cic-/cec-*: словац. диал. *cic-ok* «4. *сепцұл*» [там же], *cec-ok* «6. *сепцұл*» [указ. соч.: 198]. К ним можно, наконец, отнести и само слово *сепцұл* < *cec-úl*, ставшее импульсом для написания настоящей статьи¹⁰. Семанти-

¹⁰ На возможную связь словац. *сесок* и *сепцұл* указали уже чешские лингвисты П. Янчак и Я. Петр: «*сепцұл, ľadový čik* (вероятно, преобразования слова *сесок*)» [Jančák, Petr 1986: 272], но их предположение о формальном изменении *сесок* > *сепцұл* представляется маловероятным. — Преобразованием слова *сесок* вряд ли можно считать и упомянутое авторами словац. (*ľadový čik* [‘ледяной] *čik*’]. Данное название относится, по нашему мнению, к словац. диал. *čik* ‘1. виды пресноводных рыб: вьон обыкновенный (*Misgurnus fossilis*), голец усатый (*Nemachilus barbatulus*); 2. вареное мучное блюдо в виде палочек из теста; 3. длинная тонкая мышца на обеих сторонах нижней челюсти свиньи; 4. украшающая лента для народной одежды, простеганная золотой или серебряной нитью’ [SSN 1: 262], заимствованному из полисемантического венг. *csik*;

ческую модель ‘сосать’ > ‘продолговатый предмет’ > ‘ледяная сосулька’ хорошо иллюстрирует и рус. *сосулька* как производное от рус. *сосать* (праслав. **sъsati*)¹¹.

4. На фоне предложенной попытки этимологизации словац. *cencúl’* ‘ледяная сосулька’ представляется целесообразным указать и на другие словацкие названия данной реалии, считавшиеся Махеком экспрессивными образованиями.

Ciagol’ — видимо, вариантная форма к *ciagel’* [так и в современном литературном языке, ср. SSSJ 1: 421], заимствованному из немецкого языка. В качестве источника слова приводится нем. *Zagel* ‘хвост и др.’¹² [Newerkla 2011: 416]; представляется также возможным предположение об исходном нем. *Zackel*¹³ как диминутивном образовании от нем. *Zacke* ‘зубец’ — к значению ср. нем. *Eis-zacke* ‘ледяная сосулька’, буквально ‘ледяной зубец’¹⁴.

Cigel’, как и диал. *cigur* ‘ледяной капельник’ [SSN 1: 210], образованы¹⁵, вероятно, от корня *cig-*, соотносимого с диалектным экспрессивным глаголом *cigolit’* ‘1. течь тонкой струей, стекать; 2. испускать мочу’ [там же]. Этот глагол допускает — при условии нерегулярного озвончения *k > g* [см. сноску 14] — интерпретацию

см. [Rocchi 1: 68–69]. Венгерское слово (вероятно, ономотопеического происхождения) первоначально обозначало вьюна как рыбу, издающую писк при набирании воздуха (к номинации ср. рус. *пискун* ‘то же’); вторично было перенесено и на другие виды водных животных, а также на предметы, напоминающие вьюна по продолговатой форме и полосатой поверхности, — см. об этом [ÚMESz, s. vv. *csik’*, *csik’*].

¹¹ «Слово „сосулька“ действительно связано с глаголом „сосать“. В славянских языках словом „сосать“ называли кормление ребенка грудью. А когда мать выходила с ребенком в поле, она клала его в тени и давала соску в виде разжеванного хлеба, завернутого в тряпочку. В некоторых говорах ее называли „рожок“, в других — „сосуля“. В дальнейшем это слово перенеслось на другие похожие предметы. Например, на леденец или пряник продолговатой формы. Даль писал о пряничных или медовых сосульках. В ярославских говорах так называют вытянутый редис, некоторые формы цветов. Очевидно, по той же аналогии называли всячую наледь на крышах...» [Варбот 2012]. — П. Янчак и Я. Петр, указывая в связи с рус. *сосулька* и близкими восточнославянскими формами на «вероятно, давнюю и общераспространенную детскую привычку, согласно которой можно сосать ледяную сосульку как леденец» [Jančák, Petr 1986: 273], допускают здесь двойную семантическую мотивацию: «Мотивация... ощущается как на основе функции (‘то, что сосут’), так и на основе формы (‘то, что выглядит как то, что сосут’, напр., сосок коровы)» [указ. соч.: 274]. По мнению авторов, мотивация второго типа соприкасается с мотивацией типа ‘висящий, качающийся предмет’, представленной в словац. *cesok* ‘сосок’ [указ. соч.: 272] как предполагаемом ими этимологическом источнике словац. *cencúl’* (см. выше).

¹² Вариантность *ciagel’/ciagol’* можно объяснить преобразованием предполагаемого исходного словац. **cágl’* (< нем. *Zagel* [‘tsa:ɡl]) при помощи вставных гласных *e*, *o*, идентичных с рефлексами праславянских редуцированных в сильной позиции; см. [Stanislav 1967a: 396 и сл.].

¹³ Звонкое *g* в словац. *ciagel’*, *ciagol’* (вместо ожидаемого **ciakel’*, **ciakol’*) объяснимы: 1. заимствованием из немецких диалектов с ленизацией *k > g* [ср. Newerkla 2011: 52, сноска 120]; 2. нерегулярным (экспрессивным?) озвончением *k > g* [Stanislav 1967a: 579], происшедшим уже на словацкой почве.

¹⁴ Ср. также материал, собранный Э. Роотом [Rooth 1961: 127 и сл., раздел «*īstakā*, *-tāk*, *-tākān*, *-takn*, *takl*, *-tākəl*, *tivkəl*»]; в качестве мотива номинации здесь приводится «‘kleine Spitze’ (**takil-*, **takkan-*)» [указ. соч.: 151].

¹⁵ О соответствующих суффиксах см. [SP 1: 108; SP 2: 26–27].

**cik-ol-it*¹⁶, от словац. *cikat'* 'испускать мочу' [слово детской речи, см. SSSJ 1: 428] как рефлекса ономатопеического праслав. **cikati* в значении типа 'lać małą struga, rgyśkać', см. [SP 2: 89]. Ср. также словац. диал. *cik* 'ледяное образование (в виде капельника) из стекающей вниз воды' [SSN 1: 210], объяснимое как обратное производное от *cikat'*¹⁷. О номинации 'течь (вниз), стекать, капать' > 'ледяная сосулька' см. [Jančák, Petr 1986: 272–273]¹⁸.

Cigel' могло — в смысле предположения В. Махека — послужить основой для возникновения формы *cingel'*. Начальное *cing-* объяснимо как результат экспрессивного преобразования *cig-* (вставка согласного *n*); не исключено и воздействие ономатопеического глагола *cingat'*, см. выше. От корня *cing-* образованы, по-видимому, и словац. диал. *cingír* (**cing-ýr*)¹⁹, *cingúr* 'ледяной капельник' [SSN 1: 210].

Словац. диал. *compel'*, *combel'* возникли, скорее всего, в результате нерегулярного фонетического развития *sopel'* 'сопли' > **sompel'* > *compel'* > *combel'* — к семантике ср. укр. диал. *cónilь* 'сопля; льodyня бурулька' и др. [ЕСУМ 5: 355]²⁰. К связи значений ср. также словац. диал. *cingel'* '1. ледяная сосулька; 2. сопля, висящие из носа' [SSN 1: 212] и *cmrkel'* 'ледяная сосулька' [указ. соч.: 217] < **smrk-el'*, от словац. *smrkat'* 'сморкаться'; более подробно см. [Králik 2010: 263].

В отличие от словац. диал. *combel'*, для словац. диал. *cimbolec* [диал. и *cimbol*, *cimbolok*, *cimborok*, *cimborec* — SSN 1: 211], как и для чеш. *cimbolec*, предполагается немецкое происхождение — ср. нем. *Zipfel* '(острый) конец' [Trost 1977; там же обзор старших попыток объяснения]. В смысле другой интерпретации чеш. *cimbolec* связано (вторичное преобразование?) с чеш. диал. *cimbál* 'ледяная сосулька'; см. о нем выше.

При учете упомянутой уже номинационной модели 'сосать' > 'ледяная сосулька' представляется вполне обоснованным объяснить словац. *cúcel'* как производное от словац. *cucat'* 'сосать' [SSSJ 1: 445], восходящего к праслав. **cucati* 'wydawać lub powodować dźwięk *cu* (np. przy ssaniu, mlaskaniu)' [SP 2: 95–96]. Ср. также чеш. диал. *cucek* 'ледяная сосулька': «От *cucat* ['сосать']» [ČJA 2: 376].

5. Таким образом, мы считаем возможным внести существенные коррективы в предложенную В. Махеком этимологическую интерпретацию словац. *cencúl'*

¹⁶ О глаголах с формантом *-ol-* см. [SP 1: 52].

¹⁷ Не исключено, что часть приведенных форм восходит — при условии экспрессивной аффрикатизации *s > c* [Králik 2010] — и к словац. *sikat'* '1. экспр. испускать мочу; 2. брызгать' [SSJ 4: 77], из **sikati* как итератива к праслав. **svcati*, **svčq* < и.-е. **seik^{eu}-* 'ausgießen, seihen, rinnen, träufeln'; о **sikati* см., напр., М. Фурлан в: [Bezlej 3: 219–220, s. v. *scáti*].

¹⁸ По той же модели образовано, видимо, и словац. диал. *cincúr* 'ледяное образование из стекающей вниз воды' [SSN 1: 212]. Соотнесение этого слова с диал. *cincúrat'* 'течь тонкой струей', *cincúrom*, *cincúrkom* '(течь, литься) тонкой, обыкновенно быстрой струей' [там же] представляется более убедительным, чем его интерпретация в смысле *ci(n)c-úr* (т. е. производное от **cic* 'сосок' с вторичной назализацией корня, см. выше), допустимая как в формальном, так и в семантическом отношениях, но не учитывающая существования указанного диалектного глагола.

¹⁹ К возможным исходным суффиксам см. [SP 2: 27–28 (*-yrъ), 28 (*-yr'ь)].

²⁰ Там же и формы с вставным *m* и вторичным начальным *u*; о соответствующей семантической модели см. [Jančák, Petr 1986: 271–272].

и других приведенных выше словацких лексем. Их форма, несомненно, часто свидетельствует о нерегулярных преобразованиях (вторичная назализация корня, озвончение согласных, аффрикатизация $s > c$ и т.п.), которые действительно могут быть связаны с определенной эмоционально-экспрессивной окраской названных слов, вытекающей из самого характера обозначаемых ими реалий (ледяных сосулек и подобных им образований)²¹. С другой стороны, производный, т.е. вторичный характер указанной семантики (см. выявленные выше мотивационные признаки), а также наличие среди проанализированных лексем иноязычных заимствований позволяют сделать заключение о том, что восходящая к В. Махеку (см. выше) гипотеза о «прямолинейном» генезисе словацких экспрессивных названий ледяной сосульки не представляется достаточно аргументированной.

Литература

Варбот Ж. Ж. Почему сосулька так называется? // Аргументы и факты. Суперномер вопросов-ответов. №20. 06.12.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/dontknows/1224820>

Трубачёв О. Н. Задачи этимологических исследований в области славянских языков // *Трубачёв О. Н.* Труды по этимологии. Слово — История — Культура. Том 1. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 25–35.

Янышкова И. Методы работы Вацлава Махека в свете современной этимологии // Теорија дијахронијске лингвистике и проучавање словенских језика / уредници Ј. Грковић-Мејдор, М. Радовановић. Београд : Српска академија наука и уметности, 2010. Р. 79–88.

Bernolák A. Slowár Slowenský Češko-Lat'insko-Ňemecko-Uherský seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum/ A. Bernolák. — Tomus I–V. Budae: Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825.

Jančák P., Petr J. Nářeční názvy pro ‚rampouch‘ v Evropském jazykovém atlase (Nad naší první mapou v souboru ALE) // Slovo a slovesnost. 1986. №4. Р. 264–283.

Karlíková H. K Machkovu pojetí expresivních výrazů // Slavia. 1994. №4. Р. 397–402.

Králík L. Etymologické príspevky k štúdiu slovenskej nářečovej lexiky: z problematiky sporadických hláskových zmien ($s > c, f \sim p$) // Slovenská reč. 2010. №. 4–5. Р. 261–269.

²¹ «Кроме периферийного положения в лексической системе способствует богатству названий ледяной сосульки и то обстоятельство, что обозначаемый предмет оказывает на воспринимающего человека преимущественно приятное воздействие, так что при его номинации могут... проявляться и элементы поэтичности, экспрессивности и игры с языком» [Jančák, Petr 1986: 265–266]. — По мнению авторов, указанное периферийное положение связано с тем фактом, что названия ледяной сосульки «относятся к лексической категории нестабильных наименований. Дело в том, что предметы, обозначаемые такими названиями, не имеют прямого отношения к ежедневной деятельности человека..., они человеку не вредят и не приносят пользу. Таким образом, это названия с периферии словарного состава, которые обычно употребляются только в ограниченное (зимнее) время года» [указ. соч.: 265]. Проявлением упомянутой лексической нестабильности является, несомненно, и относительно большое количество словацких диалектных названий данной реалии.

Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny / E. Králik. — Bratislava : Veda, 2015. 704 p.

Machek V. Studie o tvoření výrazů expresivních / V. Machek. — Praha : nákladem Filosofické fakulty University Karlovy v komisi Fr. Řivnáče, knihkupce Karlovy university, 1930. IV + 156 p.

Newerkla S. M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen / S. M. Newerkla. — Zweite, durchgehend überarbeitete und aktualisierte Auflage. Frankfurt am Main etc. : Peter Lang GmbH, 2011. 782 p.

Rocchi L. Hungarian Loanwords in the Slovak Language / L. Rocchi. — Vols. 1–3. Trieste : Università degli studi di Trieste, 1999–2010.

Rooth E. Zu den Bezeichnungen für ‚Eiszapfen‘ in den germanischen Sprachen. Historisch-wortgeographische und etymologische Studien / E. Rooth. — Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1961. 166 p.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie / J. Stanislav. — 3., doplnené vyd. Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967a. 712 p.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. II. Tvaroslovie / J. Stanislav. — 2., doplnené vyd. Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967b. 756 p.

Trost P. Cimbolec ‚rampouch‘ // Naše řeč. 1977. №. 1. P. 53–54.

Zlatý fond denníka SME [Электронный ресурс]. URL: <http://zlatyfond.sme.sk/>

Сокращения

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ : Наукова думка, 1982–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Ленинград (СПб.) : Наука, 1965–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. М. : Наука, 1974–.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika / F. Bezljaj. — Knj. 1–5. Ljubljana : Mladinska knjiga, 1976–2007.

ČJA — Český jazykový atlas. Sv. 1–6. Praha : Academia, 1992–2011.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. Zv. 1–7. Bratislava : Veda, 1991–2008.

Kálal — *Kálal M.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. (Slovensko-český diferenciálny.) / M. Kálal. — Banská Bystrica : tlačou Slovenskej Grafie, 1923. 1112 p.

Kott online — Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta [Электронный ресурс]. URL: <http://kott.ujc.cas.cz/>

Machek¹ — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / V. Machek. — Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 628 p.

Machek² — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. — 2., opravené a doplnené vyd. Praha : Academia, 1968. 868 p.

Mikulášek — *Mikulášek J.* Fugarôčka, fujara. Manuál o fujare — základy hry na fujaru / J. Mikulášek [Электронный ресурс]. URL: http://jjh.cz/fujary_eu/img11/manual_sk.zip

SP — Słownik prasłowiański. Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Zv. 1–6. Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.

SSN — Slovník slovenských nárečí. Bratislava : Veda, 1994–.

SSSJ — Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava : Veda, 2006–.

ÚMESz — Új magyar etimológiai szótár (szerkesztés alatt). I. kötet (A–K) [Электронный ресурс]. URL: <http://nszt.nytud.hu/etimologia.html>

Eubor Králik

L. Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences

(Slovakia, Bratislava)

kralik@juls.savba.sk

ON SOME SLOVAK NAMES OF ICE FORMATIONS (*CENCÚP* ‘ICICLE’, ETC.)

According to the Czech etymologist V. Machek, Slovak *cencúl* ‘icicle’ (as well as Slovak literary *ciagel* and dialectal *cígel*, *cingel*, *cimbolec*, *compel*, *combel*, *cúcel* ‘id.’) is a word of expressive origin. In our study, we try to reconsider this attempt at etymological explanation; at the same time, we also discuss several other Slovak dialectal names for icicles and ice formations (*cecok*, *cicok*, *cigur*, *cik*, *cincúr*, *cingír*, *cingúr*, *cmrkel*, *ľadový čik*). Some of these words seem to have undergone irregular phonetic changes (probably due to their emotional and expressive markedness related to the properties of the denoted objects) which are described in the article. The etymological analysis also identifies diverse semantic origins of the lexemes under discussion (such as ‘to suck; nipple’ [> ‘{nipple-like} protuberance; elongated object’], ‘snot’, ‘sharp, tooth-like projection’, ‘to flow, drip [down], ‘to make a sound’) as well as loanwords from other languages.

Key words: etymology, onomasiology, Slovak language, names of ice formations, expressive lexicon.

References

Bernolák A. *Slovár Slowenski Česko-Latínsko-Ňemecko-Uherski seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum* [Slovak-Czech-Latin-German-Hungarian dictionary]. Vols. 1–5, Buda, Publishing House of the Royal Hungarian University, 1825.

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological dictionary of the Slovene language]. Vols. 1–5, Ljubljana, Mladinska knjiga, 1976–2007.

Česko-německý slovník Fr. Št. Kotta [The Czech-German Dictionary by Fr. Št. Kott]. Available at: <http://kott.ujc.cas.cz/>. (accessed 04.03.2017)

Český jazykový atlas [Czech language atlas]. Vols. 1–6, Prague, Academia Publ., 1992–2011.

Etymologichnyi slovnyk ukraïns'koï movy [Etymological dictionary of the Ukrainian language]. Vols. 1–6, Kiev, Naukova dumka Publ., 1982–2012.

Historický slovník slovenského jazyka [Historical dictionary of the Slovak language]. Vols. 1–7, Bratislava, Veda Publ., 1991–2008.

Jančák P., Petr J. [Dialectal names for ‘icicle’ in the Atlas Linguarum Europae (On our first map in the ALE set).] *Slovo a slovesnost*, 1986, no. 4, pp. 264–283. (In Czech)

Kálal M. *Slovenský slovník z literatury aj nárečí (Slovensko-český diferenciálny)* [Slovak dictionary of the literary language and dialectal speech (A Slovak-Czech differential one)]. Banská Bystrica, Slovenská Grafia Publ., 1923. 1112 p.

Karlíková H. [On Machek’s notion of expressive words.] *Slavia*, 1994, no. 4, pp. 397–402. (In Czech).

Králik Ľ. [Etymological contributions to the study of the Slovak dialectal lexicon: on the problem of sporadic sound changes ($s > c, f \sim p$).] *Slovenská reč*, 2010, no. 4–5, pp. 261–269. (In Slovak).

Králik Ľ. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [Concise etymological dictionary of Slovak]. Bratislava, Veda Publ., 2015. 704 p.

Machek V. *Studie o tvoření výrazů expresivních* [A study on the formation of expressive words]. Prague, Faculty of Arts of Charles University, 1930. IV + 156 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological dictionary of the Czech language]. Prague, Academia Publ., 1968. 868 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological dictionary of the Czech and Slovak languages]. Prague, Publishing House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1957. 628 p.

Mikulášek J. *Fujarôčka, fujara. Manuál o fujare — základy hry na fujaru* [“Fujarôčka, fujara.” A manual on how to play *fujara* (Slovak national musical instrument) — basics of playing *fujara*.] Available at: http://jjh.cz/fujary_eu/img11/manual_sk.zip. (accessed 04.03.2017).

Newerkla S. M. *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen* [Language contacts German — Czech — Slovak. Dictionary of German loanwords in Czech and Slovak: historical evolution, attestations, hitherto and new explanations]. Second, thoroughly revised and updated edition, Frankfurt am Main etc., Peter Lang GmbH, 2011. 782 p.

Rocchi L. *Hungarian Loanwords in the Slovak Language*. Vols. 1–3. Trieste, Università degli studi di Trieste, 1999–2010.

Rooth E. *Zu den Bezeichnungen für ‚Eiszapfen‘ in den germanischen Sprachen. Historisch-wortgeographische und etymologische Studien* [On the names for ‘icicle’ in Germanic languages. Studies in historical wordgeography and etymology]. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1961. 166 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Leningrad (St. Petersburg), Nauka Publ., 1965–.

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of the Slovak language]. Vols. 1–6, Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1959–1968.

Slovník slovenských nářečí [Dictionary of Slovak dialects]. Bratislava, Veda Publ., 1994–.

Slovník súčasného slovenského jazyka [Dictionary of the contemporary Slovak language]. Bratislava, Veda Publ., 2006–.

Słownik prasłowiański [Common Slavic dictionary]. Wrocław etc., Ossoliński National Foundation — Publishing House of the Polish Academy of Sciences, 1974–.

Stanislav J. *Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie* [History of the Slovak language. Vol. I. Introduction and phonetics]. Third, enlarged edition, Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1967a. 712 p.

Stanislav J. *Dejiny slovenského jazyka. II. Tvaroslovie* [History of the Slovak language. Vol. II. Morphology]. Second, enlarged edition, Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1967b. 756 p.

Trost P. *Cimbolec* ‘rampouch’ [Cimbolec ‘icicle’]. *Naše řeč*, 1977, no. 1, pp. 53–54. (In Czech).

Trubachev O.N. [Tasks of etymological research on Slavonic languages.] Trubachev O.N. *Trudy po etimologii. Slovo — Istoriya — Kul'tura. Tom 1.* [Works on etymology. Word — History — Culture. Vol. 1]. Moscow, Languages of Slavonic Culture Publ., 2004, pp. 25–35. (In Russ.)

Trubachev O.N., Zhuravlev A.F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of the Slavonic Languages. Common Slavonic lexical itock]. Vols. 1–40, ed. O.N. Trubachev (vols. 1–31), A.F. Zhuravlev (vols. 32–40). Moscow, Nauka Publ., 1974–.

Új magyar etimológiai szótár (szerkesztés alatt). I. kötet (A–K) [New Hungarian etymological dictionary (under redaction). Vol. 1 (A–K)]. Available at: <http://nszt.nytud.hu/etimologia.html>. (accessed 04.03.2017)

Varbot Zh. Zh. [Why is Russian *sosul'ka* ‘icicle’ called that way?] *Argumenty i fakty. Supernomer voprosov i otvetov* [Arguments and Facts. Super-issue with questions and answers]. No. 20, December 6, 2012. (In Russ.) Available at: <http://www.aif.ru/dont-knows/1224820>. (accessed 04.03.2017).

Yanyshkova (Janyšková) I. [Václav Machek’s methods of work in the light of contemporary etymology.] *Teorija diahronijske lingvistike i proučavanje slovenskih jezika* [Theory of diachronic linguistics and research into Slavonic languages]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, 2010, pp. 79–88. (In Russ.).

Zlatý fond denníka SME [Golden fund of the SME daily]. Available at: <http://zlaty-fond.sme.sk/>. (accessed 04.03.2017).

Л. В. Куркина
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ГНЕЗДА С ОСНОВОЙ *TELP-

В работе предложен опыт восстановления генетических связей рассеянных по славянским языкам образований с основой **telp-*. Отправной точкой поисков стали рус. диал. *телепать*, *телепень*, которые, по мысли В. Н. Топорова, отражают одну из ступеней морфонологического ряда **telp-*: **tolp-*: **ťlp-* (ср. хетт. *Telepinuš*, бог плодородия, лув. *taluppi* ‘ком’, ‘глыба’) с исходными значениями, унаследованными из сферы пчеловодства, — ‘хаотичное, беспорядочное движение’ и ‘не-что сбитое в ком’. Предложены аргументы в пользу сближения по формальным и семантическим основаниям русских диалектизмов с польск. *łłopic się* ‘толпиться, проталкиваться’, слав. **ťlpa*. В предположительной форме ставится вопрос о возможности отнесения к этой группе слов рус. диал. *толона* ‘звериная тропа’, для которого вне этого контекста предполагается заимствование.

Ключевые слова: этимология, морфонологические отношения, структура основы, реконструкция семантики.

В этимологии весьма существенна проблема распада и восстановления этимологического гнезда. В силу разных причин (изменение фонетического облика слова, удаленность морфонологических вариантов и т. п.) происходит ослабление родственных связей и разрушение этимологического гнезда, сопровождающееся расщеплением изначально генетически единого целого на отдельные фрагменты, которые начинают функционировать самостоятельно, образуя свою систему парадигматических, семантических связей внутри словаря. Распаду изначальных связей способствует и притяжение со стороны синонимичных лексем, образующих лексико-семантическое поле, подключение к активным словообразовательным моделям и т. п. Задача состоит в том, чтобы по сохранившимся остаточным явлениям с опорой на структуру, семантику попытаться восстановить утраченные связи, определить место изолированных образований в исходной для него системе. Ключевая

роль в решении этого вопроса принадлежит материалу. С выходом в свет новых диалектных словарей, существенно расширяющих материальную базу исследований, появляется возможность с применением комплексной методики в более широком контексте, русском и шире — славянском, соотнести явления, удаленные и на первый взгляд никак не связанные между собой.

Предметом нашего рассмотрения станет ограниченная вост.-слав. ареалом группа слов, в которой наибольшую активность обнаруживают рус. *телепень*, *телепаться*. С привлечением диалектных источников в исследованиях найдем подробное описание состава и семантики слов, так или иначе связанных с гл. *телепаться* [Шахматов 1902: 360–361; Топоров 1985: 12], и это позволяет нам свести описание семантики к определению семантических центров, вокруг которых группируется все многообразие значений этих образований. Как показывают исследования, глагольная семантика сводится к реализации общего значения, которое, по В. Н. Топорову, может быть определено как ‘неупорядоченное, хаотическое, разнонаправленное движение’: рус. диал. *телепаться* ‘болтаться, мотаться, висеть и качаться’ [Даль² IV: 396], укр. *телéпати* ‘трясти, болтать, тихо идти’, ‘идти медленно, шлепать’, ‘жадно есть’, карп. *телéпатиця* ‘тащиться’ [Гринченко 4: 252], закарп. *telepaty* ‘трясти, колебать’ [Балецкий 188], блр. *целяпаць* ‘болтать, мотать’ [Блр.-русск.], диал. *тэлепа́ти* экспр. ‘идти с медленно, с трудом’ (Тур. сл. 5: 133) и т. д. Общим для именных образований является значение ‘нечто плотное, толстое, неповоротливое, отличающееся большими размерами (человек, ребенок, животное, кусок дерева, металла и под.)’ [Топоров 1975: 12]: ср. рус. диал. *телепéнь* ‘дородный ребенок’, *телепень* ‘толстяк’, *телéпа* и *телёпа* ‘о бестолковом человеке’ (волог.), ‘о несговорчивом, неуступчивом, непокладистом человеке’ (новг.), ‘о вялом, нерасторопном, неуклюжем человеке’ (новг.), ‘о беспутном, ветреном человеке’ (Бурят. ССР) [СРНГ 43: 349], *телепня* ‘месиво из пищевых отходов’ (Сл. Сред. Урала VI: 91) и т. п., укр. *телепень* карп. ‘то, что болтается’, ‘колокольный язык’ [Балецкий 189], ‘неповоротливый, медлительный человек’ [ЕСУМ 5: 539], блр. *целяпéнь* ‘неуклюжий человек, толстяк’ [Блр.-рус.] и т. п.

Традиционно в этимологической литературе эти образования с широким разбросом значений относят к разряду звукоподражаний [ср. Фасмер IV: 38–39; ЕСУМ 5: 539]. И такое объяснение вполне допустимо по отношению лишь к какой-то части образований. Однако в целом природа образований остается до конца не выясненной, особенно если принять во внимание, что в составе глагольных и именных образований присутствуют не только звукоподражания (ср. укр. межд. *телéп*, выражающее момент падения, особенно во что-л. жидкое, *телéпати* ‘шлепать’, ‘жадно есть’, рус. вариант *тилипаться* и т. п.), но и продолжения полноценного славянского апеллатива. Вероятно, в силу разных причин произошло сближение, слияние и поглощение звукоподражанием какой-то части полноценных слов, и как следствие — размылись границы разных по происхождению образований, и вся группа в целом стала восприниматься как неясная, звукоописательная по своей природе. Следует заметить, что вывод о звукоподражательном происхождении рус. *телепаться*, *телепень* и т. п. ориентирует на общий, единый подход

к характеристике названных слов и исключает из рассмотрения все другие аспекты, связанные со структурой и семантикой слова.

Как показывают другие опыты объяснения русских слов, некоторые неясности связаны с пониманием структуры, морфемного состава этих образований. В «Этимологическом словаре словенского языка» рус. *меленень* соотносится с параллельными образованиями в словенском языке: ср. *telébiti* ‘вызвать падение, ударить’, *telébniti* ‘плюхнуть; плюхнуться, свалиться, упасть’, *telébatl* ‘падать, плюхать, с силой ударять’, устар. ‘неловко, неуклюже ходить; летать’ (ср. čmrlj *teleba* od sveta do sveta), каньск. *teléba* ‘большой кусок (напр. хлеба)’, прил. *telében*, *telébast* ‘неловкий, неуклюжий’ и т. п. [Plet.² II: 653], с.-хорв. диал. *telébatl* ‘хлопать, ударять’, *telébiti* ‘пропасть’ [Snoj in: Bezljaj IV: 164], разг. *zamelébatu se* ‘сильно, неразумно влюбиться’, ‘установиться, смотреть, не отрывая глаз’ [РСКНХ VI: 463], далее рус. диал. *мелéбить* ‘тихо, медленно идти’ (кур., орл.), *мелéбонить* ‘звонить в колокола’, ‘красть, воровать’, *мелéбониться* ‘пить для легкого опьянения’ [СРНГ 43: 342], далее с другими расширениями *стелéбэсць* ‘украсть что-л.’ (сиб.), *стелеляшць* ‘стащить, украсть что-л.’ (арх., волог., костр.) [СРНГ 41: 125] и т. п. Из этого следует выделение в рус. *меленень* двух морфем — корень *тел-* + непродуктивный суф. *-ен*, который усиливает экспрессивную окраску слова (ср. *мазать* и *мазена*). М. Сной обратил внимание на параллельную форму в лит. стар. *telėpyti* ‘говорить’ (< ‘толочь, бить’), которое вместе с приведенными образованиями подводит к восстановлению исходного **tel-* ‘бить, толочь’, широко представленного с расширителем *-k* в продолжениях праслав. **telkt’i*, ср. параллельно **tel-ež-* > лит. *telėžyti* ‘сильно толочь’, *telžti* ‘с грохотом, шумом бросить, кинуть’, ‘бить, колотить’ [Fraenkel 1078]. Сам факт соотнесения близких по звучанию слов в русском и словенском языках и предположение о возможной однотипной структуре этих образований заслуживает внимания. Однако не исключено альтернативное понимание, основанное на допущении независимого, параллельного развития образований с общей основой в двух удаленных друг от друга ареалах.

Новые перспективы открывает предложенное В. Н. Топоровым объяснение рус. *меленать* в широком культурно-историческом и индоевропейском контексте [Топоров 1972: 78–81; Он же 1975: 3–49]. Исследуя рус. *меленать(ся)* на материале народного творчества, в контексте восстанавливаемой архаической пчеловодческой ритуальной песни, привлекает в плане сравнения название ‘исчезающего и возвращающегося божества плодородия’ в хетт. *Telepinuš*, хатт. *Talipinu*, *Talipunu*, далее лув. *taluppi* ‘ком’, ‘глыба’ и связанное с этим миграционным термином одно из и.-е. названий крота — лат. *talpa* [Гамкрелидзе, Иванов II: 532], В. Н. Топоров приходит к важному выводу, согласно которому это образование, изначально обозначавшее разнонаправленное, неупорядоченное движение, процесс сбивания пчел в рой при образовании нового роя, в очень стертом и видоизмененном виде отражает унаследованный из индоевропейской эпохи термин пчеловодства. В качестве примера приводится детская песня «Тень, тень, потетень ...; толпа пчел, пчелы толпятся, меленаются ...» ~ лит. *bitės talpinamos avilyje*, отмечая, что в формуле *Тень, тень, потетень!* может содержаться анаграмма табуизированного названия

телепень (ср. особенно *плетень* — *телепень*) [Топоров 1975: 25, прим. 62]. В связи с этим В. Н. Топоров далее пишет: «Некогда *телепень*, *телепаться* могли употребляться при описании процесса сбивания пчел в ком, в плотно прижатую друг к другу массу, отличающуюся хаотическим, слабо выраженным движением или процесса образования пчелиного роя, который постоянно приходит в движение» (Топоров 1972: 78). С учетом того, что пчеловодство пришло через Кавказ и через островную и материковую Грецию из Малой Азии, В. Н. Топоров проводит идею о возможной связи древнего вост.-слав. термина пчеловодства *телепень* с малоазиатским *telepin-*, средиземноморским *talp(in)-*, балт. *telp-/ talp(in)*, а на ностратическом уровне допускает связь этого термина с др.-тюрк. *talpin-* ‘биться’, ‘трепыхаться’ [Топоров 1975: 44].

Рус. *телепень*, *телепаться* рассматриваются В. Н. Топоровым как отражение одной из ступеней морфонологического ряда праслав. **telp-/ *talp-/ *tļp-* [Топоров 1975: 13]. При таком объяснении с формальной точки зрения в стороне остаются отступления от закономерного развития группы *telp-* по типу **melti* > *молоть*, **melko* > *молоко* на вост.-слав. почве. Следует заметить, что преобразование **telp-* > **telep-*, выпадающее из общей линии развития, не получило удовлетворительного объяснения. Как показывает материал, развитие **telp-* > **telep-*, **telop-* наблюдается после шипящей согласной в русском языке в *ele*, *elo*: ср. **čelnъ* > укр. *челен*, **želbъ* > рус. *жёлоб* и т.п [Мейе 1951: 57]. А. А. Шахматов полагал, что сочетание *eļ* с долгим сонантом перешло в *ele* перед *e* и тем *ь*, которое изменилось впоследствии в *e*, т. е. *telt* > *telet*, в дальнейшем **telet* было вытеснено **tolot*, а перед следующим *i* перешло в *или*, ср. *тилизнуть* (Шахматов 1902: 360–361). Отмечается и возможность влияния других факторов, поскольку слово функционирует в системе определенных парадигматических и семантических отношений и испытывает влияние и притяжение со стороны родственных образований, как в случае *половня* > *пелевня* под влиянием *пелы*, *пелъве* ‘мякина’ [Шахматов 1915: № 245, 153].

Далее предполагается, что унаследованный древний термин пчеловодства, являясь частью морфонологического ряда **telp-/ *talp-/ *tļp-*, связан чередованием корневого вокализма с продолжениями слав. **tļpa / *tļpa* (> рус. *толпа*, ср. в песне пчелы *толпятся*, *телепаются*), в котором совмещаются оба значения, предполагаемые для исходной основы, — ‘беспорядочное движение’ и ‘нечто больших размеров, сбитое в одну большую массу’. Ближайшие соответствия находят в балтийских языках — лит. *tīlpti (telpù)* ‘занимать определенное место’, ‘помещать, поместить’, ‘вмещать’, *talpà* ‘емкость, объем’, лтш. *tīlpt, tēlpu* ‘помещаться, входить, доходить’, *talpa* ‘помещение’, далее др.-инд. *tālpas, talpā* ‘ложе, седалище’, ирл. *tallaim* ‘нахожу место’ и под. [Brückner 572; Фасмер IV: 74; Топоров 1975: 13]. В словаре Покорного к продолжениям и.-е. **telp-* ‘пространство’ отнесено тох. А *tsälp-* ‘идти, переходить (на другую сторону), становиться спасенным, избавленным’ [Pokorny I: 1062].

Однако остается много неясного в характере отношений вост.-слав. и литовских образований. Традиционно в соотношении слав. **tļpa* ~ лит. *tīlpti* принимается за исходное значение, зафиксированное в литовском языке, — ‘занимать место,

помещать', но при этом не учитывается, что литовский язык как один из многих и.-е. языков может иметь свою независимую линию семантического развития, и потому в семантике литовского слова необязательно видеть отражение хронологически более раннего состояния. Семантика образует довольно сложную систему, структура и наполнение которой определяется многими факторами. Значения, рассеянные по славянским диалектам, отражают лишь возможности семантических преобразований в рамках одного гнезда родственных слов. Движение внутри значения, изменение его объема происходит индивидуально в рамках одной языковой системы. Нет прямых мотивационных связей между конкретным значением, засвидетельствованным в какой-то части славянского ареала, и тем значением, которое отмечено в языковой системе другого ареала. Можно лишь говорить о потенциальных возможностях преобразований значения, принимаемого за исходное. В основе семантических изменений лежат более сложные процессы. Применительно к рассматриваемому нами случаю В. Н. Топоров полагает, что развитие семантики определялось не конкретными значениями, здесь действовали механизмы более общего плана, основанные на соотношении объема и его заполнения, категорий неодушевленности, статичности, динамичности [Топоров 1975: 14]. Воплощением неких общих образов, определивших преобразования семантики в том или другом направлении, стали засвидетельствованные в славянских языках конкретные значения, на основе которых складывалась своя система семантических отношений, свои мотивационные отношения.

Пониманию семантических возможностей вост.-слав. образований и слав. **tylpa* способствует принимаемое некоторыми исследователями [Brückner 572] сближение с польск. диал. кауз. *łopić* 'давить, толкать, вдавливать, втискивать, нагнетать', диал. *łopić pole* 'оставлять поле под паром', *łopić się, łopaczyć się* 'с силой пихаться, толкаться, проталкиваться' [Warsz. VII, 66] с реконструкцией исходной формы **tolpiti*, имеющей структуру производного регулярного типа от не засвидетельствованного в славянских языках гл. ***telpti* с предполагаемым для него значением 'бить, колотить, толочь'. Я. Отрембский, поддерживая идею сближения слав. **tylpa* и приведенных польских глаголов, отмечает, что согласно исторической фонетике польского языка ожидалась бы форма гл. **thupić się* (ср. *stup* 'столб' < **stlp-* < и.-е. **stel-p-*) [Boryś 560], но такое отступление, как он полагает, стало возможным по причине влияния гл. *łoczyć się*, а также *łok* [Otrębski 1948: 353/107]. Однако необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что польск. *łopić* непосредственно не связано отношением производности с **tylpa*, а представляет собой отражение ступени **tolp-* в морфонологическом ряду **telp-/tolp-/tlp-*.

Славянский материал позволяет расширить круг продолжений слав. **tolp-* и включить в этот ряд болгарские образования: ср. *mlánam, mlánuvam* 'бредить', *mlánná v* 'худая молва' [Геров 5: 338–339], *natlápnám* 'навязываться', *natlátnovása vь ума, vь память-тѣ* 'врезываться в память', *natlána. natlápnъ* 'то, что врезается в память' (Геров 1: 174; 3: 230), *vtlápnъ, vtlápnávamъ* 'натверживать', 'вперить глаза', ботевгр. *nátnan* 'навязчивый, назойливый человек' [Илчев БД I: 196], 'человек, который ходит в гости без приглашения', 'животное ожесточенное,

разъяренное', *nátlapa* 'настойчивый, навязчивый', к *nátlapa* и т. п. [БЕР 4: 554], *tlánamь* 'бредить' [Героу 5: 338], софийск. *tlàni mi se* 'чудится мне, что кто-то скоро умрет' [Божкова БД I: 269], *tlànìm* 'бредить' [Гъльбов БД II: 108], родоп. *tlapòвам* 'говорит во сне, бредить' [Стойков БД V: 212 и др.: см. БЕР 8: 69-70]. Семантика болгарских образований в общем виде сводится к двум основным значениям — 'давить', отсюда 'вперить взгляд', 'настойчивый; назойливый, навязчивый' и 'бредить', отсюда 'мечтать, грезить', 'видеть во сне'. К продолжениям той же основы можно отнести с.-хорв. диал. *утлáни* 'грубо, силой сунуть что-л. в руку', *утлáни се* 'прийти без приглашения' [Динић 2008: 869]. Семантическая эволюция не образует прямой линии с последовательной взаимосвязью и мотивацией значений, но признаки исходной семантики уже в преобразованном виде продолжают жить, они проявляются в семантике отдельных образований, как в случае болгарских лексем со значением 'грезить, мечтать и т. п.', в плане семантики ср. родственные гл. **brestì, bredq* рус. *бредить ~ бред* [ЭССЯ 3: 12–13].

Особо стоит вопрос о характере отношений приведенных образований со ст.-слав. **въстлапнѣти** 'укротить, смирить' [Ст.-слав. сл. 155: Супр.], форма без префикса в цслав. **тлапнѣти** *mitigare proūveiv* 'делать кротким, укрощать, смягчать, успокаивать' [Mikl. LP 991]. Эти слова отнесены к числу неясных в ESJS [18: 1109]. В словаре Брюкнера этот глагол и с.-хорв. *tlapiti* 'болтать' выводятся из **tolp-* [Brückner 572], А. Вайан определяет ст.-слав. глагол как фактитив, соотносительный с **tьpa*, и полагает, что в меньшей степени это относится к чеш. *roztlapiti* 'растоптать', которое ближе к *tlapa* 'лапа' [Vaillant III: 421] и, по мысли Махека, происходит из *lapa* [Machek 645], и еще меньше к с.-хорв. *tlápati = klápati* (с переходом *tl > kl*) 'грезить, мечтать', 'видеть во сне' (ср. сву ноћ сам *тлапно* којешта — *somnio susdeque*), ср. производное от него на *-nja* — *тлапња* '*somnia promiscua*', 'болтовня' [Вук 1898: 765]. В некоторых источниках ст.-слав. глагол соотносится с гот. *plaqus mollis* и далее с **(u)toliti*, тот же вывод распространяется и на с.-хорв. слово [Mikl. 357; Skok III: 477] и др. Трудно провести разграничение звукоподражаний и полноценных слов, претерпевших глубокие изменения в семантике. Можно думать, что одна из причин затруднений в понимании внутренней формы ст.-слав. **въстлапнѣти** 'укротить, усмирить' связана с описанием значения глагола. Приведенный в словаре пример на употребление глагола в Супрасльской рукописи **въстлапнѣвъ гнѣвъ словесы кротъкъми** позволяет думать, что в определении значения иносказательно передается изначально заложенный в нем смысл — 'подавить (гнев)', отсюда 'укротить, усмирить' [Ст.-слав. сл. 155]. Другая причина — в словах, передающих характер действия стирается изначально признак, который проявляется лишь в контексте. И это дает право отнести ст.-слав. глагол к рассматриваемому нами гнезду слов.

В русских диалектах существует еще одна группа слов, изучение которой позволяет в предположительной форме поставить вопрос о возможном родстве рус. *телепа* < **tolp-* с образованием, которое отнесено в литературе к числу неясных. Таким образованием является диал. (том.) *тóлоп* и *толопá* в значении 'тропа, звериная тропа' [СРНГ 44: 204]. Изолированный диалектизм засвидетельствован на территории, где русские говоры находятся в окружении местных языков и диалектов,

что и стало основанием для предположения о заимствовании: Хелимский называет источником селькупские диалекты, но конкретный источник заимствования остается неясным [Аникин 2000: 551]. Объяснение истоков слова в самом общем виде, без достаточного обоснования, только исходя из ареальной ограниченности и обособленного положения в словаре, оставляет много вопросов и потому побуждает продолжить поиски решения, но уже на других основаниях с учетом структуры слова, возможных для него внутриславянских связей, понимания природы этимологического гнезда.

С расширением материала в составе славянской лексики открываются факты, позволяющие преодолеть изолированность русского диалектизма и продвинуться в понимании истоков рус. диал. *толопа*. В контексте восстанавливаемых связей допустимо видеть в диал. *толопа* именное образование с вокализмом *о*, сложившееся на основе гл. ***telpti*. Следует отметить, что в русских говорах европейской части представлена лексема со сходным значением, но с отличием в оформлении исхода слова — *толоба́* ‘звериная тропа’ (смол.), ‘узкая тропинка по снегу, грязи’ (ворон.) [СРНГ 44: 198], с этой лексемой, несомненно, связан отыменный гл. *затолббить* ‘затоптать’ (смол.) [СРНГ 11: 97]. Это слово, как и *толон*, стоит особняком в словаре. Исходным для *толоба* мог стать гл. **telbti* < (**tel-b-*, ср. **tel-k-ti*), частично слившийся с упомянутыми выше образованиями типа *телебать*. Возможно, появление параллельной формы на *-оба* вызвано сближением и притяжением по формальным и семантическим основаниям со стороны близкого наименования **dolbь/*dolba*, производного от гл. **delbti* [ЭССЯ 5: 59–60]. Диалектизмы *толопа*, *толоба* подчиняются словообразовательно-семантической модели образований названий дорог и тропинок в славянских языках (ср. **torь* ‘проторенная дорога’ ~ **terti*, *trq*, **prosěka* ‘прорубленная дорога’ ~ **sěkt’i*, **dorga* ~ **dъrgati* и т. п.) [Куркина 1968: 92–105].

Как видим, гнездо слав. **tel-p-*, унаследованное из и.-е. праязыка, сохранилось в виде отдельных фрагментов, рассеянных по славянской территории. Восстановление разрушенных исходных генетических связей основано на закономерностях структурных отношений основ и углубленного изучения семантики, функционирования слов в разных понятийных контекстах.

Литература

Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.-Новосибирск: «Наука», 2000.

Балецкий — Балецкий Э. Из словарного состава карпатских (украинских) говоров // *Studia slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Redigit St. Kniezsa. T. IV, fasc. 1–2. Budapest, 1959, 181–192.*

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–8-. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2017-.

Блр.-рус. — Беларуска-рускі слоўнік. Пад. рэдакцыяй акад. АН БССР К. К. Крапівы. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952.

Божкова // БД I — Божкова З. Принос към софийския говор // БД I. С.: АН Болгарии. Институт болгарского языка, 1962.

Вук 1898 — Вук Караџић. Српски рјечник. Истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Скупио га и на свијем издао Вук Стеф. Караџић. 3-е изд. Белград, 1898.

Гамкрелидзе, Иванов — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: изд. Тбилисского университета, 1984.

Геров — Геров Н. Речник на българския език. Т. 1–6. София: Български писател, 1975–1978.

Горяев — Горяев Н. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.

Гринченко — Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка. Т. 1–4, Киев, 1907–1909.

Гълъбов // БД II — Гълъбов Л. Говорът на с. Доброславци, Софийско // БД II. С.: АН Болгарии. Институт болгарского языка, 1965.

Даль² — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 (1863–1866), набрано и напечатано со второго издания 1880–1882 гг., Москва, 1955.

Динић 2008 — Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Институт за српски језик САНУ. Монографије 4. Београд, 2008.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукінова, Г. П. Півторак, В. Г. Склярєнко, О. Б. Ткаченко. Т. 1–6. К., 1982–2012.

Илчев // БД I — Илчев Ст. Към ботевградската лексика // БД I. С.: АН Болгарии. Институт болгарского языка, 1962.

Куркина 1968 — Куркина Л. В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках // Этимология 1968. М.: Наука, 1971.

Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. Перевод с второго франц. издания. М.: изд. Иностранной литературы, 1951.

РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. VI. Институт за српскохрватски језик. Београд, 1969.

СД — Славянские древности. Т. I–VI. М.: Международные отношения, 1995–2012.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Ред. В. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1-46-. Л., СПб.: Наука, 1965–2013-.

Стойков // БД V — Стойков Т. Родопски речник // БД V. С.: АН Болгарии. Институт болгарского языка, 1970.

Ст.-слав. словарь — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Топоров 1972 — *Топоров В. Н. *Tel-p-n-, *tal-p-n-* в свете ностратической перспективы // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря). Предварительные материалы. М.: Наука, 1972, 78–81.

Топоров 1975 — *Топоров В. Н.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М.: Наука, 1975, 3–49.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1964–1973.

Шахматов 1902 — *Шахматов А. А.* К истории звуков русского языка. Замена долгих плавных слоговыми // Изв. ОРЯС т. VII, кн. 2. СПб., 1902, 303–382.

Шахматов 1915 — *Шахматов А. А.* Очерки древнейшего периода истории русского языка. Изд. 3-е, стереотипное с изд. 1915 г. М., 2016.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–41–. Отв. ред. акад. О. Н. Трубачёв, д.ф.н. А. Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–2018.

Bernard 1960 — *Bernard R.* Étude de quelques mots du dialecte de Razlog d'après le t. XLVIII du Сб. за народни умотворения и народопис // Езиковедско-етнографски изследвания в памет на ак. Т. Романски, С., 1960 368–369.

Bezljaj — *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007.

Boryś — *Boryś W.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

Brückner — *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Krakowska Spółka wydawnicza, 1927.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–16-. Hl. red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha: ACADEMIA. Nakladatelství Akademie věd České Republiky, 1989–2012-.

Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. T. I–II. Heidelberg, 1955–1965.

Kott — *Kott F.* Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha: Kolár, 1878–1893.

Machek — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1997.

Mikl. — *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Mikl. LP — *Miklosich F.* Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Vindobonae, 1862–1865.

Otrębski — *Otrębski J.* Życie wyrazów w języku polskim. Prace Komisji filologicznej, tom XII, zeszyt 2. Poznań, 1948.

Plet. — *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Vol. T. I–II. Ljubljana, 2006.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1959–1969.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Vol. I–XV. Zagreb, 1880–1976.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae = Словарь старославянского языка. Т. I–IV. СПб., 2006.

Skok — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Vaillant III — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. T. III. Le verbe. Deuxième partie. Paris, 1966.

Warsz. — *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego, t. I–VIII, wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.

L. V. Kurkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

lyukurkina@rambler.ru

RECONSTRUCTING THE *TELP- WORD FAMILY

The paper presents an attempt at recovering genetic ties between lexical entities with the root **telp-* scattered across Slavic languages. The starting point for research were Russ. dial. *теленать* and *теленень*, that, according to V.N. Toporov, reflect one of the grades in a morphonological series **telp-* : **tolp-* : **tlp-* (here belong hitt. *Telepinuš* ‘god of fertility’, luv. *taluppi* ‘lump’) with original semantic value ‘chaotic, erratic movement’ and ‘something lumped together’. Arguments are proposed in favor of linking Russ. dial. **tlpa* to Pol. *łpocić się* ‘to crowd, push’ on formal and semantic grounds. A hypothetical question is posed as to whether Russ. dial. *толона* ‘animal path’, otherwise believed to be a borrowing, could also belong to this group.

Key words: etymology, morphonological relations, structure, reconstruction of semantics.

References

Anikin A. *Etimologičeskii slovar’ russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovania iz ural-skih, altajskikh i paleoasiatskikh jazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia. Borrowings from Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages]. Moscow–Novosibirsk: Nauka Publ., 2000 (in Russ.).

Baleckij E. *Iz slovarnogo sostava karpatskikh (ukrainskikh) govorov* [From the vocabulary of the Carpathian (Ukrainian) dialects]. *Studia Slavica* IV, fasc. 1–2. Budapest, 1959 (in Russ.).

Belaruski-russki slovar’ [Belarusian-Russian dictionary]. Moscow, 1952 (in Russ.).

Bezljaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of Slovenian Language]. Vol. I–V. Ljubljana, 1976–2007 (in Slov.).

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Kraków, 2005 (in Polish).

Bozhkova E. *Prinos k sofijiska govor* [The question of the dialect of Sofia.]. Bulgarian dialectology I. Sofia: Academy of Sciences of Bulgaria. Institute of Bulgarian language, 1962 (in Bulg.).

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Kraków, 1927 (in Polish).

Bŭlgarski etimologičen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–8–. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences / Academic Publisher «Prof. Marin Drinov» Publ., 1971–2017– (in Bulg.).

Daľ V. I. *Tolkovyj slovar' zhyvogo velikoruskogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Saint Petersburg; Moscow, 1880–1882 (in Russ.).

Dictionary of Old Church Slavonic language (based on manuscripts of 10th–11th centuries). Edited by R. M. Cejtlin, R. Veczerka and E. Blahova. Moscow: Russian language Publ., 1994 (in Russ., Greek, Lat.).

Dinich J. *Timochki dijalekatski rechnik* [Dictionary of the Timok dialect]. Beograd, 2008.

Etimologičeskii slovar' slav'anskih jazykov. Praslav'anskii leksičeskii fond. [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Vols. 1–41–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2018– (in Russ.).

Etimologičeskii slovar' ukraïnskogo slovar'a [Etymological Dictionary of Ukrainian Language. Vol. 1–7–. Kiev: 1982–2012 (in Ukr.).

Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological Dictionary of Old Church Slavonic Language]. Seš. 1–16–. Praha, 1989–2012– (In Czech).

Gerov N. *Slovar' bŭlgarskogo jazyka* [A Dictionary of Bulgarian Language]. Vol. 1–6. Sofia: Bulgarian Writer Publ., 1975–1978 (in Bulg.).

Goriaev N. *Etimologičeskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of Russian Language]. Tiflis, 1896 (in Russ.).

Gŭlŭbov I. *Govor sela Dobroslavci, Sofijsko* [The dialect of the village Dobroslavci, Sofijsko]. Bulgarian dialectology II. Sofia: Bulgarian dialectology I. Sofia: Academy of Sciences of Bulgaria. Institute of Bulgarian language, 1965 (in Bulg.).

Fasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian language]. Vols. I–IV. Moscow: Progress Publ., 1964–1973 (in Russ.).

Ilczev St. *K botevgradske leksike* [On Botevgrad Dialectal Vocabulary]. Bulgarian dialectology I. Sofia: Bulgarian dialectology I. Sofia: Academy of Sciences of Bulgaria. Institute of Bulgarian language, 1962 (in Bulg.).

Ivanov Vjach., Gamkrelidze T. *Indoevropskii jezik i indoevropciy* [Indo-European and the Indo-Europeans. A reconstruction and a historical-typological analysis of a protolanguage and a proto-culture]. Vols. I–II. Tbilisi, 1984.

Kott F. *Česko-německý slovník* [A Czech-German Dictionary]. D. I–VII. Praha: Kolár Publ., 1878–1893 (in Czech).

Kurkina L. V. *Iz nabl'udenij nad nekotorymi nazvanijami dorog i tropinok v slavjanskijh jazykah* [From observations on some names of roads and footpaths in Slavic languages]. Etymology 1968. M.: Nauka Publ., 1971 (in Russ.).

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, 1997 (in Czech).

Meillet A. *Obszczeslawjanskii jazyk* [The Common Slavic Language]. Translated from the second French edition. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1951 (in Russ.).

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, 1886 (in Germ.).

Miklosich F. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum* [Old Slavic — Greek — Latin lexicon]. Vindobonae, 1862–1865 (in Germ., Greek, Lat.).

Otrębski J. *Zhycie wyrazow w jezyku polskim* [The life of words in the Polish language]. Poznań, 1948 (in Polish).

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Vol. T. I–II. Ljubljana: 2006 (In Slov. and Germ.).

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. I–II. Bern, 1959–1969 (in Germ.).

Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika [Dictionary of the Serbo-Croatian literary and popular language]. Beograd, 1969 (in Serb.).

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Dictionary of Croatian, or Serbian, Language]. Vol. I–XV. Zagreb, 1880–1976 (in Serb.).

Schachmatov A. A. *Istoria zvukov russkogo jazyka. Zamena dolgih plavnyh slogovymi* [The History of the Sounds of the Russian Language. Substitution of Long Liquids for Syllabic Resonants]. News ORJS, vol. VII/2. SPb., 1902 (in Russ.).

Schachmatov A. A. *Očerki drevnejšego perioda istorii russkogo jazyka* [Essays on the Earliest Period of History of the Russian Language]. 3rd stereotypical edition, from the edition of 1915 (in Russ.).

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological dictionary of Croatian or Serbian language]. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974 (in Serb.).

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1–46-. Leningrad-Saint Petersburg: Nauka Publ., 1965–2013- (in Russ.).

Slavianskie drevnosti [Slavic Antiquities]. Vol. I–VI. Moscow: International Relations Publ., 1995–2012 (in Russ.).

Slovník jazyka staroslověnského. *Lexicon linguae Palaeoslovenicae = Slovar' staroslavjanskogo jazyka*. [A Dictionary of Old Church Slavic Language]. Vol. I–IV. S.-Peterburg, 2006 (In Czech, Greek, Lat.).

Slavianskie drevnosti [Slavic antiquity]. Vol. I–VI. Moscow: International Relations Publ., 1995–2012 (in Russ.).

Słownik języka polskiego [A Dictionary of Polish Language]. Vol. I–VIII. Warszawa, 1952 (In Polish).

Stojkov T. *Rodopski rečnik* [Dictionary of Rodop]. Bulgarian dialectology V. Sofia: Bulgarian dialectology I. Sofia: Bulgarian Academy of Sciences. Institute of Bulgarian language, 1970 (in Bulg.).

Vuk Karadžić. *Srpski rječnik*. [Serbian Dictionary]. Belgrad, 1898.

К. Лешбер
Institute for Linguistic and Cross-Cultural Studies/Berlin
(Германия, Берлин)
leschber@institute-lccs.com

**СЛОЖНЫЕ ЭТИМОЛОГИИ И МАКРОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА — СЛАВ. *BORŮ* ‘PINUS, СОСНА’ И СЛАВ. *ŠUMA* ‘ЛЕС’
(Научное сообщение)**

Мы предлагаем рассматривать сложные этимологические проблемы на обширном языковом фоне. Данные индоевропейских языков должны быть дополнены макро- и палеолингвистическими аспектами исследования. В настоящее время некоторые направления исследований представляются очень перспективными для решения сложных этимологических проблем, которые, возможно, связаны с неолитическим сельскохозяйственным субстратом: интенсивные исследования в области афро-азиатской этимологии и потенциальная локализация ареала афро-азиатского праязыка на территории натуфийской археологической культуры в Леванте, а с другой стороны, предлагаемая новая локализация возможной прародины носителей прото-северокавказских языков в Анатолии или даже на Балканах. Кроме того, работа в этом направлении открывает новые подходы к этимологическим исследованиям догреческого языка. Одновременно для новых подходов, направленных на решение сложных этимологических проблем, некоторые вопросы оказываются особенно важными. Можно ли отождествлять те или иные этнические группы с носителями неолитической революции и указывает ли это на принадлежность к определенным языковым семьям? Могут ли среди неясных этимологий встретиться примеры, которые объясняются языковыми контактами, относящимися уже к историческому времени? В настоящей статье представлена точка зрения о необходимости «широкого» рассмотрения этих вопросов. Целью также является придать новый импульс дискуссии о неясных этимологиях и выявить вероятные закономерности в этимологизации. Индоевропейский пласт представляет собой лишь один из многих важных лексических пластов, анализ которых может эффективно содействовать прояснению сложных этимологий. Подходы, уже проверенные временем, должны быть дополнены новыми аспектами анализа. В статье на некоторых примерах (юго-)восточноевропейской лексики кратко представлены перспективы исследования.

Ключевые слова: неолит, макролингвистический подход, Балканский полуостров, румынский язык, славянские языки, северо-кавказские языки, афро-азиатские языки, догреческий субстрат.

Анализ языковых контактов в доисторическое время, как известно, реализуется крайне сложно. К наиболее древним стратам относится евро-африканский субстрат в средиземноморском регионе [Лешбер 2017: 236–237], который может быть связан с первыми миграционными волнами современных людей в Европу. Также доисторическим, но намного более молодым является, например, влияние афро-азиатских языков в процессе неолитизации Европы.

Процесс неолитизации юго-восточной Европы, или Европы, осуществлялся в несколько этапов на протяжении тысячелетий. Важным аспектом этого процесса является тот факт, что он реализовывался этнически гетерогенными группами [Hervella et al. 2015]. При этом они несли с собой весь неолитический комплекс: оседлость, земледелие, скотоводство (переход к земледелию и скотоводству, или производящему хозяйству), искусство керамики — новые и инновационные технологии материальной культуры. И поскольку эти группы были этнически гетерогенными, то этимологию слов, относящихся к неолитическому пласту (или к неолитическим пластам), следует искать в языках из разных языковых семей.

При этимологизации европейского, в особенности славянского и балканского словарного состава, происхождение которого является дискуссионным, нужно определить, какие дополнительные языковые влияния стоит принимать в расчет. В частности, напрашивается сравнение с обширным догреческим лексическим материалом [Kroonen 2012: 265, Leschber 2017c: 236].

Заслуживает также внимания подход Касьяна [Kassian 2010], размещавшего потенциальную прародину носителей прото-северокавказского языка в Анатолии или на Балканах, но в любом случае в непосредственной связи с этими регионами. Это отчетливо показывают данные на карте 4, схема 2 в [Балановски и др. 2011: 20], касающиеся частотности гаплогруппы J2a4b-M67, у ингушей и чеченцев. Эта гаплогруппа представлена, кроме того, в других районах Кавказа и на Ближнем Востоке [Балановски и др. 2011: 7]. Здесь ясно проявляется географическая связь современной территории распространения северо(восточно)-кавказской группы с Анатолией и в особенности с Балканами через северо-западную Анатолию. Генетические данные носителей северо-восточных кавказских языков в значительной степени коррелируются [по Балановски и др. 2011: 7–8], с одной стороны, с языковыми и, с другой — с географическими данными. Археологические исследования керамических находок культур ‘Винча’ и ‘Дудешти’ 5500–5000 лет до н. э., которые относятся ко второй большой волне неолитических переселений, также демонстрируют связи с северо-западной Анатолией [Hervella et al. 2015: 11].

Убедительные аргументы говорят в пользу локализации афро-азиатской прародины в западно-азиатском регионе, в Леванте, в непосредственной близости от потенциального исходного пункта позднейшей неолитизации европейского

континента. Афроазиатский словарный состав хорошо документирован во многих банках данных, например, в [starling.ru и в Милитарев 2009, SED, HSED].

Основываясь на работах предшественников, в частности Меллера [Меллера 1912], В.М. Иллич-Свитыча [Иллич-Свитыч 1964: 3–12] указал на то, как можно подтвердить индоевропейско-семитские языковые связи на основе некоторых конкретных примеров. Значительная часть приведенного словарного материала распределена по тематическим группам, которые играли основную роль в неолитизации Европы и прилегающих регионов: «скотоводство» (и.-е. **tauro-* ‘бык’, **g^hou-* ‘корова’, **g^haid-* ‘козленок / коза’, **ag^{u(h)}no-* ‘ягненок / овечка’) и «земледелие», «продукты питания» (**ag^{ro}-* ‘нива / возделываемое поле’, **kāk^(h)ā*, **kāk^(h)ā* ‘ветвь с развилкой / соха’, **and^h-* ‘растения, употребляемые в пищу’, **b^h(ə)r(s)-* ‘зерно / крупа’, **d^hōnā* ‘зерно / хлеб’, **g^uern(u)*, **g^ureun-* ‘жернов’, **uoino-* ‘вино’, **alu(t)* ‘терпкий или сладкий напиток / пиво’, **med^hu* ‘мед / медовый напиток’), «постройки», «домашнее хозяйство» (**d^huer-* ‘дворь / дверь’, **klāu-* ‘запирать / ключ’, **nāu-* ‘судно / сосуд’, **peleku-* ‘секира / топор’); «торговля», «обычай» и «мир духовной культуры» **k^urej-*, **k^uerj-* ‘покупать / торговать’, **dap-* ‘жертвоприношение’, **(a)ster-* ‘звезда’, **(a)nsu-* ‘божество / демон’, **septm* ‘число семь’, **gam-* ‘жениться / соединять супругов’, **arijo-* ‘лучше; господин / представитель господствующей прослойки’.

В.М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1964: 11] сознательно сосредоточивается на лингвистической точке зрения и с осторожностью относится к преждевременным попыткам выводов внеязыкового характера.

При этимологизации трудной для анализа лексики могут выполняться некоторые типовые сценарии, как это будет показано в дальнейшем на отдельных примерах.

Чаще всего окончательное выяснение истории и происхождения слова считается достигнутым, если удастся каким-то образом реконструировать индоевропейский корень. Этому придается еще больший вес, если семантика данного корня воспринимается как подходящая. Впоследствии подобная этимология оценивается как убедительная, независимо от факта, что конфигурация распределения родственных слов в индоевропейских языках очень ограничена, как, в частности, в следующем примере:

слав. *borъ* ‘pinus, сосна’ [ЭССЯ 2: 216–217 **borъ* I], болгар. *бор* 1 ‘сосна’ [БЕР 1: 67], и в других славянских языках. ЭССЯ [ЭССЯ 2: 217] называет источники, в которых поддерживается гипотеза об индоевропейской этимологии, и которые связывают слово с и.-е. **b^her-* ‘(быть) острым’, подходящим для обозначения хвойного дерева, подробнее в публикации [Walde / Pokorny 1973: 131–133]. По мнению Клоца [Klotz 2017: 70], со ссылкой на Хольцера [Holzer 2013: 69], здесь нужно исходить из раннепраславянского звукового облика **baru* ‘сосна’ < и.-е. **bor-* или **b^hor-* (о-степень к **b^her-* [Holzer 2017, устное сообщение], не упоминается в словаре LIV). На севере славянской языковой территорий можно встретить значение ‘сосновый лес’ (среди западнославянских языков в чешском, нижнелужицком, словацком и польском, среди восточнославянских — в украинском и русском).

В нижнелужицком и словацком языках встречается и более старое значение ‘сосна’, так же, как и на всей южнославянской территории, где представлено только значение ‘сосна’. Дерксен [Derksen 2008: 58] для ст.-слав. *bôřь* (м.) ‘ель, еловый лес’ приводит другие достойные внимания значения в славянских языках: кроме русск.-цслав. и ст.-русск. *борь* ‘ель, еловый лес’, русск. *бор* ‘хвойный лес’, диал. ‘лес, пустошь, кусты, высокое место, сухое место, безводная долина’, укр. *бор* ‘сосновый лес, хвойный лес’, диал. *бир* ‘высотное песчаное место, сосновый лес на высотном песчаном месте’, в словинском наряде с ‘сосновым лесом’ также ‘сухая, бесплодная земля’. Дерксен [Derksen I] связывает это слово с и.-е. родственными словами: др.-исл. *bǫrr* ‘дерево’ и др.-англ. *bearu* то же. Славянское слово имеет *и*-основу и происходит от и.-е. **b^hor-u*. Кроонен [Kroonen 2013: 54] усматривает здесь протогерманскую форму **barwa* (м.) ‘роща, лесок (?)’ с родственными словами исключительно в северной Европе, предполагает эксклюзивную славяногерманскую изоглоссу и считает др.-норв. *bǫrr* ‘неизвестное имя дерева’, др.-англ. *bearu* ‘роща’, др.-в.-нем. *bara-wāri* ‘лесной хранитель, священник’ родственными славянскому слову. Здесь может быть реконструирована северно-европейская протоформа **b^hor-uo-*. Дини и Удольф [Dini / Udolph 2005: 60–61] цитируют Станга [Stang 1972] в связи с эксклюзивными славяно-балтийско-германскими или славяногерманскими изоглоссами, как ‘частью более обширного словарного состава’ (*Vocabulaire de Nord-Ouest* согласно Meillet), ‘сгущение и продолжение’ которого они и представляют. Семантический анализ этих изоглосс показывает ‘наличие большого количества общих слов из семантических полей «флоры», «фауны» и «описания природных явлений»’. Станг [Stang 1972: 15] относит русск.-цслав. *борь*, мн. *борове* ‘хвойный лес, еловый лес’ к этим специфическим славяногерманским лексическим соответствиям. Ф. Безлай [Bezljaj I: 34] называет возможные протоформы и.-е. **b^horu-* соотв. **b^horuo-* [Walde–Pokorny 1973: II 164] или и.-е. **b^haru-* соотв. **b^haruo-* ‘хвойное дерево, дерево, лес’ [Pokorny IEW 109]. Хубшмид [Hubschmid 1950: 42–44] также предполагает возможность существования и.-е. корней **b^har-* и **b^hars-* (ср. лат. *fastīgium* < **b^harsti-*) ‘пик, вершина’ [Pokorny IEW 109–110], и.-е. **b^hares-* и **b^hores-* ‘что-то возвышающееся, кончик, острие, щетина’, ср. др.-исл. *barr-* ‘игла, хвойное дерево’, и сравнивает их с центрально-ладинским словом *baránkye* ‘горная сосна’ и фриульским *baràncli* ‘можжевельник’. В. Махек [Machek 1957: 38] считает это слово предположительно праевропейским. Лаховари [Lahovary 1963: 313] связывает др.-исл. *bǫrr* ‘дерево’ с кельтскими словами, но на основании данных в публ. Матасовича [Matasović 2009: 58], например др.-брет. *barr* из пракельт. **barro-* ‘пик, вершина’, связать ст.-слав. *борь* и кельтскую лексему невозможно. Ср. по данным Вальде и Покорного [Walde–Pokorny 1973: I, 131–133] др.-исл. *barr* ‘сосновая хвоя, пучок из хвои, хвойное дерево’.

По мнению Лаховари [Lahovary I с.], свидетельства, указывающие либо на общие похожие корни в индоевропейском и семито-хамитских или афро-азиатских языках, либо на заимствование из афро-азиатского с общим значением ‘название для растений, которые растут в бесплодной местности’. Это предположение подтверждается приведенными выше значениями в русск. диалектах, а также

в украинском и словинском языках. Ср. прото-афро-азиатский **bawar-* / **bayar-* / **ʔibar-* / **abar-* ‘смоковница, пальма’ (№ 1933 в базе данных Afroasiatic etymology, www.starling.rinet.ru, по ссылке А. Милитарева 2017), как, например, в сем. **ʔibar-* / **abar-* ‘*ficus sur, ficus vasta, явор*’: араб. *ʔibrat-* ‘смоковница, явор’, геэз (эфиопское) *burat* ‘оливковое дерево’, амхарское *ab^war* ‘*ficus sur, ficus vasta*’, может быть и берберское **ʔibVrir* / **abVrir* ‘цветок мужской пальмы’ (тогда невозможно связать с альтернативным **ʔVH^wVrir*).

Вальде [Walde–Pokorny 1973: I 133] рассматривает в этом контексте и албанский *breth, breth-i* ‘ель’, поэтому сюда можно отнести следующие формы: рум. *brad* ‘ель’ согласно Чёрэнеску [Ciorănescu 2001: 111, Nr. 1072], неизвестного происхождения, в итальянских диалектах Альп *brāta, bratal* ‘ветка дерева, еловая ветка’, в других итальянских диалектах (Абруццо) *brettia* ‘смола лиственницы’, и согласно Lahovary [1963: 312–313] в древних языках юго-западной части Малой Азии (без уточнения, в каком или каких языках именно) *bratus* ‘анатолийский кипарис, хвойное дерево’ (Плиний). Др.-греч. βράθυ ‘можжевельник’ считается заимствованием из арамейского *brat* ‘кипарис’, ср. и древнееврейское *bros* ‘хвойное дерево’, сирийско-арамейское, пуническое *ibrus* ‘сосна’(?). Бекес [Beekes 2010: 234–235] подтверждает эту точку зрения: др.-греч. βράθυ (1) ср. р. ‘можжевельник, *Juniperus sabina, Juniperus foetidissima*’ (Dioscorides Medicus). К ним относятся греч. формы βόρατον ср. р. (Diodorus Siculus), βορατίνη (Aq.). Др.-греч. βράθυ возводится к семитскому слову, а именно, к арамейскому *b^rrāt*, древнееврейскому *b^rrōš*, ассирийскому *burāšū* ‘кипарис’. Лат. *bratus* (Plinius) ‘анатолийский кипарис’ должно происходить из того же источника [ср. Lewy 1895: 34]. В своем труде о румынской еловой символике в похоронных обрядах Поручук [Poguciu 2010: 114–116] объясняет также этимологию румынского слова *brad*, и подчеркивает существующие на палеобалканской основе отношения между рум. *brad* и албан. *breth* с соответствиями в семитских языках. В изложении Поручука этимологии на индоевропейской почве для этого слова не имеется. Мейер [Meier 1891: 45–46], однако, предполагает палеобалканскую праформу **bredhos* из-за формального сходства между семитскими и индоевропейскими (или, точнее, юго-восточно-европейскими) словами. Поручук [Poguciu 2010: 115] напоминает о возможности ностратического сближения — т. е. высказывает гораздо более спекулятивную точку зрения, чем предположение о лексическом заимствовании из семитских языков. Он [Poguciu 2010: 116] заключает, что лат. *bratus* заимствовано из семитских языков и использовалось лишь в ученой латыни, в то время как древнегреческие, албанские и румынские слова являются вариантами одного исконного палеобалканского термина, который несомненно связан с семитскими названиями кипариса. Доказательством для очень древнего происхождения этих слов являются крайне архаичные ритуалы, засвидетельствованным в отношении румын. *brad*. Поэтому лат. этимология рум. *brad* исключена. Эти древние отношения несомненно связаны с ближневосточными регионами и происходят из общего доисторического источника, к которому также восходит орфический культ. А. Милитарев в 2017 г. обратил внимание, что в словаре HALOT 155 сравниваются древнееврейское слово *bərōš* (также

bərōt < из арамейского языка) ‘можжевательник’, сир. и христ. фалест. арамейский *bərātā* и *bərōtā*. Согласно HALOT I. с. эти слова суть заимствования из аккадского *burāšu* с тем же значением; из арамейского языка слово было заимствовано древнегреческим языком. Милитарев [2017] высказывается против заимствования соответствующего слова из аккадского в арамейский язык, поскольку в арамейском надо ожидать *-š* а не *-t*. Поэтому необходимо реконструировать существительное **burāt-* / **barūt-*; аккадское слово указывает на вариант *baršu*, оба являются нововавилонскими [сообщение А. Милитарева 2017].

2 Слав. **šuma* ‘лес’, ср., например, серб. *шума* ‘лес, листва, хворост, сухое дерево’, словен. *šuma* ‘листья, хворост’, макед. диал. *шума* ‘листва, ветвь с листвой (для кормления крупного рогатого скота)’, болг. диал. *шума* ‘листва, лес; заросли кустарника’, ст.-чеш. *šuma* ‘лес’, белорусс. диал. *шума* ‘лес, чаща’ [ESJS 16: 947–948] и новороссийское *шума* тж [Шапошников 2018]. Согласно М. Фасмеру [Фасмер / Трубачёв 4: 487] слав. *šuma* связывается обычно со слав. *šumъ*, отглагольным существительным от глаг. *šuměti*, *šjuměti* ‘мчащийся, ревуший’ [см. ESJS 16: 947–948], там же подробное обсуждение попыток дальнейшего определения происхождения слова. Заимствования из славянского являются: мегленорумын. *šumă* ‘маленькое дерево, молодая дубовая роща’, арумын. *šumă* ‘листва’. Румын. *șumăn*, *șumen* (прилаг.) ‘немного опьяненный, подвыпивший’ < церк.-слав. *šumьнь*, согласно Тиктину [Tiktin / Miron 1989, 3: 599], и отсюда румын. глаг. а *șumeni* ‘напиваться’, Чёрэнеску [Cioarănescu 2001: 761, Nr. 8365] возводит румын. *șumăr* ‘лесной хранитель’ корректно к сербскому *šumar*, но не приводит гипотетическую праформу румын. **šumă*, как в мегленорумынском и арумынском, см. выше. Слав. *šuma* связывают обычно с оноματοпозитическим корнем слав. *šum-* ‘шуметь, шелестеть’ [см. Фасмер / Трубачёв 4: 487], связи с неславянскими языками маловероятны, можно предположить связь со слав. звукоизобразит. **šu-*, Ф. Безлай [Bezljaj 4: 130] (автор: М. Сной): слав. **šuma* I, колл. женского рода к **šumъ*. Также М. Сной [Snoj 2016: 767]: слав. **šum* I, возможно из и.-е. **keuto-* [Pokorny 1973: 536].

В этом случае можно привести другую потенциальную параллель: Бенгсон [Bengtson 2017: 291, № С2] видит связь между формами, отмеченными на сев.-вост. Кавказе (ср. гунзиб. *šum-al* ‘кусты, кустарники’ [Bengtson 2008: 58] и протобаск. **sumhV* ‘вяз, лесок, ива, дуб’), [starling.rinet.ru], баск. **suma-* > *zumar* ‘английский вяз, *Ulmus procera*’. Бенгсон [Bengtson 2017: 291] называет и другие формы (фонетические варианты) в сев.-вост. кавказских языках и в баскских региональных говорах. [NCED 1107–1108, Дьяконов / Старостин 2007: 381, № 90] свидетельствуют о возможных связях с хурритским, шумерским и аккадским языками. Прото-сев.-кавк. **žhūmV*, прото-сино-кавк. **žhVmV*, бурушаски **šumulū* ‘подвид смородины’ [starling.rinet.ru]. По мнению А. Милитарева, допустимо сравнение с прото-сем. **simah-* (№ 1474 в базе данных Afroasiatic etymology [starling.rinet.ru], см. там же чадские и кушитские слова), сем. **šimah-* и аккад. *šimāhu*, *šemāhu* ‘колючий куст’, к прото-афро-азиатскому **simah-* ‘вид дерева, куст’.

Заключительные замечания. Нам представляется важным тот факт, что эксклюзивные славяно-германские лексические изоглоссы (наряду

с славяно-балтийско-германскими изоглоссами, подробно см. Stang [1972]) — во многих случаях образованы словами, которые используются для обозначения «растений», «животных» и «природных явлений» (о слав. *кобец* см. Stang [1972], о сложности объяснить это слово на основе и.-е. данных [см. Leschber 2018]). При рассмотрении на широком фоне в этих семантических полях можно найти множество субстратных слов. Вполне возможно, что реликтовые слова сохранились на севере или северо-востоке Европы и что они могут быть объяснены неолитическими или другими ранними волнами заселения с юга, ср. инновационные подходы к этой проблеме [Kroonen 2012; Iversen / Kroonen 2017]. Важная подготовительная работа над европейской субстратной лексикой сделана Хубшмидом; при этом выяснилось, что соответствующая субстратная лексика в нескольких случаях простирается далеко за пределы Средиземноморья [см., например, Hubschmid 1960]. Это также следует из других его этимологических исследований. Поскольку волны неолитического заселения могут быть генетически и археологически связаны с потенциальными носителями афро-азиатского и северокавказского языков, то кажется оправданным, по крайней мере в экспериментальном плане, изучить эти материалы для возможных этимологических корреляций.

Сопоставимые внеевропейские или афро-азиатские связи угадываются в случае с несколькими европейскими названиями деревьев, ср. например нем. *Tanne* 'ель', *Ulme* 'вяз', *Zerreiche* 'Quercus cerris' [Wölfel 1955: 133–135, Leschber 2017b: 142–143; специально о проблематичных с точки зрения этимологии латинских названиях деревьев, см. Leschber 2012: 117–125]. Этот краткий обзор нужно воспринимать как повод для дальнейших размышлений. Мы подчеркиваем, что традиционные взгляды, сложившиеся в индоевропейском языкознании на сложные этимологические проблемы не следует отвергать, но необходимо их дополнять, проявляя осторожность. В некоторых случаях, конечно, нужно преодолевать догматический подход, согласно которому этимология должна сводиться исключительно к индоевропейским корням — и, соответственно, заниматься их натянутой реконструкцией, и при этом не получать результата в виде таких корней, действительность которых признавалась бы всеми. На примере проблемных этимологий в семантическом поле «деревья/названия деревьев, лес», на наш взгляд, эта сложность особенно очевидна. Однако из-за спекулятивного характера нашего подхода мы не хотели бы в настоящий момент делать окончательные выводы и придерживаемся осторожного подхода к этим проблемам в духе В. М. Иллича-Свитыча [1964:11].

Библиография

- Afroasiatic etymology — Datenbank. [Электронный ресурс]. www.starling.rinet.ru
Balanovsky O., Dibirova K., Dybo A., et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region. *Molecular biology and evolution*. [Электронный ресурс]. 2011;28(10):2905–2920. doi:10.1093/molbev/msr126.
Beekes, R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden/Boston: Brill, 2010.

Bengtson, J.D. Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm. Cambridge MA, 2017.

Bengtson, J.D. Materials for a Comparative Grammar of the Dene-Caucasian (Sino-Caucasian) Languages. Aspects of Comparative Linguistics, Vol. 3, Moscow, 2008, 45–118. [Электронный ресурс]. http://starling.rinet.ru/Texts/dene_gr.pdf

Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika 1–5, Ljubljana: Mladinska Knjiga. 1977–2007.

Ciorănescu, A. Dicționarul etimologic al limbii române. București: Edit. Saeculum, 2001².

de Vaan, M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Derksen, R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Dini, P. U., Udolph, J. Slawisch-Baltisch-Germanische Sprachbeziehungen. In: Reallexikon zur Germanischen Altertumskunde 29, 2005, 59–78.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 1–, ed. *Erhart, A., Havlová, E., Janyšková, I.*, Praha 1989–.

HALOT — *Koehler, L., Baumgartner, W.* The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament. Vol. 1. Leiden: Brill, 1994.

Hervella, M., Rotea, M., Izagirre, N., Constantinescu, M., Alonso, S., Ioana, M., et al. Ancient DNA from South-East Europe Reveals Different Events during Early and Middle Neolithic Influencing the European Genetic Heritage, 2015 [Электронный ресурс]. PLoS ONE 10(6): e0128810. doi:10.1371/journal.pone.0128810

Holzer, G. Urslavische Wortlautungen. In: *Grković-Mejdžor, J., Loma, A.* (ur.) Miklosichiana bicentennialia. Posebna izdanja Knjiga DCLXXV. Beograd, 2013, 65–87.

HSED — *Orel, V., Stolbova, O.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. 18. Leiden: Brill, 1995.

Hubschmid, J. Mediterrane Substrate — mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen. Romanica Helvetica 70. Bern: Francke, 1960.

Hubschmid, J. Vorindogermanische und jüngere Wortschichten in den romanischen Mundarten der Ostalpen. Zeitschrift für romanische Philologie 66, 1950, 1–94.

Iversen, R., Kroonen, G. Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia. American Journal of Archaeology, Vol. 121, No. 4 (October 2017), 511–525.

Kassian, A. Hattic as a Sino-Caucasian language. — Ugarit-Forschungen, 41, 2010, 309–448.

Klotz, E. Urslawisches Wörterbuch. Wien: Facultas, 2017.

Kroonen, G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Leiden, Boston: Brill, 2013.

Kroonen, G. Non-Indo-European root-nouns in Germanic: evidence in support of the Agricultural Substrate Hypothesis. In: A linguistic map of prehistoric Northern Europe. Helsinki: Sociéte Finno-Ougrienne, 2012, 239–260.

- Lahovary, N.* Dravidian Origins and the West. Bombay etc.: Orient Longmans, 1963.
- Leschber, C.* Alban. berr aus der Perspektive des Neolithischen landwirtschaftlichen Substrats. In: *Linguistique balkanique* LVI/1, 2017, 47–53. (2017a)
- Leschber, C.* Altčech. *koba*, altslav. *kobъ* und die Divination aus dem Vogelflug. In: *Etymological Research of Czech from the Slavonic, Indo-European and General Linguistic Perspective. Studia Etymologica Brunensia*, (Hg.) *Janyšková, I., Karlíková, H.* Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018/in press.
- Leschber, C.* Etymologie und Paläolinguistik: Spekulationen vs. Fakten. In: *Wörter. Wortbildung, Lexikologie und Lexikographie, Etymologie. Schmid, H. U.* (Hg.), GGSG-Jahrbuch Bd. 8, 2017, Berlin, Boston: de Gruyter. (2017b)
- Leschber, C.* Latin tree names and the European Substratum. In: *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis* 129, Kraków, 2012, 117–125.
- Leschber, C.* On the Stratification of Substratum Languages. In: *Sandgaard Hansen, B. S. et al.* (eds.) *Proceedings of the conference Etymology and the European lexicon. XIV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft.* Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017, 235–250. (2017c)
- Lewy, H.* Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin: Gaertner, 1895.
- LIV — *Rix, H.* *Lexikon der indogermanischen Verben*, Wiesbaden: Reichert, 2001².
- Machek, V.* *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského.* Praha: Nakl. ČSAV, 1957.
- Matasović, R.* *Etymological dictionary of Proto-Celtic.* Leiden, Boston: Brill, 2009.
- Meyer, G.* *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache.* Strassburg: Trübner, 1891.
- Militarev, A. Ju.* Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism. — *Journal of Language Relationship*, 1, 2009, 95–106.
- Möller, H.* *Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1911.
- NCED — *Nikolayev, S. L., Starostin, S. A.* *A North Caucasian etymological dictionary.* Moscow: Asterisk Publ., 1994.
- Pokorny, J.* *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, 2 Bd. Bern: Francke, 1959–1969.
- Poruciuc, A.* *Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions.* Sebastopol: Institute of Archaeomythology, 2010.
- SED — *Militarev, A., Kogan, L.* *Semitic Etymological Dictionary. I. Anatomy of Man and Animals, II. Semitic Etymological Dictionary. Animal Names. Alter Orient und Altes Testament*, Münster: Ugarit, 2000–2005.
- Skok, P.* *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika 1–4.* Zagreb: Jugoslavenska Akad. Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.
- Stang, Ch. S.* *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen.* Oslo: Universitetsforl., 1972.
- Tiktin–Miron — *Rumänisch-Deutsches Wörterbuch 1–3, Tiktin, H., Miron P.,* Wiesbaden: Harrassowitz, 1986–1990².

Walde, A., Pokorny, J. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen 1–3. Berlin: de Gruyter, 1973 (Nachdruck der Ausgabe von 1930).

Wölfel, D. J. Eurafrikanische Wortschichten als Kulturschichten. Acta Salmanticensia IX/1. Universidad de Salamanca, 1955.

БЕР — Български етимологичен речник. София: БАН, 1–7, 1971–2010.

Дьяконов, И. М., Старостин, С. А. Хуррито-урартские и восточно-кавказские языки. В: Старостин С. А. Труды по языкознанию. Москва: Языки славянских культур, 2007, 359–406.

Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. В: Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Москва, 1964, 3–12.

Милитарев А. Ю. Научное сообщение. Частная корреспонденция. 2017.

Фасмер М. / Трубачёв О. Н. Этимологический словарь русского языка. 1–4. Москва: Прогресс, 1986–87.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, 1–40–. Москва: Наука, 1974–2016–.

Corinna Leschber

Institute for Linguistic and Cross-Cultural Studies/Berlin

(Germany, Berlin)

leschber@institute-lccs.com

**DIFFICULT ETYMOLOGIES AND MACROLINGUISTICS —
SLAVIC *BORŔ* ‘PINUS’ AND SLAVIC *ŠUMA* ‘SILVA’
(Scientific communication)**

**Experimental approaches to solving unclear etymologies
(region: South-East Europe)**

The process of Neolithization of (South-East) Europe expanded over several thousand years and was carried out by ethnically heterogeneous groups. In addition to the initial diffusion of cultural techniques, there followed extensive ethnic diffusions throughout Europe, which can be proved by applying methods of human genetics [Hervella et al. 2015: 2–3]. Several questions seem relevant with regard to new approaches used with the aim of solving difficult etymological problems arising in the previously mentioned region: Is it possible to identify certain ethnic groups as bearers of the Neolithic revolution, and does this provide evidence of the involvement of specific language families? Are there any unidentified cases of language contact in historical times to explain not-yet-clear etymologies? This short contribution advocates an extended perspective. The aim is to revitalize the discussion about unclear etymologies and to establish potential regularities. The Indo-European stratum is only one of

several important strata, which is useful while trying to solve difficult etymologies. Approved and tried approaches should be expanded and completed by supplementary components. We try to outline this on short sketches from the (South-)East European vocabulary with disputable etymology.

Key words: Neolith, macro-linguistic approach, Balkan peninsula, Romanian language, Slavic languages, Proto-North Caucasian languages, Afro-Asiatic languages, Pre-Greek substratum

References

- Afroasiatic etymology* — database. [Electronic resource]. www.starling.rinet.ru
- Balanovsky O., Dibirova K., Dybo A., et al. Parallel Evolution of Genes and Languages in the Caucasus Region. *Molecular biology and evolution*. [Electronic resource]. 2011; 28 (10): 2905–2920. doi:10.1093/molbev/msr126.
- Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden/Boston: Brill, 2010.
- Bengtson, J. D. Materials for a Comparative Grammar of the Dene-Caucasian (Sino-Caucasian) Languages. *Aspects of Comparative Linguistics*, Vol. 3, Moscow, 2008, 45–118. [Electronic resource]. http://starling.rinet.ru/Texts/dene_gr.pdf
- Bengtson, J. D. *Basque and its Closest Relatives: A New Paradigm*. Cambridge MA, 2017.
- BER — *Bălgarski etimologičen rečnik* [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia: BAN, 1–7, 1971–2010.
- Bezljaj, F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovak Language]. 1–5, Ljubljana: Mladinska Knjiga. 1977–2007.
- Ciorănescu, A. *Dicționarul etimologic al limbii române* [Etymological Dictionary of the Romanian Language]. București: Edit. Saeculum, 2001².
- Derksen, R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden, Boston: Brill, 2008.
- de Vaan, M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, Boston: Brill, 2008.
- Dini, P. U., Udolph, J. Slawisch-Baltisch-Germanische Sprachbeziehungen [Slavic-Baltic-Germanic Linguistic Connections]. *Reallexikon zur Germanischen Altertumskunde* 29, 2005, p. 59–78.
- D'jakonov, I. M., Starostin, S. A. Churrito-urartskie i vostočnokavkazkie jazyki. In: Starostin, S. A. *Trudy po jazykoznaniju*. Moscow: Jazyki slavjanskich kul'tur Publ., 2007, 359–406.
- ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, 1–, ed. Erhart, A., Havlová, E., Janyšková, I., Praha 1989–.
- ÉSSJa — *Étimologičeskij slovar' slavjanskich jazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic languages]. 1–40. Moscow: Nauka, 1974–2016.
- HALOT — Koehler, L., Baumgartner, W. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*, Vol. 1. Leiden: Brill, 1994.
- Hervella, M., Rotea, M., Izagirre, N., Constantinescu, M., Alonso, S., Ioana, M., et al. Ancient DNA from South-East Europe Reveals Different Events during Early and

Middle Neolithic Influencing the European Genetic Heritage. 2015 [Electronic resource]. *PLoS ONE* 10(6): e0128810. doi:10.1371/journal.pone.0128810

Holzer, G. Urslavische Wortlautungen. In: Grković-Mejdžor, J., Loma, A. (ur.) *Miklosichiana bicentennalia*. Posebna izdanja Knjiga DCLXXV. Beograd, 2013, 65–87.

HSED — Orel, V., Stolbova, O. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary*. Handbuch der Orientalistik, Abt. 1, Bd. 18. Leiden: Brill, 1995.

Hubschmid, J. *Mediterrane Substrate — mit besonderer Berücksichtigung des Baskischen und der west-östlichen Sprachbeziehungen* [Mediterranean Substrates — with special attention to Basque and West-Eastern Connections]. *Romanica Helvetica* 70. Bern: Francke, 1960.

Hubschmid, J. *Vorindogermanische und jüngere Wortschichten in den romanischen Mundarten der Ostalpen* [Pre-Indo-European and more recent vocabulary layers in Romanian dialects of the Eastern Alps]. *Zeitschrift für romanische Philologie* 66, 1950, 1–94.

Illič-Svityč, V. M. *Drevnejšie indoevropsko-semitskie jazykovye kontakty* [The Earliest Indo-European — Semitic Language Contacts]. In: *Problemy indoevropskogo jazykoznanija: Ètjudy po sravnitel'no-istoričeskoj grammatike indoevropskich jazykov* [Issues in Indo-European Linguistics: Studies in Indo-European comparative-historical grammar]. Moscow, 1964, 3–12.

Iversen, R., Kroonen, G. Talking Neolithic: Linguistic and Archaeological Perspectives on How Indo-European Was Implemented in Southern Scandinavia. *American Journal of Archaeology*, Vol. 121, No. 4 (October 2017), 511–525.

Kassian, A. Hattic as a Sino-Caucasian language. — *Ugarit-Forschungen*, 41, 2010, 309–448.

Klotz, E. *Urslawisches Wörterbuch*. Wien: Facultas, 2017.

Kroonen, G. Non-Indo-European root-nouns in Germanic: evidence in support of the Agricultural Substrate Hypothesis. In: *A linguistic map of prehistoric Northern Europe*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 2012, 239–260.

Kroonen, G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden, Boston: Brill, 2013.

Lahovary, N. *Dravidian Origins and the West*. Bombay etc.: Orient Longmans, 1963.

Leschber, C. Latin tree names and the European Substratum. In: *Studia Linguistica Universitatis Jagellonicae Cracoviensis* 129, Kraków, 2012, 117–125.

Leschber, C. Alban. berr aus der Perspektive des Neolithischen landwirtschaftlichen Substrats [berr from the perspective of the Neolithic agricultural substrate]. In: *Linguistique balkanique* LVI/1, 2017, 47–53. (2017a)

Leschber, C. Etymologie und Paläolinguistik: Spekulationen vs. Fakten [Etymology and Paleolinguistics: Speculations versus Facts]. In: *Wörter. Wortbildung, Lexikologie und Lexikographie, Etymologie*. Schmid, H. U. (Hg.), GGSG-Jahrbuch Bd. 8, 2017, Berlin, Boston: de Gruyter. (2017b)

Leschber, C. On the Stratification of Substratum Languages. In: Sandgaard Hansen, B. S. et al. (eds.) *Proceedings of the conference Etymology and the European lexicon*. XIV. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017, 235–250. (2017c)

Leschber, C. Altčech. koba, altslav. kobъ und die Divination aus dem Vogelflug. In: *Etymological Research of Czech: from the Slavonic, Indo-European and General Linguistic Perspective. Studia Etymologica Brunensia*, (Hg.) Janyšková, I., Karlíková, H. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2018/in press.

Lewy, H. *Die semitischen Fremdwörter im Griechischen* [Semitic Loanwords in Greek]. Berlin: Gaertner, 1895.

LIV — Rix, H. *Lexikon der indogermanischen Verben* [Lexicon of Indo-European Verbs], Wiesbaden: Reichert, 2001².

Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovak Languages]. Praha: Nakl. ČSAV, 1957.

Matasović, R. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston: Brill, 2009.

Meyer, G. *Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache* [Etymological Dictionary of the Albanian Language]. Strassburg: Trübner, 1891.

Militarev, A.Ju. Proto-Afrasian Lexicon Confirming West Asian Homeland: Pastoralism. — *Journal of Language Relationship*, 1, 2009, 95–106.

Militarev, A.Ju. Scientific communication. Private correspondence. 2017.

Möller, H. *Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch* [Comparative Indo-European — Semitic Dictionary]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1911.

NCED — Nikolayev, S.L., Starostin, S.A. *A North Caucasian etymological dictionary*. Moscow: Asterisk Publ., 1994.

Pokorny, J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. 2 Bd. Bern: Francke, 1959–1969.

Poruciu, A. *Prehistoric Roots of Romanian and Southeast European Traditions*. Sebastopol: Institute of Archaeomythology, 2010.

SED — Militarev, A., Kogan, L. *Semitic Etymological Dictionary*. I. Anatomy of Man and Animals, II. Semitic Etymological Dictionary. Animal Names. Alter Orient und Altes Testament, Münster: Ugarit, 2000–2005.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, Or Serbian, Language]. 1–4. Zagreb: Jugoslavenska Akad. Znanosti i Umjetnosti, 1971–1974.

Stang, Ch. S. *Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen* [Special Lexical Matches between Slavic, Baltic and Germanic Languages]. Oslo: Universitetsforl., 1972.

Tiktin–Miron — *Rumänisch-Deutsches Wörterbuch* [Romanian–German Dictionary]. 1–3, Tiktin, H., Miron P., Wiesbaden: Harrassowitz, 1986–1990².

Vasmer [Fasmer], M., Trubačev, O.N. *Ėtimologičeskij slovar' russkogo jazyka* [Russian Etymological Dictionary]. 1–4. Moscow: Progress Publ., 1986–87.

Walde, A., Pokorny, J. *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen* [Comparative Dictionary of the Indo-European Languages]. 1–3. Berlin: de Gruyter, 1973 (Nachdruck der Ausgabe von 1930).

Wölfel, D.J. *Eurafrikanische Wortschichten als Kulturschichten* [Euro-African Vocabulary Layers as Cultural Layers]. Acta Salmanticensia IX/1. Universidad de Salamanca, 1955.

Шимон Погвизд
Институт Славистики Польской Академии Наук
(Польша, Краков)
szymon.pogwizd17@gmail.com

ЭТИМОЛОГИЯ И СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЗАПАДНОСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *КАТЬ*

Предметом рассмотрения стал вопрос семантического развития западнославянского имени существительного **katъ* и его этимология. Цель настоящей статьи — верификация разных этимологических версий этого слова и приведение новых аргументов, подтверждающих родство зап.-слав. **katъ* с праслав. глаголом **katati*, семантическая реконструкция слова **katъ*.

Ключевые слова: этимология, семантическая реконструкция, зап.-слав. **katъ*, прасл. **katati*.

Слово **katъ* зафиксировано во всех западнославянских языках: ср. польск. (с XV в.) *kat* 1 ‘исполнитель судебных приговоров, таких как порка, смерть’, 2 ‘жестокий человек, тиран, убийца’ 3. ‘чёрт, сатана’ [Sł. stpol. III: 249–250, SW II: 293–294], чеш. (с XV в.) *kat* 1. ‘исполнитель смертного наказания’, ср. *zhynout rokou katovou*, экспр. *pracuje jako kat* ‘работать быстро и усердно’, 2. экспр. ‘грубый человек, мучитель’ [Gebauer II: 23; SSSJ I: 851], слов. (с XVI в.) *kat* ‘профессиональный исполнитель смертного наказания’, экспр. ‘жестокий, грубый человек’ [SSJ I: 683; HSSJ II: 34–35], в.-луж. *kat* ‘палач’ [Kral: 144], *kat* то же [Muka I: 581]. Заметим, что продолжения **katъ*, помимо зап.-слав. языков, отмечены также на русской территории: ср. рус. *kat* в XVIII в., русск. диал. *kat* ‘палач’ (дон., курск., смол., зап., урал.), ‘орудие физического наказания’ (кемер.) [СРНГ 13: 119]. Однако для русского слова большая вероятность заимствования из польского языка. Слово, вероятно, пришло в русский язык вместе с появлением должности исполнителя судебных приговоров.

Проблема происхождения зап.-слав. **katъ* возникла при подготовке и анализе материала для словарной статьи на **katati* в очередном томе издаваемого

* Работа выполнена в рамках программы «Narodowy Program Rozwoju Humanistyki» (2012–2016), финансируемой Министерством науки и школьного образования.

в Кракове «Праславянского словаря». Как показывает материал, продолжения гл. *katati, с которым связано представление о движении какого-либо округлого предмета, вращения, когда предмет скользит по поверхности, отмечены в вост.-слав. языках [ЭССЯ 9: 162]. В языках ю.-слав. группы этот глагол встречается в ихтиманском диалекте болгарского языка — *kātam* ‘ходить (по делам), хозяйничать’, ср. *Женѣта дѡма кѣта* [Младенов III: 86] и в дериватах, образованных от этого глагола, напр. *катур* ‘место, дето се преобръшат кола; преврат’ [БЕР II: 278; Рачева 1980: 257]. В одной из своих работ Ясна Влаич-Попович, подробно характеризуя развитие праслав. *kotiti/*katati и *kotъ/*katъ в ю.-слав. языках, приводит примеры с вокализмом -a- в ю.-слав. языках (ср. серб. диал. *кат* ‘жердь, шест, кол, клин’) и полагает, что они могут служить основанием для реконструкции утраченного серб. *katami ‘валить, катать’. Однако среди продолжений именной основы в работе Я. Влаич-Попович отсутствует зап.-слав. *katъ [Влајић-Поповић 2007: 67–81]. Гл. *katati не зафиксирован и в зап.-слав. языках. Однако в издаваемом в Москве «Этимологическом словаре славянских языков» допускается возможность существования этого глагола в зап.-слав. языках, и основанием для такого предположения стал факт наличия этимологически неясной зап.-слав. лексики *katъ ‘палач, злой дух’, определяемой в словаре как обратное производное от не сохранившегося в зап.-слав. ареале гл. *katati [ЭССЯ 9: 162–163]. Такой подход представляется нам перспективным, и далее мы попытаемся развить эту идею и привести дополнительные аргументы.

В литературе находим разное понимание происхождения зап.-слав. *katъ. Как в ЭССЯ [ЭССЯ 9: 162–163], так и в словаре Ф. Славского [Sławski II: 98–99] наиболее убедительным признается предложенное Р. Якобсоном объяснение зап.-слав. *katъ как *nomen actionis* от *katati [Jakobson 1952: 388] с последующим переходом слова в *nomen agentis*, ср. еще русск. диал. *кат* ‘колесный или санный след’ [СРНГ 13: 119]. В качестве семантической параллели, подтверждающей возможность такого развития, приводится лат. *tortor* ‘мучитель, палач’, соотносительное с гл. *torqueō* ‘крутить, вращать, катить, пытаться’. Однако в статье О. Н. Трубочёва, посвященной славяно-иранским лексическим связям, предлагается иное понимание истоков зап.-слав. *katъ [Трубочёв 1965: 76]. По мысли О. Н. Трубочёва, семантика этого слова отражает поздние реалии славянской жизни. Ранние записи слова *kat*, относящиеся практически к началу письменной истории, — в польском языке с начала XV в. [Sł. stpol. II: 249–250], в чешском и словацком языках с XVI в. [HSSJ II: 34–35] — как будто бы дают основание для признания этой лексики праславянской. Однако, как полагает О. Н. Трубочёв, сближение *katъ с русск. *катать*, ст.-чеш. *káčěti* возможно при условии, что лексема *katъ служила обозначением чело-века, который применял пытки, а точнее колесование, при исполнении судебных приговоров. О. Н. Трубочёв отмечает, что отсутствуют надежные основания в плане семантики для произведения *katъ от гл. *katati и обращает внимание на такой важный внеязыковой факт: средневековая пытка на колесе, применяемая жителями западной Европы, вероятно, не была известна праславянам [Трубочёв 1965: 76]. В «Старопольской энциклопедии» З. Глогера находим информацию о том, что

должность палача в Польшу пришла из Саксонии только вместе с магдебургским правом [Gloger II: 25, 371]. А это означает, что отсутствуют основания для отнесения **katъ* со значением ‘человек, занимающийся исполнением судебных приговоров’ к праславянскому слою лексики, что, в частности, подтверждается отсутствием значения ‘колесовать’ у продолжений гл. **katati*. С учетом этих обстоятельств О. Н. Трубочёв предлагает иное объяснение. Он сравнивает слав. **katъ* с авест. *kāθa* ‘возмездие (на страшном суде)’ и полагает, что имело место заимствование из иранских языков в диалектах, ограниченных в своем распространении зап.-слав. территорией.

Известны и другие опыты объяснения термина **katъ*. Янко, отмечая отсутствие десигната для гипотетически праславянского термина **katъ*, выводит это слово из ср.-в.-нем. *gate, gat, gegate* ‘спутник, друг’ и полагает, что первоначально слово использовалось в качестве табу для обозначения подручного палача [Janko 1928–1929: 785–790]. В поддержку этой гипотезы М. Фасмер приводит в качестве параллели русск. *дядя* в значении ‘палач’ [Фасмер II: 208]. Однако в семантическом плане эта гипотеза представляется маловероятной, потому не принимается большинством исследователей. Можно еще отметить попытку Коржинка определить **katъ* как древнее *nomen agentis*, образованное при помощи суффикса *-t-* от и.-е. **kuei-* / **kuō(i)-* ‘мстить, наказывать’, ‘каяться’, нести наказание’, к продолжениям которого относят и праслав. **cěna, *kajati se* [Kořinek 1930: 347–356], с развитием на славянской почве специального значения ‘палач, экзекутор’ и переходом *nomen actionis* в *nomen agentis*. О. Н. Трубочёв, не соглашаясь с таким объяснением, отмечает, что сохранение в праславянском языке древнего **ka-* с детерминативом маловероятно, поэтому, по его мнению, остается большая вероятность заимствования [Трубочёв 1965: 76]. Иной подход к объяснению находим в словаре Махека. Он отождествляет праслав. **katъ* с **xvatъ*, которое известно в русском и польском языках в значении ‘храбрый, смелый мужчина’ и является заимствованием, возможно, герм. **hvatta* (с экспрессивной геминацией *tt*) [Machek² 245]. Однако Махек не приводит никаких аргументов в пользу этой гипотезы. Такое предположение, маловероятное с точки зрения фонетики, не получило поддержки среди этимологов.

При всех семантических трудностях, которые возникают при объяснении зап.-слав. **katъ*, представляется все-таки наиболее вероятным предположение о связи этого образования с гл. **katati*. Этот глагол определяется как итератив от гл. **kotiti* [Verneker 494; Фасмер II: 209–210] и имеет широкий круг продолжений в севернославянских языках: ср. ст.-чеш. *kotiti* ‘катить’, чеш. *kotiti* ‘опрокидывать, валять’ [Jungman II: 145], польск. диал. *kocić* ‘катить, валять’ [SW II: 87], укр. *котити* ‘катить’ [Гринченко II: 293]. Отмечается, что точным словообразовательно-морфологическим коррелятом формы **kotiti* является гл. **katjati* [ЭССЯ 9: 162–163]. Этот глагол с семантикой вращения, кручения широко представлен в языках и диалектах чешско-словацкой группы и на вост.-слав. территории [ЭССЯ 9: 164]: ср. русск. *качáть* ‘двигать, размахивать туда-сюда по воздуху’, укр. *качать* ‘катать’, блр. *качаць* ‘катать, валять’, вост.-польск. диал. *kaczać* ‘ломать, опрокидывать’, чеш.

káceti (od XV w.) ‘опрокидывать на землю (особенно о деревьях и вообще больших предметах)’ [Gebauer II: 5].

Значения, характеризующие *katъ и *katati/*katiti в славянских языках, позволяют проследить все ступени преобразования семантики вращения в направлении, определившем становление интересующего нас значения. Так, в русских словарях *катать* часто дается как определение внезапного, быстро проходящего события [ССРЯ V: 866–867]. В «Словаре русского языка» (под ред. Бархударова) отмечается употребление глагола в повелительном наклонении *катáй(те)* с целью выражения побуждения к действию [СРЯ II: 49]. В словарях литературного языка и в диалектных словарях находим также значение ‘передвигаться на чем-то с большой скоростью’ или ‘бежать, гнаться’ [Даль² II: 96–97].

Можно думать, что следующую ступень в семантическом развитии отражают чеш. *katiti se do něčeho* ‘делать что-то с усилием’, *katiti se* ‘сердиться’, *býti do práce jako kat* ‘быть чересчур усердным’. Выражение *býti do práce jako kat* можно как будто бы вывести из праслав. *katati, которое, судя по семантике приведенных примеров, имело не только значение ‘двигать какой-либо округлый предмет, вращать, заставляя скользить’, но также, видимо, вторично ‘делать что-то быстро или сильно мучиться’. В чешском выражении *katem koho trápití* ‘терзать, мучить’ переносное значение ‘катание, раскатывание’ начинает соотноситься с тем, что сопутствует этому процессу, с его результатом — мучением или с чем-то плохим, и на этой основе развиваются значения ‘мучение’, ‘боль’ и ‘плохая вещь’. Здесь можно видеть признаки перехода от значения конкретного к абстрактному. В плане семантики интересны примеры, приведенные в словаре Махека: производные в чеш. *katan* ‘грубой человек’, *katiti se do něč.* ‘делать что-то с усилием’, *katiti se* ‘сердиться’, *býti do práce jako kat* ‘быть чересчур усердным’. Автор «Этимологического словаря чешского языка» подчёркивал, что именно эти значения слова *kat* и его дериватов в чешском языке могут отражать древнее состояние семантики.

В диалектах Северной России отмечен гл. *катáть* в значении ‘делать что-то усердно’ [Сл. Севера V: 96–97]. Встречающийся в русских говорах гл. *кататься* в страдательном залоге отмечен в значении ‘страдать от боли’ [СРНГ 13: 124–125, Сл. Карелии 2: 332–333, Доп. к Опыту: 78]. Весь круг значений, связанных с мукой, страданием, можно свести к упомянутой выше семантике насилия с применением битья.

Идея насилия, телесного наказания получила отражение в вост.-слав. языках. В «Словаре церковнославянского и русского языка» отмечен гл. *катáть* в значении ‘бить, наказывать телесно или словами’: *Его изрядно откатали*, т. е. ‘побили’, *Онъ за шалости часто катаетъ его*, т. е. ‘наказывает телесно или выговорами’ [Словарь ЦСРЯ II: 344]. Такой вид телесного наказания отражается также в приведенном в словаре Даля производном *катка*, которое определяется как ‘порка, телесное наказание’ [Даль² II: 96–97]. Здесь можно упомянуть русск. экспрессивные образования на *-ož katóишть* ‘бить, колотить’ (пск., твер., курск.) [СРНГ 13: 133], *котóишть* ‘колотить, бить’ (новг., волог., костр., перм.), *котóишться* ‘ссориться,

браниться' (яросл.), *котяишть* 'бить, колотить' (ворон.) [СРНГ 15: 113, 119], а также укр. *катати* 'бить' [Гринченко II: 225]. Возможно, сюда же относится и русск. диал. *кат* 'орудие физического наказания', ср. *Да привезли кат. Один садится на голову, другой на ногу и катают* [СРНГ 13: 119]. В разных контекстах при определенных условиях у гл. *катать* развиваются вторичные значения 'усердно что-то делать' (ср. русск. *биться над задачей, проблемой*, т. е. 'усердно заниматься', 'бить', 'мучить', 'наказывать'). Признаки развития семантики в том же направлении наблюдаются у продолжений праслав. **katjati*: напр., русск. *качать* 'двигать, размахивать туда-сюда по воздуху', польск. диал. *kaczać* 'ломать, опрокидывать', чеш. *káceti* 'опрокидывать на землю'.

В упомянутой выше статье О. Н. Трубачёв обратил внимание на одно интересное значение *kat* в польском языке — 'плохая вещь; проблема; несчастье' [Трубачёв 1965: 76]. С учетом восстанавливаемой линии развития это значение можно понять как результат переосмысления действия, интенсивно протекающего, вызывающего разного рода трансформации.

Представленные выше аргументы показывают, что отсутствуют формальные и семантические препятствия для сближения гл. **katati* и зап.-слав. *kat*. Объяснение зап.-слав. *kat* как производного от гл. **katati* свидетельствует о том, что итеративная форма к **kotiti* существовала также на зап.-слав. языковом пространстве и тем самым можно её признать праславянской и общеславянской. Образование имени относится к тому периоду, когда в семантике производящего глагола еще сохранялись следы древнего значения и.-е. корня **kat-* 'приводиться в (быстрое) вращательное движение'. Зап.-слав. *nomen actionis *katъ*, образованное от не сохранившегося в зап.-слав. пространстве гл. **katati*, первоначально передавало семантику глагола 'вращательно двигаться (обычно быстро, динамично)'. В дальнейшем шел процесс конкретизации исходного значения в направлении 'делать, что-то с усилием' > 'тяжело работать, мучиться', далее 'сердиться' и 'бить'. Очень часто глаголы с этой семантикой 'бить' распространяются на широкий круг действий, имеющих особенно резкий, внезапный характер [Влајић-Поповић 2002: 26]. Первоначально слово **katъ* определяло действие или результат какого-либо вращательного движения > 'бить', затем *nomen actionis* (ср. русск. диал. *катка* 'сечение, телесное наказание') перешло в *nomen agentis*, обозначающее человека, который бьёт, мучит. С появлением должности палача старое зап.-слав. слово приобрело новое терминологическое значение, стало обозначать род занятий.

Можно думать, что приведенные образования отражают одно из направлений в развитии семантики слав. **katati* > **katъ* — 'бить, сечь', 'терзать, мучить' > 'мучение, боль' > 'род занятий' в отдельных славянских диалектах. По всей видимости, это семантическая инновация эпохи диалектного развития праславянского языка. Потенциальные возможности такого семантического развития отражают и балтийские образования — лит. *katãryti, katãlyti* 'бить', хетт. *katterahh-* 'уничтожать', — предположительно соотносимые В. Н. Топоровым с гл. **kotiti* [Топоров 1971: 290].

Литература

Влајић-Поповић Ј. Псл. *kotiti/katati и *kotъ/*katъ — трагови -а- вокализма на словенском југу (в:) Словенска етимологија данас. Зборник симпозијума одржаног од 5 до 10 септембра 2006. године. Под ред. А. Ломы. Београд, 2007, с. 67–81.

Влајић-Поповић Ј. Историјска семантика глагола ударања у српском језику. Преко етимологије до модела семасиолошког речника. Београд, 2002.

Гринченко Б. Словарь украинского языка. Т. II. Киев, 1908.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. СПб., 1881.

Рачева М. Застъпници на праславянската глаголна основа *kāt- ‘въртя, търкалям, преобръщам; хвърлям, мятам’ в български език (в:) Сб. В чест на акад. Вл. Георгиев. София, 1980, с. 257–261.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. Москва, 1994.

Младенов М. Лексиката на ихтиманский говор (в:) Българска диалектология. Книга III. Под ред. М. Лилов, Сл. Младенов, Ст. Стойков. София 1967, с. 3–196.

Топоров В. Н. К семье анатолийск. kat(t)a, др.-греч. κατά- (в:) Этимология 1971. Отв. ред. О. Н. Трубачёв. М., 1973, с. 286–297.

Трубачёв О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений (в:) Этимология 1965. Отв. ред. О. Н. Трубачёв. Москва, 1967, с. 3–81.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачёва. Т. II. М., 1967.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch *A-morъ*. Heidelberg, 1908–1913.

Gebauer J. Slovník staročeský. Т. II. 2. vyd. Praha, 1970.

Gloger Z. Encyklopedia staropolska. Warszawa, 1958.

Jakobson 1952 — *Jakobson, R.* New Slavic Etymological Dictionaries [v:]. Word 8, №4, 1952 (Slavic Word №4).

Janko J. *Kat v badání lidovědném a slovozpytném* [v:] Slavia 7 Praha, 1928–1929, с. 785–790.

Jungmann J. Slovník česko-německý. Т. II. Praha, 1836.

Koržínek J. M. К původu zápslov. *kat* carnifex‘ [v:] Listy Filologické 57. Praha, 1930, с. 347–356.

Kral J. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje řeče. Bautzen, 1986.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2. изд. Praha, 1968.

Muka E. Słownik dolnoserbskeje řečy a jeje narečow. Т. I. Petrohrad–Praha, 1911–1915.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern, 1959.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Т. II. Kraków, 1965.

Сокращения

БЕР II — Български етимологичен речник. Ред. В.И. Георгиев. Т. II. София, 1979.

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. Издание Второго отделения Императорской Академии Наук. СПб., 1858.

Сл. Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей Т. 2. СПб., 1995.

Сл. ЦСРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. 2-е изд. Т. II. СПб., 1867.

Сл. Севера — Словарь говоров Русского Севера. Под ред. А.К. Матвеева. Т. V. Екатеринбург, 2011.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 13. Ленинград, 1977.

ССРЯ — Словарь современного русского литературного языка. Под ред. С.Г. Бархударова. Т. III. Москва, 1956.

СРЯ — Словарь русского языка. Председатель. ред. кол. А.П. Евгеньева. Т. II. Москва, 1958.

ЭССЯ 9 — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 9. Москва, 1983.

ЭССЯ 11 — Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 11. Москва, 1984.

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. Red. M. Majtán. Т. II. Bratislava, 1992.

Sł. stpol. — Słownik staropolski. Red. S. Urbańczyk. Т. III. Warszawa, 1960–1962.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Š. Peciar. Т. I. Bratislava, 1959.

SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého. Ved. red. J. Bělič. Т. I. Praha, 1960–1971.

SW — Słownik języka polskiego, ред. J. Karłowicza, A. Kryńskiego i W. Niedźwieckiego. Т. II. Warszawa, 1902.

авест. — авестийский, в.-луж. — верхнелужицкий, вост.-слав. — восточнославянский, герм. — германский, диал. —диалектальное, зап.-слав. — западнославянский, ирл. — ирландский, н.-луж. — нижнелужицкий, польск. — польский, праслав. — праславянский, рус. русский, серб. — сербский, слвц. — словацкий, ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий, ст.-польск. — старопольский, ст.-чеш. — старочешский, укр. — украинский, чеш. — чешский

Гл. — глагол

Перевела с польского языка Л. В. Куркина.

Szymon Pogwizd

Institute of Slavistics of Polish Academy of Science

(Poland, Cracow)

szymon.pogwizd17@gmail.com

ETYMOLOGY AND SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE WEST SLAVIC *KATŦ

In this work we review different etymological theories and try to determine the semantic development of the etymologically unclear West Slavic word *katъ — ‘executioner; hangman’. The aim of the article is to give new arguments that will prove the connection, postulated by some researchers, between the word *katъ and the Proto-Slavic *katati — the form that was not saved in the West Slavic area and is the iterative form of *kotiti. The basic difficulty in the reconstruction the Proto-Slavic form of this word is a lack of its designate in the Proto-Slavic reality (e.g. the function of the hangman started to exist in Poland only with appearance of the Magdeburg Law). The parallel with the lat. *tortor* — ‘tormentor, hangman’ connected with the word *torqueō* — ‘to spin, to rotate, to torture’ does not seem to be convincing as well. An important role in the trial of establishing the semantic development of the word is to compare it to the numerous derivatives made as well from West Slavic *katъ, eg. Czech. *katan* — ‘rude man’, *katiti se* — ‘to be angry’, *katiti se do něč.* — ‘to act with engagement, effort’ etc. as from derivatives made from the verb *katati, eg. Russ. *ка́ать* — ‘to beat, to punish orally or corporally’, *ка́мка* ‘flogging, corporal punishment’ and related *katjati, Russ. *Кавать* — ‘to move, to wave in the air’, восточно-польских czech. *káceti* ‘to knock down’. West Slavic *katъ is nomen actionis (which then became nomen agentis) made from *katati which meant the rapid movement. The meaning of this verb later became more concrete starting to mean ‘to beat, to torment’.

Key words: Etymology, semantic reconstruction, West Slavic *katъ ‘executioner; hangman’, Proto-Slavic *katati ‘roll, trundle’.

References

Berneker E. *Slavisches etymologisches Wörterbuch* [Slavic Etymological Dictionary]. Heidelberg, 1908–1913 (in Germ.).

Daľ V. *Tolkovyj slovar’ zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. II, S. Petersburg, 1881 (in Russ.).

Dopolnenie k Opytu oblastnago velikoruskago slovaria, [Supplement to a Trial of Regional Russian Language Dictionary]. S. Petersburg, 1858 (in Russ.).

Etimologičeskij slovar’ slavyanskikh yazykov. Praslavijskij leksičeskij fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 9. Moscow, 1983 (in Russ.).

Etimologičeskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavianskii leksičeskii fond [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 11. Moscow, 1985 (in Russ.).

Fasmer M. *Etimologičeskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. II. Moscow, 1967 (in Russ.).

Gebauer J. *Slovník staročeský* [Old Czech Dictionary]. Vol. II, 2nd ed., Prague, 1970 (in Czech.).

Gloger Z. *Encyklopedia staropolska* [Old Polish Encyclopedia]. Warszawa, 1958 (in Pol.).

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. II. Kiev, 1908 (in Russ.).

Chernykh P. *Istoriko-etimologičeskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historico-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. I. Moscow, 1994 (in Russ.).

Historický slovník slovenského jazyka [Historical Slovak Dictionary]. ed. M. Majtán. Vol. II. Bratislava, 1992 (in Sloven.).

Jakobson, R. [New Slavic Etymological Dictionaries]. Word 8, №4, 1952 (Slavic Word №4) (in Engl.).

Janko J. [*Kat* in Folklore and Linguistic Research]. *Slavia* 7. Praha, 1928–1929, p. 785–790 [in Czech.).

Jungmann J. *Slovník česko-německý* [Czech-German Dictionary]. Vol. II. Prague, 1836 (in Czech.).

Kral J. *Serbsko-němski słownik hornjohužiskeje serbskeje řeče* [Sorbian-German Dictionary of the Upper Sorbian Language]. Bautzen, 1986 (in Sorb, Germ.).

Koržinek J.M. *carnifex'* [Origin of West-Slavic *Kat*] *Listy Filologické* 57. Praha, 1930, p. 347–356. [In Czech].

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. 2nd revised ed. Prague, 1968 (in Czech.).

Mladenov M. [Lexic of Ihtiman dialect]. *Bylgarska dialektologiya*, Issue III. Ed. by Lilov M., Mladenov S. Stoykov S. Sofia, 1967, p. 3–196. (In Bulg.)

Muka E. *Slovník dolnoserbskeje řečy a jeje narečow* [Dictionary of the Lower Sorbian Language and the Dialects]. T. I. Petrohrad–Praha, 1911–1915/ (in Sorb., Germ.).

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. I. Bern, 1959. 534 p. (in Germ.).

Racheva M. [Examples of Proto-Slavic verbal basic **kām-* ‘turn, roll, roll over; throw, throw’ in Bulgarian Language]. *Studia Linguistica in honorem Vladimiri I. Georgiev*. Sofia, 1980, c. 257–261 (in Bulg.).

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei [Dictionary of Russian Dialects in Karelia and Neighboring Regions]. Gerd A. S. (Gen. ed.). Vol. 2. S. Peterburg, 1995 (in Russ.).

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Filin F.P. (Ed.). Issue 13. Leningrad, 1977 (in Russ.).

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of Russian Language]. Yevgen'eva A. P. (Ed.). Vol. II. Moscow, 1958 (in Russ.).

Slovar' govorov Russkogo Severa [Dictionary of Russian North dialects]. Ed. by Matveev A. K. Vol. V. Yekaterinburg, 2011 (in Russ.).

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Modern Literary Russian Language]. Barkhudarov (Ed.). Vol. III. Moscow, 1956 (in Russ.).

Slovar' tserkovno-slavianskogo i russkogo yazyka [Dictionary of Church Slavonic and Russian Language]. 2nd ed. T. II S. Petersburg, 1867 (in Russ.).

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of Slovak Language]. Ed. by Š. Peciar. Vol. Bratislava, 1959.

Slovník spisovného jazyka českého [Dictionary of Czech Language]. Ed. J. Bělič. Vol. I. Praha, 1960–1971 (in Czech.).

Sławski, F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vol. II. Kraków, 1965.

Słownik języka polskiego [Dictionary of Polish Language]. J. Karłowicz, A. Kryński i W. Niedźwiecki (Eds.). Vol. II. Warsaw, 1902 (in Pol.).

Słownik staropolski [Old Polish Dictionary]. S. Urbańczyk (Ed.). Vol. III. Warsaw, 1960–1962 (in Pol.).

Toporov V. N. [On the word family of Anatolian *kat(t)a-*, Ancient Greek *κατά-*]. *Etimologiya* 1971. Ed. by Trubachev O. N. Moscow, 1973, p. 286–297 (In Russ.)

Trubachev, O. N. [From Slavic-Iranian lexical relations]. *Etimologiya* 1965. Ed. by O. N. Trubachev (Eds.) Moscow, 1967 (In Russ.)

Vlajić-Popović J. [PSl. **kotiti* / **katati* and **kotъ* / **katъ* — the traces of *a*-vocalism in the Slavic South]. *Slovenska etimologiya*. Ed. by Loma A. Belgrade, 2007, p. 67–68. [In Serb.]

Vlajić-Popović J. *Istorijska semantika glagola udaraniya u srpskom jeziku* [Historical Semantics of verb “to hit” in the Serbian Language]. Belgrade, 2002 (in Serb.).

М. Рачева
(Болгария, София)
gelevdp@gmail.com

ПРАСЛАВЯНСКИЕ ГЛАГОЛЫ **ДЪРХАТИ* И **ДЪРСАТИ* И ИХ ПРОДОЛЖЕНИЯ В БОЛГАРСКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Для этимологически неясной группы глаголов с основой **дърх-* (: *дърхам*, *дърфам*) в болгарском языке восстанавливается развитие на основе исходной основы **дърс* > **дърх-* с суффиксом-детерминативом -*s-* в рамках гнезда праслав. **derti*, *дърѡ*, *дърати*, *дерѡ*.

Ключевые слова: болгарский язык, этимология, глагол.

Пересмотр предшествующих этимологических истолкований и расширенный анализ связанных с ними данных позволяют указать на существование в болгарском языке недостаточно изученных к настоящему моменту двух групп глаголов с общей исходной основой **дър-*. Основанием служат имеющиеся на сегодня данные — чешские и словацкие соответствия для продолжений в болгарском языке праславянской глагольной основы **дърх-*: *дърхам*, *дърфам* и вариантов, которые в соответствии с хорошо известным праславянским переходом *s* > *x* отражают исходную основу **дърс* > **дърх-* в образовании с суффиксом-детерминативом -*s* -, а также продолжения в болгарском языке реликтивно сохранившейся исходной формы **дърс-*: *дърсам* с вариантами, имеющими соответствия в сербохорватском, словенском и чешском языках. Характерно для этих двух групп продолжений сохранение связи между значениями, которые являются элементами богатого семантического спектра, развившегося у исходного праславянского гл. **derti*, *дърѡ*, **дърати*, *дерѡ*.

I

В БЕР [1: 465] диалектный гл. *дърфам* ‘кусать, рвать зубами’, для которого отмечено распространение в значительной части говоров Средних Родоп (Смолянско, Асеновградско, Ардинско, Маданско и Девинско), толкуется как результат контаминации глаголов *дърпам* и *рѣфам*, с не указанными, но подразумеваемыми общеболгарскими значениями ‘тянуть, дергать’ для *дърпам* и ‘рвать губами, зубами, клювом’ для *рѣфам*. Такое истолкование — не единственный случай в болгарской этимологии, когда явление контаминации, обозначенное в словаре как

«кръстоска», и в особенности явление лексической контаминации выполняют возложенную на них непосильную роль основного исследовательского приема в этимологическом анализе. Этому явлению и использованию его в этимологическом истолковании, представленному чаще всего в 1-м томе, а также и в следующих томах БЕР, посвящена обширная статья В. И. Георгиева «Контаминация как принцип этимологического анализа» [Георгиев 1978: 189–203 = Георгиев 1985: 201–214].

В соответствии с предложенным в этой статье определением лексическая контаминация проявляется «через фонематическое преобразование одного слова по образцу другого, когда эти два слова связывает некая ассоциативная связь» [Георгиев 1978: 189]. Хотя в определении и не отмечено, но не вызывает сомнения, что подобное преобразование «ассоциативно связанных между собой слов» может произойти только и исключительно при совместном существовании рассматриваемых слов в одном и том же языке или диалекте, т. е. в сознании носителя этого языка или диалекта, ср. в этом отношении окказиональные детские образования *вѣртилатор* ‘вентилятор’ или *улицонѣр* ‘милиционер’ или диал. *плицѣф* = *пищѣф* ‘пистолет’ (Съчанли, Гюмюрджинско) [Бояджиев БД 6: 69] и др. При более внимательном изучении гл. *дѣрфам*, *дѣрпам* и *рѣфам* с таким этимологическим истолкованием (о конкретном авторстве см БЕР 1: с. VII) оказывается, что эти глаголы лишь на первый взгляд удовлетворяют упомянутому определению, а в действительности оно наталкивается на ряд неточностей, несообразностей и неясностей.

— В существенном уточнении нуждается прежде всего гл. *дѣрфам*, фонетический облик которого нетипичен для указанного в БЕР среднеродопского ареала. Изучение не указанных в БЕР, но возможных лексикографических источников показывает, что эта форма не засвидетельствована в указанной диалектной области. В известном исследовании родопской лексики Стойчева по сути представлена одна средне-возвратная форма *дѣрфам са* без указания значения [Стойчев БД II: 156] и с отсылкой к одной действительно типичной среднеродопской форме *дѣрфам са*, которая, однако, отсутствует на соответствующем алфавитном месте. Таким образом средне-возвратные формы гл. *дѣрфам са* и *дѣрфам са* остаются до конца не выясненными. У Стойчева все же представлена форма *дѣрфам* ‘рвать зубами’ с указанием на распространение в Смолянско, Асеновградско, Ардинско и Девинско [Стойчев БД II: 154]. Представлена там и определяемая как «прилагательное» страдательно-причастная форма *одѣрфан* ‘покусать (о собаке)’ (Смолянско Ардинско, Асеновградско), употребленная в выражении *Кожѣса ѡе одѣрфана* ‘Она весьма покусана’ [Стойчев БД II: 224].

— Отсутствуют данные о локализации включенного в качестве участника в предполагаемую контаминацию общеболгарского гл. *дѣрпам* ‘тянуть’, фонетический облик которого нетипичен для среднеродопского говора. Его среднеродопский вариант *дѣрпам са*, засвидетельствованный в Смолянско, Арданско и Маданско, имеет другое значение — ‘сильно чесаться’ [Стойчев БД II: 154].

— Не засвидетельствован в среднеродопских говорах и другой предполагаемый участник контаминации — общеболгарский гл. *рѣфам* ‘кусать, рвать зубами,

клювом’, функция которого в упомянутом выше истолковании гл. *дърфам* в БЕР связана с попыткой объяснения звуковой вставки *ф*. В говорах Смолянско, Асеновградско и Ардинско засвидетельствован в действительности другой, близкий в фонетическом и семантическом отношении, но отличный по происхождению гл. *рѡбам* ‘откусывать’ [Стойчев БД II: 259].

Из сказанного следует, что неверно представленный в БЕР ареал гл. *дърфам* ‘кусать, рвать зубами’, который как одна из хорошо исследованных в лексическом отношении болгарских диалектных областей, в которой, однако, не засвидетельствован привлеченный к объяснению гл. *рѡфам*, не предоставляет данных, подкрепляющих истолкование *дърфам* в указанном значении как «кръстоска от *дъртам* и *рѡфам*». Указанное объяснение в БЕР послужило основанием для одного трудного в плане критики обобщения, сделанного Т. Ат. Тодоровым в предпринятом им опыте объяснения тех же глаголов. Согласно автору, «предложенная в БЕР контаминация — обычное выражение бессилия при объяснении происхождения одного слова» [Тодоров 1994: 124]. Предложенные Т.Ат. Тодоровым различные подходы к объяснению истоков гл. *дърфам* основаны на предположении исходной формы **рѡфам* (так!), а точнее приставочной формы **от-рѡфам* > **одрѡфам*, измененной в *дърфам* через выделение мнимой приставки *о-* и метатезы [Тодоров 1994: 122–125]. Однако они тоже неубедительны.

II

Не как определенный, но как вероятный результат контаминации рассматривается в БЕР [1: 465] и следующий по алфавиту гл. *дърхам* ‘кашлять сухим кашлем’. Предполагается его возникновение через «кръстоска» трех глаголов — *дѣра се*, *дърля се* ‘сильно кашлять’ и *нърхам* с подразумеваемым для последнего общеболгарским значением ‘шумно дышать’. Однако в чешском языке отмечен гл. *drchati* ‘говорить неясно’, связываемый Махеком [Machek 95] с чеш. *drmoliti* ‘болтать’ и с тем же гл. *drchati* ‘ударять, мять лен, резать солому, бить’, но с некоторым отличием в значении, также отмечено слов. *drch(l')at* ‘драть, царапать’, объясняемое Махеком [там же] через предполагаемую связь с чеш. *drbati* ‘драть, царапать’. Связь чешского и словацкого глаголов с болг. *дърхам* определяется в БЕР как более вероятная, но без дополнительных комментариев.

Остаются неясными причины, по которым оставлено без внимания в БЕР одно немаловажное обстоятельство — гл. *дърхам*¹ ‘кашлять сухим кашлем’, определяемый как «диалектный», по существу является у Панчева [Панчев 1908: 107] нормативным вариантом засвидетельствованного в Врачанско глагола с аутентичной диалектной формой *дрѡам* [СБНУ 14: 195 с написанием в указанном источнике неэтимологического *ѡ* в *дрѡам*], значение которого определяется как ‘кашлять сухим кашлем, бухать’. Остаются неясными и соображения, по которым упоминая, точно указанная Панчевым врачанская глагольная форма *дрѡам* представлена отдельно по алфавиту в БЕР [1: 434] как *дрѡам*² ‘кашлять, о сухом кашле’ и получает

особый комментарий, отличный от того, который приведен для *дѣрхам* ‘кашлять сухим кашлем’: «Вероятно, звукоподражание».

В связи с истолкованием в БЕР гл. *дѣрхам* ‘кашлять сухим кашлем’ непременно следует указать на неточно представленное там написание *drchati* для чешского гл. *drhati* ‘бить, мять лен’, ‘качать’, ‘ощипывать перья и т. п.’ с отражением исторической мены *h < g* в чешском языке. Точным соответствием чеш. *drhati* ‘бить, мять лен и т. п.’, а не «*drchati*» (!), является восходящий к праслав. **dьrgati* болгарский диалектный гл. *дѣргам* ‘драть, чесать лен гребнем и т. п.’ и др. Однако несомненно наличие фонетических, а также семантических условий для указанного смешения в БЕР чеш. *drhati* < праслав. **dьrgati* с неубедительно истолкованными в словаре Махека, но все же представленными в отдельных статьях чеш. *drchat* ‘говорить неясно’ и словц. *drch(l)at* ‘драть’. Подобное смешение между продолжениями неодинаковых по происхождению праславянских глаголов можно предполагать и для словц. *odrhat* ‘сильно кашлять’, неуверенно определяемого в SP [5: 43] как продолжения праслав. **dьrgati* (*drhati*). Но не *odrchat* ли это в действительности?

Однако чешский гл. *drchati* ‘мять лен; дробить солому; ударять, бить’ и ‘говорить неясно’ и словацкий гл. *drch(l)at* ‘драть, царапать дера’, весьма вероятно и словц. *odrhat* ‘сильно кашлять’ (в сущности *odrchat* ?) могут быть определены как достоверно соответствующие представленным в БЕР диалектным гл. *дѣрхам* и *дрѣхам*² со значением ‘кашлять сухим кашлем’. То же самое относится и к засвидетельствованному в говоре Банско глаголу *дрѣхам* ‘едва брести от усталости’, представленному в БЕР как *дрѣам*¹, которое, как и представленное через отсылку, но отсутствующее на соответствующем алфавитном месте гл. *дрѣтам* без указания значения (есть *дрѣѣтам* ‘храпеть во сне; быть при смерти, умирать’), впечатляюще лаконично и неубедительно определено в БЕР как происходящие из и.-е. **dhrus-* с продолжениями в некоторых германских языках.

Значение ‘кашлять сухим кашлем’ болг. диал. *дѣрхам* = *дрѣам*, несомненно, результат достаточно широко представленного в разных языках метафорического развития переходного значения ‘ударить, бить’ и ‘царапать, драть’, ср. напр. болг. *дѣра се* со значением ‘сильно кричать’ и ‘тяжело кашлять, закашляться’ [БТР и другие источники]. Через метафору возникло и употребление *дрѣам* в значении ‘от усталости едва идти’, ср. выше значение ‘тяжело спать, храпеть; быть при смерти, умирать’ производной формы *дрѣѣтам*. Как очевидные производные от гл. *дѣрхам* следует определить до сих пор не привлекавшиеся к этимологическому анализу нарицательные имена *дѣрхон* и *дѣрхоница* ‘дед и баба’, также метафорические по своему происхождению названия, засвидетельствованные в Козичино, Поморийско в игре «погаждане» (= угадайка) [Стойкова 1970: 544]. В пейоративном значении ‘хрыч, старикашка’ приведено в РРОД [122] прозрачное нарицательное имя *дѣрхолница*, образованное от *дѣрхам*, в одной записи автора эпохи Возрождения Д. Войникова. Существует и экспрессивное глагольное образование с суф. -*т* — *дрѣѣтам* ‘храпеть; быть при смерти, умирать’ (Бобошево) от исходного **дрѣѣтам*, в отношении которого в БЕР [1: 439] высказано неубедительное предположение о родстве с рус. *дрыхнуть* ‘спать’, см. о последнем в [ЭССЯ 5: 144–145,

ср. SP 5: 32]. Несомненно, производным от *дърхам* ‘кашлять сухим кашлем’ является экспрессивный гл. *дръхунъ* ‘валяться в кровати, спать допоздна’ (БД 2: 316: Еленско), образование которого с расширением *-ун-я* верно определено Т. Шиманским [Szumański 1977: 116], вопреки высказанному им мнению: «неясная основа» (так!). Однако «неясность» надо связывать в целом не с основой гл. *дръхунъ*, а с отличием в значении — ‘долго залеживаться в постели, спать допоздна’, происхождение которого можно объяснить как результат ироничного переосмысления представления о погружении в некое особое мучительное состояние, основанное на значении ‘быть при смерти, умирать’ упомянутого выше производного от той же глагольной формы *дръѣтам*. Пример подобного резкого изменения значения ради иронии представляет болг. *умник* в значении ‘глупец’ [см. БТР 1043].

III

Представляется очень вероятным, что упомянутые выше чеш. *drchati* ‘говорить неясно’, словц. *drch(l')at* ‘драть, царапать’, возможно, и словц. *odrhat* ‘сильно кашлять’ = *odrchat*(?), болг. *дръфам* ‘дергать, драть, кусать’ (П. П. Славейков), *дърфам* ‘кусать, рвать зубами’ (Родопы), *дърхам* ‘кашлять сухим кашлем’ = *дръам* с тем же значением (Врачанско), ‘с трудом идти от усталости’ (Банско) с производными формами *дръѣтам* ‘храпеть; быть при смерти, умирать’ (Бобошево) и *дръхунъ* с вторично измененным значением ради иронии ‘валяться в постели, спать допоздна’ (Еленско) являются продолжениями праслав. гл. **dъrxati*, в исходной семантике которого, как видим, присутствуют признаки действия ‘драть’ и ‘ударить, бить’.

Здесь непременно следует отметить принадлежащий Т. Шиманскому [Szumański 1977: 27] опыт истолкования болгарского диалектного гл. *дърхам* ‘кашлять сухим кашлем’ через предполагаемую связь с гл. *дръскам* ‘стирать с использованием валька’ путем добавления к первому слогу *дръ-* упомянутого глагола экспрессивного элемента *-x*, что подкрепляется неубедительным объяснением того же автора [Szumański 1977: 72] разговорного гл. *тінкам* ‘бегать (о детях)’ — точнее ‘идти мелкими шагами, обычно следом за кем-, чем-л.’, который был образован по неверным представлениям автора суф. *-инк-ам* от **ти-инк-ам* (так!).

Однако известно, что наиболее старая часть продуктивного и в современных славянских языках типа экспрессивных глаголов на *-xati*, к которому, несомненно, принадлежат продолжения праслав. **dъrxati*, образована от основы, завершающейся суффиксом-детерминативом *-s-*, изменившимся в *x* после *i, u, r, k* перед гласным. Это обстоятельство позволяет думать, что праславянский гл. **dъrxati* с указанной семантикой возник от переходной формы **dъrsati*, в которой суффикс-детерминатив *-s-*, закономерно позднее изменившийся в *-x-*, расширяет основу **dъr-* праславянского гл. **derti, dъrǫ >* болг. *дєрѧ* и т. п.

Широко распространенное представление об исключительно праславянском переходе *s > x* при упомянутых выше условиях было пересмотрено в предложенном Ж. Ж. Варбот истолковании украинского гл. *тєрсувати* ‘не беречь вещей, истаскать’ [Варбот 1973: 12 и след. = Варбот 2012: 347 и след.]. В этом истолковании

укр. *těrsuvatи* определяется как продолжение редуцированной основы **tьrs-* праславянского гл. **terti, tьrǫ* ‘тереть’ с неизменным в *x* суффиксом-детерминативом *s* при закономерном изменении в **tьrx-* с отражением этого явления в рус. диал. *истерхаться, отерхаться* ‘обноситься, носить разорванную одежду’, *обтерхать* ‘истрепать одежду’, *обтерхаться* ‘об одежде, истрепаться, оборваться’, в украинском итеративе *rostьrxati* ‘раздергать, разбросать’ и в других продолжениях праславянского гл. **tьrxati*.

Указанные восточнославянские продолжения праслав. **tьrx-* и реликтивно сохранившаяся переходная форма праслав. **tьrs-* с расширением суффиксом-детерминативом *-s* праслав. **terti, tьrǫ* ‘тереть’ в истолковании Варбот замечательно сопоставлены в формальном и семантическом плане с отмеченными выше продолжениями в чешском, словацком и болгарском языках с единственным расширением суффиксом-детерминативом *-s > -x*: **dьrx-*, с редуцированной основой праслав. **deriti, dьrǫ* > болг. *дєр̀а* и т. д., и с реликтивно сохранившимися в болгарских диалектах продолжениями неизменной основы **dьrs-* в форме *дѣрсам* ‘дергать, тянуть, кусать (о собаке)’ (Софийско), ‘кусать, щипать’ (Радуил, Самоковско), *дрѣсам* ‘кусать, рвать зубами’ (Бобошево) с производными формами *дрѣсам* ‘полоскать в воде’ (Ботевградско, Врачанско, Шумен), ‘бежать, убежать’ (Врачанско), ‘быстро переходить’ (Ботевградско), *дрѣстя* ‘полоскать в воде’, ‘бить кого-л.’ (Тетевен, Еленско, Странджа), *дрѣстя* ‘затыкать щели паклей или чем-то еще, теревить, бить, мять (лен)’ [Геров 1: 375], ‘затыкать воду камнями, терном и др.’ (Тетевен), *дрѣстя се* ‘дышать тяжело’ (Странджанско), *дрѣстим се* ‘сильно чесаться’ (Брезнишко). В словаре Герова [1: 375] представлен вариант *дрѣцам* ‘дергать, тянуть’ = рус. *тянуть* ‘дергать, теревить, бить, мять (лен)’ = рус. *мять, трепать пеньку, лен, бросать лен, дрѣцам се* ‘дергаться, тянуться’ = рус. *тягаться*, ср. *дрѣцам, дрѣцна* ‘дергать сильно и внезапно’ [Илчев БД 1: 190: Ботевград], который представляет вариант диалектной аффрикатизации *c > ц*, как напр. в диал. *м̀аца < м̀аса* ‘домашняя утварь с плоской поверхностью поверх ножки’. Подобная поздняя аффрикатизация получила отражение и в некоторых формах, отмеченных в других славянских языках того же глагола (см. ниже).

Однако эти формы получают в БЕР [1: 438–439 и 465–466] следующие разнонаправленные и неубедительные истолкования.

— для *дрѣсам* предполагается контаминация *дєр̀а* и *кѣсам* (так!);

— для *дрѣсам* предполагается контаминация *трѣсам* и *дрѣстя* (так!);

— для *дрѣцам* ‘мять лен’, с отсылкой к *дѣр̀цам, дрѣцвам, дрѣцкам, дрѣцна*, ‘дергать, тянуть’ (Брезнишко, Ботевградско), приведены, возможно, как соответствия с.-хорв. *др̀цати, др̀цнути* ‘трясти, качать’, чеш. *drcati*, словц. *drcat* ‘ударять, бить, толкать’, но сам болгарский гл. *дѣр̀цам* определен в результате как возникший «от *дѣр̀зам* или *дѣр̀пам* (см.) с суф. *-цам* (так!)».

Альтернатива приведенному произвольному определению — истолкование болг. диал. *дѣрсам, дрѣсам* с вариантами и производными как продолжения единого параллельного праслав. **dьrxati* от праслав. гл. **dьrsati* с реликтивно сохранившимся суффиксом-детерминативом *-s-* и производными формами, образованными

с так наз. экспрессивными суффиксами *-к-* и *-т-*, ср. *тѹчам* и *тѹчкам*, *трѹпам* и *трѹпамк*, *дѹхам* и *дѹхтѹ*, *звѹнѹ* и *звѹнтѹ* и др. Болг. диал. *дѹрсам*, *дрѹсам* имеют, оказывается, закономерное соответствие в других славянских языках (см. ниже).

Безусловным подтверждением праславянского статуса гл. **dъrsati* является его истолкование в двух этимологических словарях праславянского языка.

— В ЭССЯ [5: 225–226] представлены продолжения **dъrsati*: болг. диал. *дрѹсам* ‘тянуть, натягивать; кусать’, с.-хорв. диал. *дрѹсат* ‘скользить’, словен. *dr̂sati* ‘тащить, волочить за собой’, ‘скрести’, *dr̂sati se* ‘скользить, соскальзывать’, чеш. *dr̂sati* в выражении *dr̂sá jako bujný koník*. Отличное от предложенного здесь объяснения истолкование **dъrsati* от предполагаемого переходного **dъrbp-s-ati*, в отношении которого принимается развитие с суффиксом-интенсивом *-s-ati* от **dъrbpati*, а не от **dъrb-sati*, вопреки Махеку [ЭССЯ 5: 225–226]. Иное истолкование упомянутого выше болг. *дрѹсѹ*, *дрѹсѹтѹ* в указанном значении и словен. *dr̂skati* ‘скользить’, ‘хрустеть, скрипеть’, ‘брызгать, хлестать’ как образований с суф. *-sk-* и *-st-* интенсивного праславянского гл. **dъrskati* / **dъrstati*, производного от **dъrati* > болг. **dъpa* и т. д. [ЭССЯ 5: 226]. Представленная в словаре Бернекера [Berneker 256] праформа **dъrskati* с продолжениями только в словенском языке, по мысли автора, образована от **dъrę*, *dъrati* «с формантом *-sqo*», а включенные в это истолкование словенские формы *dr̂sati (se)*, *dr̂sęti*, *dr̂sikati* и др. неубедительно истолкованы как вторичные.

В категорической форме SP указывает [5: 52–53] на прямую связь с **dъrati* представленных как *dъrsati* (: *dъrskati*) праславянских глаголов, продолжения которых в болг. *дѹрсам*, *дрѹсам* ‘тянуть, хватать зубами, драть, грызть, кусать (о собаке)’, с.-хорв. диал. *дрѹсати* ‘скользить, трясти, трястись, валять сукно, мять коноплю’, *др̂сати* ‘трясти какую-то часть тела, трястись при ходьбе’, словен. *dr̂sati* ‘тащиться, волочить ноги; драть’, *dr̂sati se* ‘поскальзываться’, болг. *дрѹсѹкам* и словен. *dr̂skati* в указанных выше значениях. Глаголы *dъrsati*: *dъrskati* (т. е. **dъrsati*: **dъrskati*) получили в SP следующее определение: «*degywaty ekspresywne, intensiva do dъrę, dъrati* (см.)». Это в общем виде уверенное определение оставляет без внимания специфическую связь глаголов с выявляемыми в сущности через хорошо документированные и конкретно проанализированные выше продолжения праславянского гл. **dъrxati* (*dъrčhati* по системе SP), которому не нашлось места в SP, нет его и в ЭССЯ. В SP в общем виде определен как экспрессивное производное праславянский гл. *dъrstiti* (т. е. **dъrstiti*) с продолжением в болг. *дрѹсѹ* ‘в реке стирать полотно, ковры, одежду и др., ударяя по поверхности воды и сильно встряхивая’, ‘бить’, *дрѹсѹтѹ се* ‘сильно чесаться’. Упомянутый пропуск в двух объемных современных этимологических словарях праславянского языка весьма показателен и в какой-то степени сравним с неубедительным истолкованием Т. Шиманского праславянской этимологической связи между болг. диал. *дѹрхам* ‘кашлять сухим кашлем’ и *дрѹсѹкам* ‘стирать с использованием валька’ (см. конкретно выше), но при этом сама связь верно подмечена в цитированном выше, несомненно, ценном исследовании этого автора об аффиксальном образовании болгарских ониматопэтических и экспрессивных глаголов.

*

Итак, не вызывает сомнения в свете приведенных данных, подтверждающих существование наряду с известными до сих пор данными о продолжении болг. диал. *дърхам, дрѣам, дърфам, дѣрфам* с указанными производными формами и значениями, чеш. *drchati* и словц. *drch(l')at'*, возможно, и словц. *odřhat'* (*odřchat'?*) в указанном значении праславянского глагола **dьrxati*, исходная форма которого **dьrsati* представляет собой расширение суффиксом-детерминативом *-s-* основы с гласным в ступени редукции **dьr-* праслав. **derti*, **dьrǫ* > болг. *дєр̀а* и т. д.

С уверенностью можно также думать о реликтовом характере неоднозначно определенного в цитированных праславянских этимологических словарях гл. **dьrsati* (*dřsati*), прямыми продолжениями которого согласно известным на сегодня данным являются болг. диал. *дърсам* с указанными вариантами и значениями, с.-хорв. диал. *dřsati*, словен. *drsati* (*se*) и чеш. *drsati* с указанными значениями, как и с отражением поздней аффрикатизации в болг. диал. *дрѣсам* с вариантами, с.-хорв. *дрѣтати, дрѣнути*, чеш. *drcati*, словц. *drcat* с указанными значениями, а прозрачными образованиями, производными от того же глагола, являются болг. диал. *дрѣскам, дрѣцкам* и *дрѣстя* с указанными вариантами и значениями и словен. *drskati* с указанными значениями.

К очевидным фактам следует отнести как связь между засвидетельствованными значениями всех этих глагольных форм, которые видятся как продолжения праслав. **dьrxati*, ср. 'драть', 'кусать, рвать зубами', 'кашлять сухим кашлем', 'едва брести от усталости' (болг.), 'говорить неясно, бормотать' (чеш.), 'драть, царапать', 'кашлять' (словц.), так и продолжения праслав. **dьrsati*, ср. 'дергать, тянуть', 'кусать, рвать зубами' (болг.), 'скользить, катиться' (с.-хорв.), 'тащить, волочить', 'скоблить, скрести', 'скользить' (словен.), 'тянуть? дергать?' в *drsa jako bujni konik* (чеш.), а также продолжения как производных от **dьrsati* глагольных форм **dьrskati*, **dьrstiti*, ср. 'полоскать в воде', 'быстро проходить мимо', 'бить кого-л.', 'стучать, ударять', 'тяжело дышать' (болг.), 'скользить', 'скрипеть', 'прыскать, хлестать' (словен.). Эти значения являются составной частью богатого семантического спектра, развившегося у генуинного по отношению к **dьrsati* и **dьrxati* праславянского глагола **derti*, *dьrǫ*, **dьrati*, *derǫ*, о семантическом спектре которого см. SP 5: 231 и след.

Литература

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и оглагольных имен. I. Этимология 1971, 3–19. Москва, 1973. = Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. Москва, Санкт-Петербург, 2012, 341–354.

Георгиев Вл. Контаминацията като принцип на етимологичните изследвания. Български език 28, 1978, 3, 201–213. = Проблеми на българския език, 201–214. София, 1985.

- Панчев Т. Допълнение към българския речник на Н. Геров. Пловдив, 1908.
Стойкова Ст. Български народни гатанки. София, 1970.
Стойчев Т. Родопски речник. БД 2, 1965, 119–314.
Тодоров Т.Ам. Етимологични етюди. Произход на български думи. София, 1994.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
Szymański T. Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1977.

Сокращения

- БД — Българска диалектология. Проучвания и материали 1-. София, 1961-.
БЕР — Български етимологичен речник. 1-. София, 1971-.
ПРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от 19 и 20 век. София, 1974.
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1-. Москва, 1974-.
SP — Słownik prasłowiański. 1-. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974-.
SSJ — Slovník slovenského jazyka 1–4. Bratislava, 1959–1964.

Maria Racheva
(Bulgaria, Sofia)
gelevdp@gmail.com

ON THE COMMON SLAVIC VERBS **DBRXATI* AND **DBRSATI* AND THEIR EXTENSIONS IN BULGARIAN AND IN OTHER SLAVIC LANGUAGES

We revise earlier etymological interpretations and extend the analysis of relevant data aiming to identify two groups of Bulgarian language extensions to Common Slavic verbs which share the original stem **dbxr-*. Previous studies do not give satisfactory understanding of these verbs. One of the considered groups, which, according to the available data, correspondences to Czech and Slovak, is based on the Common Slavic stem **dbrx-*: *дърхам*, *дърфам* etc. The stem **dbrx-* reflects a Common Slavic transition *s* > *x* in the previous form **dbrs-* with a determinative suffix *s*, which is known to take place under certain conditions. We also consider the Bulgarian language extensions of the relict-preserved earlier stem **dbrs-*: *дърсам*, etc., which have, according to the available, data, correspondences in Serbocroatian, Slovenian and Czech. Both groups of extensions exhibit a preserved connection between their meanings, which include elements of the rich semantics, which was developed in the extensions of the original Common Slavic verb **derti*, *дърѣ*, *дърати*, *дере*.

Key words: Bulgarian, etymology, verb.

References

- Bylgarska dialektologija. Prouchvaniia i materialii* [Bulgarian Dialectology. Studies and Materials] 1-. Sofia 1962-.
- Bylgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian Etymological Dictionary] 1-. Sofia, 1971-.
- Etimologicheskii slovar' slav'anskih jazykov. Praslav'anskii leksicheskii fond.* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock] 1-. Moscow, 1974-.
- Georgiev VI. *Kontaminaciiata kato princip na etimologichnite prouchvaniia.* [Contamination as a Principle in Etymological Investigations]. *Bylgarski ezik* 28, 1978, 3, 189–203. = Georgiev VI. *Problemi na bylgarskiiia ezik*, 201–214. Sofia, 1985.
- Machek V. *Etimologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha 1968.
- Panchev T. *Dopylneniia kym bylgaskiia rechnik na N. Gerov* [Supplements to the Bulgarian Dictionary of N. Gerov]. Plovdiv, 1908.
- Rechnik na redki, ostareli i dialektni dumi v literaturata ni ot 19 i 20 vek* [Dictionary of Rare, Obsolete and Dialectal Words in Our Literature of the 19th and 20th Century]. Sofia, 1974.
- Słownik prasłowjański.* [Common Slavic Dictionary] 1-. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk, 1974-.
- Slovník Slovenského jazyka* [Slovakian Dictionary] 1–4. Bratislava, 1959–1964.
- Stoikova St. *Bylgarski narodni gatanki* [Bulgarian Folk Riddles]. Sofia, 1970.
- Stoichev T. *Rodopski rechnik* [Rhodopean Vocabulary]. *Bylgarska dialektologija. Prouchvaniia i materialii* [Bulgarian Dialectology. Studies and Materials] 2, 119–304. Sofia 1965.
- Szymański T. *Derywacja czasowników onomatopeicznych i ekspresywnych w języku bułgarskim* [Derivation of the Onomatopoeic and Expressive Verbs in Bulgarian]. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1977.
- Todorov T.At. *Etimologichni etiudi. Proizhod na bylgarski dumi.* [Etymological Studies. Origin of Bulgarian Words]. Sofia 1994.
- Varbot Zh.Zh. *K rekonstrukcii i etimologii nekotoryh praslavyanskih glagol'nyh osnov i otglagol'nyh imen* [On the Reconstruction and the Etymology of Some Common Slavic Verb Stems and Deverbative Nouns.]. *Etimologija* 1971, 3–19. Moskva 1973 = Varbot Zh.Zh. *Issledovaniia po russkoi i slavjanskoi etimologii* [Studies in Russian and Slavic Etymology]. Moscow, Saint Petersburg, 2012. 341–354
- Перевела с болгарского языка Л. В. Куркина.*

М. Н. Саенко
Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
veraetatis@yandex.ru

СЛАВЯНСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-ЬЛЬ* И ИХ СВЯЗЬ С **-I*-СКЛОНЕНИЕМ¹

В статье анализируются славянские существительные на *-ьль*, ранее рассматривавшиеся как связанные с типом склонения на **-o-*. Демонстрируется корреляция между частью этих существительных и типом на **-i-*. Выдвигается и обосновывается гипотеза, согласно которой в ряде случаев элемент *-ьj-* является средством перевода слов из типа на **-i-* в тип на **-jo-*.

Ключевые слова: праславянский язык, праславянская морфология.

1. Данная статья посвящена анализу структуры славянских существительных на *-ьль*. Эта группа является немногочисленной и обращает на себя внимание прежде всего тем, что лишь немногие из её слов можно назвать однозначно праславянскими, большая часть из них носит ярко выраженный диалектный характер.

А. Вайан называет следующие слова этого типа: *ulii; inii; gvozdi; žrěbii; črěvii; řěpii; slavii; vrabii, vrabei; netii, zmii; *čirŕjŕj; *pyrŕjŕj; *rebrŕjŕj; *šurŕjŕj; *rodŕjŕj; mravii* [Vaillant 1958: 69–72]. Форма **rodьль* вызывает серьёзные сомнения, поскольку Вайан восстанавливает её на основании «слабо засвидетельствованной» старославянской формы рода, однако ни в Старославянском словаре, ни в чешском *Slovníku jazyka staroslověnského* мы такого слова не обнаруживаем.

Перечень С.Б. Бернштейна отличается в некоторых деталях: *vorьль; solьль; pyrьль; řěrьль / repьль; žabrьль; kyrьль; inьль; ulьль; žerbьль; čirьль* [Бернштейн 1974: 290–292].

Для нас интерес в первую очередь представляет то, что элемент *-ьj-* в этих существительных далеко не всегда можно соотнести с праиндоевропейским суффиксом

¹ Автор выражает благодарность Р. Шептыньскому и Т.В. Шалаевой за плодотворную дискуссию над предварительной версией статьи.

**-ij̥²* (согласно альтернативной гипотезе, **-ih₂-* [Smoczyński 2003: 120]). Ниже мы попытаемся дать объяснение этому моменту.

2. Из современных языков следует особо отметить судьбу существительных на *-ьjь* в болгарском и чешском языках.

Формант *-ei* довольно распространён в болгарском (причём он образует дериваты и от глаголов): *бързей* ‘быстрина’, *грэздеи* ‘втулка’ (диал.), *дълбей* ‘выемка, паз’, *гвоздеи* ‘гвоздь’, *къшеи* ‘кусочек хлеба’, *лишеи* ‘лишай’, *лонеи* ‘ливень’ (диал.), *чървей* ‘червяк’, *пършеи* ‘лишай’ (на коже), *репей* «репей, лишайник», *ручей* «поток», *сереи* «засохший пот на шерсти овец» (диал.), *славей* ‘соловей’, *струпей* ‘струп, лишай’, *търсей* ‘засохшее болото’, *търтеи* ‘трутень’, *улей* ‘лоток, желоб’, *хвърлей* ‘бросок’, *цирей* ‘чирей’, *иуреи* ‘шурин’. Однако в некоторых случаях мы, видимо, имеем дело с контаминацией с **-jějь* (ср. *къс* > *къшеи* ‘кусочек хлеба’).

В древнечешском после стяжения *-VjV-* бывшие существительные на *-ьjь* сформировали особый тип склонения [Вауер et al. 1998: 147–148]: *řebří* ‘приставная лестница’, *hřebí* ‘гвоздь’, *čřeví* ‘туфля’, *klí* ‘росток на семени; чека колеса’, *pondělí* ‘понедельник’, *řepí* ‘репей’, *úli* ‘улей’, *září* ‘сентябрь’. Впоследствии *pondělí* и *září* переходят в средний род. Остальные слова влились в более продуктивные типы, чаще всего путём наращения *-k-*: *řebří* > *žebřík*; *hřebí* > *hřebík*; *řepí* > *řepík*; *čřeví* > *střevíc*.

3. Разделим существительные на *-ьjь* на три основных группы.

3.1. Слова, имеющие континуанты во всех трёх основных подгруппах славянских языков:

**čerwъjь* ‘?’: ст.-сл. чръвии ‘туфля, сандалия’ (при наличии собирательного чръвию) [SJS 4: 891]; др.-чеш. *střeví* > чеш. *střevík*, *střevíc* ‘туфля’; др.-рус. черевьи ‘башмаки’, рус. диал. *черёвий* ‘(брюшной) мех’ [ЭССЯ 4: 84]. Чешские формы в данном случае хорошо укладываются в модель перевода образований на *-í* в другие типы (см. выше). Формы других языков, продолжающие **čerwíkъ*, видимо, стоит рассматривать отдельно [SP 2: 168], вопреки ЭССЯ [ЭССЯ 4: 81].

**rěpyjь* ‘репей’: болг. *репей*; др.-рус. *репей*, рѣпии [СРЯ XI–XVII 22: 145]; чеш. *řepík*; слвц. *repík*; рус. лит. и диал. *repěi* [СРНГ 35: 66–67].

**solwъjь* ‘соловей’: болг. *славей*; мак. *славејче* (присутствует также в говорах); чеш. *slavík*; слвц. *slávik*; вост.-слав. *соловѣй* [ОИА 1, карта 28].

**ulъjь* ‘улей’: болг. *улей* ‘лоток, желоб’; др.-чеш. *úli* (m.; G. *úli*); укр. *в́улі́й*; рус. лит. и диал. *улей* [СРНГ 47: 151].

**zmyjь* ‘змея’ (при форме ж. р. **zmyja*): ст.-сл. змии [SJS 1: 676–677]; с.-хр. лит. *zmâj* ‘змея, дракон’; слвн. *zmâj* ‘дракон; пол. диал. *źmij* / *źmiej* ‘дракон’ [SGP VI: 445]; рус. лит. и диал. *змея* [СРНГ 11: 300–301].

**žabryjь* ‘?’: болг. *жабрей*; в.-луж. *zabrij* [Schuster-Šewc 22: 1723–1724]; слвц. *žabrik*, *žiabrik*; рус. диал. *жабрѣй* / *жа́бриий* [СРНГ 9: 52–53], *зябрей* / *зя́бриий* [СРНГ 12: 48] — названия разнообразных растений [Плевачева 1968: 90–96].

² Младограмматики выводили суффикс **-ij-* из **-j-* по закону Зиверса. Подробный разбор гипотез, касающихся происхождения **-ij-*, см. в [Meier-Brügger 281–285].

**žerbъjъ* ‘?: ст.-сл. жрѣбии ‘жребий; доля, наследство’ [SJS 1: 615–616]; болг. *жрѣбий* ‘судьба’ (русизм, судя по -и-); др.-чеш. *hřebí* ‘гвоздь; жребий» > чеш. *hřebík* ‘гвоздь; рус. диал. *жѣребей, жѣребий* [СРНГ 9: 134–135], *жеребей, жерѣбий* [СРГК 2: 51].

3.2. Слова, имеющие континуанты в двух подгруппах:

**čirъjъ* ‘чирей’ [ЭССЯ 4: 117]: болг. *цирей* ‘чирей’; слвн. диал. *čirâj*; с.-хр. редк. и диал. *čiraj, cîraj*; рус. *чирей*.

**ъnъjъ*³ ‘иней’ [ЭССЯ 8: 235–236]: болг. диал. *иней* (Самоковско, Ихтиманско, Ботевград) [БЕР 2: 78]; рус. *иней* [СРНГ 12: 200].

**morwъjъ* ‘муравей’ [ЭССЯ 19: 248–249]: ст.-сл. мравии (f.) [SJS 2: 232]; укр. *муравий*; рус. *муравей*. В словацкой деревне Горне Стргаре фиксируется форма *mravi:k* [ОЛА 1: 223], однако вряд ли этого достаточно, чтобы считать, что форма **morwъjъ* была известна западнославянским языкам.

**netъjъ* ‘племянник’ [ЭССЯ 24: 224]: ц.-сл. нетии; др.-рус. нетий [СРЯ XI–XVII 11: 319]. Сопоставляется с др.-греч. ἀνεψιός ‘двоюродный брат; родственник’ и авест. *partya-* ‘потомок’. Вопрос об исконности -ij- здесь, однако, остаётся открытым, поскольку **netъjъ* вполне может быть новообразованием, достроенным к **neti* ‘племянница’.

**sěrbъjъ*⁴ ‘?’: болг. диал. *сѣрей* ‘жировое выделение на шерсти овцы’ (пункты ОЛА 119, 120, 123), мак. диал. *сѣрей* (пункты 90, 97, 99), *сѣрай* (пункты 92, 93), *сѣрейца* (пункт 96) ‘молозиво’ [ОЛА 6, карта 33]; рус. вологодск. *сирей* (G. -я) ‘молозиво’ [СВГ 10: 11].

**solpъjъ* ‘?’: болг. *сланей* ‘волна’; укр. гуцульск. *солоній* ‘ротозей’ [Иллич-Свитыч 1960: 231]. В данном случае, конечно, семантика не позволяет с полной уверенностью утверждать, что болгарское и украинское слова сводятся к одной праформе.

**ščawъjъ* ‘щавель’: чеш. *šřovík*; укр. диал. *ичавий* [АУМ 1, карта 83]; бел. диал. *ичавей*⁵ [ЛАБНГ 1, карта 261].

**šurъjъ* ‘шурин’: болг. *шурей*; пол. *szurzy* (G. *szurzego*).

3.3. Слова, имеющие континуанты только в одной подгруппе:

**čbrwъjъ* ‘червяк’ [ЭССЯ 4: 173]: болг. *чѣрвей*.

**grezdbъjъ* ‘?’ [ЭССЯ 7: 113–114]: болг. *грѣздеј* ‘втулка, затычка бочки’, диал. *грѣздий* (м.), *грѣдѣј*, *грѣздъй* (м.), *грѣздъй* (м.).

**gwozdbъjъ* ‘гвоздь’ [ЭССЯ 7: 185–186]: ст.-сл. гвоздии [SJS 1: 392], болг. *гвѣздеј*; с.-хр. *Gvozdij* (имя), рус.-ц.-сл. гвоздии.

**ъrbъjъ* ‘?’ [ЭССЯ 8: 236–237]: рус. диал. *ирей* ‘сильный ветер’ [СРНГ 12: 208].

**къlbъjъ* ‘?’: ст.-чеш. *klí* (G. *klé*) ‘росток на семени; чека колеса’. Согласно гипотезе, представленной в ЭССЯ, является производным на -ъjъ от **къlbъ* [ЭССЯ 13: 194].

**kurъjъ* ‘?’: рус. диал. *кирей* [СРНГ 13: 217].

³ У **ъnъjъ* и **пawъjъ* есть дублиеты среднего и женского рода.

⁴ Автор выражает благодарность Р. Шептыньскому за указание на это слово.

⁵ С вариантами *ичавѣр* и *ичавуѣх*.

**rebrъjь* ‘?’: чеш. *řebří* > *žebřík* ‘приставная лестница’.

**nawъjь* ‘?’ [ЭССЯ 24: 49–52]: рус. диал. *навей* ‘мертвец’ [СРНГ 19: 154].

**pyrъjь* ‘?’: укр. *пирей* ‘соломенный пепел’, рус. диал. *пырей* ‘загнетка в русской печи’ [СРНГ 33: 196].

**worbъjь* ‘воробей’: *воробей*, распространено в подавляющем большинстве русских говоров, но встречается также в белорусских и украинских [ОЛА 1, карта 25].

**žerawъjь* ‘журавль’: блр. диал. *журавей* [Сцяцко 2005: 43]; рус. диал. *журавей* (*-вья*) [СРНГ 9: 228].

4. С. Б. Бернштейн писал об основах на **-ьjь* следующее: «В эту группу входят праславянские диалектизмы, тесно связанные генетически с основами на *-ǫ*» [Бернштейн 1974: 290].

Однако факты не подтверждают данного тезиса. Напротив, обращает на себя внимание соотносённость ряда производных на *-ьjь* с **-i*-основами. В первую очередь следует назвать **morъwь* [ЭССЯ 19: 247] (болг. диал. *мраф’*, слвн. диал. *mrāv*, русск. диал. *мурáвь*), с переходом в *-ā*-основы **morw(l)a* [ЭССЯ 19: 244]. На древность **-i*-основы указывают др.-ирл. *moirb* (f.) < **morwi-* и авест. *maoiri-* [Matasović 2009: 278].

Далее сюда относятся:

**čerъwь* ‘вид обуви’ [SP 2: 170–171].

**čъrъwь* ‘червяк’ [ЭССЯ 4: 171–172] — исконная **-i*-основа мужского рода.

**kъlbь* [ЭССЯ 13: 194]: слвн. *kâl* (f.; G. *kalî*); н.-луж. *kel* (f.; G. *kli*) ‘росток’.

**nawъ*: др.-чеш. *náv* (G. *-i*) ‘могила, тот свет, ад’; др.-рус. *навь* / *навь* ‘покойник’ [СРЯ XI–XVII 10: 45], рус. диал. *навь* / *нав* [СРНГ 19: 191]. В. Мажюлис восстанавливает прабалто-славянскую **-i*-основу на основе прусск. *nowis* ‘труп’, лит. *novis* ‘пытка’ и лтш. *nāve* ‘смерть’ [Mažiulis 3: 201–202].

**pyrъ*: рус. диал. *пырь* ‘изморозь, иней’ [СРГК 5: 369–370]; др.-чеш. *pyř*. Если это слово соотносится с индоевропейской гетероклитической основой **reχur*, то переход в **-i*-склонение в праславянском более чем ожидаем.

**sěрь* [Трубачёв 1971: 32–58]: ст.-сл. *сѣрь* ‘хлебная ржавчина’ (*-i*-основа, m. и f.) [SJS 4: 386–387]; др.-рус. *сѣрь* — болезнь растений, паразит [Срезневский 3: 901], *цѣрь* ‘сера’ [Срезневский 3: 1460]; рус. вологодск. *сирь* ‘грязь, содержащаяся в необработанной овечьей шерсти’ [СВГ 10: 11], ярослав. *серь* ‘смола, выделяющаяся из хвойных деревьев’ [СРНГ 37: 227], смолен. *церь* ‘древесная смола; нарост на берёзе’ [СОС 11: 84].

Остальные примеры достаточно амбивалентны и показывают колебания между **-o-* и **-i-* или **-jo-*склонениями (причём нельзя забывать, что переход **-i*-основ в тип на **-jo-* хорошо известен нам по истории отдельных славянских языков):

**ulъ*: чак. *ũlj* [Kalsbeek 1998: 577], *ũl* (G. *ũla*) [Houtzagers 1985: 385]; слвн. *ũlj*; чеш. *úl*; слвц. *úl*; пол. *ul*; н.-луж. *hul*; полаб. *vāul*; рус. диал. *уль* [СРНГ 47: 151]. В этом случае сложно не заподозрить первичность **-i*-основы мужского рода, как и многие другие слова этого типа, перешедшей в **-jo-*склонение в постпраславянский период. Отметим в связи с этим балтийские формы (лит. *avilys* (G. *-io*) / *aulys*

(жемайт.); лтш. *aũlis* (G. *-la*) ‘борть’, которые, несмотря на **-ia*-склонение, тоже не исключают исконной **-i*-основы, ср. лит. *ožỹs* (G. *óžio*) ‘козёл’ из старой **-i*-основы.

**žerbь* / **žerbь*: ст.-сл. жрѣбь [SJS 1: 615–616]; укр. *жѣреб*; рус. диал. *жѣреб*, *жерѣб* ‘жребий’ [СРНГ 9: 134]; рус. калуж., моск. *жѣребь* [СРНГ 9: 37]. С.-хр. *ždr(ij)ēb* здесь, конечно, непоказательно.

**žerawь* / **žerawь* / **žerawьbь*: слвн. *žerjāv* (G. *-a*); схр. *žērāv* (G. *-a*); слвц. *žeriev* (устар. *žerav* / *žeráv*, G. *-a*) [SSJ 5: 798]; рус. диал. *жѣрав*, *жерáв*, *жѣров* (все *-a*) [СРНГ 9: 129]; *жѣрáв* (*-a*) [СРНГ 9: 227–228]; рус. диал. *жерáвь* [СРНГ 9: 130]; русск. *журáвь*; пол. *žuraw* (G. *-wia*).

**gwozdь* / **gwozdь* [ЭССЯ 7: 185–186].

**čirь* [ЭССЯ 4: 116] / **čirь*. Хотя ЭССЯ восстанавливает только **-o*-основу, приводимая там же болгарская диалектная форма *чир'* (м.), а также рус. диал. *чирь* [СРГС 5: 296] позволяют предположить в этом случае дублетность.

**rěpь* / **rěpь*: пол. диал. *rzerp* [SGP V: 87] при пол. лит. *rzerp* (G. *-u* / *-a*) ‘репей’.

**netь*: ст.-польск. *nieć* / *nieśc* [SP XVI 17: 203] при ст.-лит. *peruotis* ‘внук’.

**ščawь* / **ščawь*: слвн. *ščāv*; чеш. диал. *ščáv* (с различными вариантами) [ČJA 2: 277–280]; слвц. *štíav*; бел. диал. *шчаў*⁶ [ЛАБНГ 1: 108, карта 261]. пол. *szczaw* (G. *-wíu*).

Нельзя не вспомнить также о лит. диал. *ýnis* (м.; G. *-io*) или *ýnis* (ф.; G. *-ies*) ‘иней’, которое некоторые учёные считают славизмом [Smoczyński 2017: 402], однако если **-io*-склонение для заимствования естественно, то формы **-i*-склонения, притом женского рода, заставляют подозревать исконность данной формы. Вероятно, здесь уместно упомянуть чешские диалектные формы (*j)ín* / *jín* / *jim* [ČJA 2: 366–368], а также новгородское *инь* (ж.) [НОС 2010: 351]. Данный случай, конечно, является спорным в силу наличия альтернативной этимологии [Варбот 2000: 12–16].

Лишь несколько существительных на *-bьbь* могут быть соотнесены только с **-o*-основами:

**grezdь* ‘?’ [ЭССЯ 7: 113–114]: болг. *грезд* (м.), др.-рус. *грездь* (м.), рус. топоним *Грезд*, диал. *грезд* (м.), *грездь* (ж.), *грязд*, *грездóк*, *гряздóк*;

**jьrь*⁷ омут [ЭССЯ 8: 236–237];

**rebro* ‘ребро’;

**solpь* ‘волна, вал’ [Иллич-Свитыч 1960: 229];

**solwь*: рус. *солóвый* ‘желтоватый’;

5. Отметим также корреляцию между существительными на **-bьbь* и **-bьbь*:

слвн. *čêvelj* (G. *-vlja*) ‘туфля’, ранее *črevelj*;

слвн. *žebělj* (G. *-bljā*) ‘гвоздь’, ранее *žrebelj*;

рус. диал. *муравель* / *муравль* (G. *-вля*) (с очень широкой географией) [СРНГ 18: 348];

⁶ В литературном языке и ряде диалектов распространена форма *шчаўе*.

⁷ Реконструкция **jьrь* базируется только на словенском *ir*.

рус. диал. журавель (Г. -вля) [СРНГ 9: 225];

рус. диал. жерёбель 'жеребий' [СРНГ 9: 135];

с.-хр. *штáвэль, штáвель*; чеш. диал. *štavel* [ČJA 2: 277–280]; бел. диал. *штáвэль* [ЛАБНГ 1: 108, карта 261]; рус. *щавель*.

Нельзя также не упомянуть пол. *wróbel* (< **worbъlъ*) 'воробей'.

Однозначно списать это соответствие на l erentheticum проблематично в силу наличия чеш. *štavel* и, возможно, пол. *wróbel*. Кроме того, стабильное чередование **-b-* в ном.sg. / *-ø-* в ген.sg. также говорит против чисто фонетической версии. Возможно, в этом случае мы имеем дело с некой контаминацией суффиксов и вытеснением старого **-ьjь* вторичным **-bъlъ*.

6. Мы полагаем, что для корректного анализа существительных на *-ьjь* одним из ключевых моментов является тот факт, что наращение **-(b)j-* в ряде случаев не несёт видимой функциональной нагрузки. Среди наиболее ярких примеров назовём: **čirь / *čirь* — **čirьjь*; **gwozdbъ* — **gwozdbьjь*; **morwъ* — **morwьjь*; **ščawъ / *ščawъ* — **ščawьjь*; **ulъ* — **ulьjь*; **žerbъ / *žerbъ* — **žerbьjь*.

Примечательно также то, что в большинстве примеров нельзя усмотреть связи с адъективным формантом **-ьjь* (вопреки, например, мнению В. Смочиньского [Smoczyński 2003: 120]). Скажем, в ЭССЯ замена **čьrwъ* на **čьrwьjь* в болгарском рассматривается как субстантивация прилагательного с последующим вытеснением существительного [ЭССЯ 4: 173]. Однако в паре **gwozdbъ* — **gwozdbьjь* было бы абсурдным считать, что **gwozdbьjь* изначально было прилагательным⁸. То же касается и слов **žerbьjь* или **ulьjь*.

В проанализированном материале наибольшее количество существительных на **-ьjь* обнаруживается в русских, болгарских и, в меньшей степени, чешских данных, причём, как уже указывалось ранее, в болгарском это может быть связано со вторичной активизацией форманта *-ей*. В целом анализируемый материал не обнаруживает никакого значимого распределения по группам языков.

7. Серьёзная корреляция между существительными на **-ьjь* и на **-i-/*-jo-* заставляет высказать осторожное предположение, что минимум часть перечисленных выше примеров представляет собой перевод основ из непродуктивного **-i*-склонения мужского рода в более распространённые типы.

Как известно, в позднепраиндоевропейский и раннепраславянский периоды не было корреляции между типом склонения и родом слова, то есть слово любого рода могло относиться к любому типу склонения. В позднем праславянском ситуация изменилась, и стали появляться определённые ограничения, реализовавшиеся в виде двух параллельных стратегий: 1) слово меняет род, сохраняя прежний тип склонения; 2) слово сохраняет род, но тем или иным образом переходит в другой тип склонения.

Что касается типа на **-i-*, в позднем праславянском он полностью избавился от слов среднего рода, либо при помощи простого наращения тематического

⁸ Поэтому Вайан считал, что в паре **gvozdii* — **gvozdī* первично **gvozdii*, а **črŭvī* — **črŭvii* наоборот **črŭvī* [72], что выглядит решением ad hoc.

гласного (**mori* — **morjo* > **mor'e*), либо при помощи суффиксации (чаще всего использовался диминутивный суффикс *-*k*-. **sulni* — **sulniko* > **sъlnъce*; **sirdi* — **sirdiko* > **sъrdъce*)⁹.

Параллельно или чуть позже начинают уходить в другие типы и существительные мужского рода. В частности, довольно рано в тип на *-*jo*- уходит слово **ognь*¹⁰. Уже в историческую эпоху эта тенденция усиливается в отдельных славянских языках. Данный процесс значительно затёр изначальную ситуацию, и в силу этого мы не можем с полной уверенностью восстанавливать состав *-*i*-склонения мужского рода.

Возможно, именно среди слов на *-*bjь* имеет смысл искать следы старых *-*i*-основ.

С одной стороны, элемент *-*bj-* мог быть извлечён из формантов N.pl. *-*bje*, G. pl. *-*bjь* и G.-L.du. *-*bjū* и распространён на всю парадигму. Такой процесс мы наблюдаем, например, в случае словенских слов *bog*, *volk*, *most* и *breg* и др., где элемент -*ov-* из gen.pl и nom.pl. распространился на всю парадигму множественного и двойственного чисел. Ср. мн. ч. слова *bog*: nom. *bogovi*; gen. *bogov*; dat. *bogovom*; acc. *bogove*; loc. *bogovih*; ins. *bogovi*.

С другой стороны нельзя не упомянуть о факте наращения -*j-* у некоторых существительных на *-*u-* и *-*ū-*: **wolъ* > **wolujь*, **olъ* > **olujь* (др.-русск.), **zely* > русск. диал. *жолвуй* [SP 1: 88–89].

В качестве альтернативы можно рассматривать *-*bj-* как пришедшее из *-*ī*-склонения. Например, так поступает М. Сной, этимологизируя словенское *čevelj* и постулируя наличие в праславянском формы **červī* (G. **červbje*) [Snoj 2016: 116]. Мы склонны считать такую реконструкцию анахронизмом. Вряд ли в позднем праславянском *-*ī*-основы мужского рода сохраняли свою старую парадигму. Единственный их остаток в старославянском — тип сѣдии — отличается от *-*ja*-основ только наличием -*i* в nom. и voc. sg, при этом -*bj-* распространено во всей парадигме, включая именительный падеж, то есть, должно было осознаваться уже скорее как часть основы. В дальнейшем этот тип утрачивает продуктивность и быстро исчезает в истории славянских языков. В то же время, как было показано выше, лишь немногие существительные на -*bjь* могут быть реконструированы уже для праславянского, напротив, многие из них носят диалектный характер и появились в отдельных подгруппах славянских языков.

8. Мы полагаем, что в позднюю праславянскую эпоху имелась тенденция к переводу *-*i*-основ мужского рода в продуктивные типы, причём одним из способов перевода было использование форманта *-*bj-*, в котором можно усмотреть часть окончаний некоторых падежей *-*i*-основ, наращение «тематизирующего» *-*j-* либо контаминацию обоих факторов. После распада праславянского языка эта тенденция сохранилась уже в отдельных ветвях, где реализовалась несколько по-разному,

⁹ Те же способы встречались и в женском роде: **zemis* — **zemjā*; **owis* — **owikā* > **owьsa*.

¹⁰ Как справедливо отмечает М. Чепар, о его первоначальной отнесённости к *-*i*-склонению мы знаем преимущественно из данных других индоевропейских языков [Čepar 2017: 14].

что создало «мозаичную» картину, описанную выше. Конкурирующим способом тематизации был простой перевод в **-jo*-основы.

Таким образом, славянские существительные на *-ьjь* мы рассматриваем как гетерогенную группу, в рамках которой часть слов является субстантивированными прилагательными (например, **zъjь* ‘земной’ > ‘змея’), а часть пришла из непродуктивного типа склонения на **-i*- мужского рода.

Это важно для уточнения количества **-i*-основ мужского рода в позднем праславянском. Если наша гипотеза верна, к признанным существительным этого типа следовало причислить, как минимум, **morъь*, **čerъь*, **rěpъь*, **ulъь*, **žerъь*, **nawъь*, **pуръь* и **šcawъь*.

Литература

- АУМ 1 — Атлас української мови. Том 1. Київ: Наукова думка, 1984.
- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974.
- БЕР — Български етимологичен речник. Томове 1–7. София: Издателство на Българската Академия за науките, 1971–2010.
- Варбот Ж. Ж. К этимологии праславянского названия инея // Этимология 1997–1999. М.: Наука, 2000. С. 12–16.
- Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, т. 19, вып. 3, 1960. С. 222–232.
- ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Том 1. Мінск: Мінская картаграфічная фабрыка Белгэадэзіі, 1993.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010.
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Выпуск 1. Животный мир. М.: Наука, 1988. Выпуск 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М.: ИРЯ РАН, 2007.
- Плевачева Г. К слав. **žabrъjь* // Этимология 1966. М.: Наука, 1968. С. 90–96.
- СВГ — Словарь вологодских говоров. Выпуски 1–12. Вологда: Издательство ВГПУ, Русь, 1983–2007.
- СОС — Смоленский областной словарь. Выпуски 1–11. Смоленск: СГПУ, 1974–2005.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Тома 1–6. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2005.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири. Тома 1–5. Новосибирск: Наука, Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ, 1999–2006.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Тома 1–3. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893–1912.
- СРНГ = Словарь русских народных говоров. Тома 1–47. М.-Л.: Наука, 1965–2014.
- СРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуски 11–30. М.: Наука, 1975–2015.

- Сцяцко П. У. Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны. Гродна: ГрДУ, 2005.
- Трубачёв О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. М.: Наука, 1971. С. 24–67.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Выпуски 1–40. М.: Наука, 1974–2016.
- Bauer et al. 1998 — Bauer J., Lamprecht A., Šlosar D. Historická mluvnické češtiny. Praha: SPN, 1986.
- Čepar M. Praslovanski ijevski samostalniki moškega spola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja. Ljubljana: Založba ZRC, 2017.
- ČJA 2 — Český jazykový atlas. 2. díl. Praha: Academia, 1997.
- Houtzagers H. P. The Čakavian dialect of Orlec on the island of Cres. Amsterdam: Brill, 1985.
- Kalsbeek J. The Čakavian Dialect of Orbančić near Žminj in Istria. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1998.
- Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden — Boston: Brill, 2009.
- Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Keturi tomai. Vilnius: Mokslas, 1988–1997.
- Meier-Brügger M. Indo-European Linguistics. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2003.
- Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bände 1–24. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1978–1989.
- SGP — Słownik gwar polskich. Tomy 1–6. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1900–1911.
- SP — Słownik Praslówiański. Tomy 1–3. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1974–1979.
- SP XVI — Słownik polszczyzny XVI wieku. Tomy 1–34. — Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1966–2010.
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1983.
- SSJ 5 — Slovník slovenského jazyka. 5. diel. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied, 1965.
- Smoczyński W. Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003.
- Smoczyński 2017 — Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Препринт. Доступно по адресу: [https://dl.dropboxusercontent.com/u/21280621/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](https://dl.dropboxusercontent.com/u/21280621/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf)
- Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba ZRC, 2016.
- Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Tome II. Morphologie. Lyon: Editions IAC, 1958.

Mikhail N. Saenko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

veraetatis@yandex.ru

SLAVIC NOUNS ENDING IN *-ьѣ* AND THEIR RELATION TO **I*-DECLENSION

The article analyses Slavic nouns ending in *-ьѣ*, which were earlier thought to be connected with the **o*-type declension. The author demonstrates a correlation between some of such nouns and the **i*-type, and presents and proves a hypothesis that in a number of cases the element *-ьѣ* serves as a means of transition from the **i*-type to the **-jo*-type.

Key words: Proto-Slavic language, Proto-Slavic morphology.

References

Atlas ukrajins'koho movy [A linguistic atlas of the Ukrainian language]. Tom 1. Kiev: Naukova dumka, 1984.

Bernshtejn S. B. *Očerok sravnitel'noj grammatiki slavjanskih jazykov. Cheredovanija. Imennye osnovy* [A sketch of comparative grammar of the Slavic languages. Alternations. Noun stems]. Moscow: Nauka Publ., 1974.

Bălgarski etimologičen rečnik [Bulgarian etymological dictionary]. Tomove 1–7. Sofia: Izdatelstvo na Bălgarskata Akademija za naukite, 1971–2010.

Varbot Zh. Zh. K etimologii praslavjanskogo nazvanija ineja [On etymology of the Proto-Slavic term for hoarfrost]. *Etimologija* [Etymology] 1997–1999. Moscow: Nauka Publ., 2000. Pp. 12–16.

Illich-Svitych V. M. *Leksicheskiy kommentarij k karpatskoj migracii slavjan* [Lexical commentary on the Carpathian migration of Slavs]. *Izvestija AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka*, vol. 19, iss. 3, 1960. Pp. 222–232.

Leksičny atlas belaruskich narodnych havorak [A lexical atlas of the Belarusian dialects]. Vol 1. Minsk: Minskaja kartagrafičnaja fabryka Belheadezii Publ., 1993.

Novgorodskij oblastnoj slovar' [Novgorod regional dictionary]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2010.

Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Serija leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vypusk 1. Životnyj mir. Moscow: Nauka Publ., 1988. Vypusk 6. Domashneje hozjajstvo i prigotovlenie pishchi [Slavic Linguistic Atlas. Lexico-morphological series. Issue 1. Fauna. Issue 6. Housekeeping and Food Preparation]. Moscow: Publ. of Vinogradov Russian Language Institute, 2007.

*Plevacheva G. K slav. *žabrъѣ* [On the Slavic **žabrъѣ*]. *Etimologija* [Etymology] 1966. Moscow: Nauka Publ., 1968. Pp. 90–96.

Slovar' vologodskih govorov [A dictionary of the Vologda dialects]. Issues 1–12. Vologda: Publ. of Vologda State Pedagogical University, Rus' Publ., 1983–2007.

Smolenskij oblastnoj slovar' [Smolensk oblast dictionary]. Issues 1–11. Smolensk: Publ. of Smolensk State Pedagogical University, 1974–2005.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej [A dictionary of the Russian dialects in Karelia and neighbouring regions]. Vols. 1–6. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House, 1994–2005.

Slovar' russkikh govorov Sibiri [A dictionary of the Russian dialects in Siberia]. Vols. 1–5. Novosibirsk: Nauka Publ., Siberian Branch of the RAS, OIGGM Research and Publishing Center, 1999–2006.

Sreznevskij I. I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka* [Data for a dictionary of the Old Russian language]. Vols. 1–3. Saint Petersburg: Tipografija Imperatorskoj akademii nauk, 1893–1912.

Slovar' russkikh narodnyh govorov [A dictionary of the Russian dialects]. Vols. 1–47. Moscow — Leningrad: Nauka Publ., 1965–2014.

Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. [A dictionary of the Russian language of the 11th-17th Centuries]. Issues 11–30. Moscow: Nauka Publ., 1975–2015.

Sciacko P. U. *Slovník narodnej movy Zelviensčyny* [A dictionary of the Zelva dialect]. Grodno: GrDU, 2005.

Trubachov O. N. *Zametki po etimologii i sravnitel'noj grammatike* [Notes on etymology and comparative grammar]. *Etimologija 1968*. Moscow: Nauka Publ., 1971. Pp. 24–67.

Etimologičeskij slovar' slavjanskih jazykov [Etymological dictionary of the Slavic languages]. Issues 1–40. Moscow: Nauka Publ., 1974–2016.

Bauer J., Lamprecht A., Šlosar D. *Historická mluvnice češtiny* [Historical Vocabulary of Czech]. Praha: SPN, 1986.

Čepar M. *Praslovanski ijevski samostalniki moškega spola v slovenskem knjižnem jeziku 16. stoletja* [Proto-Slavic Masculine i-Nouns in the 16th century Slovene Literary Language]. Ljubljana: Založba ZRC Publ., 2017.

Český jazykový atlas [Czech Linguistic Atlas]. 2 parts. Praha: Academia Publ., 1997.

Houtzagers H. P. *The Čakavian dialect of Orlec on the island of Cres*. Amsterdam: Brill, 1985.

Kalsbeek J. *The Čakavian Dialect of Orbančići near Žminj in Istria*. Amsterdam — Atlanta: Rodopi, 1998.

Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden — Boston: Brill, 2009.

Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Keturi tomai* [Etymological Dictionary of the Prussian Language. In 4 volumes]. Vilnius: Mokslas Publ., 1988–1997.

Meier-Brügger M. *Indo-European Linguistics*. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2003.

Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* [Historical-Etymological Dictionary of Upper and Lower Sorbian]. Volumes 1–24. Bautzen: VEB Domowina-Verlag Publ., 1978–1989.

Słownik gwar polskich [Dictionary of Polish Dialects]. Volumes 1–6. Kraków: Jagellonian University Printing House, 1900–1911.

Słownik Prastłowiański [Proto-Slavic Dictionary]. Tomy 1–3. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1974–1979.

Słownik polszczyzny XVI wieku [Dictionary of the Polish Language of the 16th Century]. Volumes 1–34. — Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1966–2010.

Slovník jazyka staroslověnského [Old Church Slavonic Dictionary]. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1958–1983.

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of the Slovak Language]. In 5 parts. Bratislava: Publ. of Slovak Academy of Sciences, 1965.

Smoczyński W. *Hiat laryngalny w językach balto-słowiańskich* [Laryngeal Hiatus in Balto-Slavic Languages]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003.

Smoczyński 2017 — Smoczyński W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Preprint. Available at: [https://dl.dropboxusercontent.com/u/21280621/Smoczyński W. Słownik etymologiczny języka litewskiego.pdf](https://dl.dropboxusercontent.com/u/21280621/Smoczyński%20W.%20Słownik%20etymologiczny%20języka%20litewskiego.pdf)

Snoj M. *Slovenski etimološki slovar* [Slovenian Etymological Dictionary]. Ljubljana: Založba ZRC Publ., 2016.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. Tome II. Morphologie* [A Comparative Grammar of the Slavic Languages. Volume 2. Morphology]. Lyon: Editions IAC, 1958.

О. М. Сергеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
tymol@mail.ru

О ПРАСЛАВ. *РАКОВЕЖЬ
(дополнение к 40-му выпуску
Этимологического словаря славянских языков)

Н.-луж. *pakowjež* ‘вьюнок заборный, *Convolvulus sepium*’ не имеет соответствий в других славянских языках и потому на первый взгляд должно быть принято за изолированное. Тем не менее О. Н. Трубочёвым было предложено этимологическое решение, позволяющее видеть в этом образовании праславянский диалектизм. В данной статье обсуждаются структурные и семантические детали такой реконструкции и предлагается альтернативное возможное толкование.

Ключевые слова: этимология, нижнелужицкий язык, праславянский язык, праславянские диалектизмы.

В состав [ЭССЯ 40] включена статья с реконструкцией праславянского **pakovežь*, единственным основанием для которой является н.-луж. *pakowjež* ‘вьюнок заборный, *Convolvulus sepium*’, не имеющее, как отмечено в ЭССЯ, соответствий в других славянских языках.

Единственным основанием для реконструкции **pakovežь* как праславянского образования является опыт этимологизации, принадлежащий О. Н. Трубочёву, который предположил здесь наличие кальки с нем. *Zaun-winde* ‘заборный повойник’, где *Zaun* — ‘забор’, а *Winde* — ‘вьющеся’, так что в **pakovežь* Трубочёв видит соединение основы глагола **vezati* ‘вязать’ (во 2-ой части) с **pak-*, которое должно семантически соответствовать нем. *Zaun* [Трубочёв 1963: 167]. При этом, как признаёт Трубочёв, **pak-* нигде больше в славянских языках не засвидетельствовано и объяснить его возможно лишь на основании данных «извне». В рассматриваемом **pak-* в составе сложения Трубочёв видит основу, генетически тождественную лат. *pālus* ‘кол, шест’ (< **pakslos*, ср. уменьш. *paxillus*) при дальнейшем родстве с *pāx* (Геп. *pācis*) ‘мир, мирный договор’ и т. д., см. [Pokorny 777–778]. Интерпретацию Трубочёва принимает [Schuster-Šewc 14: 1036], и исключительно на ней зиждется вынесение **pakovežь* в отдельную словарную статью в [ЭССЯ 40]. Нельзя, однако,

не признать, что сугубая гипотетичность праслав. **pakь* придаёт предложенному объяснению характер *obscurum per obscuriorum*.

Согласно [Pokorny 777–778], *pāx* и *pālus* принадлежат к уверенно реконструируемому и.-е. гнезду **pāk-/pāg-* (вариант со звонким представлен в лат. *rango* ‘укреплять’). В это гнездо включают такие соответствия, как греч. πήγυμι ‘вколачивать, прибывать’ (аор. ἐπάγην), др.-инд. *paś-* ‘петля, верёвка’, авест. *pas-* ‘скреплять вместе’, герм. **fanxanan* ‘хватать’ (см. [Orel 2003 : 92]), и, что для нас особенно важно, слав. **paža*,¹ засвидетельствованное в словен. *pāz* ‘место соединения’, *paž* ‘дошатая стена’, где наблюдается свистящий, «сатемный» рефлекс согласного в исходе основы, полностью закономерный на фоне индо-ир. когнатов, однако не могущий служить подтверждению реконструкции Трубочёва, которая предполагает неассибилитированный, «кентумный» рефлекс.

Перечисленные соответствия, на наш взгляд, свидетельствуют о следующем.

В плане семантики значение ‘кол, то, что вбито, вколочено’, необходимое для объяснения Трубочёва, очевидно, не является общеиндоевропейским (лат. и греч. ‘сколачивать, вбивать’, по-видимому, восходит к более общему ‘крепко удерживать, обеспечивать крепкое удержание’, иначе трудно объяснить германское развитие значения) и вслепую приписывать именно греко-латинскую семантику предполагаемому праславянскому когнату не имеется достаточных оснований (хотя и не невозможно). Здесь же необходимо отметить, что в другой своей работе [Трубочёв 1966: 158] Трубочёв говорит о праслав. **pažь* как о техническом термине с конкретным значением ‘паз, выемка’.

Более существенны сомнения в формальном плане: вышеприведённые индоиран. формы прямо обнаруживают сатемный рефлекс согласного в исходе основы, к-рый предполагает структуру **paž-* в славянском и которая действительно обнаруживается в **pažь* ‘место соединения’. Генетически отождествить рассматриваемое **pak-* с этим **pažь* можно только при допущении колебаний палатального/непалатального задненёбного. Такое решение допустимо, однако отсутствие положительных свидетельств в пользу неассибилитруемого **k* понижает его убедительность.

В совокупности указанные доводы делают предположение о присутствии в **pakovežь* эксклюзивной слав. основы **pak-* проблематичным.

В качестве более вероятного можно указать решение, связывающее компонент сложения *pak-* с **pako* в значении ‘обратный, наоборот’ (или же ‘многократно’). О последнем см. [ЭССЯ 40: 223–226]². Такое толкование позволяет объяснить рассматриваемый случай, не выходя за пределы надёжно реконструируемого корневого фонда, однако также должно сопровождаться известными оговорками. Во-первых, объяснение самого **pako* не является однозначным — в ЭССЯ предложена выглядящая наиболее обоснованной, но не единственной версия. Во-вторых, если принимать

¹ «*paža*» — так у Покорного, l.c. Подробно о праслав. **pažь* / **paza* / **pazy* см. теперь [ЭССЯ 41 : 270 слл].

² Попутно исправляем ошибку: в [ЭССЯ 40: 226], 14-я строка снизу следует читать **ob pako* вм. **obpako*, что означает отсылку к [ЭССЯ 32: 81].

значение **pako* в рассматриваемом композите за ‘обращённый в сторону, изогнутый, извилистый’, семантика сложного слова представляется в определённой мере тавтологичной. Впрочем, если предпочесть понимание ‘повторяющийся, многократный’, значение композита может оказаться более правдоподобным: ‘обвивающий часто, густо’. Можно вспомнить в этой связи лат. *saepēs* ‘ограда, изгородь’ : *saepe* ‘часто’ как пример взаимной выводимости значений ‘плотный, густой, часто посаженный’ : ‘частый (во времени), частотный’ [Vaan 2008 : 533 с лит.], ср. также лат. *spissus* > итал. *spesso* ‘часто’, греч. συχνός ‘частый, плотный’ : новогреч. συχνά ‘часто’.

Литература

Трубачёв 1963 — Трубачёв О. Н. О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963.

Трубачёв 1966 — Трубачёв О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках (Этимология и опыт групповой реконструкции). — М.: Наука, 1966. — 416 с.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–41. Под ред. акад. О. Н. Трубачёва, А. Ф. Журавлёва, Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 1972–2018–.

Orel 2003 — Orel Vladimir. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden–Boston: Brill, 2003.

Pokorny 1959 — Pokorny Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Bern und München: Francke Verlag, 1959.

Schuster-Šewc — Schuster-Šewc Heinz. Historisches-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.

Vaan 2008 — Vaan Michiel de. Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages. — Leiden — Boston: Brill, 2008.

Sergeeva Olga M.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

etymol@mail.ru

ON PROTO-SLAVIC **PAKOVEŽĚ* (an addition to ESSJa 40)

Lower Sorbian *pakowjež* ‘greater bindweed, *Convolvulus sepium*’ has no correspondences in other Slavic languages and therefore is to be treated as an isolate. Nevertheless, O. N. Trubachev suggested an etymology for the word that would make it a Proto-Slavic dialectism. The present article discusses his tentative solution from a structural and a semantic point of view, and attempts an alternative explanation.

Key words: etymology, Lower Sorbian, Proto-Slavic, Proto-Slavic dialectisms.

References

Trubachev 1963 — Trubachev O. N. O praslavyanskikh leksicheskikh dialektizmakh serboluzhitskikh yazykov [on Proto-Slavic Lexical Dialectisms of the Sorbian Languages]. *Serbo-luzhitskii lingvisticheski sbornik* [Collected Studies in Sorbian Linguistics]. Moscow, 1963.

Trubachev 1966 — Trubachev O. N. *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh (Etimologiya i opyt gruppovoi rekonstruktsii)* [Crafts Terminology in Slavic Languages: Etymology and a tentative group reconstruction]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 416 p.

ESSJa — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Stock]. Issues 1–41. Edited by Acad. O. N. Trubachev; A. F. Zhuravlev; Zh. Zh. Varbot. M.: Nauka, 1972–2018–.

Orel 2003 — Orel Vladimir. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden–Boston: Brill, 2003.

Pokorny 1959 — Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern und München: Francke Verlag, 1959.

Schuster-Šewc — Schuster-Šewc Heinz. *Historisches-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* [Historical-Etymological Dictionary of the Upper and Lower Sorbian Languages]. Bautzen: Domowina-Verlag, 1978–1989.

Vaan 2008 — Vaan Michiel de. *Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages*. Leiden — Boston: Brill, 2008.

В. Б. Силина

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова,
(Россия, Москва)
ruslang@ruslang.ru*

**О. Н. ТРУБАЧЁВ О ДРЕВНЕЙШИХ ВИДОВЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(по материалам «Этимологического словаря славянских языков»)**

Статья посвящена одному из «вечных» вопросов истории славянских языков — проблеме формирования видовых форм глагола. Автор рассматривает подходы О. Н. Трубочёва к проблеме категории вида в праславянском языке, нашедшие отражение в статьях, написанных им для «Этимологического словаря славянских языков», уточняет и дополняет его теоретические обобщения по этому вопросу с опорой на позднейшие достижения в исследовании глагольного вида, в частности на работы Ю. С. Маслова о связи перфективации/имперфективации со становлением категории вида в славянских языках.

Ключевые слова: славянский глагол, категория вида, «Этимологический словарь славянских языков», О. Н. Трубочёв, Ю. С. Маслов.

Широкий круг интересов и глубокая научная интуиция О. Н. Трубочёва, несомненно, ученого мирового масштаба, позволили ему сделать ряд наблюдений, предположений и выводов в различных лингвистических сферах, казалось бы, непосредственно не связанных с его деятельностью по созданию Словаря (ЭССЯ). Однако это закономерно, так как именно в процессе лексикографирования разнообразных исторических и диалектных материалов славянских языков вырисовывается креативный потенциал праславянского языка и перспективы его развития. О. Н. Трубочёв является автором первых тринадцати томов и соавтором дальнейших 20 томов этого многотомного многолетнего издания. Особенность его авторских статей в том, что словарные статьи выглядят скорее как научное исследование. Толкования его не категоричны, иногда заканчиваются знаком вопроса. Зачастую в статьях приводятся данные различных научных исследований, читатель как бы приглашается к размышлению. В большей мере это относится к толкованию праславянских корневых (т. е. атематических) бесприставочных глаголов и их словообразовательных гнёзд.

Эти статьи представляют особый интерес, так как аспектологи середины XX в. (А. Достал, И. Немец, Ю. С. Маслов и др.) уделяли основное внимание исследованию процессов становления славянского глагольного вида, связанных с появлением приставочных глаголов и предполагали, что именно в этой сфере шло развитие новых моделей имперфективации, т. е. становление собственно категории глагольного вида.

Введение в научный оборот обширных материалов общеславянского характера наряду с данными русских исторических словарей создает почву как для уточнения относительной хронологии появления собственно аспектуальных значений, так и для выявления активных процессов в сфере видообразования праславянского периода.

Речь прежде всего идёт о формах бесприставочных глаголов, находящихся (по современной терминологии) в зоне количественной аспектуальности. Это итеративы (многократные глаголы) и дуративы (глаголы со значением длительности). Формально эти значения могли совмещаться в одном показателе.

В ряде статей ЭССЯ, начиная с первых выпусков, описаны первичные бесприставочные глагольные формы, восходящие как к индоевропейскому, так и к праславянскому периодам. Наряду с ними представлены статьи о производных, также бесприставочных глаголах с определением направления развития. Ср., например, соотношение статей **bosti* (**bodti*) 'колоть, бодать' и **badati* то же. Второе образование толкуется в словарной статье как праславянская глагольная инновация, прототип с корневым гласным *-a-*, как «наиболее закономерная дуративно-итеративная глаг. форма на *-ati*».

**borti* (*se*) (ст.-слав. *брати* (с.а) 'бороться, воевать') и **barati* 'ломать, сокрушать' (с ослаблением исходного значения). Это, по мнению автора, «даёт возможность увидеть инновационный характер данного словообразовательного (семантического) акта: итератив к **borti*».

**bbrati*, **berq* 'брать, собирать' и **birati* «итеративная форма с закономерным удлинением корневого вокализма... Может быть понята как славянское морфологическое новообразование, вместе с тем праславянская древность данной инновации бесспорна».

**gъnati* / **ženq* 'гнать, принуждать' — образование, восходящее к праформе индоевропейского характера **ghun-*, и соотносительные формы **goniti* и **gan'ati*. При этом производная форма **goniti* определяется в соответствующей статье как старый итератив к **gъnati*, послуживший базой для более нового итератива **gan'ati*, который также представлен в отдельной статье.

В целом ряде сопоставленных статей, демонстрирующих подобного рода соотношения, толкование производных образований становится стандартным. См., например, **gorēti* 'гореть' — **garati* «итератив-дуратив к **gorēti*»; **gubiti* — **gubati* «дуратив-итератив на *-ati*, соотносительный с глаг. **gubiti*»; далее также **kupiti* — **kupjati*, **lišiti* (*se*) — **lišati* (*se*), **ložiti* — **lagati* и многие другие.

Достаточное количество итеративно-дуративных новообразований привело О. Н. Трубочёва к мнению об их словообразовательной продуктивности, т. е.,

к возможности для них стать исходной базой для дальнейших словообразовательных процессов. Так, в статье **birь*, ст.-слав. *бирь* ‘подать’ происхождение слова объясняется как отглагольное «производное от итеративной формы **birati*... Производное от глагола с итеративной семантикой, видимо, лучше годилось для обозначения периодического, регулярного побора, чем **(sr)borь* от исходного **bьrati*».

В то же время О. Н. Трубочёв связывает развитие итеративно-дуративных значений у производных новообразований с первоначальным становлением видовой семантики славянского глагола.

В статьях **bĕgti*, **bĕgati*, **bĕžati* содержится достаточно развёрнутое изложение взглядов О. Н. Трубочёва на развитие категории вида в праславянский период: «Следует именно форму **bĕgti* считать основной и наиболее древней формой этого глагольного гнезда. Об этом говорят такие внутриславянские данные как тенденция имперфективации (и в целом — к развитию видовых отношений) славянских глагольных основ, причём выразителем дуративно-итеративного значения стало именно новообразование **bĕgati*. Об этом свидетельствует типологическое сравнение атематического (и следовательно — древнего) **bĕgti* и тематизированного **bĕgati*». И далее — в статье **bĕžati*: «Основное видовое противопоставление наметилось с праславянской эпохи между **bĕgti* и его приставочными сложениями, с одной стороны, и новообразованием **bĕgati* — с другой. На их фоне **bĕžati* выделилось для выполнения особых лексико-семантических функций как детерминированного однонаправленного глагола».

В тринадцати выпусках ЭССЯ, где О. Н. Трубочёв является автором, представлен ряд статей, где бесприставочные вторичные тематические глаголы с расширением основы, по его терминологии, толкуются уже как инфинитив, оформившийся в ходе процесса имперфективации славянского глагола:

**blęsti*, **blędq* ‘болтать, говорить вздор’ и **blędati* ‘нести вздор’ (польск.) — «имперфективное новообразование с тематическим гласным *-a-* на базе более древнего **blęsti*»;

**blęskati* ‘блестеть, сверкать’ — «вторичное образование от имени **blęskъ*, праславянская форма имперфективного глагола на *-ati*»;

**gręzti* ‘утопать, увязать’ и **gręzati* — «имперфектив на *-ati*»;

**cępiti* ‘рвать, резать’, **cępti* ‘чахнуть’ и **cępati* — «форма может быть истолкована как имперфективизация (и тематизация) первоначального **cępti*»;

**čęrpti* ‘черпать’ и **čęrpati* — «имперфективирующая тематизация на *-ati*»;

**dati* ‘дать, давать’ и **davati* — «форма несовершенного вида, соотносительная с **dati*, и продолжающая и.е. **dō-* с лабиальным расширением», а также **dajati* — «вторичный инфинитив, оформившийся, по-видимому, в ходе процесса имперфективации славянского глагола»;

**dĕ(ja)ti* ‘делать, совершать’ и **dĕvati* ‘ставить, класть’ — «итеративный глагол на *-ati* от основы **dĕti*, расширенной с помощью форманта *-v-*». Славянское новообразование в соответствии с тенденцией имперфективации славянского глагола.

Определение О. Н. Трубочёвым тенденции к имперфективации производных глагольных основ как импульса к развитию видовых отношений в системе

праславянского глагола в целом соответствует гипотезе Ю. С. Маслова, высказанной им в докладе на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) «Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида». Основой этой гипотезы является положение о том, что в результате имперфективации, т. е., появления производных основ процессного и неопределенно-многократного значения возникает несовершенный вид, а в дальнейшем — лишь по противоположности к нему — совершенный вид. Развитие и усовершенствование механизма суффиксальной имперфективации в отдельных славянских языках сделало ее главным стержнем морфологической системы глагольного вида.

В целом можно заключить, что материалы ЭССЯ свидетельствуют о том, что становление славянского глагольного вида начиналось с развития количественной (т. е. итеративно-дуративной) аспектуальности, которое происходило в сфере бесприставочных глаголов.

С развитием приставочного словообразования связано становление категории предельности / неопределенности, которое привело к возникновению и развитию линейной аспектуальности, в частности, к появлению и актуализации производных приставочных форм. Они обозначали действие в момент речи, направленное на достижение результата, т. е. это были имперфективированные формы настоящего актуального, которые ознаменовали качественно новый этап в истории славянского глагольного вида.

Этот процесс был, по-видимому, более поздним и происходил уже на почве отдельных славянских языков, о чем свидетельствует анализ текстов древнейших славянских памятников письменности.

Литература

Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского вида // IV международный съезд славистов. Т. 1. Доклады. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Маслов Ю. С. Вопросы происхождения глагольного вида на IV Международном съезде славистов // Вопросы языкознания. 1959/2. 151–157.

Маслов Ю. С. Соотношение процессов перфективации и имперфективации в истории и в морфологическом механизме славянского глагольного вида // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 185–187.

V. B. Silina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

ruslang@ruslang.ru

**O. N. TRUBACHEV ON THE EARLIEST ASPECTUAL FORMS
OF THE SLAVIC VERB
(based on the Etymological Dictionary of the Slavic Languages)**

The article deals with a common *crux* of Slavic historical grammar, the problem of genesis of verbal aspect in Slavic. The author reviews O. N. Trubachev's approaches to the issue of verbal aspect in Proto-Slavic as represented in the ESSJa entries authored by him; relates his theoretical summations to recent views on verbal aspect in Slavic, and particularly to the findings of Yu. S. Maslov concerning the role of perfectivity / imperfectivity in the making of the Slavic verbal aspect.

Key words: Slavic verb, verbal aspect, Etymological Dictionary of the Slavic Languages, O. N. Trubachev, Yu. S. Maslov.

References

Maslov Yu. S. Rol' tak nazyvaemoi perfektivatsii i imperfektivatsii v protsesse vzniknoveniya slavyanskogo vida [The role of the so-called perfectivization in the emergence of aspect in Slavic]. *IV mezhdunarodnyi s"ezd slavistov*. Volume 1. Talks. Moscow: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1958.

Maslov Yu. S. Voprosy proiskhozhdeniya glagol'nogo vida na IV Mezhdunarodnom s"ezde slavistov [Matters of the origin of verbal aspect at the 4th International Congress of Slavists]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues in Linguistics]. Moscow. 1959/2. P. 151–157.

Maslov Yu. S. Sootnoshenie protsessov perfektivatsii i imperfektivatsii v istorii i v morfologicheskom mekhanizme slavyanskogo glagol'nogo vida [Correlation of the processes of perfectivization and imperfectivization in the history and morphological mechanisms of the Slavic verbal aspect]. *IV mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Materialy diskussii* [IV International Congress of Slavists. Discussion materials]. Volume 2. *Problemy slavyanskogo yazykoznanija* [Issues in Slavic Linguistics]. Moscow: Publ. of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. P. 185–187.

М. В. Турилова
(Россия, Тула)
mariaturilova@mail.ru

СПОСОБНОСТЬ ЧУВСТВЕННО ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ С ВНЕШНИМ МИРОМ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА УМСТВЕННОГО И ПСИХИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ДАННЫМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ*

В работе предложено описание фрагмента лексико-семантического поля «Безумие», ограниченного моделями, связанными с признаком способности к чувственному взаимодействию с внешним миром и идеей нарушенного, ограниченного восприятия, по данным славянских языков. Рассмотрены этимологические гнезда **(j)av-*, **bliskati* / **blistati*, **gluxъ*, **glumъ*, **glupъ*, **maxati*, **majati*, **mamiti*, **maniti*, **mara*, **matati*, **muniti*, **mъniti*, **mъrk-*, **něтъ*, **nokt'*, **slěpъ*, **torp-*, **tъlm-*, **tъma*, **mъgliti*, **umъ*.

Установлено, что ясность, открытость, бодрость воспринимаются как признак ума, здравого рассудка, а семантика помешательства развивается у обозначений утраты или нарушения видов восприятия ('потеря чувств, бесчувственность', 'когнитивная перегрузка, нарушение восприятия, помутнение сознания', 'закрытость, лишение возможности нормально воспринимать', 'глухота', 'слепота', 'немота, невнятная речь', 'глупость') и их предполагаемых причин ('шуметь, кричать, оглушать', 'дико себя вести', 'мерещиться', 'темнеть, помрачать', 'мутить, морочить', 'обманывать'). Предложен этимологический комментарий для русск. пск., смол. *отлуміть*, укр. диал. *явіда*, *яведрик*.

Ключевые слова: этимологическая реконструкция, этимологическое гнездо, праславянский язык, мотивационная модель, лексико-семантическое поле, славянские языки, виды восприятия.

В статье анализируется лексика лексико-семантического поля «Безумие» в славянских языках в пределах моделей, связанных с признаком способности к чувственному взаимодействию с внешним миром и идеей нарушенного, ограниченного восприятия. Рассмотренные слова и этимологические гнезда исследованы в работах [Molnár 1985], [Orel], [Wojtyła-Świerzowska 1991], [Амелина 2008], [Белетич,

* Я благодарю проф. Ж. Ж. Варбот за внимательное чтение статьи и замечания, О. М. Сергееву за помощь при доработке статьи.

Лома 2013], [Варбот 2012], [Валенцова 2013 а; 2013 б], [Виноградов 1994], [Виноградова 2013], [Журавлев 2006; 2013], [Леонтьева 2007], [Мельникова 2012], [Меркулова 1975; 1989], [Петлева 1975], [Толстая 2008], [Турилова 2010], [Ясинская 2013] и других.

При этимологической реконструкции учитывается наличие продолжений праславянских лексем с искомыми значениями по крайней мере в двух славянских языках разных подгрупп и архаичность словообразовательных, мотивационных моделей. Для диалектных праславянских лексем с искомыми значениями указываются изоглоссы.

Рассмотрим сначала семантику «противоположного» понятия. Праслав. **umь* восходит к и.-е. **au-men-* ‘ясное сознание’, ‘бодрствование’, ‘способность замечать, узнавать, познавать’, ‘ум, рассудок’ с корнем **au-*, **auēi-* ‘чувственно воспринимать, понимать’ [Роконгу 78]. Лексемы с этим корнем в индоевропейских языках обозначают грани чувственного восприятия: зрение (санскр. *áviḥ* ‘зримый’, *āvis* ‘явный’), слух (лат. *audiō* ‘слышать, слушать’ из **auis-dh-*), осязание (греч. *αἰσθάνομαι* из **auis-dh-*). В балтийских, славянских языках однокоренные слова называют мыслительную деятельность как состояние бодрствования, адекватного восприятия (лит. *auėnis* ‘память’, *ovis* ‘бодрствуя’, *ovuje* ‘наяву’, русск. ум ‘ум’) [Цыганенко 449]. В современных славянских языках слова с корнем ум- с отрицательными префиксами и словосочетания с глаголами утраты обозначают сумасшествие, ср. русск. *лиши́ться ума́*, русск. говоры Низовой Печоры *умом полениться* ‘сойти с ума’ [СРНГ 47: 162].

К тому же индоевропейскому корню восходят праслав. сущ. **ava*, **avo*, нареч. **avě*, глагол **aviti (se)* и образованное от него сущ. **avъ*. Исходным значением праслав. **av-*, вероятно, является ‘**чувственно воспринимать**’. Основной — семантика **зрительного восприятия**: ‘явиться, сделаться видимым’ (ст.-слав. *авити / ѡвити (са)* ‘явиться, показаться, открыться’, макед. *jāvi se* ‘то же’, с.-хорв. *jāviti se* ‘то же’) и ‘показать, открыть’ (ст.-слав. *авити / ѡавити* ‘явить, открыть, показать’, болг. *авя, явя* ‘то же’, чеш. *jeviti* ‘проявить, показать’, польск. редк. *jawić* ‘то же’, др.-русс. русск.-цслав. *явити*, русск. стар. *явить* ‘обнаружить, показать’, укр. *явити* ‘то же’).

Зрительное восприятие связывается с познанием: ‘сделаться известным, открыться’ (словен. *jāviti se* ‘явиться, дать о себе знать’, чеш. *jeviti se* ‘то же’, словц. *javit' (sa)* ‘то же’, польск. редк. *jawić się* ‘то же’, ст.-слав. *авѣ* ‘видно, ясно, известно’, русск. *явный*, укр. *явний*, блр. *яўны* ‘явный, известный, очевидный’).

Следом появляются обозначения речи: ‘**сообщить**’ ← ‘**явить, показать, открыть**’ (болг. *явя* ‘сообщить, окликнуть’, макед. *jāvi* ‘то же; заявить, донести’, с.-хорв. *jāviti* ‘объявить’, словен. *jāviti* ‘то же’, н.-луж. *jawiś* ‘то же’, словин. *jāvjić* ‘то же’, др.-русс. русск.-цслав. *явити* ‘то же’). К значению речи в представлениях о человеке обратимся чуть позже.

На основе исходного ‘способность воспринимать’ развиваются значения ‘бодрствование’ (с.-хорв. *jāv* ж.р. ‘явь, бдение’, кашуб.-словин. *įava* ‘то же’), ‘ясность ума’ (русс. *яв* в выражении *на яву* ‘в полном, здравом уме, в бодрствующем

состоянии') и, вероятно, на основе семантики зрительного восприятия, 'ясность, свет' (чеш. стар. *jav* 'свет, ясность, явность', словц. *javný* 'явный, ясный, видимый') и далее 'мир' польск. *na jaw* 'на свет Божий' [ЭССЯ 1: 93–95; 99–100].

Некоторые слова сохраняют этимологическое значение корневых морфем, укazyвающее на родство **um-* и **(j)av-*: др.-русс. *разумь / розумь* 'указание, знак' [Срезневский III: 160], рус. диал. *на яву* 'в полном, здравом уме, в бодрствующем состоянии' [ЭССЯ 1: 99]. Арх. *неум* 'безумие, сумасшествие' представляет модель 'без ума' → 'сумасшествие' или, с учетом *неум* иркут., перм., урал., сиб., кемер. 'бессознательное состояние', арх. *в неуме, неум взял*, перм., урал. *неум находит* 'об истерическом припадке, временной потере сознания', кузбасск. *неумь* 'отупление, оцепенение' [СРНГ 21: 193], 'потеря сознания, чувств, бессознательное состояние' → 'безумие', подобно словин. *цотроп* 'психически больной человек' в гнезде праслав. **torp-* 'цепенеть, застывать' (при ст.-чеш. *отрапа* 'дурман, оторопь', др.-русс. *оторопь* 'оцепенение, бесчувственность', 'утомление') [ЭССЯ 30: 195–196].

В семантической зоне «невосприимчивости» некоторые слова, называющие отсутствие того или иного вида восприятия, этимологически значат 'закрытый', 'не имеющий контактов с внешним миром, ничего не способный воспринять и сообщить'.

Прилагательные этимологического гнезда праслав. **gluxь* в славянских языках преимущественно означают глухоту. О. Н. Трубочев возводит **gluxь* к и.-е. **k'lous-* 'дефект, недуг' (**sluxь, *sluřati*), сравнивая его вслед за Махеком с лит. *glusnùs* 'послушный', *klùsas* 'тугой на ухо, глуховатый', *klausyti* 'слушать' и объединяя с лит. *glùřas* 'глупый', 'глухой' [ЭССЯ 19: 146–147]. По другой версии, праслав. **gluxь* 'неспособный слышать' ← 'закрытый' восходит к и.-е. **gel-* 'давить, притеснять, закрывать' [Wojtyła-Świerzowska 1991, цит. по Толстая 2008], ср. также значения 'потерявший голос, немой': ср. русск. диал. рязан. *глухой* 'одинокий, такой, которому не с кем слова сказать' [ЭССЯ 6: 146], болг. диал. *г'лна* 'затихать, переставать плакать от истощения и потери голоса', русск. диал. подмоск. *г'лхнуть* 'скучать, быть в одиночестве' [там же: 157], ст.-польск. *okchnác* 'становиться немой' [ЭССЯ 26: 211].

В этом гнезде есть примеры искомых нами значений: русск. диал. прибаек. «Голова заглóхла, прямо ишумéлася» 'перестать соображать, сильно болеть (о голове)' [СПрибайк. 1: 122], ст.-чеш. *hluchá nemoc* 'падучая болезнь' [Толстая 2008: 158], при этом эпилепсия и психические заболевания часто называются одним и тем же словом.

Допускается родство и экспрессивная суффиксальная производность праслав. **glupь* и **glumь* от усеченного **gluxь*. Их продолжения и дериваты в современных славянских языках обозначают злую насмешку, издевательство и глупость, обнаруживая семантический параллелизм [ЭССЯ 6: 147–148] с исходным **gluxь*: все они называют помеху восприятию. Ср. значения 'глухой' (русс. олон. *глумиться* 'плохо слышать', с.-хорв. диал. *glum* 'глухонемой'), 'ошибаться' (русс. диал. пск., твер. *поглумить* 'ошибиться, промахнуться') [СРНГ 27: 293].

Слова с этим корнем **glum-* имеют такие значения: ‘шуметь’ (др.-руссск., русск.-цслав. *глоумь* ‘забава’, ‘шум’, русск. диал. пск., свердл., ср.-урал. *глум* ‘то же, громкий разговор’); ‘пустословить’ (ст.-слав. *глоумити сѧ* ‘хвастаться’, ‘пустословить’, *глоумлѣние* ‘пустословие’ [Старосл. сл. 171]); ‘насмехаться, издеваться’ (ст.-сл. *глоумы дѣлати* ‘высмеивать’, болг. *глѹма*, *глѹмь* ‘шутка, насмешка’, русск. диал. *глум* ‘насмешка, издевательство’, пск., курск., орл., ср.-урал., олон., арх., свердл. ‘то же’, укр. *глум* ‘то же’, русск. диал. *глѹма* ‘насмешник, глумливый’, блр. *глум* ‘шутка’, болг. *глѹмя се* ‘шутить, насмехаться’, словен. *glumiti* ‘то же’, ст.-слав. *глоумити сѧ* ‘то же’ [ЭССЯ 6: 148]; польск. диал. *glum* ‘издевательство, мучение, напасти’, блр. диал. *глум* ‘то же’, польск. диал. *glumić* ‘издеваться, измываться’).

Производной является семантика умственной, психической недостаточности. Часто глупость и помешательство называются одним и тем же словом. Значение ‘**глупый**’ в семантике слова **glumъ* представлено в основном в восточно- и западнославянских языках: словен. *glúma* ‘глупость, дурачество’, польск. диал. *glum* ‘то же’, русск. диал. *глумѧ* ‘дураковатый, бестолковый’ [Добровольский 128], *глум* русск. прибалт. гов. ‘сумасбродство, блажь, дурь’, *глумой* ‘глупый, несообразительный’, блр. *глум* ‘дурь’, диал. *глумѧк* ‘ограниченный человек’, русск. диал. орл., курск., костр., влад., пск., ленингр., смол., калуж., новосиб. *глумной* ‘глупый, бестолковый’, блр. *глумный* ‘то же’, *глумны* ‘то же’ [ЭССЯ 6: 148], а также русск. *глумиться* влад. ‘терять ясность сознания’, пск., твер. ‘одуреть, ошалеть’, *оглумить* ‘оглушить; лишить способности соображать (шумом, криком, длительным разговором)’, русск. диал. орл., курск., пск., смол., тверск. *оглуметь* ‘то же’, курск., новг. *оглумнеть* ‘то же’, новосиб. ‘поглупеть’, блр. *оглумицьца*, *аглумицца* ‘одуреть, прийти в беспамятство’, ‘потерять здравый смысл’, русск. латв. гов. *гóлову глумить* ‘то же’, блр. *глумиць* ‘то же’, блр. *оглумиць* ‘то же’ [СРНГ 6: 210; 22: 320; ЭССЯ 26: 208].

Лит. *gluminti* значит ‘делать глупым, дурачить’, ‘расстраивать’, *glumti* ‘глупеть, дуреть’ [Либерис 198]. Вероятно, значение потери рассудка производно от ‘заморочить, сделать неспособным соображать шумом, криками’ (чеш. *rozhlušiti* ‘расшуметься’ [ЭССЯ 33: 88]), ‘притупить нормальное восприятие и мышление’.

Зап.-брян. *оглумить* означает ‘сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка’, первое его значение — ‘оглушить, оглушить, лишить способности соображать’. Это случай реинтерпретации слова и его экспрессивного семантического развития по активной модели ‘**лишить сознания, рассудка**’ → ‘**ударить (по голове)**’.

Собственно семантика **помешательства** представлена в гнезде **glum-* лишь в русском языке: *глумиться* яросл. ‘беситься’, *оглумиться* твер. ‘лишиться рассудка’ [СРНГ 6: 210; 22: 320]. В древнерусском языке однокоренные слова означали скоморошество, которое негативно оценивалось Церковью. Его обозначения, вероятно, сблизились с названиями беснования, отсюда появление значений ‘издеваться’, ‘насмехаться’.

В гнезде **glupъ* семантика помешательства представлена праслав. **glupъ(jь)*, **glupiti*, **glupěti* с основными значениями ‘глупый’, ‘глупеть’ (н.-луж. *glupy*

‘глупый, тупой, безумный, дурацкий’, в.-луж. *hlupjeć* ‘глупеть, сходить с ума’, польск. *glupieć* ‘то же’ [ЭССЯ 6: 151–152], русск. диал. арханг. *заглунять* ‘то же’ [СРНГ 10: 7]), **obglupěti* (польск. *ogłupieć* ‘то же’, диал. ‘то же’, словин. *oglěp'ec* ‘то же’, русск. диал. арханг. *оглупеть* ‘то же’), **obglupiti* (польск. *ogłupić* ‘то же’) [ЭССЯ 26: 209]. Поскольку есть примеры обозначений отсутствия восприятия (словен. *oglupěti* ‘оглохнуть’, *oglupiti* ‘оглушать’), можно предположить мотивацию ‘закрытый’.

Таким образом, в названных этимологических гнездах **gluxъ*, **glumъ*, **glupъ* семантика потери рассудка базируется на моделях ‘не воспринимающий, закрытый’ → ‘глупый, сумасшедший’, ‘шуметь, издеваться, оглушать’ → ‘лишать рассудка’, ‘шуметь, дико себя вести’ → ‘бесноваться’.

Существуют представления и о том, что к помешательству ведет излишняя открытость: русск. диал. казан. *ум не зăперт* ‘о неокрепшей психике у молодых людей’, омск. *ум разошёлся, ум расшарáшился* [СРНГ 47: 161] (‘неподобающе открытый’ → ‘сумасшедший’).

В семантической структуре исследуемого поля речь относится к сфере взаимодействия с окружающим миром, в которую входят и виды восприятия. Судя по лексическим данным, в славянской картине мира способность говорить оценивается высоко, в то время как невнятная речь приравнивается к немоте, неразумию, помешательству и лишению собеседника рассудка. Модель ‘немой, бормочущий, непонятно говорящий’ → ‘бредящий, неразумный, сумасшедший’ существует уже в праславянском языке.

Праслав. **něть(jь)*, **něтьсь* [ЭССЯ 25: 100–105] означает ‘немой’ из ‘бормочущий, невнятно говорящий’ (др.-русс., русск.-цслав. *нѣмыи* ‘лишенный способности говорить’, ‘косноязычный’, русск. диал. курск. *немой* ‘невнятно, неразборчиво говорящий’, говор казаков-некрасовцев ‘молчаливый’, волог. *нѣмый* ‘плохо выговаривающий, произносящий слова’), откуда появляются значения ‘глупый’ (с.-хорв. *nĭjet* ‘немой, глупый’, словен. *nĕt*, *nĕta* ‘немой, глупый, неразумный’), ‘иностранец’ как «непонятно говорящий» (русс. *нѣмец*) и даже ‘животное, скотина’ (укр. диал. *німѣй язѣк*) [там же: 101–102]. Мейе, Брюкнер возводят **něть* к звукоподражат. **tĕть* (лтш. *tĕts*, польск. диал. *tiętu* ‘немой’, греч. *τίμος* ‘подражатель, актер, лицедей’), хотя О. Н. Трубачёв связывает его с глаголом *jьti*, **něть* из **ne-еть* / *-jьть* [там же: 102]. Наши данные свидетельствуют в пользу этимологии «немой» из «говорящий непонятно». К тому же гнезду может относиться звукоподражат. праслав. **tomotati* (ст.-польск. *tamotać*, польск. диал. *tomotać*, *tamotać* ‘говорить невнятно, бормотать’ → ‘околдовывать, лишать здравого смысла’) [ЭССЯ 19: 208] с корневой огласовкой -o- итеративного глагола.

Аналогично праславянское **ne-vě(d)golsъ*, буквально «не понимающий сказанное» (Г. А. Цыхун, А. С. Львов) [ЭССЯ 25: 67], представлено в славянских языках с семантикой ст.-чеш. *nevĕhlas* со значением ‘неразумный человек, сумасшедший’, др.-русс. *невѣголось* ‘невежда’, ‘язычник’ («Повесть временных лет», 6488 г.) [Срезневский II: 365], русск.-цслав. *невѣгласъ* ‘то же’, русск. диал. *невѣголос* ‘невежующий’, укр. *невіглас* бран. ‘невежда’.

Немота и невнятная, непонятная речь у славян оцениваются отрицательно: например, связываются с нечистой силой [СД III: 292, 296; Журавлев 2013]. В гнезде **tiniti* (*se*) славянские продолжения означают ‘грязнить’, ‘неодобрит. ‘чахнуть, хмуриться’, ‘обманывать’, ‘молчать’, ‘дурак’, а семантический переход определен как ‘**молчаливый, немой**’ → ‘**глупый, сумасшедший**’: ср. болг. диал. *муња* ‘молчаливый человек’, *мун’а* ‘замкнутый человек’, серб. диал. *муња* ‘несерьезный человек, вертопрах, дурак’, *моња* ‘дурак’, чеш. *тиџа*, *тџџа* ‘неразговорчивый человек, немой, дурак’, польск. *типіа* ‘лентяй, дурак, молчаливый человек’ [ЭССЯ 20: 190].

Обозначают безумие и слова, указывающие на конкретный способ лишения рассудка, искажения сознания, связанный с языческими шаманскими практиками, сопровождавшимися ритмичными звуками, движениями шамана, мерцанием света или темнотой, специфическими запахами. Целью их являлись **когнитивная перегрузка, воздействие на сознание участников с целью нарушения восприятия, помутнения сознания** [Меркулова 1972: 137; Амелина 2008: 94–95]. Многие такие выражения имеют синкретичную семантику (и действие, и результат).

В описаниях случаев воздействия на человека нечистой силы или измененного состояния сознания человека (к примеру, в лексико-тематической группе русских глаголов со значением ‘казаться, мерещиться’) зрительный, слуховой, обонятельный (разг. *напюхаться* ‘нюхая, дойти до болезненного возбуждения, до опьянения (наркотиками)’), осязательный (прост. *Кондрюшка хватил* ‘о внезапной смерти’), вкусовой (русс. диал. дон. *объесться белены, бесилой, бесюки* ‘обезуметь, начать вести себя подобно сумасшедшему’ [СРНГ 22: 275]) каналы объединяются в рамках ментального восприятия и могут не уточняться. Первые два из перечисленных наиболее важные, зрительное восприятие доминирует [Ясинская 2013: 363–375].

У западных славян, хорватов и словенцев однокоренными словами называются мерцание огней и блуждание и души-скитальцы (кающиеся грешники или живые ведьмы) в виде блуждающих огней, сбивающих людей с пути [Виноградова 2013: 248–257]. Некоторые из этих слов называют также измененные состояния сознания: например, праслав. **nokt’ьnica* (н.-луж. *nosnice* ж.р. мн. ч. ‘лихорадочный бред, бредни; лунатик (ночницы днем спят, а по ночам бродят)’, ст.-польск. *nosnice* ‘кошмар, тяжелый сон с кошмарами и ощущением удушья’ при с.-хорв. *noćnica* ‘ночной призрак, привидение; ночное бродяжничество’, слов. диал. *počnica* ‘мифическое существо, которое высасывает молоко из сосков (груди) у рожениц’, ст.-польск. *nosnica* ‘призрак, (блуждающий) огонек’) [ЭССЯ 25: 179–180].

Соответственно, в пределах типа мотивации ‘**нарушение восприятия**’ → ‘**помутнение сознания человека**’ может быть выделено несколько моделей. Связь зрительного восприятия и потери рассудка отражает переход ‘**мерцать (о свете), темнеть**’ → ‘**приводить в измененное состояние сознания, сводить с ума**’, представленный группой глаголов со значением ‘мерещиться’. Соседствуют значения ‘мигать, мерцать’, ‘темнеть’, ‘сверкать, переливаться (о свете)’, ‘кивать головой, засыпая’, ‘понимать, знать’, ‘бредить’, ‘призрак’, ‘обман’, ‘беспамятство’ и другие. Для некоторых из них семантика ‘мерцать, темнеть’ является первичной: праслав. **grěziti se*, **kazati se*, однокоренные **maxati*, **majati*, **mamiti*,

maniti*, **mara*, **matati* с разными суффиксальными расширениями; **melviti*, **mitusiti se*, **тъniti se*, **тъrk'ti*, **тъstiti se*, **timiti se*, **videti se*. Другие свидетельствуют в пользу обратимости семантических переходов, значение **‘мерещиться’ развивается вторично на основе **‘сходить с ума’**: **blazniti se*, **čuditi se*, **čutiti se*, **děkati se*, **glumiti*, **kъziti se*, **тъčъtati se*, **тъdbliti se*, **šavěti se* и др. [Меркулова 1972: 136–141].

Иногда в гнезде действует несколько типов мотивации: например, **bliskati* / **blistati* ← **bles-* < и.-е. **bhles-* ‘блестеть’ [Pokorny I: 158]. Серб. диал. *блијеска* (праслав. **blěska*) означает ‘дурак, ненормальный’ (из **‘пораженный молнией’**) [ЭССЯ 2: 113–114], праслав. **blesнь(jь)* с другим суффиксом означает потерю рассудка (серб. *blěсан* ‘дурак, глупец, stultus’, ст.-польск. *blesny* ‘сумасшедший’, словин. *blesny* ‘сумасшедший, с помраченным рассудком’, *blesni* ‘сумасшедший, глупый’) [там же: 109–110], модель **‘блестеть, мерцать, нарушать восприятие’** → **‘лишать рассудка’**.

В некоторых гнездах **семантика тяжелого душевного состояния, недуга** на основе значения **‘тёмный’**, возможно, возникает еще в индоевропейском языке: так, русск. *тьма* родственно авест. *tamahvañt-* ‘ослепленный, околдованный, введенный в заблуждение’, др.-в.-н. *dinstar* ‘мрачный’ [Фасмер IV: 133–134]. Значение ‘бредить’ сербохорв. диал. *ма̀глити* в гнезде **тъgliti (se)* производно от ‘создавать туман (о пыли, дыме и пр.)’, перен. ‘терять ясность, становиться мутным (о глазах, зрении)’, др.-русск. *мглити* ‘омрачать настроение’ — от ‘делать сумрачным’ [ЭССЯ 21: 96].

В гнезде **тъrk-* семантика сумасшествия производна от значений ‘мрак, темнота, темный, помрачать’ и более позднего ‘мутить, морочить’. В некоторых случаях уверенно определить семантический переход нельзя. Вероятно, по модели **‘мрак, темнота, темный, помрачать’** → **‘лишать рассудка’** семантика помешательства развивается у праслав. **morčiti (se)* (серб. *mráčiti se* безл. ‘помрачиться, терять рассудок’ при безл. ‘темнеть, смеркаться’, ‘хмуриться, терять жизнерадостность’, укр. *морóчити* ‘одуреть, лишать сознания’, безл. *обморóчило* ‘помрачение ума находит’, *морóчицьца* ‘то же’) [ЭССЯ 19: 217], южнослав. диал. **тъrcati* (с.-хорв. стар. диал. *mrцати* перен. ‘терять сознание, помрачиться (о сознании)’), **тъrcati* (с.-хорв. диал. *mrчати*, *mrчати* перен. ‘то же’) [ЭССЯ 21: 126–127], южнослав. диал. **тъrčiti (se)* (болг. диал. *mrчi* безл. ‘иметь замутненный ум (обычно после алкогольного опьянения)’ [там же: 129], **тъrkŋoti* / **тъrk'ti* (серб. диал. *mrкнити* ‘помутиться, помрачиться (о сознании), потерять сознание’) [там же: 133–135], праслав. **obmorčiti (se)* (ст.-чеш. *omračiti*, *omráčiti* ‘потерять рассудок’, ср. позднейшее словц. *omračit* ‘лишить чувств (обычно ударом по голове)’, др.-рус. ц.-слав. *omрачити умь* ‘лишить способности ясно мыслить и рассуждать’ (XII в.), *omрачитися* ‘помрачиться, лишиться способности здраво мыслить и рассуждать’ (XIV в.)) [ЭССЯ 28: 78–79], **obmorčěnyje* (словц. *omráčenie* ‘потеря сознания, вызванная ударом по голове’, экспр. ‘затемнение, помрачение, вызванное каким-л. сильным воздействием, состояние ужаса, страха’; рус. диал. донск. *обморочѣние* ‘обморок’, блр. *обморочѣнне*, диал. *обморочѣнье* ‘то же’) [там же: 77].

Модели ‘мутить, морочить’ → ‘лишать рассудка’ соответствуют восточнослав. диал. **morĕk/a* ‘безумие’ (рус. *морóка* пск., смол. ‘помрачение рассудка’, блр. диал. *марóка* ‘то же’, блр. *морóка* ‘обморок, помраченье’, русск. диал. костр. *морóк* ‘то же, припадок’, сиб. *морóк* ‘что-н. одуряющее, очаровывающее сознание, помрачающее рассудок’, ярсл. *морóк* ‘припадок эпилепсии’) [ЭССЯ 19: 230–232; 235–236], **obmorčiti (se)* (вероятно, донск. *омрачѣться* ‘сойти с ума’ при урал. *омрачѣть* ‘дурачить, морочить’ [СРГСУ Доп. 369], укр. *обморóчити, оморóчити* ‘одурить, лишит сознания’, блр. *обморóчиць* ‘то же’, блр. диал. *обморóчицца* ‘потерять сознание, упасть в обморок, помутиться (о сознании)’, *оморóчицца* ‘то же’) [ЭССЯ 28: 78–79].

В гнездах **mahati, *majati, *mamiti, *maniti, *mara, *matati*, суффиксальных образованиях от **mati* ‘махать рукой’ из и.-е. **mā-* ‘махать рукой, кивать украдкой’, ‘морочить, обманывать’, ‘колдовать’ [ЭССЯ 17: 202; Pokorný I: 693; объединению гнезд воедино возражают Белетич, Лома 56–75], семантическое развитие реконструируется как ‘маячить перед глазами, мельтешить’ → ‘морочить, обманывать; мучить, заставлять страдать’ → ‘сводить с ума’.

Примеры в первом гнезде — это с.-хорв. *mahnit* прич. субст. ‘сумасшедший’, укр. *махомѣтник* ‘сумасшедший’, экспресс. преобразование *магомѣтанин* ‘мусульманин’, как и укр. диал. *махомѣт* ‘разбойник’, вторично сблизившееся с *махати* и *метати* [ЕСУМ III: 420], ср. словен. *otáhati* ‘отлупить, поколотить’, с.-хорв. *otáhnuti* ‘обмануть’, русск. прост. сленг. *махаться* ‘задираться, драться’, блр. *омахнуць* ‘проворно обмануть’, *обма́х* ‘промах, обман’ [ЭССЯ 28: 39].

В гнезде **majati, *majačiti* представлены польск. **majaczyć się* перен. ‘бредить, чудить’ при первом значении ‘мелькать’, русск. диал. *маячиться* курск., том. ‘мерещиться, казаться’, новг. ‘болеть, быть нездоровым’) [ЭССЯ 17: 130], **majakъ* (польск. *majak* ‘бредовое видение’, русск. диал. сиб. *маяк* ‘человек, молчащий и ничего не понимающий’) [там же: 131; СРНГ 16: 61].

В гнезде **mamiti* это южно- и западнославянские изоглоссы: южнослав. **mata/ь* (хорв. *tāt* ‘то, что приманивает’, ‘бешенство, неистовство’, *tāta* ‘то же’, *tata* ‘сумасшедший, взбесившийся’, словен. стар. *tata* ‘то же’, ц.-слав. *мамъ* ‘глупец’) [ЭССЯ 17: 185; 190–191], **mamiti (se)* (в значении ‘обманывать, соблазнять, обольщать’ во всех южнославянских, ст.-чешском, чешском, ст.-польском, польском, ц.-слав. языках; значение ‘сходить с ума’ представлено в южнославянских языках: хорв. *māmiti se* ‘сходить с ума’, словен. *māmiti* ‘то же’, чеш. *māmiti* ‘то же’) [там же: 187–190], **matъnъ(jь)* (ц.-слав. *мамънь* ‘неразумный’, хорв. стар., совр. *taman, tamen* ‘то же, безумный’, ‘бешеный, разъяренный’, откуда хорв. стар. *tamnik* ‘то же’, серб. *māman* ‘то же’) [там же: 195], южно- и западнослав. **jьzmatiti* с искомым значением (словен. *zmāmiti* ‘ошеломить, вывести из себя’, ‘одурачить’, чеш. *zmāmiti* ‘то же’, словц. *zmāmít* ‘то же’, польск. *zmatić* ‘заморочить, обмануть’, диал. *zmatić*, словин. *zmańic* ‘то же’) [ЭССЯ 9: 44–45], **obmamiti* (ц.-слав. *омамити сѧ* ‘stultum fieri, обезуметь, стать юродивым’, сербохорв. *otāmiti* ‘приманить, обмануть, испугать, довести до потери сознания’, словен. редк. *otāmiti*, чеш. *otāmiti*, ст.-словц. *māmít* ‘оглушить, ошеломить, одурачить’) [ЭССЯ 28: 41–42], **obmatъ/ь/a*

(чеш. редк. *otam* ‘умопомрачение, наваждение, галлюцинация’, польск. *otam* ‘то же’, словен. *otáma, obtáma* ‘оглушенное состояние, обман, одурачивание’) [там же: 42].

В гнезде **matъ* семантика безумия представлена восточнослав. изоглоссой **mana* (русс. диал. *манá* ‘приманка, соблазн, то, что прельщает, отуманение рассудка’, ‘дурь, блажь’, укр. разг. *манá* ‘то, что внушено злым духом’, ‘призрак, наваждение’, блр. *манá* ‘то же; ложь, обман; колдовство’) [ЭССЯ 17: 195–196].

Гнездо **mara* пополняет указанное поле лексикой, развивающей семантику ‘безумие’ на базе ‘видения, бред’: **mara* (ц.-слав. *mara* ‘исступление’, др.-рус. *мара* ‘то же, потеря сознания’, ‘помрачение ума, забвенье, сновидение’, укр. *марá* ‘призрак, бес, обморачивающий людей, затемняющий им рассудок, чтобы завести в опасное место’ при словин. ‘сновидение, привидение’, блр. *мáра* ‘призрак, привидение’, ‘ведьма, нечистая сила’, полесск. *марá* ‘бес’, болг. диал. *марáва* ‘кошмар’) [там же: 204–207], **mariti (se)* (польск. диал. *marzyc* ‘размаривать, приводить в бессознательное состояние, говорить небылицы, дурачить’, укр. *мáри-ти* ‘грезить, бредить’, *мáрити* ‘то же, что *мрiяти* ‘бредить в горячке’) [там же: 207], **obmara/ъ* (в.-луж. *womara* ‘бессознательное, полусонное состояние’, н.-луж. *homara, homora* ‘то же; слабость; предсмертная борьба’, словц. *omar* ‘умопомрачение, усталость’), **obmariti* (словц. *omarit* ‘оглушить, ошеломить’, ‘утомить, ослабить, лишити чувств’, рус. донск. *обмáрить* ‘лишиться сознания’, укр. *обмарiти* ‘произвести галлюцинацию, обмануть, обморочить’) [ЭССЯ 28: 46].

Однокоренными являются праслав. **komariti (se)* (польск. диал. *chomarzyc* ‘видеть во сне, бредить’), **občemerěti* (укр. *очеме'pimu* ‘одуреть, прийти в бессознательное состояние’, блр. диал. *ачамя'рэць* ‘одуреть’, **občemeriti se* ст.-словц. *očemerit' sa* ‘одурманиться’) [ЭССЯ 26: 134–135] с архаичным префиксом **ko-/čē-*.

В гнезде **matati* семантика сумасшествия представлена диалектными западно- и южнославянскими семантическими изоглоссами ‘бредить’, ‘морочить’: **matoga* ‘то, что морочит, лишает рассудка’, ‘бес, колдун’, ‘шатание, блуждание’, ‘сновидения, грезы, мечты’ (чеш. *mátoha* ‘злой дух, страшилище, привидение; обман, сновидения’, ‘вертячка’ (болезнь у скота), словен. *matoga* ‘страшилище, привидение’, польск. устар. *matoga* ‘то же’, польск. *matocha* ‘колдунья’), западнослав. диал. **matožiti* ‘бредить; морочить, обманывать’ (чеш. редк. *mátožiti se* ‘ходить подобно привидению, бредить, грезить’, диал. *mátožit* ‘говорить во сне, бредить, лгать, одурманивать’), **matožьнь(jь)* (чеш. *mátožny* ‘помешанный’, ‘призрачный, страшный, неопределенный, как *mátoha*’, словц. *mátožny* ‘то же’, диал. *mátožny* ‘страшный, пугающий’), а также **matъ* (русс. диал. *mat* новг. ‘призрак, приведение’, вят. *mat* ‘дурной’, русск. диал. сев.-двинск. *matúть* ‘чуть-чуть виднеться, слабо отмечаться, чуть-чуть припоминаться, бредить’, чеш. *mátat* ‘страшить, пугать’, польск. *matać* ‘обманывать’) [ЭССЯ 18: 6–10], **obmatati* (ст.-польск. *omatać* ‘заморочить голову’) [ЭССЯ 28: 47].

Помешательство связывается также со слепотой. Праслав. **slěpъ* от и.-е. **leip-* ‘намазывать (жиром)’ (праслав. **lěpiti, *lipoti*) означает ‘закрытый, замкнутый, залепленный’, затем ‘слепой или плохо видящий’. Продолжения праслав. **slěpъ* (как и **gluxъ*) в славянских языках начинают обозначать отсутствие других видов

восприятия, в том числе сопереживания, бесчувственность, безразличие и глухость [Толстая 2008: 134–174; 139].

Семантическую поддержку в исконной лексике находят относящиеся к модели **‘ослепление, утрата зрения’** → **‘неразумие’** церковнославянизмы: польск. *oślepienie* ‘помрачение, неразумие’, др.-рус. *ослѣплениѣ* ‘помрачение’, рус. смол. *ослепѣние*, блр. *асьяляпѣння* ‘ослепление, помрачение рассудка’, др.-рус. *ослѣпнѣтися* ‘лишиться разума’, рус. *ослепить* ‘ввести в заблуждение’, укр. *осліпіти* ‘помрачить разум’, *осліпітися* ‘потерять способность объективного восприятия и правильной оценки чего-л.’, ст.-блр. *ослепнѣти* ‘помрачить’ при хорв. *oslijèpiti*, ст.-чеш. *oslepiti*, чеш. *oslepiti*, словц. *oslepit* ‘ослепить, оболестить, обмануть’, н.-луж. *hobslěpiš* ‘омрачить, прельстить’ [ЭССЯ 29: 207–209].

Итак, семантика умопомешательства развивается у обозначений утраты или нарушения видов восприятия (‘потеря чувств, бесчувственность’, ‘когнитивная перегрузка, нарушение восприятия, помутнение сознания’, ‘закрытость, лишение возможности нормально воспринимать’, ‘глухота’, ‘слепота’, ‘немота, невнятная речь’) и их предполагаемых причин (‘шуметь, кричать, оглушать’, ‘дико себя вести’, ‘зрительные помехи’, ‘мерещиться’, ‘темнеть, помрачать’, ‘мутить, морочить’, ‘махать рукой, кивать укладкой’, ‘обманывать’).

Полученные данные позволяют предложить этимологии для некоторых лексем. Укр. диал. буковин. *явіда* и *яведрик* означают ‘черт’ [Гринченко IV: 534], первая лексема объясняется как **a-vid-* ‘призрак, привидение’ от **viděti* либо **avivid-* ‘являющийся наяву’ (Френкель, Трубачёв). Вторую Трубачёв считает табуистическим изменением первой [ЭССЯ 1: 94]. В одной из недавних работ А. Лома рассматривает как единую лексическую группу серб., болг. *неведа* ‘сверхъестественное существо, причиняющее зло, несчастье’, серб. *авед*, *ав(у)јест*, *авет*, укр. диал. *явіда*, русск. диал. *явидь*, лит. *óvaidas*. Он считает, что серб., болг. *неведа*, возводимое другими исследователями к **ne-věd-*, происходит из позднего образования (XX в.) **дневеда* < **dъnevěda* ‘дневной призрак’, варианта балтославянского **āvi-vaidas* ‘явный призрак’, отраженного в лит. *óvaidas* ‘страшный шалун, сорванец’, серб. диал. *авед* ‘призрак, привидение, страшилище’, укр. диал. *явіда* ‘черт’, русск. диал. *явидь* ‘змея, которая водится в тундрах’. У балтослав. **vaida-* ‘призрак’, подобно др.-инд. *vēda-* ‘знание, полученное от богов путем откровения’, значение корня сузилось до восприятия сверхчувственного [Лома 215: 230].

В укр. диал. буковин. *яведрик* можно предположить сложение двух корней, **jav-* (в данном случае обозначающего ‘свет’, то есть луну) и **der-* / **dъr-* (‘забирать, красть’, ср. укр. *дёрти*, *драти* ‘разорять (гнезда)’, ‘брать (яйца, птенцов из гнезда, норы)’, ‘выгаскивать (раков)’). Само слово буквально означает ‘укравший свет’, что отвечает украинским легендам о черте, укравшем луну [СД II: 143–147]. Укр. диал. буковин. *явіда* ‘черт’ можно считать производным с суфф. *-d-* от *явити(ся)* ‘быть видимым, виднеться, показаться’, буквально означающим ‘призрак’, как и *явидь* ‘змея, которая водится в тундрах’, связанное с поверьями о том, что змеи могут оборачиваться нечистой силой в человеческом облике, и наоборот [Валенцова 2013 б: 323–324].

Полученные результаты могут быть использованы в курсах историко-лингвистической, культурологической тематики, на занятиях по русскому и другим славянским языкам, при составлении словарных статей, в лексикографической и другой работе.

Литература

Buck — *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. London, 1949.

Molnár — *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. Budapest, 1985.

Orel — *Orel V.* Russian Etymological Dictionary. Octavia and Co Press, 2007. Bb. 1, 2.

Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.

Wojtyła-Świerzowska 1991 — *Wojtyła-Świerzowska M.* Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. *głuch* // Южнословенски филолог. Београд, 1991. Књ. 47. С. 209–220.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. I–. / Под ред. Я. Б. Рудницького. Вінніпег, 1962–1972.

Амелина 2008 — *Амелина М. К.* Генетическая характеристика слов лексико-семантического поля 'колдовство'. Дипломная работа. М.: МГУ, 2008.

Белетич, Лома 2013 — *Белетич М., Лома А.* Сон, смерть, судьба (наблюдения над праслав. **mora*, **mara*) // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 56–75.

Валенцова 2013 а — *Валенцова М. М.* Мифологический аспект словацкой фразеологии // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. С. 200–208.

Валенцова 2013 б — *Валенцова М. М.* Словацкие «рефлексы» общеславянской мифологической лексики // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. С. 316–329.

Варбот 2012 — *Варбот Ж. Ж.* Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

Варбот 2013 — *Варбот Ж. Ж.* О смысле славянского молчания // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 76–79.

Виноградов 1994 — *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994.

Виноградова 2013 — *Виноградова Л. Н.* Души-скитальцы в виде блуждающих огней // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой. М.: Индрик, 2013. С. 248–257.

Журавлев 2006 — *Журавлев А. Ф.* Заметки на полях «Этимологического словаря славянских языков». II // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М.: Индрик, 2006.

Журавлев 2013 — *Журавлев А. Ф.* Фонетика босовской речи (на восточнославянском материале) // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. С. 344–362.

Лома 2015 — *Лома А.* Еще раз о призраках: во сне, наяву, в этимологии // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. IV. Этимология. Гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М., 2015. С. 230–242.

Мельникова 2012 — *Мельникова С. А.* Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2012.

Меркулова 1975 — *Меркулова В. А.* К истории становления народной медицинской терминологии // *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes*. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina-Verlag, [1975]. С. 132–143.

Меркулова 1989 — *Меркулова В. А.* Народные названия болезней (на материале русского языка). IV // Этимология 1986–1987. М., 1989. С. 7–13.

Петлева 1975 — *Петлева И. П.* Этимологические исследования в области сербохорватской лексики. Дисс. канд. филол. наук. М., 1975.

Толстая 2008 — *Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008.

Турилова 2010 — *Турилова М. В.* Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке. Дисс. канд. филол. наук. М., 2010.

Ясинская 2013 — *Ясинская М. В.* «Когда кажется — креститься надо» («Обман зрения» в языке и мифологических рассказах) // *Ethnolinguistica Slavica*. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. С. 363–376.

Источники

Гринченко — *Гринченко Б.* Словарь украинского языка. В 4 тт. Киев, 1996–1997.

Даль — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1998. Воспроизв. 2-го изд.: СПб.; М., 1880–1882.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914.

Картотека АОС — Картотека Архангельского областного словаря. Кабинет русской диалектологии. М., филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова.

Либериц — *Либериц А.* Литовско-русский словарь. Вильнюс: Мокслас, 1988.

ПС — Новый польско-русский словарь / Р. Стыпула, Г. В. Ковалева. М.: Рус. яз. Медиа, 2004.

СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 тт. Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012.

СДЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–V), И. С. Улуханов (т. VI), В. Б. Крысько (т. VII–VIII–). М., 1988–.

СПрибайк. — Словарь русских говоров Прибайкалья. Вып. 1–4. Отв. ред. Ю.И. Кошевская. Иркутск, 1986.

СРГСУ Доп. — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Под ред. чл.-корр. РАН А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРНГ — Словарь русских народных говоров/ Вып. 1–49–. / Гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–41), С.А. Мызников (42–49–). Л., 1966–2016–.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Срезневский — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М., 1958. Репринт издания 1895 г.

Старосл. сл. — Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Сост. Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес, Л. Пацнерова, М. Бауэрова и др. Гл. ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. М.: Русский язык, 1994.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубочёва. М., 2003. воспроизведение 1-го издания на русском языке, М., 1964–1973, Т. I–IV.

Цыганенко — *Цыганенко Г.П.* Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. К.: Рад. шк., 1989.

ЧРДФ — *Алексеевко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под. ред. О.Н. Трубочёва. М.: Наука, 1974–2018–. Т. 1–41–.

Mariya V. Turilova

(Russia, Tula)

mariaturilova@mail.ru

THE ABILITY OF SENSORIAL INTERACTION WITH THE OUTSIDE WORLD AS A FEATURE OF HUMAN MENTAL AND PSYCHIC STATE ESTIMATION ACCORDING TO SLAVIC LANGUAGES

The article represents the description of a fragment of the lexical semantic field of *madness*, limited by the models connected with parameter of the ability of sensorial interaction with the outside world and the idea of imperception, blinkered vision, perception disorders, according to the data of Slavic languages. The following etymological nests are analyzed: **(j)av-*, **bliskati* / **blistati*, **gluxъ*, **glumъ*, **glupъ*, **maxati*, **majati*, **mamiti*, **maniti*, **mara*, **matati*, **muniti*, **mъniti*, **mъrk-*, **nъmъ*, **nokt'-*, **slъpъ*, **torp-*, **tъlm-*, **tъma*, **mъgliti*, **umъ*.

It is defined that clarity, openness, vivacity are perceived as characteristics of rational mind, or sense, while semantics of madness develops by names of loss or disorders of different perception types ('loss of consciousness, feelings, unconsciousness', 'cognitive

overload, impaired perception, impairing of people judgment and hostile effects', 'closeness, deprivation of the ability to perceive in a normal way', 'deafness', 'blindness', 'numbness, slurred speech', 'stupidity') and their suggested causes ('to make noise, to shout, to deafen', 'to act frenetically', 'to seem', 'to darken', 'to trouble, to harass', 'to deceive'. We also present etymological comments for Ukrainian dialectal *явіда, яведрик*.

Key words: etymological reconstruction, etymological nest, Proto-Slavic language, motivational model, lexical semantic field, Slavic Languages, types of perception.

References

Alekseyenko M. A., Belousova G. P., Litvinnikova O. I. *Chelovek v russkoy dialektnoy frazeologii: Slovar'* [Man in Russian Dialectal Phraseology: dictionary]. Moscow, ITI Tekhnologii LLC Publ., 2004.

Amelina M. K. *Geneticheskaya kharakteristika slov leksiko-semanticheskogo polya «Koldovstvo»* [Genetic Characteristics of the Vocabulary of the Lexical-Semantic Field 'Sorcery']. Diploma thesis. Moscow: MSU, 2008.

Beletich M., Loma A. Son, smert', sud'ba (nablyudeniya nad praslav. *mora, *mara) [Dream, Death, and Destiny (Observations on Protoslav. *mora, *mara)]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira* [Slavica Svetlanica. Language and Worldview]. On the occasion of Svetlana Mikhailovna Tolstaya's Birthday. Moscow: Indrik Publ., 2013. Pp. 56–75.

Buck C. D. *A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages*. London, 1949.

Grinchenko B. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. In 4 vol. Kiyev, 1996–1997.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, St.-Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Dobrovolskiy V. N. *Smolenskiy Oblastnoy Slovar'* [Smolensk Region Dialects Dictionary]. Smolensk: P. A. Silin' Typography Publ., 1914.

Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Eds. O. N. Trubachyev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlyev (Iss. 32–40). Iss. 1–40–. Moscow: Nauka Publ., 1974–2016–.

Etimologichnyy slovník ukrains'koy movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Ed. in chief Y. B. Rudnitskiy. Vinnipeg, 1962–1972. Vol. I–.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Ed. in chief, transl. and comm. O. N. Trubachyev. Moscow, 2003. Moscow, 1964–1973, reprint of the 1st Russian edition. Vol. I–IV.

Kartoteka Arkhangel'skogo Oblastnogo Slovarya [Card Index of Arkhangelsk Region Dictionary]. Moscow, Lomonosov MSU, Philological faculty, Russian Dialectology laboratory.

Leont'yeva T. V. *Intellekt cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [Human Intellect in the Russian Linguistic Picture of the World]. Ekaterinburg, 2007.

Liberis A. *Litovsko-Russkiy Slovar'* [Lithuanian-Russian Dictionary]. Vil'nyus: Mokslas Publ., 1988.

Loma A. *Eshche raz o prizrakakh: vo sne, nayavu, v etimologii* [Once Again about Ghosts: in Dreams, in the Daylight, in the Etymology]. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. IV. Etymology. Ed.-in-chief A. M. Moldovan. Chief ed. of the issue Zh. Zh. Varbot. M., 2015. Pp. 230–242.

Mel'nikova S. A. *Motivatsionnaya i geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «Sila, zdorov'ye / slabost', bolezni» v russkom yazyke* [Motivational and Genetic Characteristics of the Lexical Semantic Field «Strength, Health / Weakness, Illness» in the Russian Language]. Thesis of the Cand. of Philol. Sciences. Moscow, 2012.

Merkulova V. A. *K istorii stanovleniya narodnoy meditsinskoy terminologii* [To the History of the Folk Medical Terminology Formation]. *Slawisches Wortstudien. Sammelband des internationalen Symposiums zur etymologischen und historischen Erforschung des slawischen Wortschatzes* [Slavic Vocabulary Studies. Proceedings of the International Symposium for Etymological and Historical Research in Slavic Lexical Heritage]. Leipzig, 11–13. 10. 1972. Bautzen, Domovina-Verlag, [1975]. Pp. 132–143.

Merkulova V. A. *Narodnyye nazvaniya bolezney (na materiale russkogo yazyka)*. IV [The Folk Names of Diseases (based on the Russian language data). IV]. *Etymology 1986–1987*. Moscow, 1989. Pp. 7–13.

Molnár N. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts*. Budapest, 1985.

Stypula R., Kovalyova G. V. *Novyy pol'sko-russkiy slovar'* [A New Polish-Russian Dictionary]. Moscow: The Russian language. Media Publ., 2004.

Orel V. *Russian Etymological Dictionary*. Octavia and Co Press, 2007. Vol. 1, 2.

Petlyeva I. P. *Etimologicheskiye issledovaniya v oblasti serbokhorvatskoy leksiki* [Etymological Investigations]. Thesis of the Cand. of Philol. Sciences. Moscow, 1975.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [The Proto-Indo-European Etymological Dictionary]. Bern, 1959.

Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5 tomakh [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes]. Ed. in chief N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnyye Otnosheniya Publ., 1995–2012.

Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of the Old Russian language of XI–XIV cent.]. Eds. in chief R. I. Avanesov (vol. I–V), I. S. Ulukhanov (vol. VI), V. B. Krysko (vol. VII–VIII). Moscow, 1988–. Vol. I–.

Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya [Dictionary of Russian Dialects of Lake Baikal Region]. Ed. Yu. I. Koshevskaya. Iss. 1–4. Irkutsk, 1986.

Slovar' russkikh govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian Dialects of the Middle Urals]. Ed. in chief memb. of the Russian Academy of Sciences Matveyev A. K. Sverdlovsk, 1964–1988. Vol. I–VII.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Eds. in chief F. P. Filin (Iss. 1–23), F. P. Sorokoletov (Iss. 24–45), S. A. Myznikov (Iss. 46–49–). Leningrad–S.-Petersburg, Nauka Publ., 1966–2016–.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII v. [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th cent.]. Moscow, 1975. Iss. 1–.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III. Moscow, 1958. Reprinted version of the 2-nd Ed. (St.-Petersburg, Publ. of the Department of the Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1880–1882).

Staroslavjanskiy slovar' (po rukopisyam X–XI vekov) [Old Church Slavonic Dictionary (following Manuscripts of the 11th – 17th cent.)] / Compiled by Blagova E., Tseytlin R. M., Gerodes S., Patsnerova L., Bauerova M. Eds. in chief R. M. Tseytlin, R. Veчерка, E. Blagova. Moscow: Russkiy Yazyk Publ., 1994.

Tolstaya S. M. *Prostranstvo smysla. Leksicheskaya semantika v obshchoslavjanskoj perspektive* [The Space of Meaning. Lexical Semantics in the Common Slavic Perspective]. Moscow, Indrik Publ., 2008.

Turilova M. V. *Geneticheskaya i motivatsionnaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «Bezumiye» v russkom yazyke* [Genetic and Motivational Characteristics of the Lexical-Semantic Field of «Madness» in the Russian Language]. Thesis of the Cand. of Philol. Sciences. Moscow, 2010.

Tsyganenko G. P. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 2nd ed. Kiyev: Radyanska Shkola Publ., 1989.

Valentsova M. M. Mifologicheskij aspekt slovatskoj frazeologii [Mythological Aspect of the Slovak Phraseology]. *Ethnolinguistica Slavica*. [Slavic Ethnolinguistics]. On the Occasion of Academician Nikita Ilyich Tolstoy's 90th Birthday. Pp. 200–208.

Valentsova M. M. *Slovatskiye «refleksy» obshchoslavjanskoj mifologicheskoy leksiki* [Slovak 'Reflexes' of Common Slavic Mythological Vocabulary]. *Ethnolinguistica Slavica*. [Slavic Ethnolinguistics]. On the Occasion of Academician Nikita Ilyich Tolstoy's 90th Birthday. Pp. 316–329.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii* [Research in the Field of Russian and Slavic Etymology]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2012.

Varbot Zh. Zh. O smysle slavyanskogo molchaniya [On the Meaning of Slavic Silence]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira* [Slavica Svetlanica. Language and Worldview]. On the occasion of Svetlana Mikhailovna Tolstaya's Birthday. Moscow: Indrik Publ., 2013. Pp. 76–79.

Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [History of Words]. Moscow, 1994.

Vinogradova L. N. *Dushi-skital'tsy v vide bluzhdayushchikh ognej* [Wandering Spirits in the form of Wandering Lights]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira* [Slavica Svetlanica. Language and Worldview]. On the occasion of Svetlana Mikhailovna Tolstaya's Birthday. Moscow: Indrik Publ., 2013. Pp. 248–257.

Wojtyła-Świerzowska M. *Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. głuchъ* [Why *Głuchy* Doesn't Hear? Commentaries on the etymology of Proto-Slav.

**gluchъ*]. *Yuzhnoslovenski filolog* [South Slavic Philologist]. Belgrade, 1991. Iss. 47. Pp. 209–220.

Yasinskaya M. V. «Kogda kazhetsya — krestit'sya nado» («Obman zreniya» v yazyke i mifologicheskikh rasskazakh) [«When It Seems to You — You Should Cross Yourself» («Optical illusion» in Language and Mythological Narratives)]. *Ethnolinguistica Slavica*. [Slavic Ethnolinguistics]. On the Occasion of Academician Nikita Ilyich Tolstoy's 90th Birthday. Pp. 363–376.

Zhuravlyev A. F. Zametki na polyakh «Etimologicheskogo slovary slavyanskikh yazykov. II [Notes on the Margins of Etymological Dictionary of Slavic Languages. II]. *Ad fontes verborum. Issledovaniya po etimologii i istoricheskoy semantike*. [To the Sources of Words. Studies in Etymology and Historical Semantics]. On the Occasion of Zhanna Zhanovna Varbot's 70th Birthday. Moscow: Indrik Publ., 2006.

Zhuravlyev A. F. *Fonetika besovskoy rechi (na vostochnoslavlyanskom materiale)* [Phonetics of Speech of Evil Spirits (based on the East Slavic languages materials)]. *Ethnolinguistica Slavica*. [Slavic Ethnolinguistics]. On the Occasion of Academician Nikita Ilyich Tolstoy's 90th Birthday. Pp. 344–362.

Мариола Якубович
Институт Славистики ПАН
(Польша, Варшава)
mjakub7@interia.pl

ПРИНЦИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКИ

В статье освещены принципы определения значений в реконструированных языках. Реконструкция значения требует рассмотрения отдельных значений, реконструируемых на основании разрозненных данных, а именно: «этимологического значения», «структурного значения» и «значения, реконструируемого на основе континуантов», установленного путем сравнения значений континуантов данной «пралексемы» во всех славянских языках [Jakubowicz 2010]. В случае сходства значений континуантов можно сделать вывод, что праславянское значение равно тому, которое повторяется во всех славянских языках. В случае совпадения семантики континуантов реконструкция основывается на попытке возведения реальных значений к общему, из которого могли развиваться отдельные значения, представленные в разных языках. Праславянское значение могло эволюционировать. При установлении общего значения слова может помочь его морфологическая структура, если данное слово было произведено на праславянской основе. Часто значение деривата, возникающее из семантики производной основы, не отличается от значения, реконструированного на базе значений континуантов в славянских языках. В случае разницы между значением «структуральным» и тем, которое возникает из сравнения континуантов праславянской лексемы, нужно проследить путь, пройденный до образования последующего значения в славянских языках. Ещё более ранний этап развития — это «этимологическое» значение, которое может быть реконструировано на основе сравнения значений индоевропейских соответствий, а в случае их отсутствия — значений, реконструированных из и.-е. корней. Надёжность правильной реконструкции значения наиболее велика при соответствии вышеприведенных частных значений либо при возможности выведения одного значения из другого.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańskiego, SOW. 2010, 375 s.

Ключевые слова: семантическая реконструкция, континуанты, морфологическая структура, сравнительная этимология.

Вступление

Реконструкция значения представляет собой одну из важнейших проблем этимологии. Не случайно эта тема часто поднимается в дискуссиях специалистов, изучающих праславянскую лексику. Несовпадение взглядов на реконструкцию значений праславянских лексем огромно. С одной стороны, говорится о надёжности восстановления семантической составляющей реконструированного слова (SP), с другой — подвергается сомнению сама возможность реконструкции (ЭССЯ). Это диаметрально различие взглядов имеет основания. Те этимологи, которые стоят за реконструкцию значения каждого праславянского слова, исходят из принципа неделимости языкового знака. Ввиду того неопровержимого факта, что каждое слово является единицей, имеющей как форму, так и содержание, восстановление самой формы слова решает задачу наполовину. Те же, кто считает, что надлежит дистанцироваться от восстановления праславянских значений, проявляют осторожность. Думаю, что трудности, возникающие при реконструкции значений, слишком серьезны, чтобы делать такой решительный шаг, каким является ограничение семантики слова. Эти трудности возникают из факторов как внеязыковых, так и языковых.

Начнём с первых. Надо отдавать себе отчет в том, как много вопросов и сомнений рождается при исследовании праславянского языка. Достаточно вспомнить о весьма различных взглядах на место и время прародины славян. Далее идут сомнения насчет праславянских реалий. Для выработки представлений об их характере служат прежде всего исследования консервативных сельских общин славян, проводимые этнологами и этнолингвистами. Результатом этого являются обширные работы энциклопедического и лексикографического характера [Moszyński 1929–1939, SSS, СД и SSiS]. Подобные исследования позволяют современным исследователям перенестись в реалии, близкие к праславянскому времени, однако всегда неизмеримо далёкие от них. В свою очередь, археологические работы, подтверждающие наличие определённых объектов в эпохах, интересующих нас, имеют тот недостаток, что в ненадёжных случаях дистанцируются от определения этноса (известно, например, что лужицкую культуру невозможно отождествлять с культурой современных лужицких сербов). Все это объясняет осторожность научных работников в отношении слишком точных определений, относящихся к праславянскому языку.

Что касается языковых проблем, то существуют закономерности, управляющие развитием значений. Они значительно менее отчётливы, чем те, которые можно установить для развития формы. Это нашло выражение в длительном пренебрежении семантикой со стороны авторов этимологических словарей. С другой стороны, постоянно продолжают попытки упорядочить закономерности развития значений, рассматриваемых с разных точек зрения [см., напр., статью Г. Клепарского: Kleparski 1999: 77–91]. Помимо регулярных изменений значений, существуют также случайные. Типичным примером является возникновение названия денег: лат. *moneta* от прозвища богини *Iuno Moneta* ‘напоминающая’, в святилище, в котором

(или, согласно иным источникам, рядом с которым) находился первый римский монетный двор.

Сбор возмозших семантических изменений и их классификация часто требуются в среде диахронистов, особенно этимологов. Уже в 1903 году Ян Родвазовский в обширной, насчитывающей почти сто страниц книге — рецензии на работу Вильгельма Вундта — заявил о необходимости создания основы семантических изменений. В более близкое к нам время также появлялись подобные призывы вместе с примерами конкретных решений [см. Трубачёв 1964, Havlová 1965, Popowska-Taborska 1989, Karlíkova 2008, Jakubowicz 2010]. Однако следует считаться с тем, что разработка единого корпуса для достаточного количества языков и хотя бы наиважнейших областей семантики требует скоординированного труда больших коллективов научных работников (в зависимости от количества языков) и еще долго будет находиться в области намерений.

В данной статье представлены принципы реконструкции значений. Реконструкция значения требует обозрения отдельных гипотетических значений, воссозданных на основе разрозненных данных. Этими отдельными значениями являются: «этимологическое значение», «структурное значение» и «значение, реконструированное на основе континуантов» [Jakubowicz 2010].

Значение, реконструированное на основе континуантов

В лексикографической работе над исконной семантикой праславянских слов важны две задачи, а именно: подбор доказательного материала для словарей, а также сама реконструкция праславянского значения. При подборе материала необходимо принять во внимание слова, которые продолжают реконструированную праславянскую форму и значение которых в разных славянских языках сходно. Основная задача — сравнение континуантов данной «пралексемы» из всех доступных хронологических языковых слоев. В поле зрения находится целый спектр славянских языков, изменения как в их литературных формах, так равно и в диалектах. Значения этих континуантов сопоставимы друг с другом. Классификацию ранга отдельных свидетельств определяет хронологический фактор (более старые свидетельства важнее новых), а также соотношение значений с предполагаемыми праславянскими реалиями. Особое внимание уделяется диалектам, преимущественно тем, которые считаются архаичными (например, полесские говоры).

Наряду с непосредственными продолжениями пралексем иногда принимаются во внимание также значения их дериватов, так как бывают случаи, когда первичное значение сохранилось именно в них.¹

В славянском лексиконе много слов, значения которых достаточно близки, а если опираться на переводные словари, можно было бы говорить о тождестве,

¹ Примером является прасл. **berme* ‘то, что носят; тяжесть’, слово, образованное на основе праиндоевр. **bher-* ‘нести’, которое, в отличие от производного того же корня **bьrati* ‘брат’, не утратило праиндоевропейского значения ‘носить’ [Якубович 2010: 48].

например, континуанты праславянского **milь* ‘милый’. В таких случаях реконструкция проста и можно признать по умолчанию, что праславянское значение равно значению, повторяющемуся в каждом языке.

В случае несходства семантики континуантов реконструкция основывается на попытках сведения действительных значений к исходному, или такому, из которого могли развиваться отдельные значения, представленные сейчас в разных языках. Этой проблемой занималась Ж. Ж. Варбот в статье «Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии»: «Часто признается, что целью семантической реконструкции многозначного слова является нахождение своего рода семантического знаменателя, способного перекрыть, нивелировать различия в значениях. Это верно лишь для последнего этапа реконструкции, которому должно предшествовать исследование каждого значения на предмет его сочетаемости с другими значениями и выводимости из них как в данном слове, так и в других словах, так что поиск общего знаменателя возможен лишь после отстранения возможных вторичных значений, на базе сопоставления значений, не поддающихся исторической иерархизации» [Варбот 1992: 235 [2012: 77]]. Автор принимает во внимание, что первым этапом должно быть такое упорядочение значений континуантов, чтобы сократить количество значений, претендующих называться «исходными». Только после этого можно искать общий знаменатель, заключающий в себе семы, продолжающиеся во всех «исходных» значениях. Однако случается, что в результате предложенных Ж. Ж. Варбот процедур обнаруживается несколько значений, для которых нельзя найти общий знаменатель. Иногда решение этой проблемы продиктовано территориальным соотношением значений. Если отдельные значения входят в группы, соответствующие диалектному делению, речь идет, вероятно, об особом развитии в разных группах праславянских диалектов, не обязательно относящихся к праславянскому состоянию [см. Jakubowicz 2012: 103–109]. Иногда речь идет о другой ситуации, как в случае праслав. **chudь*, где именно и обнаруживается несколько исходных значений: ‘худой’, ‘бедный’, ‘маленький’, ‘несущественный’, которые могут выводиться друг из друга, однако при этом неясно, какое из них можно считать первичным.

В работе лексикографов, решающих, какие слова и значения надлежит рассмотреть в словаре в качестве континуантов, возникают две ситуации.

1. Слова с явно вторичным значением, иногда с очевидным отсутствием соотношения с праславянской эпохой, что касается главным образом названий объектов, возникших в позднейшие времена, например, технических терминов. Они бесполезны с точки зрения реконструкции первичного значения и могут считаться ненужным балластом. Однако, с другой стороны, сбор таких слов в сравнительном словаре, каким в конечном счете является реконструируемый словарь, может помочь в работе над корпусами семантических изменений, о которых говорилось выше. Решение о минимальности или максимальности доказательного материала и включении в словарь слов с вторичными значениями не особенно существенно, так как речь идет о словах, непосредственная связь которых с реконструированным словом считается надежной. Представляется, что проблему решат электронные версии словарей, в которых можно будет рассмотреть в целом собранный

доказательный материал, одновременно выделяющий то, что признано ключевым для реконструкции праславянского значения.

2. Значительно большую трудность представляют слова, которые формально отвечают продолжением реконструированных форм, зато семантически отличаются в основном настолько, что их происхождение от данного реконструкта может быть подвергнуто сомнению. В таких случаях надлежит рассматривать возможность иного происхождения проблематичного слова, например, заимствование из неславянского языка [см. Boguś 1997]. Впрочем, иногда даже в случаях кажущейся возможности происхождения одного значения из другого убедительный анализ указывает на ошибочность этого пути (см. кашуб. *klëpa* 'песчаная отмель, выступающая над уровнем моря или озера', которое в ЭССЯ 10: 78 оказалось отнесено к словам, обозначающим лаву, выводимым из праславянского **klopъ*, в то время как это является заимствованием из нем. *Klippe* 'скала, выступающая над уровнем моря', [Boguś, Popowska-Taborska 1999: 45–46].

Всем известно, что семантическое развитие не должно происходить регулярно и что кроме ожидаемых семантических цепочек, в которых новые значения возникают на базе изменения отдельных сем, также новые значения возникают на основе случайных сочетаний, где о регулярности не может быть и речи.

Структурное значение

Праславянское значение, как и любое другое, могло эволюционировать. Поэтому наряду со значением, реконструированным на основе континуантов, о котором говорилось выше, надлежит рассмотреть также возможность использования при реконструкции праславянского значения иных факторов, которые могут указывать на наиболее раннюю фазу значения.

При определении значения праславянского слова на этапе его возникновения может оказать помощь его морфологическая структура,² если интересующее нас слово возникло на праславянской основе и если мы располагаем хорошо подтверждённым значением его производящей основы. Часто бывает, что значение, исходящее из семантики производящей основы, не отличается от значения, которое может быть реконструировано на базе значений континуантов в славянских языках, например **gadъnъ* 'противный, отвратительный' от **gaditi* 'вызывать отвращение', **makovъka*, 'головка мака' от **makovъ*, а это, в свою очередь, от **makъ* 'растение мак, Papaver'. Наиболее трудными, но и наиболее интересными с точки зрения исследователя являются случаи, когда семантика производящей основы отличается от значения, которое вытекает из сравнения континуантов интересующего нас слова. Тогда надлежит проследить путь, который привёл к возникновению значения,

² См. Ж. Ж. Варбот «Важнейшая задача этимологии — совершенствование методов взаимодействия структурной и семантической реконструкции в направлении извлечения семантической информации из структурных данных и информации о форме, структуре — из семантики лексем» (Варбот 1992: 182 [2012: 137]).

представленного в славянских языках. Примером такого расхождения может быть праславянское прилагательное **chytrь*. Его продолжения выступают в различных значениях: старочерковнослав. *chytrь* ‘ловкий, проворный’, словен. *hiter*, серб. и хорв. *hitar* ‘быстрый’, в этом же значении также словацк. *chytrý*, верхнелуж. *chětry* и болг. *xumьp* ‘ловкий, хитрый’, польск. *chytry* ‘то же’ и (это также считается омонимом) ‘скупой’, чешск. *chytrý* ‘быстрый, понятливый, умный’, рус. *xитрый*, блр. *xитры*, укр. *xитри* ‘хитрый, коварный’, ‘сложный, запутанный’. Эти значения можно распределить по двум группам: относящийся к движению: ‘быстрый’ (это подтверждает старочерковнославянский язык) и относящийся к мышлению, где все значения указывают на точный образ мысли, иногда оценивая его негативно. Без помощи значения, вытекающего из структуры слова, мы бы реконструировали следующую семантическую цепочку: ‘быстрый в движениях’ > перен. ‘быстрый в мышлении’ > ‘понятливый’ (и использующий это с хорошей или дурной целью). Словообразовательная база, а именно праслав. **chytati* ‘хватать, ловить’, подтверждает эти предположения, так как хватание связано с быстрым, ловким движением и одновременно указывает, что переносное, относящееся к мысли значение могло возникнуть очень рано, почти синхронно. Непосредственным доводом может служить существование польского синонима *pojętny* от синонимичной основы *jać* ‘брать, хватать’. Мы можем дополнительно реконструировать наиболее раннее из вышеприведенных значений: ‘способный к хватанию’ — в прямом и переносном смысле.

При реконструкции этого этапа значения надлежит принять во внимание оба элемента структуры слова, как производящую базу, так и суффикс. Семантическая нагрузка суффикса связана с принадлежностью рассматриваемого слова к той или иной части речи. Как известно, наряду с суффиксами, у которых доминирует одна функция, существует значительно большее количество многофункциональных суффиксов, не дающих возможность определить структуру слова. Наибольшее семантическое наполнение имеют суффиксы имен существительных. На основе суффикса можно определить принадлежность к категории детенышей (суффикс *-ę-* с основой на *-t-*), характеристики места (*-isko* и *-išće*, хотя те же суффиксы могут также выражать увеличительность, особенно с пейоративным оттенком) или же к категории действующих лиц (суффиксы: *-ar’*, *-telb*). У прилагательных мало суффиксов, указывающих на семантику. Ограниченность с точки зрения количества или нагрузки может, как кажется, иллюстрировать суффикс *-avъ*, особенно по отношению к интенсивности цвета. Современное состояние работы с праславянской лексикой не позволяет обещать в ближайшее время достижений, касающихся семантики праславянских суффиксов. У глаголов отношения между морфологическим строением и принадлежностью к смысловой группе очень сложны. Существенны как принадлежность к отдельным тематическим группам, частично унаследованным ещё из праиндоевропейской эпохи, так и наслоившаяся на них праславянская суффиксация. Эту проблему досконально описал Ф. Славский в «Очерке праславянского словообразования» [SP I: 43–58]. В том же очерке автор представил и праславянские суффиксы существительных, рассмотрев их с точки зрения семантики [SP I: 58–141, II: 13–60, III: 11–19, ср. еще Matasović 2014].

Этимологическое значение

Очередной, еще более ранний этап развития — этимологическое значение. Оно может быть реконструировано на основе сопоставления индоевропейских соответствий. Этимологическое значение не должно было реально возникнуть в праславянском языке. Оно могло дать только направление развития. Для определения этимологического значения могут быть использованы либо точные соответствия, либо слова близкородственные, различающиеся морфологическими элементами, не вызывающими изменения значения, например, различием неотягощённых семантически суффиксов прилагательных.

Показательно значение праславянского прилагательного **slabъ* ‘характеризующийся недостатком силы, слабый’, определенное на основе семантического соответствия продолжений в разных славянских языках, где находится дополнительная опора для этимологического значения, благодаря соответствиям в ст.-в.-нем. *slaf* ‘слабый, обвислый’ и латышск. *slābans* ‘ветхий, слабый’. Помощь в определении этимологического значения могут оказать также реконструированные значения праиндоевропейских корней, хотя они, конечно, имеют меньшую ценность по сравнению с точными — действительно ранними — соответствиями. Иногда возможна иная ситуация, когда семантика, реконструированная на базе продолжений в славянских языках, явно отличается от семантики, на которую указывают индоевропейские соответствия. Праславянское **starъ* ‘многолетний, долголетний, немолодой, старый’ представляет соответствие значений во всех славянских языках. Однако индоевропейские соответствия (лит. *stóras* ‘грубый’, ст.-сев. *stórr* ‘большой, сильный, мужественный, значительный’), резко отличаются семантически. Рассматривая индоевропейский глагольный корень **stā-* ‘стать’, лежащий, очевидно, в основе отыменных прилагательных, следует признать, что первичной мотивацией славянского прилагательного **starъ* была физическая сила, крепость, следовательно, изначально это слово относилось скорее к человеку в расцвете сил, а не к старику, и лишь позже, по неизвестной нам причине, вытеснил континуант праиндоевропейского **uetus-o-* ‘старый’ > праслав. **vetъchъ*, остаточно сохранившийся в некоторых славянских языках (напр. *Ветхий Завет*). Определение этимологического значения имеет особую важность не только для реконструкции истоков праславянской лексики, которая нам еще менее доступна, чем лексика конца эпохи праславянского языка. Оно играет существенную роль в восстановлении последовательных этапов формирования значения от праиндоевропейских времен, через период гипотетической балто-славянской общности (здесь может помочь словарь Траутманна с реконструкцией балто-славянской лексики, Trautmann 1923). Примером является поиск первичного значения праславянского прилагательного **mъdry*. Сопоставление значений континуантов указывает на доминирующее в родственных славянских языках значение ‘умный’. В этом случае мы не можем реконструировать структуральное значение на праславянской почве, потому что прилагательное со старым суффиксом *-ro-* унаследовано уже в «готовой» форме из праиндоевропейского языка. Сравнение значений с индоевропейскими соответствиями: лит. *mandrūs* ‘гордый, дерзкий’ и латышск. ‘энергичный, живой’, нем. *munter* ‘живой, энергичный, горячий’ — подсказывает первичность значения

‘энергичный, живой’. Дополнительным аргументом является общая тенденция к первичности конкретных значений по отношению к абстрактным.³ Несмотря на это, данная реконструкция не представляется правильной. Её поправляет словообразовательное строение источника этих слов — праиндоевропейского **mondh-ro-*, а именно апофонической именной формы, чередующейся с праиндоевропейским **mendh-* ‘учиться’, с дальнейшей этимологией от *men-* ‘мыслить; мысль, ум’ + *dhe-* ‘класть’. Это доказывает, что в данном случае именно абстрактное значение, скрытое в славянских языках, представляет собой первичную семантику.

Заключение

Завершая эту статью, не хотелось бы указывать, какой из описанных здесь этапов реконструкции значений следует признать наиболее надёжным. В лексикографической практике «*Slownika praslowianskiego*» преобладает реконструкция, опирающаяся на значения континуантов восстановленных лексем. Этот способ восстанавливает позднейшее значение, наиболее близкое к эпохе распада на отдельные языки. Впрочем, это не отклоняется от целей, поставленных перед «*Slownikiem praslowianskim*», редактор которого Францишек Славский написал во вступлении: «Нашей задачей является реконструкция словарного состава праславянского языка в период, непосредственно предшествовавший наиболее древним историческим данным, то есть приблизительно с VII–VIII вв. н.э. В начале работы мы наметили себе цель реконструировать состояние с последнего периода фактической, реальной славянской общности, то есть с IV–V в. н.э.» [SP I: 6]. Только сравнение извлеченного таким способом значения с более ранними этапами — «структурным» и «этимологическим» значением — позволяет ответить на вопрос, было ли данное значение присуще всему праславянскому периоду, а также включить семантику праславянского слова в фарватер развития индоевропейской семантики.

Литература

Варбот Ж. Ж. Связи значений и семантическая реконструкция в этимологии / Wiener Slawistisches Jahrbuch. 1992. В. 38. S. 233–241 [переиздание: Исследования по русской и славянской этимологии. М.: Нестор-История. 2012. С. 75–81].

Варбот Ж. Ж. О соотношении структурного и семантического аспектов анализа в этимологии / Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Конференция. Тезисы докладов. М.: 1991. С. 181–186 [переиздание: Исследования по русской и славянской этимологии. М.: Нестор-История. 2012. С. 136–138].

Трубачёв О. Н. «Молчать» и «таять». О необходимости семасиологического словаря нового типа / Проблемы индоевропейского языкознания: Этюды

³ Формированию семантики праславянского слова посвящена статья М. Войтылы-Свежовской [2006: 80–84].

по сравнительно-исторической семантике индоевропейских языков. 1964. С. 100–105.

Boryś W. O mylnej interpretacji etymologicznej pewnych zapożyczeń z języka niemieckiego / Wort und Name im deutsch-slavischem Sprachkontakt. Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden / red. K. Hengst, D. Krüger, H. Walther i in. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag. S. 149–155.

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy SOW. t. 3. 377 S.

Havlová E. O potřebě slovníku semantických změn / Jazykovědné actuality. 1965. no. 4. S. 3–4.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny, Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy SOW. 2010, 375 S.

Jakubowicz M. Próba zastosowania kryterium semantycznego w badaniach nad zróżnicowaniem dialektym języka prasłowiańskiego / Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja. red. M. Furlan, A. Šivic-Dular, Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2012. S. 103–109.

Karlíková H. Úloha principu sémantických paralel v etymologickém výzkumu / Slavia. 2008 (LXXVII). no. 1–3.

Kleparski G. Kierunki typologiczne w badaniach nad zmianą znaczeniową wyrazów / Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. 1999 (LV). S. 77–91.

Matasović R. Slavic Nominal Word-Formation. Proto-Indo-European Origins and Historical Development. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 221 S.

Moszyński K. Kultura ludowa Słowian, Vol. 1–2, Kraków 1929–1939. 2-wyd. Warszawa 1967–1968. 2300 S.

Popowska-Taborska H. O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów / Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich. Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. Warszawa: 1989. S. 19–26.

Rozwadowski J. Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady I zadania / Eos. 1903, S. 17–111.

Trautmann R. Balto-slavisches Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ. 1923.

Wojtyła-Świerżowska M. **Mōdra žena*. Semantische Betrachtungen / Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. Москва: Индрик, 2006, с. 80–84.

Wundt W. Völkerpsychologie. Die Sprache. Leipzig. 1990.

Сокращения

СД — Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. I–V / Ред. Н. И. Толстой. М.: Международные отношения, 1995–2012.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачёва (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлёва (Вып. 32–), Ж. Ж. Варбот. Вып. 1–40–. М.: Наука, 1974–.

SP — *Słownik prasłowiański* / Red. F. Sławski, Wrocław: Ossolineum, 1974–.

SSS — *Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych* / red. G. Labuda, Z. Stieber. Vol. 1–8. Wrocław: Ossolineum 1961–1996.

SSiS — *Słownik stereotypów i symboli ludowych* / red. J. Bartmiński. T. I, cz. 1–4. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 1996–2012.

Mariola Jakubowicz
Instytut Slawistyki PAN
(Poland, Warsaw)
mjakub7@interia.pl

PRINCIPLES OF SEMANTIC RECONSTRUCTION IN THE RECONSTRUCTION OF PROTO-SLAVIC VOCABULARY

In my article I present the principles of establishing meanings in reconstructed languages. Reconstruction of meaning requires the taking into account of partial meanings reconstructed on the basis of various data, namely: the “etymological meaning”, the “structural meaning” and the “meaning reconstructed on the basis of descendants”, reconstructed by comparing the meanings of the descendants of a given “proto-lexeme” in all Slavic languages (Jakubowicz 2010). In the case of the conformity of the meanings of the descendants one may assume that the Proto-Slavic meaning is identical with the meaning which recurs in all languages. In the case of a lack of conformity of the semantics of the descendants, reconstruction consists in making attempts at tracing the actual meanings to the meanings from which the particular meanings which occur in various languages could have developed. The Proto-Slavic meaning could evolve. The morphological structure of a word may be useful in the reconstruction of the previous meaning of such a word, if a given word was derived in the Proto-Slavic context. Frequently, the meaning of a derivative which results from the semantics of the derivational basis does not depart from the meaning reconstructed on the basis of the descendants in Slavic languages. In the case of differences between the “structural” meaning and the meaning which results from a comparison of the descendants of a Proto-Slavic lexeme, one should trace the path which leads to the emergence of the meaning which is continued in Slavic languages. The still earlier stage in the development of a word is the “etymological” meaning which may be reconstructed on the basis of the comparison of the meanings of Indo-European equivalents, and in the case of a lack of such equivalents the meanings of the reconstructed PIE roots should be taken into consideration. The reliability of correct reconstruction of meaning is the greatest when the partial meanings mentioned above are consistent with each other or when there is a possibility to trace one partial meaning from another one.

Jakubowicz M. Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny, SOW. 2010, 375 s.

Key words: semantic reconstruction, continuants of primordial meaning, morphological structure, comparative etymology.

References

Etimologičeskii slovar' slavyanskich yazykov. Praslavyanski leksičeskii fond. [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. ed. O.N. Trubachev, A.F. Zhuravlev, Zh.Zh. Varbot. Moscow: Nauka Publ., 1974–.

Boryś W. O mylnej interpretacji etymologicznej pewnych zapożyczeń z języka niemieckiego [About a misleading etymological interpretation of certain borrowings from German]. *Wort und Name im deutsch-slavischen Sprachkontakt. Ernst Eichler von seinen Schülern und Freunden* [Word and Name in German-Slavic Language Contact. To Ernst Eichler from his students and friends]. Ed. K. Hengst, H. Walther and oth. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag. S. 149–155.

Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* [Etymological Dictionary of the Kashubian Language]. Warsaw: Publishing Centre of Slavic Studies SOW. t. 3. 377 p.

Havlová E. *O potrebe slovníku sémantických změn* [On the Need for a Dictionary of Semantic Changes]. *Jazykovědné actuality* [Linguistic News]. 1965. no. 4. pp. 3–4.

Jakubowicz M. *Drogi słów na przestrzeni wieków. Zarys słownika motywacji semantycznych na materiale przymiotników słowiańskich odziedziczonych z prasłowiańszczyzny* [Development of Words across Centuries. An Outline of a Dictionary of Semantic Motivations Based on the Material of Slavic Adjectives Inherited from the Proto-Slavic Period]. Warsaw: Publishing Centre of Slavic Studies SOW. 2010, 375 p.

Jakubowicz M. Próba zastosowania kryterium semantycznego w badaniach nad różnicowaniem dialektym języka prasłowiańskiego [An Attempt to Apply the Semantic Criterion in the Study of Dialects of the Proto-Slavic Language]. *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav. Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezljaja* [Proto-Slavic dialectal variety in the light of etymological research. On the 100th anniversary of the birth of Academician France Bezljaj]. ed. M. Furlan, A. Šivic-Dular, Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša, 2012. pp. 103–109.

Karlikova H. *Úloha princiru sémantických paralel v etymologickém výzkumu* [The Role of the Principle of Semantic Parallels in Etymological Research]. *Slavia*. 2008 (LXXVII). No. 1–3. p. 84–92.

Kleparski G. *Kierunki typologiczne w badaniach nad zmianą znaczeniową wyrazów* [Typological Directions in the Study of Semantic Change of Words] *PTJ Biuletin*. 1999 (LV). pp. 77–91.

Matasović R. *Slavic Nominal Word-Formation. Proto-Indo-European Origins and Historical Development*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014. 221 p.

Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian* [Popular Culture of the Slavs], Vol. 1–2, Cracov 1929–1939, 2300 p.

Popowska-Taborska H. *O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów* [On the Need for a Dictionary of Semantic Parallels]. *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich* [Parallels of the Development of the Vocabulary of Slavic Languages]. Warsaw: The Publishing Centre of Slavic Studies, 1989. pp. 19–26.

Rozwadowski J. *Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania* [Semasiology, or Science on the Development of Meaning of Words. Its Present State, Principles and Tasks]. *Eos*. 1903, pp. 17–111.

Slavyanskije drevnosti. Etnolingvističeskij slovar' [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. N. I. Tolstoj, S. M. Tolstaya (Gen.ed.), Vol. I–V, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995–2012.

Słownik prasłowiański [Proto-Slavic Dictionary] ed. F. Sławski, Wrocław: Ossolineum, 1974–.

Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych [Dictionary of the Slavic Antiquity. Encyclopaedic outline of the Slavic Culture since the Earliest Times]. ed. G. Labuda, Z. Stieber. Wrocław: Ossolineum 1961–1996. Vol. 1–8.

Słownik stereotypów i symboli ludowych [Dictionary of popular stereotypes and symbols]. ed. J. Bartmiński. Lublin: Wydawnictwo UMCS. 1996–2012. T. I: cz. 2: 481 S., cz. 3. 521 S., cz. 4: 395 p.

Trautmann R. *Balto-slavisches Wörterbuch* [Balto-Slavic Dictionary]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ. 1923.

Trubachev O. N. “*Molchat' i tayat'*”. *O neobkhodimosti semasiologičeskogo slovar'a novogo tipa. Problemy indoevropejskogo yazykoznaniya: Etyudy po sravniel'no-istoričeskoj semantike indoevropejskikh yazykov* [‘To be silent’ and to ‘melt’. On the Need for a Semasiological Dictionary of a New Type]. [Problems of Indo-European Linguistics: Studies on the Comparative Historical Semantics of Indo-European Languages]. Moscow, 1964, pp. 100–105. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *O sootnoshenii strukturnogo i semantičeskogo aspektov analiza v etimologii* [On the correlation of structural and semantic aspects of etymology]. *Slavistika, indoevropeistika, nostratika. K 60-letiju so dnja rozhdeniya V. A. Dybo. Konferenciya. Tezisy dokladov*. [Slavic, Indo-European, Nostratic. To the 60th anniversary of V. A. Dybo. Conference. Theses of reports] M.: 1991. C. 181–186 [reprint edition: *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii* [Studies on Russian and Slavic etymology]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2012. Pp. 136–138]. (In Russ.)

Varbot Zh.Zh. *Svyazy znachenii i semantičeskaya rekonstrukciya v etimologii* [Relationship of values and semantic reconstruction in etymology]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1992. Vol. 38. P. 233–241 [reprint: *Issledovaniya po russkoj i slavyanskoj etimologii* [Studies on Russian and Slavic etymology]. Moscow: Nestor-Istoriya Publ., 2012. P. 75–81]. (In Russ.)

Wojtyła Świerżowska M. **Mōdra zena. Semantische Betrachtungen* [**Mōdra zena* ‘wise woman’. Semantic reflections]. *Ad fonts verbotum. Issledovaniya po etimologii i istoričeskoj semantike. K 70-letiju Zhanny Zhanovny Varbot*. [Ad fonts verborum. Studies in etymology and historical semantics. To honor the 70th birthday of Zhanna Zhanovna Varbot] Moscow: Indrik Publ., 2006, pp. 80–84.

Wundt W. *Völkerpsychologie. Die Sprache* [Social psychology. The language]. Leipzig. 1990.

Перевела с польского И. А. Горбушина.

Е. И. Якушкина
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
jkatia@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ‘ПРАЗДНИК’ В СЕРБСКИХ И ХОРВАТСКИХ ГОВОРАХ*

В работе рассматривается семантика и география сербских и хорватских обозначений праздничного дня **svętkъ*, **svęтьсь*, **porzdъnikъ*, **bolgъ dънь* и их дериватов. Лексема **svętkъ* характерна также для западно- и восточнославянского ареала, а прочие являются южнославянскими диалектизмами. Основной семантической особенностью этих лексем является восприятие праздника как нерабочего дня.

Ключевые слова: диалектная семантика, сопоставительная лексикология, лингвистическая география, сербские и хорватские говоры, “Общеславянский лингвистический атлас”.

Славянские обозначения праздника как особого, почитаемого или нерабочего дня относятся, в основном, к трем гнездам **svęt-*, **porzd-* и **bolg-* (**svęto*, **svęta*, **svętkъ*, **svęтьсь*, **svęть dънь*, **porzdъnikъ*, **bolgъ dънь*). Сербские и хорватские лексемы с этим значением, насколько можно судить по материалам «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 2015: L 2311] и диалектным словарям, отличаются особым разнообразием, среди них есть не только дериваты перечисленных корней, но и другие образования: *svetak*, *svetac*, *praznik*, *blagdan*, *fešta*, *свечаник*, *добар дан* и др.

Лексемы со значением ‘праздник’, мотивированные корнем **svęt-*, в различной форме и с разной степенью частотности встречаются во всех славянских языках, кроме русского и болгарского (укр. *свято*, бел. *свята*, польск. *święto*, чеш. *svátek*, словацк. *sviatok*, в.-луж. *swjaty dzeń*, словен. диал. *svetek*, хорв., серб. *svetac*, *svetak*, но также в другом значении русск. *Святки*). В сербских и хорватских говорах представлены две лексемы, мотивированные прилагательным **svęть*: **svętkъ* и **svęтьсь*.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00471.

Название **svěťkь* повсеместно фиксируется в чешских и словацких и некоторых словенских говорах [ОЛА 2015]. На сербскохорватской территории этот архаизм сохранили кайкавские и чакавские говоры (*svetak, svetek*) и южно- и центрально-сербские (пп. Тучеп, Србовац, Дренча, Велика Крушевица, Ораховац) (*светак*): хорв. *raditi svetkom i petkom* 'работать без выходных', серб. *у нас се тај светак не светкује* 'у нас этот праздник не празднуется' [Елезовић 2: 207], *нит се зна петак ни светак* 'не знают ни пятниц, ни праздников' [Елезовић 2: 206], *нико од нас не ради светкем* 'у нас никто по праздникам не работает'; *нете жене ни леб да уме се кад је светак* 'женщины даже хлеб не пекут по праздникам' [Букумурић: 547]. Лексическая близость хорватских кайкавских и чакавских говоров к чешско-словацким — характерное явление, как и продолжение подобных изоглосс на востоке южнославянского ареала, опоясывающих штокавскую территорию (ср. *gnoj* 'навоз', *pravje, pravi* 'рассказывает', **pletji-, *pletja* 'спина' и др.), на которой, в отличие от периферии, обычно развиваются инновации. В данном случае такой инновационной метонимией в штокавских говорах стало использование для наименования праздника лексемы *светац*, исходно 'святой, прославленный Церковью в лице святых' с переносом обозначения на календарный праздник, день, когда празднуется память святого [Караџић], и на церковный праздник вообще [Далмација: 272], ср. черног. *Божји угодник* 'праздник' [ОЛА 2015: 76]: *данас је светац* [Караџић], *данас је светац, зашто радиш у шакама* [Далмација, 272], хорв. *Božić је велики svetac* 'Рождество — это большой праздник', черног. *уватила сам два свеца да одем у Морачу и да се вратим* 'воспользовалась двумя выходными днями, чтобы сходить в Морачу и вернуться' [Ускочки речник, srpski jezik.com]. Эта метонимия основана на отождествлении святых с днями их памяти, а также на олицетворении праздников, не связанных с памятью святых, таких, как, например, воскресенье (ср. в сербском фольклоре образ персонифицированной св. Недели), см. [Голстая: 185–191].

Хотя слово *светак* не характерно для большинства штокавских говоров, в них представлены его дериваты. Это лексемы *светковати* 'праздновать' (ср. *у нас се тај светак не светкује* 'у нас этот день не празднуется', *светкујете ли тај дан* 'празднуете ли этот день' [Елезовић 2: 207], *овођен се више не светкује никакав светац* 'здесь больше не празднуют ни один праздник' [Ћупић: 432]), *светковина* 'празднество, торжество, das Feiern', 'праздник', *свечан* 'праздничный, торжественный' (*и радним и свечаним даном* 'и по рабочим, и по праздничным дням'), *свечаник* 'праздник, der Feiertag', *свечаница* 'der Kalender', *свечар* 'тот, кто сегодня празднует славу, день своего святого-покровителя' [Караџић; РСЈ], *свечарство* 'праздник славы', *свечарити* 'праздновать (славу)' [РСЈ]. Слово *свечан* и *светковина* являются важным средством выражения семантики праздника в литературном сербском и хорватском языке (лексема *светковина* в литературном языке секуляризовалась и обозначает любое торжество). Из дериватов корня **svět-* в южносербских говорах еще присутствует лексема *светога* 'праздник славы' и *светогар* 'тот, кто празднует славу' [Чемериќић].

Название нерабочего дня на базе гнезда **porzd-*, по всей видимости, является южнославянским диалектизмом. Слово **porzdьnikъ* повсеместно распространено

на болгарской территории и практически повсеместно употребляется в македонских и словенских говорах (за исключением нескольких пунктов) [ОЛА 2015]. На территории Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины эта лексема встречается наряду с образованиями от *svět-, но на территории Хорватии продолжения *porzđbnikъ в ОЛА не зафиксированы. Таким образом, лексемы *porzđbnikъ и *světъkъ на сербскохорватской территории сосуществуют только в южной Сербии. Южнославянская лексема празник также представлена в русских, украинских говорах и некоторых восточных и центральных белорусских пунктах ОЛА.

Распространенное в штокавских говорах слово празник, мотивированное прилагательным празан 'пустой', буквально обозначает нерабочий, «не заполненный трудом» день. Ср. вост.-серб. Празна недеља 'неделя после Пасхи' [Динић: 638] и литер. серб. празан 'праздний' (многе дангубице и нераднице доише на трг од дуга празна времена 'много празднующихся и лентяев собралось на площади, чтобы скоротать время' [РСЈ]). Близкую мотивацию имеет словен. диал. обозначение праздника от формы *ne dělati: nedīcъ, nedīdъ (*nedělъ) (ср. общеслав. *neděl'a 'нерабочий день'). Такие обозначения праздника соотносятся с названиями обычных, рабочих дней, мотивированных семантикой труда: серб. делник 'рабочий день' [Митровић: 69; РСЈ], делнични дан [Митровић: 69], вост.-серб. тежатник 'рабочий день' [Динић: 807], и входят с ними в антонимические отношения: од делнице прави празнице, сал да не работа 'рабочие дни превращают в праздник, только чтобы не работать' [Чемериќић], дњњс не празник дњњс тежатник 'сегодня не праздник, а рабочий день' [Динић, 807], у Подриму је сјега винобере, у раду сју да ги се не зна ни делник ни добр дњн 'в Подрима сейчас сбор винограда, столько работы, что не различают рабочих дней и праздников' [Чемериќић], дњњс се празњеу затој што е празник, а јутре се работи ел е тјг тежатник 'сегодня не работаем, потому что праздник, а завтра работаем, потому что рабочий день' [Динић: 638]. (В восточнославянских говорах заимствованная из церковнославянского лексема празник, напротив, могла приобретать возвышенную семантику большого праздника, ср. укр. празник 'престольный праздник, религиозный праздник, большой праздник (Рождество, Пасха)' [ОЛА 2015], в отличие от свято, свето). Сербский диал. глагол празновати выражает значение «не работать в церковный праздник», точнее, «соблюдать запрет на работу в церковный праздник», и может не указывать ни на какие обрядовые действия или торжественные церемонии (ср. сад се не празнује сваки светац 'сейчас по некоторым праздникам работают' [Елезовић 2: 206]). В этом заключается одна из особенностей народного восприятия праздника, которое можно выразить как «особый день в календаре, в который запрещено работать или производить некоторые виды работ под страхом наказания». Праздник вызывает у народа страх, ср. номинацию праздника страишник [ОЛА 2015, черногорский пункт Требалево], об эпитетах праздников типа страишний см. [Толстая: 168–169: 187].

Запрет на работу в праздник и представления о наказании, постигающем работника, широко отражен в сербских народных поверьях, фольклоре и языковых

формах. *О празницима не радимо ништа, нит месимо тога дана, већ што гледамо стоку* 'по праздникам мы не работаем, даже хлеб не печем, только за скотиной посмотрим' [Букумурић: 470]. Нарушение запрета на работу в праздник в южных сербских говорах получило обозначение с помощью корня *грех-*: *греховати* 'работать в праздник' [RJAZU]: *овај је светац у великом поштовању ...неће нико ... на његов дан греовати (радити)* 'этот святой очень уважаем, никто не захочет в его день «грешить» (работать)' [Елезовић 1: 110]; *греувати* 'работать, но только по небольшим, незначительным праздникам': *остај работу, на дњњшину дњ ли ти си нашла да греујеш* 'бросай работу, нашла день, когда работать'; *мицак је празник ће опрости Бог ако греујемо дњњс* 'маленький праздник, Бог простит, если будем сегодня работать'; *дњњс је Павловдан, греује се* 'сегодня Павлов день, можно работать'; *тој њојно греување и у дњнове кџд не се греуе, да Бог да искочи на добро* 'то, что она работает в те дни, когда работать не положено, добром не закончится' [Чемерикић]. Как видно из приведенных текстов, действие запрета на работу в праздник зависит от отношения традиции к тому или иному дню: в более почитаемые дни работы запрещаются, в менее почитаемые или запрещаются частично или не запрещаются вовсе, кроме того, действие запрета может ослабляться в зависимости от ситуации, а также по мере утраты традиции (*Сад се не празнује сваки светац* [Елезовић 2: 206]). По верованиям эгейских македонцев, «если праздник легкий, то работать не грех. А есть праздники важные (тяжелые), когда работать запрещено» [Пеев: 288]. «Девушкам на выданье, а особенно уже просватанным, разрешается *греховати* и в праздники больше, чем принято, чтобы они вовремя подготовили приданое и подарки» [Чемерикић].

Как и в других славянских традициях, градация праздников по степени важности и силе запрета на работу в сербском языке может выражаться лексически: *празничкаво* 'наполовину праздничный день', *дњњс празничкаво, па се не работи у руће* [Динић: 638], ср. бел. *svjatse* 'малый, родовой праздник' [ОЛА 2015].

От действия, выражаемого у сербов глаголом *празновати*, которое имеет мало общего с современным представлением о праздновании, нужно отличать иную форму празднования — действие, обозначаемое глаголом *славити*. Этот глагол в народном языке обозначает празднование *славы* — праздника святого, являющегося покровителем семьи. Этот праздник, в отличие от *празника*, является семейным торжеством и подразумевает целый ряд церемоний (освящение и преломление славского хлеба, возжжение в доме славской свечи, званый обед и др.). В литературном сербском и хорватском языке этот глагол стал употребляться для обозначения любых торжеств, то есть празднования в современном смысле слова (ср. серб., хорв. *slaviti Novu godinu, slaviti rođendan* 'праздновать Новый год, день рождения'). В народном же языке до сих пор сохраняется оппозиция *славити Ђурђевдан* 'славить Юрьев день' и *празновати Ђурђевдан* 'не работать в Юрьев день'.

Преимущественно в чакавских, южно- и восточносербских говорах (и в македонских), а также в отдельных черногорских, кайкавских и хорватских штокавских говорах [ОЛА 2015] для обозначения праздника используется лексема *blagdan*,

благдан или словосочетание *благ (у) дан*. Ср. данные словарей: *blajdan* ‘церковный праздник’ [Hraste, Šimunović, Olesch], *благ дан* ‘слава’, ‘большой праздник’ [Карацић], *благ дан* [Томић], *благдан* [Peić, Vačlija; РСГВ], *благден* ‘праздник, нерабочий день’: *одавно смо ели пиеничан леб на благден* [Динић: 32], ср. макед. *благ (го-лем) ден* ‘праздник’ [Пеев]. Это образование соотносится с лужицкой номинацией *swjaty dzeń* (букв. святой день [ОЛА 2015]) и с южносербской *добр дън* ‘праздник’ (*благдан, свечани дан*’, значение, противоположное слову *делник*): *у Подриму је сьге винобере, у работу су да ги се не зна ни делник ни добр дън* [Чемериќић]. На фоне этих обозначений у слова (корня) *благ* в номинациях праздника на синхронном уровне можно усматривать как значение общей положительной оценки («хороший день»), так и сакральное значение («священный день»). Первое значение очень широко распространено и в сербских, и хорватских говорах: *благ* ‘хороший’ (о земле, корнях, поступке, удаче, судьбе, времени), *блажен, срећан, честит* <блаженный, счастливый, хороший> [RJAZU], *благо* ‘все хорошее’, ‘все ценное в прямом и переносном смысле’ [RJAZU], *благовати* ‘наслаждаться’ [РСГВ, Станић] и др. Сакрально-религиозное употребление производных корня *благ-* восходит к старославянской книжности, но также встречается в народных говорах: *Блага Марија, Благн Бог; сачувај ми ђецу благи Боже* ‘сохрани моих детей, благословенный Боже, благословенная Дева Мария’ [Станић]. В современной Хорватии словом *blagdan* обозначаются только церковные праздники (государственные праздники обозначает лексема *praznik*), что может свидетельствовать в пользу сакральной семантики корня *благ-* в этом образовании. Однако в южной Сербии словом *благдан*, как кажется, обозначают праздник вообще, при этом это обозначение коррелирует с восточно- и южносербскими названиями непостных дней: *благдан* ‘день, когда не постятся’: *леба ти треба и за пос и за благдан* ‘хлеб тебе нужен и на пост, и на скоромный день’ [Марковић], *ако је сахрана била у постан дан, а четересница у благдан, кољу брава* ‘если похороны были в постный день, а сорок дней в скоромный день, то закалывают свинью’ [Ђорђевић 1958, 511], *блага среда* и *благн петак* ‘среда и пятница, в которые нет поста’ [Марковић; Јовановић], *блажан дән* ‘непостный день’ [Јовановић: 347], и шире с обозначениями скоромной пищи (юговосточносербско-македонско-болгарская изоглосса), ср. *блажити* [Карацић] (с пометкой — «внизу за Моравой») ‘есть жирную пищу, скоромное’, *блажан* ‘жирный, скоромный’: *да л они данас готве блажно ел посно* ‘они сегодня готовят скоромное или постное’ [Марковић], *благота* ‘молочные продукты’ [Елезовић 1; Златановић; РМНП].

Исходя из сакральной семантики предположительных и.-е. соответствий корня **bolg-* (авест. *bərəḡda* ‘желанный, дорогой, ценный’, *bərəjayeti* ‘приветствует, воздаст почести’, *bərəg-* ‘ритуал, обычай’, др.-инд. *bṛhas-pātiḥ* ‘господин молитвы’) [ЭССЯ] можно предположить архаическую природу наименования **bolgъ днь* ‘праздник’, аналога номинации **svęť dнь*. Об архаичности этого наименования свидетельствует и ареал его распространения, так называемый южнославянский латеральный пояс, для которого обычно свойственны лексические архаизмы.

Литература

- Букумурић М. Речник говора северне Метохије. Београд, 2012.
- Далмација С. Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука, 2004.
- Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008.
- Ђорђевић Др. М. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 [СЕЗб, књ. 70].
- Елезовић Гл. Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I–II // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1932. Књ. 4. Београд, 1935. Књ. 6.
- Златановић М. Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
- Јовановић В. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. 51.
- Караџић В. Српски рјечник. Дигитализована верзија четвртог државног издања (www.srpskijezik.com).
- Марковић М. Речник народног говора у Црној Реци, књ. I // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1986. Књ.32.
- Митровић Б. Речник лесковачког говора. Лесковац, 1984.
- Пеев К. Речник на македонските говори во југоисточниот егејски дел. Скопје, 1999, т. 1.
- Станић М. Ускочки речник. Београд, 1990. Књ. 1–2.
- Толстая С.М. Семантические категории культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.
- Ђунић Д., Ђунић Ж. Речник говора Загарача // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Књ. 44.
- Чемериќић Д. Збирка речи из Призрена (www.prepis.org).
- Ускочки речник (www.srpskijezik.com).
- Peić M., Bačlija G. Rečnik bačkih Bunjevaca. Saradnik i redaktor Dragoljub Petrović. Novi Sad -Subotica 1990.
- Hraste M., Simunović P. i Olesch R. Čakavisch-deutsches Lexikon, I, Koln i Wien 1979.

Сокращения

- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 10. Народные обычаи. М., 2015.
- РМНП — Речник на македонската народна поезија. Т. 1–. Скопје, 1983–.
- РСГВ — Речник српских говора Војводине. Св. 1, Нови Сад, 2000. Св. 2, Нови Сад 2002.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н.Трубачёва. М., 1974-, вып.1-.
- RJAZU — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- РСЈ — Речник српског језика (srpskijezik.com).

E. I. Yakushkina
Moscow State University
(Russia, Moscow)
jkatia@yandex.ru

LEXEMES MEANING 'HOLIDAY' IN SERBIAN AND CROATIAN DIALECTS

The present paper describes the semantics and geography of Serbian and Croatian lexemes meaning 'holiday' **svętkъ*, **svętcъ*, **porzdbnikъ*, **bolgъ dbnъ* and their derivatives. The word **svętkъ* is also represented in West and East Slavic dialects, while other words are South Slavic dialectisms. The main characteristics of these words is the perception of holiday as a non-working day.

Key words: dialect semantics, comparative lexicology, linguistic geography, Serbian and Croatian dialects, the Slavic Linguistic Atlas.

References

- Bukumurich M. *Rechnik govora severne Metohije* [Dictionary of North Metohia dialect]. Belgrade, 2012.
- Chemerikich D. *Zbirka rechi iz Prizrena* [The collection of words from Prizren] (www.prepis.org).
- Chupich D., Chupich Zh. *Rechnik govora Zagaracha* [Dictionary of Zagarach dialect]. *Srpski dijalektoloshki zbornik*. Belgrade, 1997. Vol. 44.
- Dalmacija S. *Rjechnik govora Potkozarja* [Dictionary of Potkozarje dialect]. Banja Luka, 2004.
- Dinich J. *Timochki dijalekatski rechnik* [Dictionary of Timok dialect]. Belgrade, 2008.
- Djordjevich Dr. M. *Zhivot i obichaji narodni u Leskovachkoj Moravi* [Life and folk customs in Leskovac Morava]. Belgrade, 1958.
- Elezovich Gl. *Rechnik kosovsko-metohijskog dijalekta* [Dictionary of Kosovo-Metochian dialect]. I–II. *Srpski dijalektoloshki zbornik*. Belgrade, 1932. Vol. 4. Belgrade, 1935. Vol. 6.
- Etimologicheskij slovar' slavyanskih yazykov*. Praslavyanskij leksicheskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages]. Moscow, 1974-, V.1-.
- Hraste M., Simunović P. i Olesch R. *Čakavisch-deutsches Lexikon* [Čakavian-German Lexicon] I, Koln i Wien, 1979.
- Jovanovich V. *Rechnik sela Kamenice kod Nisha* [Dictionary of the village Kamenica near Nish]. *Srpski dijalektoloshki zbornik*. Beograd, 2004. Vol. 51.
- Karadžić V. S. *Srpski rjechnik* [*Serbian dictionary*]. Digital version of the fourth edition (www.srpskijezik.com).
- Markovich M. *Rechnik narodnog govora u Crnoj Reci* [Dictionary of Crna Reka dialect], Vol. I. *Srpski dijalektoloshki zbornik*. Beograd, 1986. Vol. 32.

- Mitrovich B. *Rechnik leskovachkog govora* [Dictionary of Leskovac dialect]. Leskovac, 1984.
- Peev K. *Rechnik na makedonskite govori vo jugoistochniot egejski del* [Dictionary of Macedonian South-East Aegean dialect]. Skopje, 1999. Vol. 1.
- Obscheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya* [The Slavic Linguistic Atlas. Lexical-word-forming series]. Narodnyie obyichai [Folk customs]. Moscow, 2015.
- Peić M., Bačlija G. *Rečnik bačkih Bunjevaca* [Dictionary of Bunjevci in Bachka]. Compiled and edited by Dragoljub Petrović. Novi Sad — Subotica, 1990.
- Rechnik na makedonskata narodna poezija* [Dictionary of Macedonian folk poetry]. Vol. 1–. Skopje, 1983–.
- Rechnik srpskih govora Vojvodine* [Dictionary of Serbian dialects in Vojvodina]. V. 1, Novi Sad, 2000. V. 2, Novi Sad, 2002.
- Rechnik srpskog jezika* [Dictionary of the Serbian Language] (srpskijezik.com).
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Dictionary of the Croatia or Serbian language]. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
- Stanich M. *Uskochki rechnik* [Dictionary of Uskoci dialect]. Belgrade, 1990. Vol. 1–2.
- Tolstaya S. M. *Semanticheskie kategorii kul'tury Očerki po slavyanskoj ehtnolingvistike* [Semantic Categories of Culture. Essays in Slavic Ethnolinguistics]. Moscow, 2010.
- Uskochki rechnik* (www.srpskijezik.com).
- Zlatanovich M. *Rechnik govora Juzhne Srbije* [Dictionary of South Serbian dialect]. Vranje, 1998.

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
Reviews

Т. В. Горячева, О. М. Сергеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

Рец.: ДОБРОДОМОВ, ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ.
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО ЭТИМОЛОГИИ И ЛЕКСИКОЛОГИИ. —
М.: МПГУ, 2015. — 460 с. — ISBN 978-5-4263-0284-6

Рецензия представляет научное издание Добродомов И.Г. Избранные труды по этимологии и лексикологии, вышедшее в конце 2015 г.

Ключевые слова: лексика, слово, фразеологизм, апеллятив, топоним, заимствование, арготизм, диалектное.

В книге представлены труды доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова, в которых решаются проблемы этимологии и ономастики, исторической лексикологии, лингвистического источниковедения, истории материальной культуры, этнографии и этнологии. Выяснено происхождение и описана история функционирования слов и фразеологизмов русского и иных языков, определены и разработаны принципы языковых заимствований, наиболее достоверно отграничены тюркизмы в русском и славянских языках от заимствований из других языков Евразии.

Приведем алфавитный индекс исследуемых слов и явлений с указаниями страниц данного научного издания: *аксиос(ы)* 394–404; *Анбал / Амбал* (антропоним), *амбал* (апеллятив) 279–296; арготические глаголы на *-ма-* 358–362; *аутсайдер* 101–102; *б(ъ)дынъ / одын* 329–333; *балаган* 158–161; *баранчук* 369–375; *батрак* 369–375; *берёза* 226–234; *Боняк Шелудивый* (антропоним) 11–16; *борь, борове*, аки *борове*, **бъръ* 143–149; *бырсь* 134–135; *възъфантулить* 376–387; *водмать* 359; *вор* 110–117; *впоглаза* 363–368; *вполголоса* 363–368; *вполноги* 363–368; *вполлеча* 363–368; *вполуха* 363–368; *гамаша* 52–53, 62–64; гапаксы 339; *грипп* 68; *губа* ‘гриб’ 65; *деньга* 176–180; *держать в ежовых рукавицах* 187–205; *держать в черном теле* 187–205; дериватологические признаки 441–453; *допытмать* 359; *дрофа* 39–46;

дудак 39–46; жемчуг 17–31; жилет 47–48, 67–68; жудь, жуть 150–152; ильмь 137–139; источниковедение и история слова 405–440; йогурт, иогурт, югурт 98–101; кадама, кайданы 162–164; казна, казначей 35–38; камасы 52–53; капторга 339–340; кварц 68; книга 70–78; Коломна (топоним) 262–278; колчан 118–124; копага 164–165; крикмата 359; кузькина мать 256–261; кьметь, кьмети 297–310, 405–440; лаудароны = лацарони 337; лашла = лепила 335–336; люстра 242–246; лягмать 359; ляжмать 359; магазин 32–35; малай 369–375; малахай 48; мантифолия 214–221; мохер, мохеровый 102–103; научмать 359; олух 311–317; паникадило 242–246; парус 61; пистолет, пистоль 69; пицаль 69; погодьмать 358–; портъ ‘одежда’ 153–157; портъ ‘топор’ 153–157; потасовка 222–225; префикс 333–334; призрачные слова 329–338; пьрв ‘парус’ 132–134; реформа орфографии 318–328; рядматься 359; сабля, шабля 181–185, 247; садмать 359; свальматься 359; сижмать, симать 361; сизимать (на-, об-, по-, про-с.) 360, 362; слушмать 359; сморозить 387–394; стерегмать 360; стоймать 359; стрема, на стрёме 336–337; сундук 66; сюкур, сюкуры 135–137; таракан (от тархан — ложная этимология) 54–60; транжирить 247–255; трецотка 235–237; Тьмутаракань (топоним) 104–109; урильник, урыльник 334–335; фендрик 214–221; фурстовина 206–213; хлябь 168–175; чебак 92–96; чеботы 130; чемерица 214–221; чирики 131–132; чубак 139–141; чулок 65, 128–131; шапка 84–92; шаромыга, широмыга, шармак 341–357; шереширь 185–186; шибболет 454–459; шлык 47–48; этика и этикет 238–241; янтарь 79–83.

Все эти сюжеты были опубликованы за полувековой период творческой деятельности И. Г. Добродомова (Добродомов 1964, 1966, 1967, 1968а, 1968б, 1969, 1970а, 1970б, 1970в, 1971а, 1971б, 1971в, 1971г, 1972а, 1972б, 1973а, 1973б, 1974а, 1974б, 1975, 1976, 1977, 1978, 1980, 1981, 1983, 1984, 1985а, 1985б, 1987а, 1987б, 1987в, 1988а, 1988б, 1988в, 1989, 1991, 1993а, 1993б, 1997, 1998, 2003а, 2003б, 2008, 2009, 2010, 2011а, 2011б, 2013а, 2013б, 2014а, 2014б), а также публикации, выполненные в соавторстве с другими лексикологами (Добродомов, Эккерт 1986; Добродомов, Шаповал 2005; Добродомов, Камчатнов 2014).

Следует высказать слова благодарности всем коллегам и ученикам проф. И. Г. Добродомова, которые взяли на себя тяжелый труд, связанный с подготовкой этого сборника: Дагуровой Д. В., Державиной Е. И., Камчатнову А. М., Камчатновой Ю. Б., Крючковой Л. Л., Латфуллиной Л. Г., Сарапс М. В., Соболевой А. Е., а также студенткам филологического факультета МПГУ Герасимовой А. и Ереминой М. Благодаря их труду лексикологические исследования И. Г. Добродомова стали легко обозримыми и показали всю широту и глубину его таланта.

Особенную ценность представляют статьи, опубликованные ранее в малотиражных сборниках, которые сейчас труднодоступны, а также тексты докладов на всероссийских, межвузовских, научно-практических и международных конференциях, ранее в полном виде не опубликованные.

Особый интерес представляют предложенные автором этимологические решения и реконструкции семантической истории слов семинаристского и чиновничьего жаргона XIX в.: *сморозить*, *аксиосы* и др.

Наряду с оригинальными этимологическими толкованиями заслугой И. Г. Добродомова является детализация и дополнительная аргументация предложенных ранее этимологических решений на базе тщательной реконструкции исторического «движения» слова в истории русского языка и его связей с другими языками и как преемника, и как донора. См. разработки толкований слов *книга*, *олух*, *кметь*, *Коломна* и др.

Этимологические толкования, реконструкция структурных и семантических преобразований исходных слов-источников заимствований, разработанные И. Г. Добродомовым для многих из перечисленных выше русских лексем (таких, как *абитуриент*, *бурбонка*, *карман*, *лошадь*, *сабля*, *хлябь*), убедительно вошли в число достижений отечественной этимологической мысли.

Труды И. Г. Добродомова являются прекрасной панорамой диалектики этимологической аргументации и разновекторности этимологического поиска.

Литература

Добродомов 1964 — Добродомов И. Г. Из половецкой ономастики. Таз Боняк // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — Т. XXIII. — Вып. 3. — 1964. — С. 256–258.

Добродомов 1966 — Добродомов И. Г. О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова жемчуг) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. XXV. — Вып. 1. — 1966. — с. 57–64.

Добродомов 1967 — Добродомов И. Г. Слова-путешественники (*Магазин. Казна. Казначей*) // Русская речь. — № 1. — 1967.

Добродомов 1968а — Добродомов И. Г. Дрофа — дудак. Этимологические заметки // Русская речь. — № 4. — 1968. — с. 100–104.

Добродомов 1968б — Добродомов И. Г. Этимологическая страничка. Шлык, жилет // Русский язык в школе. — 1968. — № 3. — с. 90.

Добродомов 1969 — Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках I // Этимология 1967. — М., 1969.

Добродомов 1970а — Добродомов И. Г. Веселая этимология. Таракан в этимологическом аспекте // Русская речь. — № 6. — 1970. — с. 97–100.

Добродомов 1970б — Добродомов И. Г. К этимологии марийского названия лошади // Советское финноугроведение. — Т. VI. — № 4. — Таллин, 1970. — с. 253–254.

Добродомов 1970в — Добродомов И. Г. Камасы и гамаша // Русская речь. — № 3. — 1970. — с. 89, 114.

Добродомов 1971а — Добродомов И. Г. Бродячие слова // Русская речь. — 1971. — № 1. — с. 129–137.

Добродомов 1971б — Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках II // Этимология 1968. — М., 1971.

Добродомов 1971в — Добродомов И. Г. Книга // Русская речь. — 1971. — № 5. — с. 83–91.

Добродомов 1971г — Добродомов И. Г. Янтарь // Русская речь. — № 4. — 1971. — с. 138–142.

Добродомов 1972а — Добродомов И. Г. Из болгарского вклада в славянских языках III // Этимология 1970. — М. 1972. — с. 103–115.

Добродомов 1972б — Добродомов И. Г. Новая одежда старых слов // Русская речь. — № 2. — 1972. — С. 67–72.

Добродомов 1973а — Добродомов И. Г. К этимологии слова *вор* // Диалекты и топонимия Поволжья. Вып. 2. — Чебоксары, 1973. — с. 75–86.

Добродомов 1973б — Добродомов И. Г. Тьмуторокань и Тамань // Русская речь. — № 5. — 1973. — с. 129–133.

Добродомов 1974а — Добродомов И. Г. Колчан // Русская речь. — № 4. — 1974. — с. 115–120.

Добродомов 1974б — Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. — М., 1974. — с. 26–43.

Добродомов 1975 — Добродомов И. Г. Проблемы филологической достоверности слова в словарях // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. — Вып. 4. — 1975. — с. 29.

Добродомов 1976 — Добродомов И. Г. Загадочная параллель: *бур* (*бор*) орхонских рунических надписей и *борь* (**брь*) «Повести временных лет» // *Turcologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. — Л., 1976. с. 241–246.

Добродомов 1977 — Добродомов И. Г. *Жудь* и *жуть* // Русская речь. — № 3. — 1977. — с. 157–160.

Добродомов 1978 — Добродомов И. Г. К изучению лексики «Русской Правды» (*портъ* ‘топор’ и *портъ* ‘одежда’) // Восточнославянское и общее языкознание. — М. 1978. — с. 133–136.

Добродомов 1980 — Добродомов И. Г. Ещё о слове *балаган* // Русская речь. — № 1. — 1980. — с. 141–144.

Добродомов 1981 — Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Межвузовский сборник статей. Вып. 2. — Орджоникидзе, 1981. — с. 37–42.

Добродомов 1983 — Добродомов И. Г. К этимологии церковнославянского *хлябь* (*хлябь*) // Этимология 1981. — М., 1983. — с. 29–35.

Добродомов 1984 — Добродомов И. Г. Об одной хантыйско-эвенкийской параллели и ее происхождении // Советское финноугроведение. — Т. XX. — № 3. — Таллин, 1984. — с. 195–198.

Добродомов 1985а — Добродомов И. Г. Ещё раз о славянских вариантах **sabja*, **shabja* // Этимология 1983. — М., 1985. — с. 88–92.

Добродомов 1985б — Добродомов И. Г. К этимологии мордовского названия берёзы // 6 Международный конгресс фино-угроведов в Сыктывкаре (июль 1985 г.).

Добродомов 1987а — Добродомов И. Г. Потасовка // Русская речь. — № 1. — 1987. — с. 133–136.

Добродомов 1987б — Добродомов И. Г. Существовало ли на Волге слово *фурстовина*? // Двужычие и контрастивная грамматика. — Чебоксары, 1987. — С. 18–25.

Добродомов 1987в — Добродомов И. Г. Читая Чехова и словари... (*Фендрик, чемерица, мантифолия*) // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. — Вологда, 1987. — с. 110–117.

Добродомов 1988а — Добродомов И. Г. Люстра и ее «конкурент» // Русская речь. — № 3. — 1988. — с. 133–137.

Добродомов 1988б — Добродомов И. Г. О происхождении слова *трещотка* // Русский язык в школе. — № 1. — 1988. — с. 90–92.

Добродомов 1988в — Добродомов И. Г. Этика и этикет // Русская речь. — № 4. — 1988. — с. 127–130.

Добродомов 1989 — Добродомов И. Г. К истории глагола *транжирить* // Этимология 1986–1987. — М., 1989. — с. 194–200.

Добродомов 1991 — Добродомов И. Г. Еще раз о кузькиной матери // Русская речь. — № 2. — 1991. — с. 134–138.

Добродомов 1993а — Добродомов И. Г. Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России. — М., 1993. — с. 55–73.

Добродомов 1993б — Добродомов И. Г. Об одном алаано-буртаском имени в эпитафиях волжских болгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. — М., 1993. — с. 130–150.

Добродомов 1997 — Добродомов И. Г. Еще раз: *куряне сведоми къмети* «Слова о полку Игореве» // Вопросы языкознания. — № 3. — 1997. — с. 53–62.

Добродомов 1998 — Добродомов И. Г. Немые Кизляры (из комментария к «Бахчисарайскому фонтану») // *Philologica*. — 1998. — Vol. 5. — № 11/12. — с. 133–137.

Добродомов 2002 — Добродомов И. Г. Проблема филологической достоверности материала в исторических словарях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — № 4 (10). — М., 2002. — С. 5–20.

Добродомов 2003а — Добродомов И. Г. Еще раз об этимологии слова *олух* // Этимология 2000–2002. — М., 2003. — с. 120–126.

Добродомов 2003б — Добродомов И. Г. Чем грозила и грозит «реформа» орфографии // Русский вестник. — 2003. — 27 июля.

Добродомов 2008 — Добродомов И. Г. Древнерусские гапаксы и этимологические соображения // Проблемы филологии народов Поволжья. вып. 2. — М.-Ярославль, 2008. — с. 10–11.

Добродомов 2009 — Добродомов И. Г. Иллюзорные галлицизмы офенского происхождения: *шаромыга, шармак* // Русистика. Прошлое и настоящее национального языка. Сб. статей, посвященный 70-летию профессора Б. И. Осипова. — Омск, 2009. — С. 188–204.

Добродомов 2010 — Добродомов И. Г. Об одном призрачном слове у В. И. Даля (вклад Ахмеда Ибн Фадлана и О. И. Сенковского в русскую лексику) // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне. — М.: Academia, 2010. — с. 99–108.

Добродомов 2011а — Добродомов И. Г. Арготические глаголы с маскировочным суф. *-ма-* // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. научных трудов, посв. юбилею доктора филол. наук проф. Л. А. Климковой. — Арзамас, 2011. — с. 183–188.

Добродомов 2011б — Добродомов И. Г. Из мерянского вклада в русское слово-производство (*вполглаза, вполуха, вполплеча*) // Эмбатерион = Еμβατηριον. Сборник статей по искусствоведению, филологии, истории. К 70-летию В. П. Яйленко. — М., 2011. — с. 214–218.

Добродомов 2013а — Добродомов И. Г. *Батрак, малай, баранчук* // Российская тюркология. — № 1(8). — М.; Казань, 2013. — с. 76–81.

Добродомов 2013б — Добродомов И. Г. Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: *взьефантулить, сморозить, аксиосы* // Slověne. International Journal of Slavic Studies. — Vol. 2. — № 2. — 2013. — с. 143–171.

Добродомов 2014а — Добродомов И. Г. Источниковедение и история слова // Герменевтика древнерусской литературы. — Вып. 16–17. — М., 2014. — С. 748–781.

Добродомов 2014б — Добродомов И. Г. *Шибболет*: библеизм или галлицизм? // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. — 2014. — № 2.

Добродомов, Камчатнов 2014 — Добродомов, Камчатнов А. М. Дериватологические признаки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — № 3(57). — 2014. — с. 13–20.

Добродомов, Шаповал 2005 — Добродомов И. Г. Шаповал В. В. О призрачных словах у лексикографов // Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. — Vol. XIII. — No. 1. — Cambridge — Massachusetts, 2005. — p. 331–337.

Добродомов, Эккерт 1986 — Добродомов И. Г., Эккерт Р. Значение изучения фразеологизмов в тексте (по поводу фразеологизмов *держать в чёрном теле; держать в ежовых рукавицах*) // ZfSl — Bd. 31. — № 3. — Berlin, 1986. — S. 425–436.

T. V. Goryacheva, O. M. Sergeeva

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru*

**Review of: DOBRODOMOV IGOR' GEORGIEVICH.
IZBRANNYE TRUDY PO ETIMOLOGII I LEKSIKOLOGII
[SELECTED WORKS ON ETYMOLOGY AND LEXICOLOGY]. —
Moscow: MPGU, 2015. — 460 p. — ISBN 978-5-4263-0284-6**

The review presents the research work Dobrododomov, Igor' Georgievich. Izbrannye trudy po etimologii i leksikologii, published in late 2015.

Keywords: vocabulary, word, idiom, appellative, placename, borrowing, slang word, dialectism.

References

Dobrodomov 1964 — Dobrodomov I. G. *Iz polovetskoj onomastiki*. Taz Bonyak [From Cuman Onomastics. Taz Bonyak]. *Izvestiya AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. Series Literature and Language. Vol. XXIII. Issue 3. 1964. P. 256–258.

Dobrodomov 1966 — Dobrodomov I. G. *O metodakh issledovaniya drevneishikh tyurkizmov v sostave russkogo slovarya (K istorii slova zhemchug)* [On the Methods of Studying the Earliest Turkisms in the Russian Vocabulary (To the History of Russ. *zhemchug* ‘pearl’)]. *Izvestiya AN SSSR* [Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR]. Series Literature and Language. Vol. XXV. Issue 1. 1966. p. 57–64.

Dobrodomov 1967 — Dobrodomov I. G. *Slova-puteshestvenniki* (Magazin. Kazna. Kaznachei) [Wandering Words. *Magazin* ‘store’. *Kazna* ‘treasury’. *Kaznachei* ‘treasurer’]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 1. 1967.

Dobrodomov 1968a — Dobrodomov I. G. Drofa — dudak. *Etimologicheskie zametki* [Drofa — dudak ‘bustard’. Etymological Notes]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 4. 1968. p. 100–104.

Dobrodomov 1968b — Dobrodomov I. G. *Etimologicheskaya stranichka*. Shlyk, zhilet [Etymological page. Russ. *shlyk* ‘type of headwear’, *zhilet* ‘vest’]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School]. 1968. No. 3. p. 90.

Dobrodomov 1969 — Dobrodomov I. G. *Iz bulgarskogo vklada v slavyanskikh yazykakh I* [From Bulgar Contributions to Slavic Vocabulary I]. *Etimologiya* [Etymology] 1967. Moscow, 1969.

Dobrodomov 1970a — Dobrodomov I. G. *Veselaya etimologiya*. Tarakan v etimologicheskom aspekte [Fun Etymology. *Tarakan* ‘cockroach’ in Its Etymological Aspect]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 6. 1970. p. 97–100.

Dobrodomov 1970b — Dobrodomov I. G. *K etimologii mariiskogo nazvaniya loshadi* [To the Etymology of the Mari Word for Horse]. *Sovetskoe finnougrovedenie* [Soviet Finno-Ugric Studies]. vol. VI. No. 4. Tallin, 1970. p. 253–254.

Dobrodomov 1970v — Dobrodomov I. G. *Kamasy i gamashi* [*Kamasy* ‘animal hides used for making hand- and footwear’ and *gamashi* ‘spats’]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 3. 1970. p. 89, 114.

Dobrodomov 1971a — Dobrodomov I. G. *Brodyachie slova* [Wandering Words]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1971. No. 1. p. 129–137.

Dobrodomov 1971b — Dobrodomov I. G. *Iz bulgarskogo vklada v slavyanskikh yazykakh II* [From Bulgar Contributions to Slavic Vocabulary II]. *Etimologiya* [Etymology] 1968. Moscow, 1971.

Dobrodomov 1971v — Dobrodomov I. G. *Kniga* [Russ. *kniga* ‘book’]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1971. No. 5. p. 83–91.

Dobrodomov 1971g — Dobrodomov I. G. *Yantar'* [Russ. *yantar'* ‘amber’]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 4. 1971. p. 138–142.

Dobrodomov 1972a — Dobrodomov I. G. *Iz bulgarskogo vklada v slavyanskikh yazykakh III* [From Bulgar Contributions to Slavic Vocabulary III]. *Etimologiya* 1970. Moscow, 1972. p. 103–115.

Dobrodomov 1972b — Dobrodomov I. G. *Novaya odezhdа starykh slov* [New Garments for Old Words]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 2. 1972. P. 67–72.

Dobrodomov 1973a — Dobrodomov I. G. *K etimologii slova vor* [To the Etymology of Russ. *vor* 'thief']. *Dialekty i toponimiya Povolzh'ya* [Dialects and Toponymy of the Volga Region]. Issue. 2. Cheboksary, 1973. p. 75–86.

Dobrodomov 1973b — Dobrodomov I. G. *T'mutorokan' i Taman'* [*T'mutorokan'* and *Taman'*, placenames]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 5. 1973. p. 129–133.

Dobrodomov 1974a — Dobrodomov I. G. *Kolchan* [Russ. *kolchan* 'quiver']. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 4. 1974. p. 115–120.

Dobrodomov 1974b — Dobrodomov I. G. *Puti proniknoveniya bulgarskikh elementov v slavyanskije yazyki* [Paths of Introduction of Bulgar Elements into Slavic Languages]. *Tyurkizmy v vostochnoslavjanskikh jazykakh* [Turkisms in East Slavic Languages]. Moscow, 1974. p. 26–43.

Dobrodomov 1975 — Dobrodomov I. G. *Problemy filologičeskoj dostovernosti slova v slovaryakh* [Problems of Philological Veracity of Vocabulary Items]. *Problemy slavyanskoi istoričeskoj leksikologii i leksikografii* [Issues in Slavic Historical Lexicology and Lexicography]. Issue 4. 1975. p. 29.

Dobrodomov 1976 — Dobrodomov I. G. *Zagadochnaya parallel': bur (bor) orkhonskikh runičeskikh nadpisej i боръ (*бѣръ) «Povesti vremennykh let»* [An Enigmatic Parallel: *bur (bor)* of Orkhon Runic Inscriptions and *боръ (*бѣръ)* of the Russian Primary Chronicle]. *Turcologica* [Turkic Studies]. On the Occasion of Academician A.N Konoнов's 70th Birthday. — Leningrad, 1976. p. 241–246.

Dobrodomov 1977 — Dobrodomov I. G. *Zhud' i zhut'* ['horror, terror']. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 3. 1977. p. 157–160.

Dobrodomov 1978 — Dobrodomov I. G. *K izučenyju leksiki «Russkoj Pravdy» (port' 'topor'» i port' 'odezhda')* [To the Studies of «Russkaia Pravda» Vocabulary: *port'* 'axe' and *port'* 'clothing item']. *Vostochnoslavjanskoe i obščee jazykoznanie* [East Slavic and General Linguistics]. Moscow, 1978. — p. 133–136.

Dobrodomov 1980 — Dobrodomov I. G. *Ešče o slove balagan* [Once more on Russ. *balagan* 'fairground show; booth wherein such show is performed; foolery']. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 1. 1980. p. 141–144.

Dobrodomov 1981 — Dobrodomov I. G. *Ob alanizmakh v russkom jazyke* [On Alanisms in Russian]. *Osetinskaja filologija* [Ossetian Philology]. Intercollegiate collected papers. Issue 2. Ordzhonikidze, 1981. p. 37–42.

Dobrodomov 1983 — Dobrodomov I. G. *K etimologii tserkovnoslavjanskogo khliab' (khlěb')* [On the etymology of Church Slavonic *khliab' (khlěb')*]. *Etimologija* [Etymology] 1981. Moscow, 1983. p. 29–35.

Dobrodomov 1984 — Dobrodomov I. G. *Ob odnoi khantyisko-evenkiiskoi paralleli i ee proiskhoždenii* [On A Khanty-Evenki Parallel and Its Origin]. *Sovetskoe finnougrovedenie* [Soviet finno-Ugric Studies]. Vol. 20. No. 3. Tallin, 1984. p. 195–198.

Dobrodomov 1985a — Dobrodomov I. G. *Ešče raz o slavyanskikh variantakh *sabja, *shabja* [Once More on Slavic Variants **sabja, *shabja*]. *Etimologija* [Etymology] 1983. Moscow, 1985. p. 88–92.

Dobrodomov 1985b — Dobrodomov I. G. *K etimologii mordovskogo nazvaniya berezy* [To the Etymology of the Mordovian word for ‘birch’]. *6th International Congress of Finno-Ugric Studies in Syktyvkar* (July 1985).

Dobrodomov 1987a — Dobrodomov I. G. Potasovka [*Potasovka* ‘brawl’]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 1. 1987. p. 133–136.

Dobrodomov 1987b — Dobrodomov I. G. *Sushchestvovalo li na Volge slovo furstovina?* [Did the word *furstovina* ‘stormy weather’ exist on the Volga?]. *Dvuyazychie i kontrastivnaya grammatika* [Bilingualism and Contrastive Grammar]. Cheboksary, 1987. P. 18–25.

Dobrodomov 1987v — Dobrodomov I. G. *Chitaya Chekhova i slovari...* (Fendrik, chemeritsa, mantifoliya) [Reading Chekhov and Dictionaries: *Fendrik* ‘a military rank; coxcomb, fopling’, *chemeritsa* ‘plant name’, *mantifoliya* ‘exalted speech’]. *Dialektnoe i prostorechnoe slovo v diakhronii i sinkhronii* [Dialectal and Colloquial Word in Diachrony and Synchrony]. Vologda, 1987. p. 110–117.

Dobrodomov 1988a — Dobrodomov I. G. *Lyustra i ee «konkurent»* [Chandelier and its «competition»]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 3. 1988. p. 133–137.

Dobrodomov 1988b — Dobrodomov I. G. *O proiskhozhdenii slova treshchotka* [On the Origin of *treshchotka* ‘rattle’]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School]. No. 1. 1988. p. 90–92.

Dobrodomov 1988v — Dobrodomov I. G. *Etika i etiket* [Ethics and Etiquette]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 4. 1988. p. 127–130.

Dobrodomov 1989 — Dobrodomov I. G. *K istorii glagola tranzhirit'* [To the History of *tranzhirit'* ‘to spend uncontrollably, waste (money)’]. *Etimologiya* [Etymology] 1986–1987. Moscow, 1989. p. 194–200.

Dobrodomov 1991 — Dobrodomov I. G. *Eshche raz o kuz'kinoi materi* [Once more on *kuzkina mat'*]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. No. 2. 1991. p. 134–138.

Dobrodomov 1993a — Dobrodomov I. G. *Gorod Kolomna (toponimicheskii etyud s istochnikovedcheskimi ekskursami)* [The town *Kolomna*: an Essay in Toponymy with Source Study Excursi]. *Toponimiya Rossii* [Toponomastics of Russia]. Moscow, 1993. p. 55–73.

Dobrodomov 1993b — Dobrodomov I. G. *Ob odnom alano-burtasskom imeni v epitafiyakh volzhskikh bulgar XIV veka* [On an Alanian-Burtas Name in Volga Bulgar Epitaphies of the 14th Century]. *Onomastika i epigrafika srednevekovoi Vostochnoi Evropy i Vizantii* [Onomastics and Epigraphy of the Medieval Eastern Europe and Byzantium]. Moscow, 1993. p. 130–150.

Dobrodomov 1997 — Dobrodomov I. G. *Eshche raz: kur'ane svedomi kьmeti «Slova o polku Igoreve»* [Once More: ‘*kur'ane svedomi kьmeti*’ of the Tale of Igor’s Campaign]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics]. No. 3. 1997. p. 53–62.

Dobrodomov 1998 — Dobrodomov I. G. *Nemye Kizlyary (iz kommentariya k «Bakhchisaraiskomu fontanu»)* [The Mute Kizlyary: from a commentary on A. Pushkin’s The Fountain of Bakhchisaray]. *Philologica*. 1998. Vol. 5. No. 11/12. p. 133–137.

Dobrodomov 2002 — Dobrodomov I. G. *Problema filologicheskoi dostovernosti materiala v istoricheskikh slovaryakh* [The Problem of Philological Veracity of Historical

Dictionary Data]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus'. Issues in Medieval Studies]. No. 4 (10). Moscow, 2002. P. 5–20.

Dobrodomov 2003a — Dobrodomov I.G. *Eshche raz ob etimologii slova olukh* [Once More on the Etymology of *olukh* 'foolish individual']. *Etimologiya* [Etymology] 2000–2002. Moscow, 2003. p. 120–126.

Dobrodomov 2003b — Dobrodomov I.G. *Chem grozila i grozit «reforma» orfografii* [What was and what is threatening about the «reform» of Russian orthography]. *Russkii vestnik* [Russian Messenger] 2003. July 27.

Dobrodomov 2008 — Dobrodomov I.G. *Drevnerusskie gapaksy i etimologicheskie soobrazheniya* [Old Russian Hapaxes and Etymological Considerations]. *Problemy filologii narodov Povolzh'ya* [Issues in Philological Studies of Volga Region Peoples' Heritage]. Issue 2. Moscow-Yaroslavl', 2008. p. 10–11.

Dobrodomov 2009 — Dobrodomov I.G. *Illyuzornye gallitsizmy ofenskogo proiskhozhdeniya: sharomyga, sharmak* [Delusory Gallicisms of Trade Slang Origin: *sharomyga* 'parasite', *sharmak* 'option of obtaining sth. for free']. *Rusistika. Proshloe i nastoyashchee natsional'nogo yazyka* [Russian Studies. The Past and the Present of the National Language]. Collected papers presented on the Occasion of Prof. B.I. Osipov's 70th Birthday. Omsk, 2009. P. 188–204.

Dobrodomov 2010 — Dobrodomov I.G. *Ob odnom prizrachnom slove u V.I. Dal'ya (vklad Akhmeda Ibn Fadlana i O.I. Senkovskogo v russkuyu leksiku)* [On a Phantom Word in Vladimir Dal's Dictionary: Contribution by Ahmad ibn Fadlan and Osip Senkovsky to Russian Vocabulary]. *Vladimir Dal' v schastlivom dome na Presne* [Vladimir Dal' at a 'happy' house on the Presnya]. Moscow: Academia, 2010. p. 99–108.

Dobrodomov 2011a — Dobrodomov I.G. *Argoticheskie glagoly s maskirovochnym suf. -ma-* [Slang Verbs with a Disguise Suffix -ma-]. «*I neznyi vkus rodimoj rechi...*» ['...And a Sweet Taste of Native Speech']: collected papers on the occasion of Prof. L.A. Klimkova's birthday. Arzamas, 2011. p. 183–188.

Dobrodomov 2011b — Dobrodomov I.G. *Iz meryanskogo vklada v russkoe slovoпроизводство (vpolglaza, vpolukha, vpolplecha)* [From the Merya Contribution to Russian Word Derivation]. *Embaterion = Εμβάτηριον. Collected Papers in Art Studies, Philology, History. On the Occasion of V.P. Yailenko's 70th Birthday*. Moscow, 2011. p. 214–218.

Dobrodomov 2013a — Dobrodomov I.G. *Batruk, malai, baranchuk* [*Batruk* 'worker for hire', *malai* 'boy; worker', *baranchuk* 'boy, adolescent']. *Rossiiskaya tyurkologiya* [Russian Turcology]. No. 1(8). Moscow; Kazan', 2013. p. 76–81.

Dobrodomov 2013b — Dobrodomov I.G. *Etimologicheskie zametki o russkom seminar'skom zhargone: vz'efantulit', smorozit', aksiosy* [Etymological Notes on Russian Theological College Student Slang: *vz'efantulit'* 'to subject to harsh (verbal) punishment'; *smorozit'* 'to (carelessly) say (sth. inappropriate)', *aksiosy* 'hair']. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 2. No. 2. 2013. p. 143–171.

Dobrodomov 2014a — Dobrodomov I.G. *Istochnikovedenie i istoriya slova* [Source Studies and History of Word]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. — Issue 16–17. — Moscow, 2014. — P. 748–781.

Dobrodomov 2014b — Dobrodomov I. G. *Shibbolet: bibleizm ili gallitsizm?* [*Shibbolet* ‘notable speech marker’: a Bibleism or a Gallicism?]. *Vestnik Literaturnogo instituta im. A. O. Gor’kogo* [Bulletin of A. M. Gorky Institute of Literature]. 2014. No. 2.

Dobrodomov, Kamchatnov 2014 — Dobrodomov I. G., Kamchatnov A. M. *Derivativologicheskie priznaki* [Derivatological Signs]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus'. Issues in Medieval Studies]. No. 3(57). 2014. p. 13–20.

Dobrodomov, Shapoval 2005 — Dobrodomov I. G., Shapoval V. V. *O prizrachnykh slovakh u leksikografov* [On Phantom Words in Lexicographers' Corpora]. *Palaeoslavica. International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Vol. XIII. No. 1. Cambridge Massachusetts, 2005. p. 331–337.

Dobrodomov, Ekkert 1986 — Dobrodomov I. G., Ekkert R. *Znachenie izucheniya frazeologizmov v tekste (po povodu frazeologizmov derzhat' v chernom tele; derzhat' v ezhovykh rukavitsakh)* [The Significance of Studying Phraseological Units in Text (regarding the idioms *derzhat' v chernom tele; derzhat' v ezhovykh rukavitsakh* ‘keep s.o. in strict submission, force restrictions onto s.o.’)]. *ZfSl*, Bd. 31. No. 3. Berlin, 1986. P. 425–436.

Л. Димитрова-Тодорова

Институт болгарского языка БАН
(Болгария, София)
lilidimtod@yahoo.com

**Рец.: ХРИСТИНА ДЕЙКОВА.
ЭТИМОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНТАКТОЛОГИЯ
(РУМЫНСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В ОДНОМ БОЛГАРСКОМ ГОВОРЕ).
Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016, 208 с.**

Рецензия посвящена новой книге Х. Дейковой об одной интересной группе исключительно трудных для этимологизации глаголов в болгарском говоре, контактирующем с румынским языком, — а именно глаголов на *-ишъм*, *-ъишъм* и *-аишъм*. Подробно освещается содержание книги, подчеркивается новаторский комплексный подход исследовательницы, использование ею данных лингвистической контактологии, позволивших ей сделать вывод о том, что в данном говоре существует единая модель морфологической адаптации глагольных заимствований из румынского языка при помощи суффикса *-ишъ-* (диалектного варианта общebolгарского суффикса *-са-* из греческой аористой основы).

Ключевые слова: этимология, лингвистическая контактология, диалектология, заимствования.

В труде Хр. Дейковой обсуждаются проблемы болгарской этимологии, связанные с этимологизацией балканских заимствований в болгарском языке и в болгарских диалектах. Объектом анализа является один очень интересный тип глаголов (заканчивающихся на *-ишъм*, *-ъишъм* и *-аишъм*) в столь же интересном с научной точки зрения говоре с. Ново село, Видинской области, который подробно изучен проф. Максимом Младеновым. В этом говоре наблюдаются процессы заимствования слов из румынского в болгарский язык; эти языки на протяжении многих веков находились в непрерывном контакте на общезыковом и диалектном уровнях, в результате чего были созданы условия болгарско-румынской языковой интерференции.

Исследование состоит из Введения (с. 3–27), I главы (с. 28–125) и II главы (с. 126–166), Заключения (с. 165–175) и четырёх справочных разделов: Источники

(с. 176–177), Литература (с. 178–189), Алфавитный указатель анализируемых слов (с. 190–193) и Сокращения (с. 194–195).

Во **Введении** (состоящем из трёх частей) представлены проблемы болгарской этимологии, связанные, с одной стороны, с так называемой диалектной этимологией (термин «обычно применяется к двум типам этимологических исследований, связанных, с одной стороны — с этимологизацией собственно диалектной лексики, а с другой стороны — с привлечением диалектной лексики при этимологизации литературных слов, праязыковых форм или слов родственных языков», с. 5) вслед за цитируемой Ж.Ж. Варбот, а с другой стороны, с так называемой контактной этимологией, которая «направлена на выяснение происхождения лексических единиц и языковых структур, перенесённых из одного языка в другой (или в другие) в ситуации языкового контактирования», с. 6. Совсем недавно (2013 г.) Р. Мейлхаммер (R. Mailhammer) определил контактную этимологию как этимологическую субдисциплину со своими методологическими процедурами анализа на основе современных теорий языковых контактов С. Томасона (S. Thomason), Т. Кауфмана (T. Kaufman) и Ф. ван Кутсема (F. van Coetsema). Следует подчеркнуть, что Хр. Дейкова сосредоточивает внимание на двух научных аспектах, которые очень актуальны для болгарской этимологии и для «Болгарского этимологического словаря». В этом словаре разрабатываются разнообразные случаи как диалектной этимологии (при объяснении диалектных слов со всей болгарской языковой территории), так и контактной этимологии (при объяснении многочисленных заимствований из соседних балканских языков в общенародный язык и диалекты). Здесь исследовательница несколько подробнее останавливается на методологических критериях в контактной этимологии (контактном сценарии / *contact scenario*, контактирующем языке / *contact language* и контактной структуре / *contact structure*) и, учитывая объект своего исследования (диалектную лексику, заимствованную в условиях языкового контакта между диалектами двух контактных языков), акцентирует внимание на трудностях, связанных с прояснением первого и третьего критериев (с. 9–12).

Хр. Дейкова выражает намерение рассматривать данные глаголы комплексно и системно, пытаясь дать им единое этимологическое объяснение. Её цель — показать возможности системного подхода для успешной этимологизации диалектной лексики при учёте системных закономерностей в рамках конкретного диалекта (в данном случае диалектные слова сгруппированы по структурному признаку). Одной из целей исследования является выяснение видовой характеристики рассматриваемых глаголов (в рамках заочной дискуссии с М. Сл. Младеновым) путём прояснения частного случая болгарско-румынской грамматической интерференции, который мог бы послужить доказательством в пользу выдвинутой этимологической гипотезы (в отношении общей концовки данных глаголов). Таким образом, на конкретном материале Хр. Дейкова стремится показать возможности полезного взаимодействия этимологии с лингвистической контактологией. Здесь хотелось бы особо подчеркнуть, что глаголы, являющиеся объектом данного исследования, исключительно трудны для этимологизации по отдельности, и что системный

подход, который выбирает исследовательница, до сих пор не применялся в болгарской этимологии при этимологизации диалектной лексики.

Далее в исследовании представлен говор с. Ново село Видинской области с точки зрения ситуации болгарско-румынских языковых контактов; а также излагаются существующие отрывочные социолингвистические сведения, о данном говоре Ст. Младенова, который изучал говор в конце XIX в., а также М. Сл. Младенова, который подробно исследовал говор в 60-е гг. XX в.

В последней части Введения Хр. Дейкова представляет румынские глагольные заимствования и связанные с ними слова — объект её исследования (почерпнутые в основном из труда М. Сл. Младенова и частично из одной недавно вышедшей книги с диалектными текстами из с. Ново село Видинской области). Это такие глаголы, как: *булдуишиџъм*, *гуишиџъм*, *дърнуишиџъм*, *съ доспишиџ*, *изворишиџ*, *клучишиџъм*, *съ к'орџишиџъм*, *съ кънуишиџъм*, *копилишиџъм*, *лъпсъџишиџъм*, *съ нъмолишиџ*, *моишиџъм*, *поликришиџъм*, *припонџишиџъм*, *прѣпѣдишиџъм*, *съ руменџишиџъм*, *съ ребѣџишиџъм*, *съ скоколишиџъм*, *съ скородџишиџ*, *съ стѣфидџишиџ*, *судомџишиџъм*, *турџаџишиџъм* и *турџишиџъм*, *съ фѣсулишиџъм*, *чугулишиџъм* и др. В сферу исследования также включены такие прилагательные, как *гънфџаџиџън*, *къпџиџаџиџън*, *фермекаџиџън*, *фѣрѣмаџиџън*, *ѣпукџаџиџън*, по своему происхождению являющиеся страдательными причастиями от незасвидетельствованных в говоре глаголов, относительно которых можно предполагать заимствование из румынского языка.

Первая глава исследования посвящена этимологическому анализу глаголов, заимствованных из румынского языка, оканчивающихся на *-џиша(м)*, *-џиџ(м)*, *-џиџ(м)*. Отправной точкой при анализе служит этимологическая практика «Болгарского этимологического словаря» (БЭС), в котором объясняется 18 глаголов рассматриваемой группы — *збъндџиша се* (= *збъндџишиџ съ*), *клучџиша се* (= *клучишиџ съ*), *копилиџиџам* (= *копилишиџъм*), в статье *кџепеле*, *къорџиџам се* (= *к'орџишиџ съ*), в статье *къор*, *лъпсъџишиџъм*, *мингуџиџам*, *намолиџиша (са)* [= *нъмолишиџ (съ)*], в статье *нъмџл*, *повѣстишиџъм*, *поликришиџъм*, в статье *поликра*, *припонџиџам* (= *припонџишиџъм*), *пѣлиџуџвъ съ*, *пѣлиџиџ съ* и др. Хр. Дейкова справедливо считает неудовлетворительными и неполными толкования части перечисленных слов, она критически осмысливает данные толкования и приводит конкретные аргументы. Исследовательница подчёркивает отсутствие единства в объяснениях образования подобных глаголов и характера их концовок в «Болгарском этимологическом словаре». Одной из причин этого, по ее мнению, является изолированное объяснение части этих глаголов, не соотнесенных с другими подобными заимствованиями в данном говоре, вследствие чего автор исследования выбирает именно системный подход при этимологизации заимствованных глаголов, чтобы «преодолеть индивидуальность слова» (по Варбот).

Далее Хр. Дейкова объясняет происхождение форм *-џиша(м)*, *-џиџ(м)*, *-џиџ(м)*, которым или не уделяется никакого внимания в «Болгарском этимологическом словаре», или делается неубедительная, по мнению исследовательницы, попытка их объяснения. В процессе углубления их анализа Дейкова приводит диалектные данные и параллельные языковые процессы в качестве доказательных аргументов

в пользу предложенного ею объяснения — сравнивает рассмотренные глаголы с другими румынскими глаголами-заимствованиями из болгарских говоров на территории Румынии (изученные также М. Сл. Младеновым и Ст. Стойковым), а также с глагольными заимствованиями из турецкого и греческого в болгарский язык. Таким образом она обнаруживает, что в данном говоре существует единая модель морфологической адаптации глагольных заимствований из румынского языка при помощи суффикса *-ишь-*, который является диалектным вариантом общеполгарского суффикса *-са-* из греческой аористной основы. Исходя из морфологических особенностей предполагаемых румынских контактных диалектов, Дейкова устанавливает гибридный характер концовок *-ишь(м)*, *-ъишь(м)* и *-аишь(м)*, так как, по её мнению, варианты вокальных расширений формантов обычно соответствуют аористной основе исходных румынских глаголов (автор поясняет, что имеет в виду глагольную основу прошедшего времени в форме аориста/простого перфекта в румынском языке, с. 63, сноска 50). Уместно сопоставить данные форманты с гибридными формантами *-тис-/дис-*, при помощи которых адаптируются турецкие глагольные заимствования в болгарском языке. Способ заимствования греческих и турецких глаголов в их аористной форме давно установлен и применяется в практической работе над «Болгарским этимологическим словарем». Открытие, сделанное Хр. Дейковой, состоит в том, что таким образом могут объясняться также румынские глагольные заимствования в диалектах с сильным языковым взаимодействием — этот факт не был известен до сих пор. Таким образом, в конце исследовательница обобщает, что „проникновение глагольных заимствований в болгарский язык при непосредственном языковом контакте очень часто происходит путём перенесения аористных основ исходных глаголов, адаптированных, в свою очередь, с помощью формантов, являющихся по происхождению аффиксами с соотносимой грамматической семантикой (в конкретном случае речь идет о суффиксе *-са* от греческой аористной основы)“ (с. 169–170). Этот вывод имеет как теоретическое значение для балканского языкознания и лингвистической контактологии, так и бесспорное практическое значение для болгарской этимологии.

Далее в этой главе Хр. Дейкова приступает к конкретному этимологическому анализу самих заимствований на *-ишь(м)*, *-ъишь(м)*, *-аишь(м)* и связанных с ними слов (всего 60 единиц). В результате внимательного и глубокого анализа Дейкова приходит к убедительным этимологиям, чему способствует и применяемый ею системный подход. В своём исследовании она впервые этимологизирует ряд глаголов новосельского говора или корректирует известные до сего дня попытки этимологизации, которые оказались неудачными именно из-за того, что рассматривались бессистемно. В этом исследовании очень ярко очерчиваются большие трудности, которые вызывает этимологизация балканских заимствований в болгарских диалектах, проникавших из одного языка в другой при посредничестве третьего (в этом конкретном случае заимствованные из румынского глаголы, образованные в румынском от греческих и турецких заимствований, которые, в свою очередь, заимствованы в болгарский, где имеются подобные производные; ср., например, *зогръфйишьм*, с. 79–81, а также пересмотренные этимологии для *съ к'орйишьм*,

с. 87–88, *лъпсѣшиѣм*, с. 88, *съ стѣфидишиѣ*, с. 105–106). В отношении болгаро-румынских языковых контактов не всегда легко установить также и обратные заимствования в болгарский (ср., например, пересмотренные автором этимологии *съ нѣмолѣшиѣ*, с. 89–90, *припонѣшиѣм*, с. 92, *съ пѣлициѣва*, *съ пѣлишиѣ*, с. 93–94, както и *съ руменишиѣм*, с. 97–98, и др.). Неправдоподобность некоторых прежних этимологических объяснений, так же, как и отдельных гипотез, предложенных различными авторами, вызвана тем, что в процессе заимствования слов или в процессе языковой интерференции в исходных формах произошёл ряд изменений, чаще фонетических и морфологических. Хр. Дейкова более глубоко и аргументированно раскрывает наступившие изменения в форме и значении слов, а также случаи морфологической и семантической интерференции. При этимологическом анализе учитываются как фонетические и морфологические закономерности болгарского и румынского языка (в их историческом развитии), в данном случае их диалектов, так и семантика лексических основ и словообразовательных механизмов. Из-за описанных сложных процессов развития автор иногда предлагает более одного толкования. При этимологизации глаголов Хр. Дейкова (с. 116–120) выделяет такие, которые формально совпадают с основной группой, но образованы на болгарской диалектной почве от румынских или иных имён (существительных и прилагательных) по модели глагольных заимствований (*ошишторѣшиѣм*, *съ слоенишиѣ*, *съ фѣсулѣшиѣ*).

Во второй главе исследования, посвящённой болгарско-румынской интерференции в глаголах на *-ѣшиѣм*, *-ѣшиѣм*, *-ѣшиѣм*, Дейкова продолжает искать лингвистические и экстралингвистические аргументы в пользу своей основной этимологической гипотезы происхождения этих глаголов. Необходимость дальнейшего анализа связана с тем, что объяснение происхождения общей концовки данных глаголов, к которому она приходит в результате традиционного комплексного этимологического анализа, не объясняет, почему эти глаголы используются как двувидовые. По мнению Дейковой, М. Сл. Младенов необоснованно считает их *imperfectiva tantum*, а в соответствии с предложенным ею объяснением, т.е. формально, они должны были бы относиться к совершенному виду (в болгарских говорах Румынии подобные заимствования относятся к совершенному виду, при этом от них образуется вторичный несовершенный вид с суффиксом *-ва-*). Здесь автор исходит из основной специфики славянской категории вида, одновременно обращаясь к классическим и новым теориям языковых контактов. Основание для привлечения аргументов лингвистической контактологии она находит в так называемой контактной этимологии, для которой необходимо использовать результаты ареальных исследований, чтобы аргументировать предложенную этимологическую гипотезу иноязычного происхождения данного слова. После точного морфологического анализа глаголов, использованных в различных контекстах (в типичных глагольных временах или в условиях видовой конкуренции), автор подтверждает своё первоначальное утверждение о том, что данные глаголы двувидовые. Она приходит к выводу, что благодаря этой своей особенности они представляют частный случай грамматической интерференции, при которой речь идет о влиянии румынского

языка (как языка-модели) на болгарский язык (как копирующий язык) (по Вайнрайху). Опираясь на две новые теории лингвистической контактологии (Томасона-Кауфмана и Ван Кутсема), Дейкова выясняет лингвистические причины этой интерференции, которые кроются в типологических различиях между двумя языками (в румынском языке нет категории вида глагола) и в особенности в славянской категории глагольного вида (Дейкова поддерживает позицию С. Иванчева, что это лексико-грамматическая категория), которая универсально маркирована, т. е. специфична и трудна для освоения иностранцами. Далее Хр. Дейкова переходит к последней части своего исследования, где новаторским образом применяет одну из методологических процедур в контактной этимологии, предложенную Мейлхаммером (т. наз. принцип калькирования/Blueprint Principle), пытаясь восстановить конкретную социолингвистическую (контактную) ситуацию, в которой возникли и развивались изучаемые глаголы и которая является плодом определённых географических, исторических, социальных и этнокультурных обстоятельств. Её цель — определить тип языкового контакта, который мог бы ответить на вопрос о двувидовом использовании глаголов (в результате интерференции). Дейкова представляет обе цитируемые выше теории, но в конце концов останавливается на теории Ван Кутсема, которую считает более приемлемой, потому что в ней учитывается динамичность языковой ситуации, наблюдаемая в Ново село. Так автор приходит к выводу, что заимствование румынских глаголов и их адаптация в качестве двувидовых в болгарском говоре осуществляется посредством двух основных типов языкового взаимодействия при контакте — *borrowing* (заимствование) и *imposition* (перенос/наложение), при этом в данных процессах участвуют как двуязычные болгары, так и двуязычные румыны, которые здесь, несомненно, были на более раннем историческом этапе, хотя М. Сл. Младенов и отмечает отсутствие массового билингвизма в данном селе в 60-е годы XX в. Другой вывод, к которому приходит автор, состоит в том, что утверждение в исследуемом диалекте данной специфической особенности (двувидовости глаголов румынского происхождения) является результатом «внутриязыковой склонности болгарского языка «терпеть» двувидовость» (с. 166). На основе данных заключений Хр. Дейкова присоединяется к приверженцам позиции множественности причин языковых изменений (т. е. одновременного действия внутренних и внешних причин) в развернувшейся в языковедении дискуссии по данному вопросу.

В Заключении точно и последовательно представляются в обобщённом виде результаты всего исследования, а приложенный алфавитный указатель и список сокращений в значительной степени облегчают использование исследования, в различных частях которого произведен всесторонний анализ языковых материалов.

Труд Христины Дейковой в целом плодотворен как в теоретическом, так и в практическом отношении. В нем применяется системный подход при этимологизации диалектной лексики, при этом соблюдается основной принцип комплексного анализа при установлении происхождения слов, автор исследования основывается на новых разработках в области контактной этимологии и теории языковых контактов и приходит к выводам, исключительно ценным не только для

болгарской этимологии, но и для балканского языкознания и лингвистической контактологии в целом. Я считаю, что автор исследования очень убедительно разработала и применила на конкретном языковом материале теоретические принципы так называемой контактной этимологии. Таким образом она на практике показала, как достижения в других языковедческих областях (в том числе и в более новых языковедческих направлениях) могут быть использованы в этимологии. Новые методологические подходы, предложенные в книге, могут послужить основой для дальнейших этимологических исследований. Обобщения относительно способа заимствования и адаптации заимствованных румынских глаголов могут быть использованы также в теоретических разработках в области балканского языкознания и лингвистической контактологии. В практическом отношении предложенные ею этимологии будут очень полезны для дальнейшей работы над «Болгарским этимологическим словарём».

Этимологические исследования в настоящем труде представляют собой также вклад в прояснение очень важных для болгарской истории проблем, связанных с этногенезом части населения в конкретном болгарском регионе и в целом с миграционными процессами в Болгарии.

L. Dimitrova-Todorova

Institute of Bulgarian Language BAN

(Bulgaria, Sofia)

lilidimtod@yahoo.com

**Review of: KHRISTINA DEIKOVA.
ETYMOLOGY AND LINGUISTIC CONTACTOLOGY
(ROMANIAN VERBAL BORROWING IN ONE BULGARIAN DIALECT).
Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016, 208 p.**

The review is devoted to a new book by Kh. Deikova about an interesting group of verbs that are extremely difficult to etymologize in the Bulgarian dialect, which is in contact with the Romanian language, namely the verbs, ending in *-ишъм*, *-ъишъм* and *-аишъм*. The contents of the book are highlighted in detail, the innovative complex approach of the researcher is emphasized, and the use of linguistic contactology data, which enabled her to conclude that in this dialect there is a single model of morphological adaptation of verbal borrowings from the Romanian language with the help of the suffix *-ишъ-* (dialect variant of the Bulgarian *-ca-* from the Greek aorist base).

Key words: etymology, linguistic contactology, dialectology, borrowings.

Перевела с болгарского языка М. Н. Белова.

А. К. Шапошников
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

Рец.: ЖУРАВЛЕВ А. Ф. ЭВОЛЮЦИИ СМЫСЛОВ. —
М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 472 с. — ISBN 978-5-9907947-5-7

Представляемая книга включает работы А. Ф. Журавлёва, касающиеся различных аспектов слав. лексической и фразеологической семантики. Работы, опубликованные ранее, существенно расширены за счёт нового материала и усиления аргументации. Издание адресовано лингвистам и историкам культуры, но представляет интерес и для более широкого круга читателей.

Ключевые слова: лексическая семантика, фразеологическая семантика, язык, лексика, материальная и духовная культура, реконструкция картины мира, аксиологическая (ценностная) категория, наивное и кабинетное этимологизирование, перевод, этимология, семантическая параллель, символика чисел.

В первом разделе книги «Слово в контексте культуры» представлены исследования, посвященные связям языка и культуры: отражению в лексике состояния материальной и духовной культуры древних славян, реконструкции фрагментов ранней картины мира и ценностных категорий, явлению наивного этимологизирования, межкультурных конфликтов при переводе и в словарной интерпретации инокультурных (диалектных) фактов и др.

Этот раздел открывает очень полезная для издателей и составителей энциклопедических словарей серии «Мифы народов мира» глава «Фреквентарий мотивных элементов в мифологиях мира» (с. 11–38).

Глава «Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики» (с. 39–64) является своеобразной репликой первого издания труда О. Н. Трубачёва «Этногенез и культура древнейших славян» [Трубачёв 1991]. Хотя сам автор и оценивал эту свою работу как краткий и далекий от полноты очерк описания позднепраславянской культуры, она теперь смотрится весомым и всеобъемлющим исследованием, несколько не утрачивающим своего значения.

А. Ф. Журавлёв реконструировал образ жизни славян позднепраславянского языкового состояния VI–VII вв. В 1990-е гг. хозяйственно-культурный тип праславянской общности многими виделся однообразно: оседлые пашенные земледельцы.

Надо заметить, что археологические исследования культур, приписываемых славянским этническим группам VI в. (венедов, антов и славян) выявили большее разнообразие хозяйственно-культурных типов (ХКТ). А именно, только венды (археологическая культура пражско-корчакских древностей) действительно относились к ХКТ пашенных земледельцев лесов умеренного пояса; анты (пеньковская археологическая культура в Scythia Maior: Северное Причерноморье) и славяне (археологическая культура Ипотешти-Кындешти в Scythia Minor) относились к ХКТ мотыжных земледельцев и отгонных скотоводов степей и сухих предгорий. Степень оседлости этнических групп при этом различалась значительно от ареала к ареалу. Что, безусловно, должно было сказаться на формировании ареального терминологического репертуара.

Кроме того, необходимо выделить особые слои сельскохозяйственной терминологии предшествующих средне-праславянского (II–V вв.) и ранне-праславянского (VII в. до н. э. — I в. н. э.) периодов. Средне-праславянскому языковому состоянию соответствовал ХКТ как пашенных земледельцев лесостепей умеренного пояса, так и мотыжных земледельцев и отгонных скотоводов степей и сухих предгорий, а в некоторых засушливых местностях Сев. Причерноморья даже скотоводов кочевников степей. Ранне-праславянскому языковому состоянию VII в. до н. э. — I в. н. э. скорее подходил ХКТ ручных земледельцев и отгонных скотоводов горной зоны и мотыжных земледельцев сухих предгорий и степей. См. Хозяйственно-культурные типы в книге Чебоксаровых [Чебоксаров, Чебоксарова 1985: 177–184, 201, 202, 206, 219, 228–235].

По тексту главы обратим внимание читателей на следующие важные моменты:

- ~ этимологию праслав. сущ. **lěšъ* < **uloi-k'-os* (с. 42);
- ~ реконструкт **skorda*, скорее всего, результат депрефиксации **obskorda* (с. 43);
- ~ сущ. **sočevica* (чечевица) (с. 43) выглядит как очень позднее ареальное новообразование, не является ли более ранним термином **lęta* [БЕР III, 382–383], например?
- ~ скотоводческие термины **koza*, **kozьbь*, **kozę*, *-ęte* (с. 45) не могут быть обозначением второстепенного вида домашних животных. Напротив, это один из древних терминов, гомогенный индоиранскому **[s]kaga* / **[s]k'aga*, **[s]kagala* / **[s]k'agala*- (др.-инд. *chaga*, *chagala*, др.-иран. *saga*), зафиксированный еще палеобалканскими письменными свидетельствами V–I вв. до н. э. (*kozas*, *kozeilas*) : скиф. Κοζ..., Κοζαῖος [КБН № 839, с. 879], фрак. Κοζας, Κοζαλέας, Κοζαρος, Κοζεικενθος, Κοζειλας, Κοζιβιθς, Κοζιvθης, Κοζιστης [Detschew 1976: 249], обозначал жертвенное животное Перуна кривичей (даже у самой северной границы их этнической территории) и связан с обрядностью трехлетнего Диониса в г. Гелоне (ср. праслав. термины **trizь* и **trizьna*, если мы правильно трактуем их как «трехлетний»). Отмечу ещё и верное наблюдение А. Ф. Журавлёва (с. 46) о том, что преимущественное назначение козьих шкур и кож в праславянской сельскохозяйственной культуре — не только обиходное (*кожух*), но и обрядовое (болг. ряженые *кукери*);

~ реконструкт глг. **skopiti* (с. 45), скорее всего, депрефиксация приставочных форм **obskopiti* или **sъkopiti*;

~ этимология сущ. **volь* (с. 45) остается неудовлетворительной [Navlová 2010: 177; Шапошников 2012: 357], так как семантика слова в слав. языках, как правило, ассоциативно связана с дикостью, необузданностью (ср. переоформление и переосмысление

**bujьvolь* < лат. *bubalus?*), силой, особенно тягловой, выносливостью (что находится в контрасте с качествами холощенного животного); подозреваю, что вернее сравнивать с лат. сущ. *valens*, *-entis* и глаг. *valeo*, *valere*, нежели с праслав. глаг. **val'ati*;

~ этимология **borvь* (с. 45) теперь видится иначе — см. последние этимологические решения [Маньков 2010: 167–174; Шапошников 2012: 347–348];

~ этимология **кьnorзь* (с. 45) теперь видится диаметрально противоположной: не ‘без тестикул’, а ‘с тестикулами’ [Кретов 1994: 197–206; Шапошников 2012: 250, 358];

~ Этимология сущ. **skotь* (с. 46), если в нем усматривать не поздний германизм, а собственно праслав. образование, требует другого решения;

~ Этимология **skora* (с. 46) также лучше считать относительно поздней депрефиксацией **obskora*.

Любопытны подмеченные автором контрасты словообразовательных моделей с суф. *-ina* (в одних словах **konina*, **govędina*, **svinina* ‘мясо’, а в других **азьно*, **овьщина* ‘шкура, шерсть’), свидетельствующие о разном времени словообразования, об их принадлежности разным хронологическим слоям.

А вот с этимологией *kurь*, *kuralkury* и *kurь*, *kurьve*, столь полюбившейся как народным, так и кабинетным этимологам, позволю себе не согласиться. Убежден, что перед нами гетерогенные омонимы без древней семантической контаминации. Есть еще и третий омоним **kurь* 3 в составе **będokurь*, **vinokurь* ‘винодел’ и гнездо глаг. **kuriti* ‘дымить’.

Отмечу верные наблюдения автора о важности сезонного собирательства, бортничества, рыболовства и охоты в хозяйственной культуре праславян (сс. 48–49). Более того, в некоторых локальных праславянских культурах они наверняка играли более важную роль, чем скотоводство и земледелие, особенно в лесах умеренного пояса.

Любопытны реконструкты **jbьskalь* ‘пчела-разведчица’ (с. 50) и **vosкь*, они явно требуют доработки (см. [Шапошников 2015]).

Очень хороша идея о гомогенном происхождении праслав. **krupa* и греч. глаг. κρούω ‘бить, толкать’ (с. 50). Остаётся выяснить природу суффикса или расширения основы (?) *-p-*.

Важной представляется неоднократно констатируемая автором первичная семантика праслав. **domь* ‘домохозяйство, семья’ (с. 51), а не ‘жилое здание’.

Реконструкт **kqть* ‘внутренний угол (внутри помещения здания или строения)’ как оппозиция **qгьль* ‘внешний угол (снаружи здания или строения)’ скорее всего, явление позднее. И такое сужение значения вторично. Скифский этноним I в. н. э. *Santiocaptae* ‘копатели полуземлянок’ подсказывает предшествующее значение основы **kantio-* ‘вырытое в земле помещение, (полу)землянка’ гомогенное туранскому **kata*, **kanta*, санскр. *kantha-* ‘ров’.

Этимология **jbstьba*, подробно обсуждаемая на сс. 51–52, требует нового подхода. Первичное значение ‘хурсаустум; жилое здание с отопительной печью или открытым очагом в (полу)подвальном этаже и отапливаемое жилое помещение на первом (втором) этаже’. Это know how народной архитектуры является не собственным изобретением праславян, а заимствованием из провинциальной

римской архитектуры (особенно провинций Дакия и Малая Скифия не старше I–II вв. н. э. Следовательно, не только обозначаемое, значение, но, вероятно, и само обозначающее (слово, термин) имеют заимствованную природу, или, в последнем случае, калькирует римский термин. Ныне господствует мнение о том, что праслав. **jьstь/ьba* ‘баня, парилка’, ‘полуземлянка; подвал, погреб’, ‘сруб’, ‘помещение, жилище’ заимствовано из прованс. *estuba* (?), продолжения нар.-лат. **extupa* (галло-роман. **estuva* < ст.-франц. *estuve*) ‘баня, парилка’, производного от народнолат. глаг. *extupare* ‘испаряться’, якобы, приставочного производного от греч. τυφείν ‘дымить’ (!). Ср. прованс. *estuba*, итал. *stufa*, франц. *étuve*. Из того же источника было заимствованно и прагерм. **stubō* (ср. др.-в.-нем. *stuba*, нем. *Stube*). Якобы позднее на праслав. **jьstьba* повлияли слова группы **jьz-topьka*, **jьz-topiti*. В слав. диалектах стали смешиваться *изба* и *истопка*. Но это толкование наталкивается на фонетические затруднения (почему-то интервокальный *-b-* появился на месте предполагаемого *-p-* или *-v-/-f-*, романский *-ū-* отразился в виде *-b-*; трудно объяснить окончательное ударение). Все эти наблюдения заставляют еще и еще раз присмотреться к данному слову. При формальном подходе можно сделать вывод, что **jьstьba* — это производное имя действия на *-ьba* (ср. *лежьба* в составе *лежбище* — *лежать*, *настьба* — *насти*) от некоего глагола **jьsti* ‘гореть (о топливе), жечь (дрова), топить дровами’, соотносительного с перегласовкой корня с сущ. **ěsteja*, **ěstje*, **ěstь* ‘отверстие печи’. Отсюда справедливо возникает значение ‘истопка’, ‘отапливаемый дом’. Далее произошел смысловой переход от имени действия к месту этого действия. Первоисточником лексического гнезда **ěstje*, **jьsti* может быть как и.-е. **aid^h- / *idh-* ‘гореть, светить’ (от которого был произведен раннепраслав. гл. ****id^hti* > ****isti* > **jьsti*, в таком виде не сохранившийся в слав. языках-потомках, и сущ. ****aidhtijom* > **oistijom* > **ěstijan*), так и **ed-t-* ‘есть’, **ēd-t-iom*, ср. нем. *Esse* ‘кузнечный горн’ и др.-греч. ἰστίη, ἔστια ‘очаг’, ‘огонь’ и лат. *Vesta* ‘богиня очага’, *vestib-ul-um* ‘помещение в доме с открытым очагом’. См. [Шапошников ЭССРЯ 2010, 1: 33; Шапошников 2012].

Верную мысль А. Ф. Журавлёва о первичном значении праслав. **koldenьсь*, **koldęзь* (германизма **kalding-*) ‘холодный, студёный’ можно подкрепить болгарскими устойчивыми поэтическими оборотами «на студен бистър кладенец» (в песнях болгар разных областей).

Хорошо известные праслав. термины глиняно-каменной народной архитектуры (**zidь/zьdь*, **koťь*, **koťja*, **stěna*, **zavalina*) бросают вызов господствующей идее о преимущественно деревянной народной архитектуре всех праславян (с. 53). Это подтверждается степными и лесостепными археологическими культурами антов и славян Северного Причерноморья и Малой Скифии [Седов 1994].

Весьма сомнительна производность сущ. **zdorvьje* от **dervo* (не говоря уж о нелепом семантическом развитии) (с. 53), столь популярная в кабинетной софистике. Существование праслав. **storvь*, др.-русск. *сторовь*, ст.-польск. *strow* делает эти расхожие домыслы излишними.

Реконструкт собственно праслав. **skob(ь)ль* (54 с.) требует внятного объяснения анлаутного *sko-*.

Очень хороша идея родства (гомогенности) и однокоренной природы праслав. **lъžica* и **lyža* (с. 54).

Этимология О. Н. Трубочёва **ěstěja* [ЭССЯ 6: 53] оспаривается на основе этимологии южно-болг. диал. *нестинарь*, *нестинарка* [Шапошников 2012].

Поддерживаю этимологическую связь праслав. **jьgo* и **jьgьla* (60 с.) самым решительным образом. *Игла* явл. суф. производным от *иго* и обозначала сначала деталь ига, ярма. Много позже это наименование было перенесено на похожее по форме (стержень с ушком на одном конце и заострением на другом) маленькое орудие труда (швейную иглу) в ремесле портного.

Реконструкт **skora* (с. 60) неудовлетворителен.

Следует оспорить и общепринятое мнение о крайне поздней природе морского термина **koty*, -*ъve* (с. 62). Палеобалканский материал свидетельствует однозначно не только о бытовании цельнолексемного аппеллятивного аналога *κότυς*, -*ος* 'котва, якорь' в эллинистический период, но и функционирования его в виде престижного династического имени *Κότυς*. Семантика подтверждается чеканом монет Котиса I, на реверсе которых изображен якорь.

Отличный авторский «лексико-семантический» сюжет об этимоне основы сущ. **dъvigь*, **dъvigo* как двойного ига перекидывает мостик к уточненному толкованию глаг. **dvigati*, **dvignoti* (и сущ. **dvigatelь*, **dviženjbe*) (с. 63), ср. [ЭССЯ 5: 168–169, 189].

Можно оспорить общепринятое толкование праслав. **jexati* / **jaxati* как расширение основы посредством -*x*- глаг. ***jati* / ***jeti* 'идти' (с. 63–64).

Прочитую несколько важных мыслей А. Ф. Журавлева, о которых должны знать новые поколения этимологов и историков материальной культуры.

«Соотнесение славянских языковых фактов с показаниями других родственных языковых групп и семей позволяет проникать в гораздо более глубокие страты культурной истории» (с. 64)

«Если лингвистика конкурирует с археологией как дисциплиной, имеющей дело преимущественно с физическими вещами, то в реконструкции духовной культуры и древнейших социальных структур исследования языка (и архаики, сохраняемой фольклором) увеличивают свою значимость, иной раз, оказываясь единственной дорогой к познанию начальных импульсов и устоев цивилизации» (с. 64).

Органично следует глава «Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики» (с. 65–85). Автор утверждает, что к существенным моментам, одновременно отсылающим как к материальной, так и к духовной культурным традициям, следует причислить аксиологические установки, свойственные данному человеческому обществу (с. 66).

Эти установки обозримы в составе праславянской антропонимии (сс. 66–69).

Другой путь моделирования идиоэтнического аксиологического круга применительно к славянскому материалу видится в анализе лексики с негативной префиксацией, в частности с приставкой **bez-* (сс. 69–82).

В главе «К реконструкции древнеславянского мировидения (о категориях «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении)» (с. 85–95) автор

рассматривает одну из важнейших проблем праслав. семасиологии и приходит к выводу, что адекватный анализ славянских народных представлений о доле и, шире, об основах мирового равновесия нуждается в привлечении гораздо большего круга понятий, этнографических и языковых фактов, чем тот, который обычно используют в исследованиях подобного рода (с. 95).

Концепт **věky* в славянской картине мира представляется автору как отмеренный Богом (Богами?) каждому срок его жизни, в протяжении которой должны быть реализованы все его потенции. Анализируются производные *безвекый*, *вечный*, *безвечный*, *увечный* (с. 86).

В следующей главе «Диалектный словарь и культурные реконструкции» А. Ф. Журавлёв критически рассматривает концепцию В. Шаура [Шаур 1973: 93–101] о начале года у древних славян. Не только полностью согласен с неутешительными выводами автора, но и сам предлагал альтернативное решение этого вопроса [Шапошников 2013: 73–82].

На сс. 105–106 автор выясняет этимологию и семантическую мотивированность славянского наименования «колдуна».

Представляется перспективной этимология этого термина на базе вост.-слав. *колтунь* ‘длинные жесткие волосы на голове у мужчины’ и кашубск. *kaltun*, имеющего соответствующее глагольное образование — польск. *kieltać* [Popowska-Taborska 1989: 46–48]. Далее сопоставляют с др.-ирл. *calath* — кельтский обычай смазывать волосы каким-то известковым раствором [Филип 1961]. Высказывалось предположение, что кашубск. устар. *kalt* может отражать этноним «кельт», ср. кельтские племенные названия *caleti*, *caletes* [Moszyński 1957: 286].

Завершает главу очень хороший сюжет, в котором рассмотрена семантическая мотивированность названия обряда крещения и похорон кукушки. Как становится понятным в результате проведенного разбора материалов всех видов, кукушкой в данном случае изначально именовали просто куклу (замечу, что перед нами просторечная порча уменьшительно-ласкательной формы **куклушка*, ср. *бабушка*, *бабочка*), а сама обрядность не имела указания на сезонную приуроченность к ранней весне, или времени, когда поет кукушка. В данном случае прекрасно видно, как в результате народной этимологии обрядность обрастает домыслами и излишествами, из первоначального явления вовсе не вытекающими.

Очень хороша глава «Наивная этимология и кабинетная мифология (из наблюдений над источниками мифологизма А. Н. Афанасьева)» (с. 111–124). А. Ф. Журавлёв исходит из следующей установки: «Изучение словарного состава языка в диахроническом аспекте, этимология и историческая семантика являются важным и неисчерпанным ресурсом для реконструкции прошлых состояний культуры, в частности, духовной культуры и мифологии как существенной её составляющих».

Тема этой главы — рассмотрение проблемы связи между познанием языка и познанием культуры в направлении от первого (реконструкция языка) ко второму (реконструкция культуры), выявление мотивированности, внутренней формы того или иного слова, которое ведёт к постулированию тех или иных черт древнего миропонимания, тех или иных этнокультурных моментов. Неверная этимологизация

может приводить к приписыванию исследуемой древней культуре особенностей, ей никогда не свойственных. Ложные мифологические построения могут иметь причиной простое непонимание реальности параллельной словообразовательной мотивации. В явлениях ложной этимологии срабатывают определенные мировоззренческие и культурные стереотипы, заслуживающие особого анализа (с. 124).

Глава «Кто такой *царь Горох*» знакомит читателей с виртуозно написанной статьёй 2010 г. В результате всеохватного анализа фразеологизма «при царе Горохе» автор приходит к такому заключению: разумнее видеть в этом фразеологизме здоровые плоды народной «раблезианской филологии» — игры смыслами, нарочитого алогизма, словесных экспериментов по совмещению несовместимых вещей, юмористического снижения образа властителя, сознательного профанирования сакрального, «изначного» карнавального поведения (с. 128). Все это прекрасно подходит к описанию внутренней формы слова (эволюции семантики), но оставляет в тени внешнюю форму слова. Почему народная молва остановила свой выбор именно на слове «Горох»?

Если ухватиться за авторское допущение «реальная история также отражается в такой фразеологии», то можно все-таки ответить на сакраментальный вопрос, вынесенный в заглавие. Я бы заподозрил в просторечном «при царе Горохе», т. е. «очень давно» профанацию и русскую адаптацию цслав. книжного изречения «при (цсарѣ?) Гра(к)хъ» из какого-то переводного хроникона или сборника. Эта книжная реминисценция касалась кого-то из славного римского рода, фамилии Гракхов (*Gracchi, Gracchus*), давшего Риму консулов и народных трибунов, проконсулов и цензоров, спорное аграрное законодательство и проч. Имя Гракхус (*Gracchus*) было на слуху римлян в III–I вв. до н. э., и, конечно, непременно фигурировало на страницах исторических, аграрных и хронографических сочинений, в том числе и средневековых. Для последних Гракхи были отзвуками давно прошедших времен, а суть их политических, экономических и моральных реформ была неразличима во тьме веков. Но кто-то из церковных книжников реинтерпретировал цслав. форму имени *Гра^ххъ* как цслав. *грахъ*, додумался адекватно переложить её на русск. яз. в виде *горохъ* и запустил в оборот с невнятным содержанием ‘легендарный правитель, живший невесть когда’. Надеюсь, автор простит мне эту вольность.

Глава «*Сушец пеку* или как лечили худосочие» (сс. 131–135) посвящена народному обряду перепекания младенца. По мнению автора, исследуемый обряд относится скорее к целительской обрядности, чем к идее пересотворения ребёнка. Автор предпочитает версию превозможения нежелательного состояния в этом вост.-слав. обычае.

Напомню читателям аналогичный ритуальный сюжет из цикла мифов о Деметре. Чтобы сослужить Келею службу, Деметра решила сделать Демофонта бессмертным. Той же ночью она *закаляла его в огне*, чтобы выжечь его смертную природу. Внезапно вошедшая Метанира прервала обряд, чары исчезли, и Демофонт умер.

Глава «Российская городская геральдика и наивная этимология» состоит из 2-х взаимосвязанных сюжетов. Первый сюжет раскрывает мотивационное несоответствие на примерах гербов городов *Мышкина, Старицы, Великих Лук, Вереи, Глазова, Духовицны, Звенигорода, Зубцова, Козлова, Кологрива, Котельнича, Ломова*). Второй сюжет выявляет этимологическую несогласованность на примере гербов

городов *Буй, Ветлуга, Елец, Коломна, Кронштадт, Курск, Медынь, Наровчат, Оса, Повенец, Рязжск, пгт Струги Красные.*

Ошибки в старых гербах едва ли удастся когда-либо исправить. Во вновь создаваемых гербах предпочтительно избегать ошибок путем консультации у специалистов-ониматологов (с. 149). Эта глава достойна быть методическим руководством в геральдической палате.

Глава «О русских коллективно-региональных прозвищах» (с. 151–163) органично объединяет сюжеты: 1. Русская «микротопонимия» и этническое самосознание (с. 151–154); 2. Этнография в прозвищах (с. 154–159); 3. Диалектология в прозвищах (с. 159–163). Эти исследования служат истории языка и даже лингвострановедению, помогают в разработке проблемы классификации говоров и диалектного членения языка. Небезынтересны эти сюжеты и для типологии образования этнонимов и соционимов всех видов.

Глава «Фонетика бесовской речи (на вост.-слав. материале)» (с. 165–182) буквально хрестоматийна в своем роде. В ней автор пространно рассуждает об источниках и методе исследования (с. 165–168); делится общими впечатлениями о фонетике демонической речи (с. 168–170); сообщает о фонетических предпочтениях в бесовской речи (с. 170–173); реконструирует фонетику *verbozum dicendi*, характеризующих нечистую силу (с. 173–175); анализирует звукоподражательные и звукоизобразительные названия мифологических персонажей (с. 175–177); рассуждает о сходстве в передаче бесовской речи и передаче птичьих голосов (с. 177–178); делает попытку семиотической интерпретации.

Его выводы таковы: 1) в фонетической организации глоссолалий нечистой силы главенствующая роль принадлежит заднеязычным взрывным и фрикативным согласным, а также билабиальным согласным (фонемы бемольные и низкотоновые) (с. 178–179); 2) сходство между фонетикой бесов и голосами птиц (180); 3) повторы характерны для фонетики, морфологии и синтаксиса бесовских текстов, а также для дескриптивных глаголов и субстантивов, производных от междометной лексики бесов. Ср., к прим., праслав. **kyka*, **kykati*, **kykotati*, **kykotъ*, **kykymora* [ЭССЯ 13: 259–262].

В целом великолепный опус, новаторский не только в психолингвистической, но и в семасиологической области.

Несколько портят впечатление последние 2 абзаца этой главы, подливающие масло в огонь религиозного обскурантизма (с. 181). Уверен, что автор этого вовсе не желал. Без этих 2-х абзацев эта глава имела бы образцовый характер.

В главе «*Новой*: от местоимения к местоимению» (с. 183–191) автор делится своими наблюдениями над распространённой особенностью русских региональных словарей, которая заключается в нерешительности составителей при определении принадлежности описываемых лексических единиц тому или иному грамматическому разряду. Верный и точный анализ проделан на примере прилаг. *новóй* в местоименной функции.

Глава «О смысловых и коннотационных потерях в межкультурных трансляциях» состоит из двух очерков. В первом очерке «*Один, ничаво, славный юнга*

и Райзман с Коганом, или к вопросу об истоках северновеликорусской икоты» (193–209) автор приходит к выводу о том, что вторичный текст, каковым является перевод, никоим образом не может быть эквивалентным оригиналу. Возможность безущербного диалога культур, инструментом которого призвано быть переводческое искусство, — увы, один из чересчур благостных культурных мифов (с. 209).

Во втором очерке «Все боги, жена, монах и конь, имеющий копыта, или как из кислого молока делают свежее» автор приходит к выводу о том, что незнакомство с тем или иным явлением народной культуры, требующим своего отражения в диалектном лексиконе, нельзя считать принципиальными корнями межкультурных конфликтов, возникающих в лексикографической практике: всё знать нельзя (с. 225).

Второй раздел «Этимологии» (сс. 227–320) образуют статьи по славянской этимологии — конкретные разработки с преимущественным вниманием к мотивациям и смысловым преобразованиям, наблюдения над методологией этимологических исследований. Раздел открывает глава «Интуиция этимолога» (сс. 229–245), в которой автор рассуждает о поразительной интуиции О. Н. Трубочёва, «труды которого должны быть причислены к категории «поучительных» работ: их чтение оказывается весьма поучительным как в том, что касается содержания этимологических разысканий вообще, так и, в частности, относительно приёмов, с помощью которых эти поиски осуществляются» (с. 229). Далее автор вглядывается в длинный ряд этимологических решений О. Н. Трубочёва и в каждом обнаруживает грубое наитие.

Так, в частности, он отмечает, что для этимологии праслав. **čьrtь* ‘злой дух, бес’ ключевым семасиологическим аргументом является сложное сущ. **čьrtoryja* или **krotoryja* (сс. 232–234).

Этимология позднепраслав. **něть(jь)* состоит в реконструкции сложного слова **ne+*jьть* не схватывающий, не понимающий, ср. **po+nimajetъ* (с. 234–235). Я бы усилил аргументацию этой этимологии аналогичными образованиями в итал. *noncapisco* буквально ‘не схватываю’, так как глаг. *capisco* образован на основе лат. глаг. *capio, cepi, captum, capere* ‘брать, взять; перенимать, усваивать; захватывать; охватывать, овладевать, усваивать, понимать, постигать’, ср. *mens eorum hoc non capit* ‘их ум не в состоянии этого понять’;

Этимология фитонима **emela* / **emelo* / **emelъ* также на базе и.-е. глаг. основы **em-* ‘брать, хватать’. Мотивация словообразования видится в использовании клея из ягод или коры омелы в птичьей охоте (омела «ловушка для птиц»?) или в сексуальной символике омелы в брачном обряде (омела «брак, взятие жены»?). К слову, возможна и другая мотивация словообразования праслав. **omela*: вязущий, горький вкус омелы, ср. дакийскую глоссу *amalusta* ‘ромашка’ [Detschew 1976: 543], восходящую в конечном счете к и.-е. диал. **am-lo-* ‘горький, кислый, сладкий’, переосмысленному как производное с суф. *-el-* на слав. почве. Ближайшие соответствия: лит. *āmalas*, лтш. *āmuli* ‘омела’, *amols* ‘клевер’, др.-прусс. *emelno* ‘кизильник’, др.-инд. *amlá-* ‘кислый’, лат. *amarus* ‘горький’, гот. *Amal-* герой-эпоним династии Амалов. Форма *имела* (**umela*) может восходить к закономерному праслав. отражению заимствований с долгим *-ō-* (ср. лат. *Roma* — общеслав. **Rumъ*).

В таком случае, праслав. **umela* заимствовано из ближе неизвестного и.-е. источника **ōmela* ‘омела’ (др.-инд. *āmá-* ‘сырой, незрелый’, др.-греч. ὄμος — тж).

Весьма заманчива этимология (сс. 236–237) праслав. (диал.?) **grotъ* / **gromy* ‘θύματα, immolationes, жертвы’ как реликтовое страд. нетематич. прич. наст. вр. от глаг. **ž(ь)rěti* [ЭССЯ 7: 139]. Однако, остаётся проблема и.-е. омонимии нескольких корней типа **g^her-* 1, 2, 3–1 ‘жрать, глотать’, 2 ‘жерло, горло’, 3 ‘жреть, жертва’ (См. русско-санскр. этимологические этюды в этом сб.).

Пример интуитивной этимологии глаг. **kresati*, основанной на допущении вторичности семантики ‘ударять, сечь, высекать’, лучше элиминировать. Я совершенно уверен, что праслав. глаг. **kresati* (или **krъsnōti*) имел изначально конкретное, специализированное, рано терминологизированное значение ‘многократно ударяя кресалом (плектром), слегка касаясь поверхности огнива (струн), высекать огонь (извлекать звук)’, глаг. на *-ati* от праслав. основы **kres-* (< и.-е. **krēk-*), родственной греч. κρέκω ‘прибивать челноком, т. е. ткать’, ‘выбивать плектром, наигрывать (на кифаре)’, ‘издавать, извлекать звук’. Ср. *кресало, кресно*.

А вот пример этимологии **drugъ(jь)* < **draugas* < **drougos* ‘второй’ как ‘следующий за’ с верной словообразовательной аналогией лат. *sequor* ‘следую за’ и *secundus* прич. ‘следующий за’, порядк. числ. ‘второй’ (сс. 239–241) весьма показателен.

Пример с «аргументом храма» в и.-е. культуре (сс. 241–243) не слишком удачен, так как утрата обще-и.-е. термина со знач. ‘храм’ (м. б., его просто пока не опознали в архаичной лексике дочерних языков, ср. казус с ритуальной природой слав. сущ. *игра*) ни коим образом не свидетельствует об отсутствии святилищ как таковых (зданий и строений!) в ранней и.-е. культуре. А семантическая эволюция (параллельная) от знач. ‘нечто натянутое’ к значению ‘священный участок’ и далее ‘храм’ при всей своей привлекательности и остроумии выглядит малоубедительной. Ведь самые ее основания подрывает шумер. термин *temen* ‘священный участок, храмовая земля’, цельнолексемное заимствование в др.-греч. τέμενος, испорченное в лат. *templum*.

Верные наблюдения автора об этимологии **badati* (*se*) [ЭССЯ 1: 122–123] (сс. 243–244) завершаются изящным сюжетом с этимологией таксона в средневековом бестиарии *Индрик-зверь* (сс. 244–245).

Следующая глава «По поводу *истины* (семантико-типологический комментарий)» (с. 257–259), которую мы теперь рекомендуем нашим молодым коллегам, вступающим на этимологическое поприще, ставит целью защитить одну из имеющихся этимологий слова **jьstina* и представляет собой попытку разбора некоторых выдвинутых против неё аргументов. Старая этимология этого праслав. сущ., как производного с суф. *-ina* от основы прилаг. **jьstъ(jь)* [Мейе 1951: 294] была развита В. Н. Топоровым, который дал собственную этимологию именно этому последнему прилаг. **jьstъ*: сочетание 2 местоимений, указательного анафорического **is* и указательного **tos* или **tom* в роли близкой к частице [Топоров 1958: 80–86]. Точка зрения В. Н. Топорова была уважительно отражена в некоторых этимологических словарях [ЭССЯ 8: 246–247; ЕСУМ 2: 319–320; ЭСБМ 3: 400–401; ESJS 254].

Все семасиологические и типологические наблюдения автора, вся аргументация в поддержку этой этимологии, безусловно, приемлемы и встречены сочувственно

этимологическим сообществом. 15 лет назад рецензент также (хотя и с некоторыми оговорками) придерживался этой этимологии [Шапошников 2010, I: 365, 363–364].

Этому этимологическому толкованию легкие контраргументы В. В. Мартынова и Ю. С. Степанова нисколько не угрожают. Хотя детальная критика и пристрастный разбор этой контраргументации показательны для «этимологического мастер-класса». Эта статья А. Ф. Журавлёва имеет все шансы стать хрестоматийной.

Между тем, эта этимология имеет фатальный изъян: она базируется на гипотезе об очень раннем и.-е. диал. словосложении форм им. пад. *is+tos*, из этого и.-е. диалекта будто бы унаследованном в ранний праслав. **istos* без исторических регулярных метаморфоз фонемного состава. При том, что в праслав. прекрасно сохранились регулярные рефлексы этих и.-е. местоимений **jb* и **tb(jb)*, а следовательно, ожидалось бы регулярное словосложение в виде **jbtb(jb)*, а не **jbstb(jb)*.

Для того, чтобы избежать этого очевидного затруднения в реконструкции внешней и внутренней форм слова, предлагали считать эту позднепраславянскую форму цельнолексемным заимствованием из классической латыни (*iste, ista, istud* ‘этот, эта, это’).

Обе гипотезы происхождения праслав. **jbstb, -a, -o* не доказуемы.

Пока не вижу иного способа реконструкции собственно праславянского и общеславянского прилаг. **jbstb, -a, -o*, кроме как допустить словосложение раннепраслав. (?) рефлекса и.-е. формы сред. рода **id* (тождественной лат. *id, ejus, ei, id, eo, ea, eorum, eis, ea, eis*) и местоим. **tos (*to-)*, то есть **idtas > *jbstb*. В крайнем случае, можно предложить словосложение указательно-определятельного местоимения **ipse, -a, -om* (раннепраслав. **issas, -ā, -an?*) и **tos (*to-)*, т. е. **isstas > *isto-*. Существование в раннем праславянском местоимения **id*, возможно поддерживается существованием местоименной проклитики **'ad-* (и.-е. **ed-*), сохраненной чудом в составе числительного **edinъ*. Свидетельств существования раннепраслав. рефлекса и.-е. диал. **ipse* мне не известно.

Остается без ответа и вопрос о том, является ли **jbstb* собственно праслав. новообразованием **idtas*, или совместной инновацией (общим переживанием) с пралат. (дарданским) **iste, -a, -ud*. Скорее тогда уж первое, потому что всем известное лат. словосложение *idem, eiusdem, eidem, eodem, eadem, eorundem, eisdem/iisdem, eadem, eisdem/iisdem* не имеет видимых следов сложения *id+dem*. В пралат. сложении явно участвовала усеченная основа *i-* без финали *-d* (ср. *sessum* из **sedtom*).

Глава «К этимологии слав. **vorb-* ‘птица воробей’» (с. 261–266) автор сомневается в правомерности консенсусной этимологии этого орнитонима как явления звукоизобразительной в своих истоках природы (и.-е. корень **ǵer-* ‘издавать звуки; ворковать’). Автору кажется целесообразным сопоставить названия воробья с диал. технич. термином (ткач.) *вороб, вороба, воробы* ‘мотовило, крестовина для намотки пряжи с мотовила’.

Алломорф **vorb-* : **verb-* в этом термине восходит к и.-е. **ǵerb-/ *ǵerb^h-*, расширению основы **ǵer- III* ‘вращаться, огибать’.

Автор полагает, что это не омофоны, а результаты метафоры и терминологизации единой основы **ǵerb^h-/ *ǵorb^h-* ‘вращаться, вертеться’ (с. 264–265).

Решение вопроса о семантических отношениях между **uorb*-/ **uorb*^h- ‘воробей’ и **uorb*-/ **uorb*^h- ‘мотовило’ может быть двояким: либо орнитологический и технический термины восходят к одной и той же основе, независимы и параллельны, с дальнейшей дифференцирующей суффиксацией, либо между ними существуют отношения метафорической производности (как в *лебёдка*, *журавль* ‘вид птицы’ → ‘ворот, барабан’).

Этот подход, несмотря на детальную проработку семантики и типологии переноса названий птиц на технические устройства, всё же не гарантирует безусловно аналогичного переноса названий технических устройств на виды птиц, в частности, производных от и.-е. основы **uerb*-/ **uorb*- ‘вертеть, вращать’.

Этимология ‘воробья’ так и остаётся вероятно обоснованной для 3–4 старых толкований:

1 **vorbь*, **vorbьjь* — однокоренное лат. *verbum*, и.-е. **uerb*-/ **uerb*^h- ‘звучать, ворковать’;

2 **vorbьjь* — однокоренное прусск. *arvarbs* ‘дрога, оселина’;

3 польск. *wróbel* — однокоренное др.-греч. ῥόβιλλος ‘королёк (птица)’, семантическая эволюция начинается с и.-е. **uerb*-/ **urb*- ‘прут, розга, палочка, стебелёк, побег’; в данном случае птица была названа так потому, что собирает прутики, палочки, стебельки для строительства гнезда;

4 полесск. *швороб*, *швораб*, *шурабель* — однокоренное праслав. **svrběti* ‘свербеть, зудить, чесаться’ (переносно: о восприятии пронзительного чириканья), лит. *žvirblis*, лтш. *zvirbulis*;

Эта глава может быть использована в дидактических целях при подготовке молодых этимологов (показывает разновекторность этимологического поиска).

В главе «Русск. *двужилый*» (с. 267–270) на основе семантики двужилых лошадей и двужилых людей предлагается верная этимология на основе словосочетания *дважды жил*, никакого отношения к сущ. *жила* не имеющего.

В главе «Об этимологии русск. *детинец* ‘крепость’» (с. 271–277) автор очень убедительно реконструирует первичное значение др.-русс. градостроительного термина как ‘детское место’, т.е. место, где зарождается и вынашивается плод. Очень поучительное исследование.

В главе «Русск. *парень*» (с. 279–287) автор исследует почти неразрешимую проблему словообразования и первичного значения позднего русск. сущ. *парень* м. р. ‘юноша, молодой человек’ (разг.); ‘вообще человек, мужчина’ (прост.); уменьш. *паренёк* м. р. (к 1 знач.). Слово изв. в обиходном русск. языке XVI–XVII вв. в виде *парень*, отм. в словарях с 1731 г. А. Ф. Журавлёв предлагает считать вост.-слав. **парень* производным с суф. *-нь* от основы глаг. *порѣть* ‘входить в возраст, силу, дородство’; ‘зреть, созревать’ (замечу, что ожидалось бы ударение *парѣнь* с учетом диал. *пóрень* ‘здоровяк, крепыш’). Если только перед нами не нераспознанное еще заимствование (из герм. *barn* при финск. посредстве?), то представляется более вероятным предположение, что сущ. *парень* соотносимо с сущ. *распря*, *спор* и глаг. *спорить*, *препираться* (праслав. корень **prь-*, **pir-*, **por-* и продленная ступень вокализма **par-*). В др.-русс. ономастике функционировало слово *прѣи* этого же лексического гнезда.

В главе «Слав. **jьskra*. Русск. *искромётный*» (с. 289–295) на основе ряда особых значений слова в диал. производных автор предлагает иную этимологию праслав. **jьskra* [ЭССЯ 6: 52] с первичным знач. ‘маленький кусочек, мелкий осколок’.

Автор предполагает, что знач. ‘осколок, отлетевшая частица’ у слова **jьskra* было первичным (с. 290) и приводит славянские и неславянские аналоги. Девербативный характер номинации подчёркивается семантикой ударного префикса **jь(z)-*: **jьskra* из **jь(z)-skr-a*, в которой есть рефлекс и.-е. **(s)k(h)er-* ‘резать, отсека́ть’. Второй сюжет посвящён русск. прилаг. *искромётный* трактуется в связи с смол. *искромётина* ‘искра, занесённая куда-л. ветром’ и твер. *искромётка* ‘лучина для растопки’.

Слабое место этой этимологии — неясность природы *-s-* в **jьskra*. То ли перед нами чудным образом сохранившееся *s mobile* и.-е. глаг. **(s)kr-* (ожидалось бы праслав. **xr-*), то ли это результат ассимиляции **jьz-skra* (уникальный случай), то ли сложение преф. и корня реконструируется в виде **jьz-kra* (как в **jьzkrъ*). Наконец, всё-таки имеет право на существование критикуемое этимологами толкование **jьskra* в связи с глаголом **kresati*. Если принять во внимание существование этого и.-е. глаг. корня без расширителя *-k-* или *-sk-* (ср. лат. *creresco* и *creo*). И.-е. перегласовка корня **krē-*: **krō-* закономерно отражалась бы в праслав. **krě-*: **kra-* (ср. гл. **искрѣти** и **искра**). Семантика ‘высекать искры’ у словосочетания *кресать огонь* может оказаться изначальной [Шапошников 2010, I].

В главе «Укр. *гарний*, блр. *гарны*» (с. 295–297) автор пришел к справедливому умозаключению, что эти слова являются заимствованиями из польского, где известны диал. *garny* ‘привередливый, гордый’ (Warsz. I, 807). Польское слово закономерно восходит к праслав. **gьrdьnъ(jь)*, суффиксному производному от **gьrdь* ‘гордый’ (с. 297). Конкретная история распространения этого слова, возможно, будет написана после публикации словарей польского языка XVIII–XX вв., изданных в восточных воеводствах.

В главе «К этимологии русск. *олух*, укр. *олух* (и русск. *лох*)» (с. 299–302) автор приходит к выводу, что *олух* получает достаточно надёжную собственно славянскую этимологию на основе южн. *elón*, *elón* ‘остолоп, болван’, арханг. *opolux* ‘дурак, остолоп’. Источником этих влр. диал. слов признаётся польск. *jolop* (внутр. реконструкция **oblorpъ* или **elopъ* (как в польск. *jodłowy* < **edlovъ*, *olchowy* < **elъhovъ*). Параллелизм *n : x*, иллюстрируемый примерами на с. 302, всё так же является lame excuse этой этимологии. Параллели типа болг. *залух* ‘тупица’ и арханг. *opolux* ‘дурак, остолоп’, к сожалению, не добавляют ясности в этот курьёзный сюжет. Все версии сомнительны. Я бы обратил внимание на русск. диал. *ослón* ‘дубина, кругляк’ и ‘дурак, остолоп’ [Фасмер III, 161].

Очень поучительна глава «Взвешивание конкретных мотивационных версий в этимологической практике (о слове *валун*)» (с. 303–309).

А. Ф. Журавлёв сравнивает доводы и аргументы в пользу двух версий происхождения слова *валун*. Он приходит к выводу, что старая этимология на базе глаг. *валыть(ся)* ‘кататься по поверхности’ более обоснована, чем новая этимология: камень получил переносное название по подобию животному, кабану, кладенному кабану (с. 308–309).

Глава «Из мелких поправок и уточнений к ЭССЯ» (с. 311–320) очень ценна и полезна.

Автор полагает словарную статью **aglʙ(jb) / *jaglʙ(jb)* [ЭССЯ 1: 53] избыточной и предлагает ее материал перенести в статью **deglʙ(jb)* [ЭССЯ 5: 25] (с. 311–312);

Семантическая эволюция **dorgʙ* [ЭССЯ 5: 77] ‘драгоценный, дорогостоящий’ → ‘милый сердцу, любимый’ видится аналогичной ‘золотой’ → ‘дорогой, любимый’ (с. 312);

Трактовка О. Н. Трубачёва и А. Ф. Журавлёва существительного **dǫbrava / *dǫbrova* [ЭССЯ 5: 93] в знач. ‘трава, покос’ неудовлетворительна (312–313). Мне в этой второй *дуброве* видится диал. однокоренное существительному **dǫbrʙь*, как известно, иллиризму или кельтизму в праслав., ср. иллир. *dǫbric* ‘заливной луг, разлив’, ‘море’, то же кельт. *dubris*. Видимо, следовало реконструировать не вариант праслав. **dǫbrava*, а отдельное сущ. **dubrova* < **daubrava*.

Представляется правильным исключить русск. диал. (вят.) *кобник* ‘кузнечик’ из статьи **кобъникъ* [ЭССЯ 10: 103], так как перед нами в данном случае мутация (*в* → *б*) в вост.-слав. аналоге цслав. *ковъникъ*, сербохорв. *кóвник* ‘заговорщик’, русск. диал. *ковник* ‘колдун’ (с. 313).

Слвц., в.-луж., н.-луж. примеры следует исключить из статьи **kosidlo* [ЭССЯ 11: 140–141] и отнести к статье **obsidlo* ‘силок, петля’ [ЭССЯ 29: 173]. Ведь в первом случае имеем производное с усилительным преф. **ko-* от **sidlo* (313–314).

Русск. диал. *калматый, колматый* ‘безрогий’ есть метатеза в *камлатый* ‘комольный, безрогий’ и относится не к статье **кълматъ* [ЭССЯ 13: 189], а к **комјь, *комъль* [ЭССЯ 37: 72] и глаг. основе **отъком(j)iti* (с. 314).

Для праслав. **кърма I* [ЭССЯ 13: 220–222] предлагается номинация с семантической эволюцией ‘кормить’ → ‘ухаживать, печься’ → ‘направлять, вести (стадо, судно)’ → ‘наставлять, направлять’, поэтому **кърма I* ‘рулевое весло’ из ‘правило’, ‘то чем правят’ → ‘место расположения его’, ‘часть судна’, глаг. **кърmiti* произведен от сущ. **кърма* (с. 314–315). Как бы не оказалось, что **кърма I* отвлечено от глаг. **кърmiti*, который является адаптированным (переоформленным) заимствованием из испорченного греч. глаг. *κυρβ(ε)νᾶω* (правильно *κυβερνᾶω, -ῶ*) ‘править, управлять, руководить’, аналогично позднему болг. диал. *кервени* с метатезой в греч. *κυρβενεῖ* из *κυβερνεῖ* (БЕР)?

Для праслав. **къръно* [ЭССЯ 13: 244] предпочтительнее первичное значение ‘кожа, шкура’, ср. **азьно* ‘кожа (козья)’ (с. 315);

сербохорв. диал. *лѣчити* — явный болгаризм *лѣча, лѣчиши, лѣчех, лѣчих* ‘отнимать от груди’, ‘отделять, отлучать’ — следовало бы исключить из статьи **lačiti* [ЭССЯ 14: 8] (с. 315–316);

русс. фольк., тульск. *местники, мѣстница, полуместницы* следовало бы исключить из статьи **мѣстъникъ* [ЭССЯ 18: 208] как гетерогенный материал (с. 316);

блр. диал. *нагула* ‘наглый человек’ следует исключить из словарной статьи **nagula II* [ЭССЯ 22: 66–67], которая связана с глаг. **gul’ati, *nagul’ati* (с. 316–317)

из статьи **nasoriti* [ЭССЯ 23: 65–66] следует исключить укр. *насору́га* ‘задор...’ и *насору́жний* ‘задира, навязчивый’ и переместить в гнездо глаг. **rogati (se)*

(сс. 317–318); кроме того, двупроставочное образование **na-sъ-roga* имеет мало шансов быть праслав.

следует исключить из словарной статьи **nastaniti (se)* [ЭССЯ 23: 68–69] вологод. глаг. *настанѣть*, как гетерогенный (сс. 318–319);

реконструкт **oblъbĕti* ‘сильно ударить в лоб; остолбенеть’ не имеет статуса праслав. (сс. 319–320).

Будущим поколениям составителей ЭССЯ следует обратить внимание на эти казусы и учесть необходимые исправления в дальнейшей работе.

Следующий раздел назван автором «Параллели» (с. 321), но речь идёт в нём больше о лексико-семантических заимствованиях или о схождении языков, некогда составлявших один ареал. Статьи третьего раздела посвящены выявлению и анализу славяно-неславянских семантических параллелей (мифологические образы, символика чисел, мотивация и метафорические сдвиги, фразеология).

Глава «Несколько славяно-неславянских культурных и языковых встреч (к символике чисел)» состоит из 3-х этюдов (сс. 323–335). В этих этюдах рассматриваются некоторые конкретные лингвистические сюжеты (3), имеющие отношение к проблеме межкультурных влияний. При всем несходстве затронутых сюжетов (пространстве, времени, семантике, книжной или устной природе) их объединяет попытка автора увидеть в некоторых фактах русск. и слав. культур следы влияния некоторых неслав. культур. Первые два сюжета очень хороши, но третий сюжет вышел маловнятным.

В первом сюжете автор исследует псевдотеоним (?) *Троянь* (сс. 323–325). Этот теоним встречается в др.-русск. словесности в редчайших случаях: «...рища (Боянь) въ тропу Трояню чресь поля на горы...» в неясном знач. (Сл. о п. Иг.) и в ст.-русск. словесности в функции теонима «...Перуна и Хорса, Дья и Трояна...» с пояснением «Троянь бяше црь в Римѣ» (Сл. и откр. св. ап.) [Гальковский 2000: 52].

Отсюда проистекает толкование Н. М. Карамзина: *Троянь* есть пережиток представления о имп. царе *Траяне* авг. (сс. 98–117), подобно *Дуклянь* — от *Диоклетиан*.

Но уже Афанасьев выводил это имя из формы числ. *трое* и ссылался на божество поморян *Триглава* [Афанасьев ПВСП II, 643]. В серб. фольклоре *Троян* также трехглавый, одна голова пожирает людей (Аид), вторая — скот (Зевс), третья рыбу (Посейдон). При этом серб. *Троян* — крылатый змей с козьими ушами. Сремский вариант Трояна боялся Солнца, в утренних лучах которого он и растаял.

Позднейшие исследователи усматривали аналогии в троицах легендарных персонажей (Кый, Щекъ и Хоривъ), исторических правителей (Рюрикъ, Труворъ и Синеусъ; Ярополк, Олег, Володимир Святославичи, Изяслав, Святослав, Всеволод Ярославичи).

Для др.-русск. *Троянь* автор предлагает остановиться на аналоге иранской традиции *Траэтаона* (отец Арьи, Туры и Сармы) и на символике троичности (с. 326). Но все аргументы в пользу гипотезы о заимствовании легендарного зороастрийского образа в др.-русск. словесность при посредстве туранских этнических групп (аланов, ясов) слабые: *Хорсь* скорее германизм, чем туранизм, мотив трехглавого змея относится к врагу Траэтаоны Ажи Дахаке, а не к самому ему, да и подходит лучше к сербской традиции, чем к др.-русск.

Пресловутые Трояновы валы и рвы в Поднепровье и Поднестровье не могут быть глухими воспоминаниями о временах имп. Траяна, так как в его правление пограничные рвы и валы еще не сооружались, а шла военная экспансия империи. Также никоим образом эти земляные укрепления не связаны с туранцами и зороастрийцами. При кн. Владимире эти валы уже существовали, но кто их сооружал, не помнили. А эти валы и рвы сооружались древним болгарским государством в VIII–IX вв. именно для разграничения территорий с восточными славянами, так же как и *землен окоп* (рвы и валы 814–831 гг.) для разграничения с Византийской империей. В нач. X в. болгарские пограничные сооружения в Поднестровье и Поднепровье были захвачены печенегами, которым они стали больше не нужны, так как вост.-слав. племена отступили от них к северу.

Во втором сюжете «Сорок» (с. 328–333) автор приходит к справедливому выводу, что русская символика числа сорок, начавшись с первичных значений скандинавизма *sarkr*, вобрала в себя многие побочные смыслы ближневосточных (преимущественно, иудейских ересей) и дальневосточных (тюркских, монгольских) традиций.

Третий сюжет «Русск. диал. *оплетан*» (с. 334–335) посвящен персонажам низшей мифологии, которые обозначаются теми же наименованиями, что и вид степных грызунов (тушканчиков). Дальше мысль автора двигалась от тушканчика к вампиру и половиннотелым хозяевам тайги. В результате исследования этого запутанного явления, выявлена возможность семантического развития от половинности к единичности.

В главе «*Ой дид-ладо* и его аналогии» (с. 337–343) в результате проведенного исследования становится ясно, что *Ладъ, Лада, Ладо* как языческое божество славян представляется плодом слишком пылкого кабинетного воображения. Статус таких «псевдотеонимов», отвлечённых от рефренов песен, явно надуманный.

Глава «Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (Slavo-Ossetica)» (с. 345–411) — замечательная по широте охвата работа А. Ф. Журавлёва. Отобранные им в 2000-х гг. осетино-русские семантические параллели позволяют поставить вопрос о неслучайном характере этого явления. В некоторых случаях мы имеем дело с явлениями типологической природы, в других — с ареальными совместными лексико-семантическими инновациями, а иногда угадываются параллельные аналогии в результате развития еще и.-е. тенденций. Влияние русского языка на осетинский в XVIII–XX вв. трудно диагностировать.

Примечательна параллель в образовании названий месяцев. Из прочих сопоставлений сомнительными представляются только те, где недостоверна осетинская этимология, например, есть вопросы к этимологии осет. дигор. *Руймон* [ИЭСОЯ II, 430–431]; к этимологии сущ. *элдар* [ИЭСОЯ I, 126–128] (с. 352); к этимологии *særd, særdæe* (с. 382), к этимологии *æfsurg / æfsorg* ‘чудесная порода коней’ [ИЭСОЯ I, 112–113] (скорее, в данном случае, как и во многих других, название породы отвлечено от местности, *Vasparukan*, например).

В целом, перед нами редкое объёмное лексико-семантическое сближение, показывающее подобие смысловых мотивировок и сходство (тождественно-лексемных и разнолексемных) семантических эволюций в родственных языках.

Разработка диахронической семантической типологии — насущная потребность историко-лингвистического исследования.

Цель — установление ономазиологических посылков, господствующих в лексической подсистеме языка, и преобладающих путей семасиологического развития лексики. Необходим словарь семантических параллелей, каталоги семантических переходов слав. — русск., русск.-финноугорск., русск.-балтийск. и проч. Сопоставительно-семантическое исследование (2 языков/групп) явл. именно таким словарём или каталогом семантических сходств между осетинским и славянским языком.

Указатель семантических моделей, рассмотренных в главе «Из наблюдений» (сс. 412–417) в высшей степени ценен и для семасиологов и для лексикологов, и для этимологов. Необходимо обратить на него внимание и составителям ЭССЯ.

Глава «О некоторых конских мотивах в осетинской и вост.-слав. фитонимии (название подорожника и др.)» продолжает тему осетинско-русских лексико-семантических сходжений (сс. 419–422).

Если принять этимологию В. Абаева, то номинация подорожника в ирон. диал. *dūgy syf* исходила от наблюдения об этой растущей вдоль дорог траве как вытаптываемой лошадьми, беспрестанно попираемой их копытами.

Подобные представления отразились и в русск. диал. названии подорожника *конопон*, *конопонка*, *конопонок*, *конетон*, *конутон*, *конопонь* и др.

Но реконструкция двух праслав. омонимов **konotopъ* I и **konotopъ* II была бы излишней в ЭССЯ. Всё-таки перед нами русско-осетинские лексико-семантические параллели, возможно, совместное переживание восточнославянских и яских племён в верховьях Дона и Донца в 750–900 гг. и позднее.

Едва ли следует давать статус праслав. для **konotopъ* ‘вытаптываемый конями’. А в словарной статье **konotopъ* (ЭССЯ) следовало бы оставить только те слав. примеры, особенно гидронимию, и реконструировать только первичное знач. «конская топь, болото, в котором утопился конь».

Глава «*Дурака кусок: xæjɾæɣu xaj* (об одной слав.-осет. фразеологической параллели)» (423–426). Констатируется скорее типологическая фразеологическая русско-осет. параллель, нежели ареальное совместное новообразование.

Библиографические сокращения на сс. 427–464.

Справка о первых публикациях на сс. 465–467 завершает это научное издание.

Литература

Гальковский 2000 — Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. [Репринтное конволютное издание («Тома первый, второй».)] М., 2000.

II. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе.

Кретов 1994 — Кретов А. А. Балтийские и славянские продолжения и.-е. **orǵh-*. Статья I: лит. *isarza* и праслав. **kьporzъ* // *Linguistica Baltica*, 1994, № 3, 197–206;

Маньков 2010 — Маньков А. Е. К этимологии праслав. **borvъ* и прагерм. **barugaz* // *Этимология / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН.* — М.: Наука, 1963 — 2006–2008. — 2010. 167–174.

- Мейе 1951 — *А. Мейе*. Общеславянский язык. М., 1951.
- Седов 1994 — *Седов В. В.* Славяне в древности. М. Научно-производственное благотворительное общество «Фонд археологии», 1994.
- Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. Изд. 2-е испр., доп. / Отв. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1985.
- Слово и откровение святых апостол* // Летописи русск. лит-ры и древности, изд. Н. Тихонравовым М., 1861 Т. III, Отд. 11, с. 5–6, сп. XVI в.
- Топоров 1958 — *В. Н. Топоров*. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения Института славяноведения <АН СССР>. 25. М., 1958. 80–86.
- Трубачёв 1991 — *Трубачёв О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистический исследования. — М.: Наука, 1991. — 271 с.
- Филип 1961 — *Jan Filip*. Celtic Civilization and its Heritage. Praha: Academia, 1976. — 232 p., XL ill.;
- Чебоксаровы 1985 — *Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова*. Народы, расы, культуры. Изд. 2-е испр., доп. / Отв. ред. акад. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1985.
- Шапошников 2010а — Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А. К. Шапошников. В 2 т. Т. 1. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 584 с.; Т. 2. — М.: Флинта: Наука, 2010. — 576 с.
- Шапошников 2010б — *Шапошников А.* Нестинарски игри — опыт семиотического описания. // LINGUISTIQUE BALKANIQUE XLIX (2010), 1–2 с. 143–149;
- Шапошников 2012 — *Шапошников А. К.* Рецензия на: Eva Havlová. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10) // Этимология 2009–2011. Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: 2012. 346–357.
- Шапошников 2013 — *Шапошников А. К.* Реконструкция архетипа общеевропейского и праславянского календаря сравнительно-историческим методом. Reconstruction of Common Indo-European and Slavonic Archetype of Lunar Calendar by Comparative-historical Method. // ISSN 1562–1391. «Вопросы Филологии» — спецвыпуск: VII Международная научная конференция «Язык, культура, общество» 26–29 сентября 2013 г. — Пленарные доклады. — с. 73–82. <https://sites.google.com/site/posidima/home/kalendae-januarii/novygod>
- Шапошников 2015 — *Шапошников А. К.* Праславянские соответствия *sk ~ x ~ šč* // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, серия «Этимология» 2012–2014 М., 2015. 364–390.
- Шаур 1973 — *В. Шаур*. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев // Этимология. 1971. М., 1973. 93–101.
- Detschew 1976 — *Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste. 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974 von Živka Velkova. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1976.
- Havlová 2010 — *Eva Havlová*. České názvy savců. Historicko-etymologická studie. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10). 177.

Moszyński 1957 — *K. Moszyński. Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego.* Wrocław; Kraków, 1957.

Popowska-Taborska 1989 — *H. Popowska-Taborska. O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów // Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich.* Warszawa, 1989. s. 46–48.

Сокращения

Афанасьев ПВСП — *А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. I–III.* М., 1994. [Фототипическое воспроизведение издания 1865–1869 гг.]

БЕР III — Български етимологичен речник III, София: Изд-во на БАН, 1986.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–2–3–4–5. Київ, 1982, 1985, 1989, 2003, 2012.

ИЭСОЯ — *Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III.* — М., 1978.

КБН — Корпус Боспорских надписей. — М.; Л., 1965.

Фасмер III — Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. Том III (Муза-Свят). М.: Изд-во «Прогресс», 1971.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск, 1978–. Т. 1–. Мінск, 1978–1985. Т. 1–3–, 3: 400–401.

ЭССЯ 3 — Этимологический словарь славянских языков. Т. 3. — М.: Наука, 1976.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Hl. redaktorka E. Havlová.* Т. 1–18–. Praha, 1989–2016–.

Warsz. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. I–VIII, wyd. fotooffsetowe.* Warszawa, 1952.

A. K. Shaposhnikov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

etymol@mail.ru

Review of: ZHURAVLEV A. F.

EVOLYUTSII SMYSLOV [EVOLUTIONS OF MEANINGS].

Moscow: YaSK Publ., 2016. 472 p. ISBN 978-5-9907947-5-7.

The present book includes works by A. F. Zhuravlev touching upon various aspects of Slavic lexical and phraseological semantics. Earlier publications are notably expanded by means of including new data and newly elaborated argumentation. The publication is intended for linguists and culture historians but could be of interest for a broader audience.

Key words: lexical semantics, phraseological semantics, language, vocabulary, material and spiritual culture, reconstruction of worldview, axiological (value-based) category, naïve and savant etymology, translation, etymology, semantic parallel, symbolism of numbers.

References

Cheboksarov N. N., Cheboksarova I. A. *Narody, rasy, kul'tury* [Peoples, Races, Cultures]. 2nd edition, rev. and augm. / Exec. ed. Yu. V. Bromlei. M.: Nauka Publ., 1985.

Filip Jan. *Celtic Civilization and its Heritage*. Praha: Academia, 1976. — 232 p., XL ill.

Gal'kovskiy N. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v Drevney Rusi. II. Drevnerusskiye slova i poucheniya, napravlennyye protiv ostatkov yazychestva v narode* [The struggle of Christianity with the remnants of paganism in ancient Russia. Vols. 1 and 2. Vol. II. Old Russian words and teachings directed against the remnants of paganism among the people.]. Moscow, 2000.

Kretov A. A. *Baltiyskiye i slavyanskiye prodolzheniya i.-ye. *orǵh-. Stat'ya I: lit. isarza i praslav. *kъnorzъ* [The Baltic and Slavic continuations of IE *orǵh-. Article I: Lit. isarza and Proto-Slav. *kъnorzъ]. *Linguistica Baltica* [Baltic Linguistics], 1994, № 3, 197–206;

Man'kov A. Ye. *K etimologii praslav. *borvъ i pragerm. *barugaz* [On the etymology of the Proto-Slav. *borvъ and Proto-Germ. *barugaz]. *Etimologiya*. Ed. by Zh. Zh. Varbot; In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova RAN. — M.: Nauka Publ., 1963 — . 2006–2008. — 2010. P. 167–174.

Meillet A. *Obshchесlavjanskij yazyk* [Common Slavonic Language]. Moscow, 1951.

Sedov V. V. *Slavyane v drevnosti* [The Slavs in Antiquity]. Moscow: «Fond arkheologii» Research and Production Charitable Society, 1994.

Shaposhnikov 2010a — *Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Compiled by A. K. Shaposhnikov. In 2 volumes. Vol. 1. — M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2010. — 584 s.; Vol. 2. — M.: Flinta Publ.: Nauka Publ., 2010. — 576 p.

Shaposhnikov A. *Nestinarski igri — opyt semioticheskogo opisaniya* [Games of the Nestinars: An Attempt at a Semiotic Description]. *Linguistique Balkanique* [Balkan Linguistics] XLIX (2010), 1–2 s. 143–149;

Shaposhnikov A. K. Review of: Eva Havlová. *České názvy savců. Historicko-etymologická studie* [Review of: Eva Havlová. Czech Names of Mammals]. Praha: Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2010. — 270 p. (Studia etymologica Brunensia 10). *Etimologiya 2009–2011*. Ed. by Zh. Zh. Varbot. Moscow: 2012. P. 346–357.

Shaposhnikov 2013 — Shaposhnikov A. K. *Rekonstruktsiya arkhetypa obshche-indo-evropejskogo i praslavyanskogo kalendarya sravnitel'no-istoricheskim metodom*. [Reconstruction of Common Indo-European and Slavonic Archetype of Lunar Calendar by Comparative-historical Method]. *Voprosy Filologii* [Issues in Philology] — special issue: VII International conference «*Yazyk, kul'tura, obshchestvo*» [Language, Culture, Society], 26–29 September 2013. — Plenary talks. — p. 73–82. <https://sites.google.com/site/posidima/home/kalendae-januarii/novygod>

Shaposhnikov A. K. *Praslavyanskiye sootvetstviya sk ~ x ~ šč* [Proto-Slavic correspondences sk ~ x ~ šč]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 4, 2015. P. 364–390.

Shaur V. *K voprosu o rekonstruktsii praslavyanskikh nazvaniy mesyatsev* [On the question of the reconstruction of the Proto-Slavic names of the months]. *Etimologiya*. 1971. M., 1973. 93–101.

Slovo i otkrovenie svyatykh apostol [The Word and the Revelation of the Saint Apostles]. *Letopisi russkoi literatury i drevnosti* [Chronicles of Russian Literature and Antiquities], publ. by N. Tikhonravov. Moscow, 1861. Vol. 111, Section 11, p. 5–6, sp. KhU1 v.

Toporov V. N. *Etimologicheskiye zametki (slavyano-italiyskiye paralleli)* [Etymological notes (Slavic-Italic parallels)]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya <AN SSSR>*. 25. Moscow, 1958. 80–86.

Trubachev O. N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan: Lingvisticheskiy issledovaniya* [Ethnogenesis and the culture of the Earliest Slavs: Linguistic research]. — Moscow: Nauka Publ., 1991. — 271 p.

Detschew 1976 — Detschew D. *Die Thrakischen Sprachreste* [Thracian Language Relics.] 2nd edition with bibliography 1955–1974. By Živka Velkova. Publ. of Austrian Academy of Sciences. Vienna, 1976.

Havlová 2010 — Eva Havlová. *České názvy savců. Historicko-etymologická studie* [Czech Names of Mammals. A Historical-Etymological Study]. Praha: Lidové noviny Publ., 2010. — 270 p. (*Studia etymologica Brunensia* 10). 177.

Moszyński 1957 — K. Moszyński. *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego* [The original range of the Proto-Slavic language]. Wrocław; Kraków, 1957.

Popowska-Taborska 1989 — H. Popowska-Taborska. *O potrzebie słownika semantycznych paralelizmów* [On the Need for a Dictionary of Semantic Parallelisms] // *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich* [Parallels in the Development of Slavic Vocabularies]. Warszawa, 1989. p. 46–48.

Abbreviations

Afanas'yev PVSP — A. N. Afanas'yev. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy, v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic views of the Slavs on nature. The experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical tales of other kindred peoples]. I–III. M., 1994. [Fototipicheskoye vosproizvedeniye izdaniya 1865–1869 gg.]

BER III — *Bŭlgarski etimologichen rechnik* [Bulgarian etymological dictionary] III, Sofiya: Izd-vo na BAN, 1986.

ESBM — *Etymalogichny sloŭnik belaruskay movy* [Etymological vocabulary of Belarusian tongue]. Red. V. U. Martynaŭ. Minsk, 1978–. T. 1–. Minsk, 1978–1985. T. 1–3–, 3: 400–401.

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského* / Hl. redaktorka E. Havlová. T. 1–18–. Praha, 1989–2016–.

ESSYA 3 — *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov* [Etymological Dictionary of Slavic Languages]. Т. 3. — М.: Nauka, 1976.

ESUM — *Etimologichnii slovník ukrains'koï movi*. [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Editorial board: Red. kol.: O.S. Mel'nichuk, I.K. Bilodid, V.T. Kolomiets', O.B. Tkachenko. Golov. red. O.S. Mel'nichuk. Т. 1–2–3–4–5. Kiiv, 1982, 1985, 1989, 2003, 2012.

IESOYA — Abayev V.I. *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Т. III. — Moscow, 1978.

KBN — *Korpus Bosporskikh nadpisey* [Corpus Inscriptionum Regni Bosporani = Corpus of the Bosporian Inscriptions]. — М.; L., 1965.

Vasmer III — *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. [Etymological dictionary of the Russian language]. Trans. from Germ. and augm. by O.N. Trubachev. Volume 3 (*Muza-Syat*). Moscow: Progress Publ., 1971.

Научное издание

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА.
Выпуск 18, 2018.
Этимология

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 21,9. Заказ № 1645
Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86